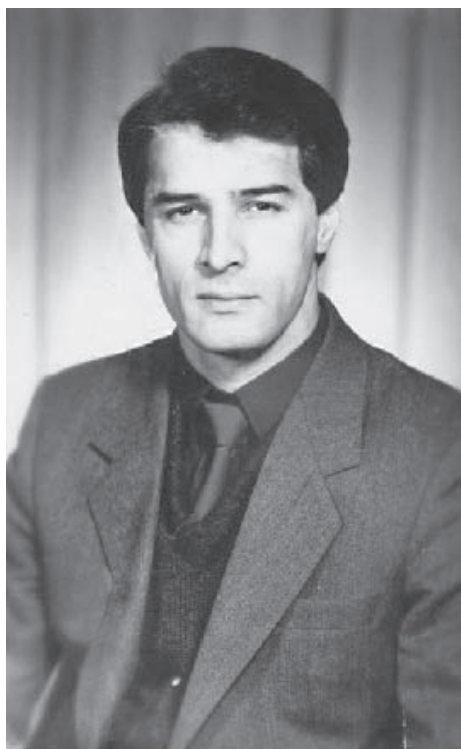

Олег Петрович

(Мурша ле Ристаско ай ла Ленако)

**БАРОНЫ
ТАБЭРА
САПОРРОНИ**

Санк-Петербург

*Автор книги Муриша, сын Ристы
и Лены, внук Григория и Дарьи.*

Барон табэра сапоррони Григорий, сын Букуро и Коканы

Часть первая:

Дед Григорий

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Стоял весенний вечер, 11 мая 1912 года. Под Кишиневом, на окраине города, на широком поле расположился цыганский табэр и мирно отдыхал после длительного перехода. В ночь на 12 мая 1912 года в одной из палаток раздался детский крик. В семье Букуро, сына Русалино и Кали из племени сапоррони, что в переводе значит «змеи», родился третий сын, которого назвали Григорий.

Во времена царствования Николая II цыгане кочевали. Запретной жизни и границ для них не существовало. Поэтому без препятствий и пересекались границы России, Румынии, Польши и других государств. Григорий был пятым ребенком в семье Букуро. Старшими были дочь Лиза, за ней Наталия и сыновья Дёрди и Брэтъяно. Но были они Григорию братьями и сестрами только по отцовской линии, так как Букуро, отец всех детей, был женат вторично.

Его первую жену и мать первых четырех детей звали Суни, она была из племени русских цыган. Но внезапно Суни умерла, и по прошествии положенного времени Букуро женился на молодой красавице Персыге. Позже из-за крутого нрава её назвали Кокана, что в переводе значит «упрямая».

Итак, до конца жизни, родившегося мальчика в цыганском мире звали Гриша сын Коканы. Цыгане часто называли людей по имени и указывали, чей он сын, но называли имя матери, а не отца, так как при разных обстоятельствах отцы умирали рано. Воспитывали детей матери, и потому везде звучало имя матери.

РАЗЛУКА С МАТЕРЬЮ

После вторичной женитьбы Букуро, отца Григория, жизнь в семье наладилась. Друг за другом рождались дети. Вторым ребенком родился мальчик Коля, за ним дочь Армянка, затем Марфа и Кима.

Шли годы, Григорий рос очень хорошим и не по годам разумным мальчиком. Жители табэра не переставали удивляться тому, как он себя вел по отношению к старшим, к родителям, братьям и сестрам. Удивлялись его сдержанности, сообразительности, несмотря на его детский возраст. Так жизнь протекала в семье Григория до двенадцати лет. Много вёрст, городов, стран пришлось повидать ему за эти годы. Но другой жизни в те времена цыгане не знали. Оседлость для цыган была нетипична, и поэтому считалось, что у Григория была нормальная, благополучная жизнь. В 1914 году, когда ему было два года, началась Первая Мировая война. А когда ему было пять лет, свершилась Октябрьская Социалистическая революция. Все эти события табэра сапоррони не коснулись. Цыгане ловко уходили, на современном языке, от горячих точек, и все для них обходилось благополучно. Ну а если и были неожиданные встречи, с одной или другой из воюющих сторон, их не трогали, так как цыгане были вне политики. Поэтому жили они при любой власти, и беда обходила табэр сапоррони и семью Григория стороной.

Отгремела Гражданская война, наступило затишье. В 1924 году Григорию было двенадцать лет, и как гром среди ясного неба над их семьей нависла беда, которая изменила и перевернула жизнь мальчика.

Стояло жаркое лето 1924 года. Табэр племени сапоррони расположился за городом в живописной местности, на опушке леса. Было раннее утро. Все мирно спали, никто не ждал беды. Но накануне вечером в семье Букуро и Кока-

ны случился грандиозный скандал, который стал известен всему табэру. Люди прибежали на крики Коканы. Букуро, увидев собирающуюся толпу, попытался проявить всю мужскую власть и заставить замолчать несносную женщину. Но Кокана была женщиной властной, и все больше распалялась, не уступая мужу в споре. Букуро с позором покинул поле боя.

Всю ночь Букуро думал, как с этим дальше жить. Занимая весомое место и имея авторитет в табэре, он не смог заставить замолчать упрямую женщину. А это означало крах в глазах всего табэра и потеря всего авторитета. Он сделал выбор: чем жизнь с позором, лучше достойная смерть.

Цыгане-котляры, то есть котельщики (это был вид их работ) были лудильщиками. Чтобы лудить-паять и добывать кусок хлеба, требовалась кислота, которая имела в каждой семье. И вот, когда табэр мирно спал, Букуро встал, налил стакан серной кислоты и выпил смертельную дозу. Он подошел к спящей жене, разбудил её и упал уже с пеной во рту. Он произнес только: «Прощай, береги детей». По дороге в больницу Букуро умер.

Для всех детей смерть отца была страшным ударом, особенно для Григория. Он не представлял себе свое будущее на этой земле без обожаемого и любимого отца. И тогда в его жизнь вошел брат отца, дядя Гого, которого Григорий боготворил. В народе его звали Гога ла Каляко, мать звали Кали. Гого понимал, что мальчику будет тяжело жить в семье с матерью, по вине которой умер отец. Старшие братья Григория Дёрди и Брэтьяно были женаты и жили отдельно, а те, которые были младше об этом и не думали. Гого принял решение взять Григория в семью и воспитывать как своего родного сына.

НАПУТСТВИЕ ДЯДИ ГОГО

Жизнь Гриши пошла по новому руслу. Долго не мог он осознать, что отец ушел навсегда, что он никогда его больше не увидит. Много слез было пролито в подушку. По ночам Григорий оплакивал отца, разлуку с любимой матерью — ведь дядя забрал его навсегда.

Расставание с матерью было для Григория большим испытанием. Нередко, детские игры вдруг прерывалась, потому что родители ребят возвращались с заработков. Со счастливыми лицами дети бежали к своим отцам, и те, обнимая, протягивали им гостинцы. В тот момент у Гриши сжималось сердце, из красивых карих глаз бежали слезы. Он убегал, чтобы не видеть эту трогательную картину. Убегал за палатку, уткнувшись лицом в траву, горько плакал, и, всхлипывая, повторял: «Папа, милый, любимый, где ты?»

И в этот горький и трудный момент появлялся дядя Гого с гостинцем в руках. Обнимая и поглаживая его по голове, протягивал Григорию гостинец, успокаивал его, объясняя, что отца этим не вернешь. «Надо расти и жить дальше. Но если ты любишь своего отца и хочешь сохранить светлую память о нем, то лучшее, что ты можешь сделать, быть достойным сыном и не опозорить его имя». «А что я должен сделать для этого, дядя Гого?» — спрашивал Гриша, глядя тому в глаза. «Ты должен расти умным человеком, не пороть горячку и сохранять хладнокровие в самых трудных вопросах, и тогда люди будут поминать имя твоего отца добрым словом. А ему, твоему отцу, даже на том свете будет приятно».

Выслушав внимательно слова дяди Гого, Григорий успокаивался. Слезы на его красивом лице высохали, и он дал себе слово, что никогда в жизни не уронит честь отца и пронесет имя его по жизни достойно, чего бы это ему ни стоило.

Наблюдая эту картину, Гого уходил в палатку, чтобы никто не видел его слез, оплакивал любимого брата и горечь потери отца своего любимого племянника.

ИСТОКИ РОДА САПОРРОНИ

Гого был самым младшим из братьев в семье Кали и Русалино. Старшим сыном был Букуро, средним Гирица и, наконец, младшим Гого. До рождения Гого их племя называлось цинэрони, что означает «мастеровые».

И вот, когда его мать Кали была на сносях (до родов оставалось несколько дней), с подругами гадала она в городе. Такая уж была доля цыганских женщин, декретов не было, до самых родов выполняли они свою работу, тем самым кормили семью. Находясь в городе, Кали почувствовала шевеление ребенка и вскрикнула: «Ребеночек шевельнулся во мне, ну прямо как сапорро («змея»»). Подруги посмеялись и разошлись. Когда же спустя несколько дней родился ребенок, женщины собрались и, глядя на ребенка, посмеиваясь, говорили: «Так это, что ли, сапорро («змееныш»)»?

Гого начал ходить, подрастать. За ним закрепилась кличка Сапорро. Таким образом, за семейством Русалино и Кали, а затем и за всем последующим родом, осталось прозвище сапоррони — «змеи».

ЖЕНИТЬБА ГРИГОРИЯ

И Гриша внял совету дяди Гого и пронес его по всей своей жизни. Но давайте все по порядку. После смерти отца

Гриша быстро вырос и стал взрослым не по годам. В его шестнадцать лет старейшины прислушивались к словам Григория. В скором времени за ним закрепилась кличка «молодой прокурор». Его манера разговора многих привлекала. Он говорил четко, ясно, не торопясь, не уходил в сторону от вопросов и не поддавался на провокации. В самый напряженный момент коронным номером его была обаятельная улыбка. А вырос Гриша в красивого статного юношу, и люди таяли в умилении от его радужного и дружелюбного отношения ко всем. В спорных вопросах довольно часто именно ему удавалось найти правильное решение. Старшие братья Дёрди и Брэтьяно не обижались, что люди на собраниях или, точнее, «сходках» обходили их, спрашивая мнение Григория.

Так проходила жизнь Григория в семье дяди Гого до 1931 года. Григорию в это время уже шел девятнадцатый год, и дядя Гого решил женить его на красавице Дарье. Была она младше Григория на три года (родилась в 1915 году). По красоте она не уступала Грише, и люди не переставали восхищаться этой красивой парой. Дарья была из племени цинэрони, а по матери ее род был дукони. В те времена среди цыган по манере поведения и одеянию это племя считалось самым аристократичным.

Гриша был очень порядочен к молодой жене и испытывал самые трепетные чувства, хотя на людях этого не показывал. Одно неверное действие могло повредить его авторитету среди окружающих. Такое отношение к молодой супруге было видно невооруженным глазом многим (старикам и старухам), но, несмотря на строжайшие законы, это даже импонировало.

*Таким был старший брат Дёрди в 30-е годы.
Здесь он с сыном Володей и племянницей Сыбинкой.*

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Наступил 1934 год. В семье Григория настал самый радостный и счастливый день, который изменил отношение к жизни в лучшую сторону. Это было рождение первенца. Первенцем оказался мальчик. Значит, на этой земле он оставит продолжателя своего имени и рода, что в цыганском мире имело огромное значение. В семьях цыган, где не было сыновей, а рождались лишь дочери, люди усыновляли чужих беспризорных детей, не придавая значения национальности ребенка.

Итак, это событие повернуло жизнь Григория в радостное русло. Ведь после смерти отца Григорий был весьма сдержанным и серьезным молодым человеком. Даже на шутки окружающих он реагировал сдержанно. Весь день он «порхал» над землей, хотя старался скрыть свои чувства от посторонних глаз. Старые люди осуждали молодых, если те в такие моменты жизни проявляли восторг, радостные эмоции, не говоря уже о том, чтобы взять на руки и понянчить свое чадо. Это значило попасть впросак и признаться обществу в «слабоумии».

Что касается родственной стороны, то, конечно, радости, в частности, дяди Гого, не было границ. Гулял весь табэр, мальчика назвали Риста. Это имя нежно произносится «Рищё», что в переводе означает «медведь» — можно сказать, Миша.

Жизнь Григория стала налаживаться, малыш развеял те грустные мысли об отце и матери. Теперь ему было о ком думать и к кому торопиться домой, втайне от чужих глаз подержать на руках сына, понянчить и потискать его, прижать к груди, поцеловать.

После рождения сына Ристы в 1936 году родился второй мальчик. Назвали его Золотой, что в переводе не нуждается. И казалось, что счастливее человека, чем Григорий, не было

на земле. Самое худшее, что могло случиться, уже осталось позади и ушло с грохотами войны в прошлое.

ДОНОС

В начале лета 1936 года, после долгой разлуки, Григорий, наконец, присоединился к своим родным, матери и братьям. Все воспоминания о плохом он оставил в прошлом. Братья Дёрди и Брэтьяно не могли нарадоваться Грише, глядя на его прекрасную семью. Дарья, жена Гриши, радовалась за мужа. От счастья слезы катились из её прекрасных глаз. Она видела, как братья с уважением и нежностью относятся друг к другу. И, казалось, этому счастью не будет конца.

А между тем, шел конец 1936 года. Волна репрессий только начиналась. Как я уже говорил, цыгане были вне политики, но это не значило, что эта «чума» обошла цыган стороной. Были среди цыган и такие Павлики Морозовы, которые в НКВД были внештатными сотрудниками. Для того чтобы выслужиться перед органами и спасти свою шкуру, они доносили на своих собратьев.

Однажды, в один из черных дней Григория, подъехала машина с сотрудниками НКВД. Из машины вышел старший офицер в синей шинели, подошел к брату Брэтьяно и вежливо спросил, может ли он видеть Григория Фэд-Фрумос (это была фамилия Григория). «А что вы хотите? Может, я помогу? Я его брат». — «Нет, нам нужен он, мы хотели задать ему несколько вопросов».

Брэтьяно понял, что эти несколько вопросов превратятся в долгие годы лагерей, так как многих цыган арестовывали по доносу таких осведомителей, каким был Карчуло. Звали его Трифуло из племени сербия, которое относится к цыганам русиянцам. Такие доносчики ездили по табэ-

рам, слушали разговоры людей, выводил их на откровенные высказывания. Многие говорили, ни о чем не подозревая. Осведомители же докладывали все в соответствующие органы, а для большей убедительности преувеличивали услышанное.

Что же касается самого Трифуло, то началась его работа на службе НКВД вот с чего — от насмешек цыган в его адрес. Трифуло был человеком бедным. Нередко зажиточные цыгане высказывались в его адрес нелицеприятно, тем самым подчеркивая его социальное положение. Его это сильно задевало, и он поклялся себе, что заставит всех цыган вздрагивать при услышании его имени. Он решил служить на благо отечеству в органах НКВД, ломая жизни и судьбы тех людей, которые вчера над ним смеялись. В сравнении с большей частью цыган, Трифуло был грамотен, и докладные в НКВД писал исправно.

Таких «добровольцев» в НКВД было много. И вот один из них докладную своему начальству на Григория Фэд-Фрумос (так звучала фамилия моего деда Гриши ла Коканако до его ареста). Формулировка была такая: он является зятем барона и со своим тестем взимает дань со своего табэра. По ложному доносу, который не имел под собой никакой почвы, одним росчерком пера на судьбе Григория был поставлен крест.

Алчность этих ничтожных доносчиков закрывала им глаза. Они выбирали из толпы самые яркие личности и упекали их в тюрьмы, при этом не чувствуя угрызений совести. Сам же Карчуло действовал по такому принципу: после ареста людей Трифуло приходил к родным заключенных, вымогал у них деньги, золото якобы с целью подкупа должностных лиц и освобождения родных.

Брэтъяно все это понимал. У него сжималось сердце при мысли, что ждет его любимого брата, если его схватят. И Брэтъяно сделал свой выбор. Едва сдерживая волнение, он нехотя, сквозь зубы улыбнулся и промолвил, указывая на

палатку: «Пожалуйста, я провожу». Как только офицер переступил порог палатки, Брэтьюно со спины накиннул полы шинели на голову офицера и что есть сил навалился на него. Был он силен и не из робкого десятка, поэтому свалить его на землю не составило труда. И как только Брэтьюно это сделал, он крикнул: «Беги, братишка!» И Григорий бежал, скрываясь в лесной чаще. А Брэтьюно осудили и отправили в лагеря.

Недолго удалось Грише скрываться. Он перебежал в соседний табэр, но и там его настиг донос одного из стукачей. Григория схватили, осудили на пять лет и отправили в Магадан мыть золото. По той же наводке попал к нему Ёшка, его друг и родственник. С одной стороны доводился он ему как дядя жены, с другой — двоюродный брат его отца Букуро. И вот, в самом расцвете сил, два молодых человека, которые по своей наивности вчера ещё строили большие планы в жизни, от счастья не замечая, что творится вокруг них, попали, как им показалось, в ад. Репрессии тридцатых годов многим выдающимся людям сломали не только планы, но и жизни.

В своей книге я написал стихи, в которых пытался более подробно описать действия власти большевиков с момента произошедшей революции и до начала второй мировой войны.

За что боролись, на то и напоролись

Начало столетья, семнадцатый год.
«Даёшь революцию», — крикнул народ, —
«Ура большевизму, ура коммунизму,
Ура пролетарию и ленинизму!»
Но вот пролетели двадцатые годы,
Рабству конец, начало свободы.
Не стало буржуев, не стало попов —
Власть пролетариев, большевиков.

Но только в тридцатые годы холера
Нас истребила и одолела.
Враг Тухачевский, враг стал Бухарин,
Лишь только святой и могучий наш Сталин.
Косил он косою и влево и вправо,
Кто был не согласен — немедля расправа,
И если вдруг стал человек в неугоду,
То он становился врагом для народа.
Но если б не шлепал своих генералов,
Тогда б не пришлось отступить от Урала.
Они же обратного мненья держались:
«Бей своего, чтоб чужие боялись».

У Ёшки дома осталась молодая жена Мадока и маленькая дочь Пэпуша, что означает «кукла». Жили все в ожидании лучшей жизни, и ничто не угрожало их благополучию, так как ничего противозаконного цыгане тех времен не делали. Они не имели отношения ни к науке, ни к военной работе. Все, чем они занимались, — это лудили, паяли, изготавливали бочки для соленья или просто для воды, продавая их по деревням и селам или обменивая на продукты питания. В этом заключалось все их «вредительство».

Неизвестно, как бы сложилась судьба этих двух парней, окажись они поодиночке. Для цыган такое чувство неизвестно. Не каждая нация может похвастаться такой сплоченностью и поддержкой друг друга. Им в тягость быть в большом окружении не своих братьев. А тут их оторвали из родного гнезда, и в первые дни оба не могли поверить, что это случилось именно с ними.

Гриша сидел в вагоне товарного состава, напротив Ёшки, и ничего не мог тому сказать, чтобы его как-то подбодрить. Они смотрели друг на друга, слезы катились из глаз. Лишь спустя несколько дней, уже ближе к приезду на место, Гриша сказал Ёшке: «Ну что ж делать, раз попали в такую передрыггу, давай держаться вместе. А Бог даст, может, там разберут».

ся в нашей невинности и отпустят». А Ёшка, слушая Гришу и всхлипывая, говаривал: «А если нет, не разберутся, ну а если нет? То мы с тобой, молодые и сильные, пять лет как-нибудь преодолеем». — «Легко сказать», — тяжело вздохнул Ёшка и взглянул на Гришу. Слезы катились из его глаз. «Нет, Гришенька. Кому-кому, а мне не увидеть больше мою «ку-колку», — сказал Ёшка и, отвернувшись, зарыдал. Григорий понял, что успокаивать его бесполезно, тяжело вздохнул и сказал: «Ну а это как Бог даст».

Немало приключений повидали эти ребята в лагерях. Ёшка был характером слабее, чем Гриша. Своим трудолюбием, хорошим поведением Григорий приглянулся начальству. Сокамерники относились к нему с уважением, и назначили его старшим отряда. Именно тогда ему удалось убедить начальство перевести Ёшку в его лагерь. Наконец это случилось. После долгой разлуки с родными рядом оказался человек, с кем можно было поговорить на родном языке, вспомнить родных и близких.

ВЕСТЬ О СМЕРТИ СЫНА. УСТАМИ РЕБЕНКА

Григорий не мог себе представить, как там его Риста. Не голодает ли, в полном ли здравии? Ведь при весьма загадочных обстоятельствах умер его второй сын. Шел 1937 год, мальчику было чуть больше одного года. Семья Григория кочевала с места на место. В этот раз они попали в одну из деревень. Табэр расположился на живописном лугу, за той деревней. Зеленая трава, как ковер расстилалась под ногами, и выбор был сделан. По всему лугу были разбросаны странные «холмы», чему цыгане не придали значения.

Каждая семья ставила свою палатку, а тем, чьи мужья

были в тюрьмах да лагерях, помогали все мужчины табэра. Помогли поставить палатку и Дарье. Весь день был потрачен на благоустройство на новом месте. Ну а вечером, собравшись у костра, цыгане не упустили момента повеселиться. Дарья, прибрав в палатке и выполнив все домашние дела, уложила малыша спать и вышла на улицу.

Недалеко от палатки молодые да старики расположились у костра, распевая цыганские песни. Посиделки закончились далеко за полночь. Все это время Дарья забегала в палатку, чтобы взглянуть, как там её малыш, не проснулся ли. Где-то в третьем часу она вернулась и глянула на малыша, и тот был уже бездыханным. На лице ребенка были странные следы. Старики и старухи говорили, что не обошлось тут без потусторонней силы. Когда наутро местные жители рассказали, что место, где расположился табэр, было старое запущенное кладбище, это подозрение усилилось. Вот почему по всему лугу располагались «холмы» — это были запущенные могилы.

Беда, которая свалилась на плечи Дарьи, была страшной. Потеря малыша была таким горем, что даже арест Григория отошел на второй план. Она знала, что рано или поздно Григорий вернется домой, эта же потеря невозможна. Дарья все время плакала и причитала. Как она взглянет мужу в глаза, как скажет ему, что не уберегла его кровиночку, как Григорий перенесет это горе там, в лагере, где ему и без того несладко? И решила Дарья, что эту страшную весть она расскажет ему, когда тот вернется домой.

Но не учла она одного обстоятельства. В один из дней 1938 года, когда Дарья приехала на свидание к Григорию, он расспрашивал о домашних делах, о родственниках. Дарья отвечала смело, глядя ему в глаза. Когда же Гриша спросил про маленького Золотого, она отвела глаза и, замявшись, ответила неуверенным голосом: «Все хорошо, он остался дома с тетей Филастрой». Сама она взяла с собой маленького Ристу. В тот момент сердце Гриши похолодело, он чувствовал

что-то недоброе в голосе Дарьи, но не стал расспрашивать (не в его манере лезть в душу человека), а пошел на хитрость. Григорий взял сыночка Ристу на руки, будто поиграть. Дарья убирала со стола стряпню, а тот тихо спросил Ристу: «А где твой маленький братишка, что с ним»? И ребенок сказал ему просто: «Умер».

Гриша почувствовал, как земля уходит из-под ног. Вокруг себя он ничего уже не видел, сплошная пелена окутала его глаза, слезы лились ручьем, но лицо оставалось каменным и спокойным. Трудно сказать сейчас, но первые седые волосы у Григория появились, возможно, после той услышанной вести. Долго мысли одолевали Григория, но помогло ему пережить беду присутствие друга и брата, как они называли друг друга. Именно Ёшка в те трудные минуты, рассеивал тяжелые мысли и воспоминания.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЕРЕНОСИТСЯ

Июнь, начало лета 1941 года. Много золота перемыли Ёшка и Григорий. Это были уже взрослые мужики, им шел тридцатый год. Григорий и Ёшка грезили о скором освобождении, до которого оставалось всего лишь три месяца. В сентябре 1941 года заканчивался срок, пять лет и ничего что бы помешало их освобождению. Одним солнечным днем, собрав и пополнив небольшую банку золотом, по своей наивности они припрятали её, надеясь забрать это золото для своих родных.

Карцеров у них не было, поведение отменное, начальство относилось к ним одобрительно, а иногда даже шутили с ними. «Ну что, цыганята, скоро в табэр!» И Гриша отвечал: «Хорошо бы». — «Ну а что, — говорил начальник, — не долго осталось». — «А нас не могут задержать?» — «Ну а за

что вас задерживать, явных причин нет. Разве что война, не дай Бог, помешает», — и он засмеялся, будто сказал что-то фантастическое.

Шел июнь, 19 число, 1941 год. Можете себе представить, какие глаза были у того человека, когда 22 июня 1941 года он узнал, что началась война и фашистская Германия напала на Советский Союз. Позднее по лагерю было объявлено, все сроки аннулируются и будут рассматриваться по окончании войны, после полной победы над фашистской Германией.

Григорий понял, что это конец. Будучи человеком разумным и грамотным, он узнавал из газетных строк, что под сапогом немца уже вся Европа. Хотя в глубине сердца он верил, что победа будет, но знал он, что это долгая кампания, а здоровье уже было подорвано. Ничего не сказав, он замкнулся в себе, так как шок был невероятен. Срок освобождения был так близок, но в одночасье рухнули все надежды, да еще мысли о том, где его родные, как они там, успели эвакуироваться? Мысли не давали ему покоя, но больше всего ранило его душу то, что все его братья находились в тюрьмах и лагерях. Брэтьяно сидел за то, что помог тогда Грише бежать, напав на сотрудника НКВД. Дёрди, старший брат Гриши, также находился в лагере, оставив дома сыновей Володю (старшего сына), Дриллу (младшего) и маленькую дочь Машку, которая была серьезно больна.

НЕРАВНЫЙ БОЙ. ВЕТА

Дёрди жизнь не баловала, подбрасывала ему разные сюрпризы. Перед войной, трудно сказать в каком году это было, случилось вот что. Дёрди был женат. Жену его звали Вета из племени дэмони. Была она не робкого десятка, отпор могла

дать кому угодно, как словом, так и физически. Было у них трое детей – Володя, Дрила и Машка. Проживали они в табэре с цыганами из племени чукурони.

Как-то случилась между племенами сапоррони и «икс» грандиозная драка. По численности «икс» превосходило сапоррони. И хотя сапоррони считались очень воинственной нацией среди цыган, в численном соотношении они проигрывали. Вета, жена Дёрди, оценивая ситуацию, не осталась в стороне. Вооружившись молотком, подстерегая противника, наносила внушительные удары по голове, да так удачно и со знанием дела, что раненные покидали поле боя, истекая кровью и обращаясь за помощью. Таким образом она вывела из драки четверых или даже пятерых здоровых мужиков. Её заметили со стороны противника, затаив страшную месть.

Местные жители, русские люди, увидев страшную картину, вызвали сотрудников милиции. Самых воинственных с обеих сторон связали и увезли в отделение милиции для дальнейшего разбирательства.

И вот в табэре воцарилась обманчивая тишина. Вета увела своих детей в дом и присела на пол посреди комнаты в позе, в которой сидят индейцы в фильмах о краснокожих (стульев тогда в цыганском быту не было). Дети обступили её, прижавшись к матери. В этот страшный момент в дом ворвались мужчины враждующей стороны, с топорами в руках. Бедная женщина, не успев подняться, так и осталась в той позе (один из этих горе-воjak нанес ей острием топора удар по голове, она упала замертво). Дети, наблюдая страшную картину, обезумели, (старшему тогда Володе было двенадцать лет, Дриле около девяти, не говоря уже о младшей Машутке — ей было около шести). Увидев этот кошмар, дети бросились в бой отомстить за убитую мать, а эти лжелюди принялись избивать малолетних детей. Маленькому Дриле нападавшие нанесли ножевой удар в предплечье и, оставив детей истекать кровью, выбежали из дома. Собрав вещи,

они погрузили повозки на лошадях и уехали в неизвестном направлении.

Ребятишкам была оказана медицинская помощь со стороны местных жителей, пока вернулись освобожденные взрослые племени сапоррони. Уехав из тех грустных мест, Дёрди оказался один, без родных. В тот самый момент Дёрди арестовывают, а дети его остаются посреди российских дорог одни.

ПРОЩАЙ, МАШКА!

Тогда Володя принял решение искать своих родных, но понимал, что с больной Машкой они далеко не уйдут. Он решает отдать Машку в какую-нибудь больницу в надежде вернуться за ней. Глотая горькие слезы, Володя провожал взглядом горько рыдающую сестру, которая умоляла старшего брата не бросать её, не оставлять одну. «Я умру здесь!» — кричала бедная девочка. Володя был разумным мальчиком (шел ему тогда 12-й год) и в глубине души осознавал, что в последний раз видит свою сестренку. Но он понимал, что, скитаясь по товарным поездам и холодным вокзалам, она погибнет.

Никто не знал, скоро ли встретят они своих родных. Адресов у цыган тогда еще не было. И вот, однажды, Володе и Дриле улыбнулась удача. На одном из разъездов встретили они ехавших в вагоне товарного поезда цыган племени сэулони. Володя был рад этому событию, так как без средств к существованию и продуктов питания, с каждым разом дававшихся с трудом, передвигаться ему было трудно. Володя умолял старейшин племени взять их с собой в надежде, что по цыганской почте они узнают о местонахождении своих родных.

ПОГРЕБЕННЫЕ ЗАЖИВО

Шли годы войны. Связь с родными Григорий давно потерял. Он и Ёшка были переброшены с Магадана на Колыму, на лесоповал, а семья его затерялась на дорогах войны. Цыгане избегали встреч с немцами, так как для них это значило смерть. В начале войны немцы относились к мирному населению лояльно, не проявляли особенно свою воинственность к штатскому населению, к людям славянской национальности.

Что касается цыган и евреев, Гитлер объявил о полном уничтожении этих наций. Цыгане уходили в тыл, как можно дальше, выживали, обменивали вещи и сбережения на пропитание. В табэр Дарьи по цыганской почте дошло известие о том, что немцы взяли в плен целый табэр племени грэннони, похоронив людей заживо. Люди рассказывали, как немцы заставили цыган копать огромную яму, объявив, что на рассвете их казнят. Старики и старухи, молодые мужчины и женщины, девушки и юноши и даже дети переодевшись в свои праздничные одеяния, в красивую национальную одежду, всю ночь просидели у костра, плача и распевая грустные старинные песни, прощаясь друг с другом. На рассвете, под дулом автоматов и лай немецких овчарок, немцы повели людей к тому страшному месту. Душераздирающий плач женщин и детей, крики мужчин, явно прощавшихся друг с другом, разбудили жителей русской деревни, которых немцы не трогали. У немногих немцы были даже на постое и относились к жителям довольно спокойно. Что касается цыган, немцы выполняли директиву Гитлера, уничтожать лиц цыганской национальности до полнейшего истребления.

Людей живыми сбрасывали в этот котел. Тех, кто пытался убежать, наступала автоматная очередь. Немцы со зверским удовольствием, с хохотом спускали собак, а те, в

свою очередь, разрывали людей на части, вырывая живую плоть. Уже обессиливших людей бросали в яму и закапывали. Местные жители рассказывали, что долго шевелилась почва того котла. Немцы, выставив часовых у захоронений, никого не подпускали.

ИХ ЖИЗНЬ В ЯЙЦЕ

Из племени грэннони остались лишь маленькие девочка и мальчик, случайно упрятанные женщиной из местных жителей. Случилось это, когда людей гнали по деревне. Отвлекаясь, немцы не заметили, как детишки забежали во двор одного из домов, и женщина, увидев молящий взгляд цыганки о спасении её детей, кивнула головой и быстро потащила ребятешек в подвал, прикрыв их мешками из-под картошки. Когда же немцы ушли из деревни, туда спустя некоторое время заехал один табэр, и женщина отдала этих детей старшему по табэру, рассказав о злодеяниях немцев и о страшной казни цыган.

Выслушав страшную историю о смерти своих братьев, табэр во главе с бароном Истрати из племени мигэшти, собрался, чтобы покинуть эти страшные места. Но в тот момент их настигла новая волна нашествия немцев. Окруженные плотным кольцом, Истрати и его брат Гога посмотрели друг на друга и сказали: «Все, и нас ждет такая же участь».

Немцы отделили мужчин от женщин, и офицер направил дуло автомата на молодого Гогу. Заслонив собою брата, Истрати произнес: «Меня расстреляйте, а его оставьте!» Но, видать, немцы были в хорошем расположении духа, так как действия немецкого офицера сопровождались оглушительным хохотом солдат. Наконец немец подозвал к себе переводчика и, переспросив Истрати, что он желает, продолжил:

«Это похвально, что ты жертвуешь своей жизнью ради брата. Я даю тебе возможность спасти ему жизнь и твоему табэру, если выполнишь одно задание».

Офицер снял шляпу с головы Истрати, попросив о чем-то своего помощника на немецком языке. Тот ушел и вернулся с кастрюлей в руках. В кастрюле были сырые яйца. Через переводчика он объяснил, что в кастрюле десять сырых яиц. Он положит их в шляпу Истрати и посадит его на запряженную лошадь телегу, рядом сядет солдат и погонит телегу по неровной проселочной дороге. «Если яйца останутся целыми, я вас отпущу на все четыре стороны, ну а если разобьется хоть одно яйцо, пеняй на себя! Мы вас расстреляем».

«Теперь, — сказал немец, — смотри сюда». Он доставал яйца одно за другим, перекладывая в шляпу. При этом, поднося их к лицу Истрати, он указывал, что яйца целые. После того как отсчитали «девять, десять», подвели телегу. Истрати сел, уцепился ногами за телегу, чтобы не опрокинуться, и вцепился руками в шляпу с яйцами. Терять ему было нечего, а тут шанс, хоть и мизерный.

И вот команда немца, повозка понеслась по неровной дороге. На одном из поворотов телега чуть не перевернулась. Сжав зубы, Истрати еле удержался. Ему казалось, что конца не будет этому пути. Что только немцы ни вытворяли, выбирая самую плохую дорогу. Но вот немец подал лошади команду, та остановилась. Всю дорогу глаза Истрати были закрыты, и даже когда лошадь остановилась, он не смог открыть их, будучи уверенным, что в шляпе плавает яичница. Улыбаясь, немец подошел. Он был уверен, что яйца разбиты, и стал перекладывать их из шляпы в кастрюлю. Идет отсчет «девять, десять», — и полное молчание немца. Можете себе представить, что ни одно яйцо даже не треснуло! После переговоров с офицерами немец подошел к Истрати и сказал: «Хорошо, я сдержу свое слово, и подарю вам жизнь. Но отпустить вас на все четыре стороны я не могу. Вы должны

принести какую-то пользу во имя Германии. Что вы можете делать?» — «По жестяной части и лужению все можем. Также можем паять». — «Хорошо, мы откроем вам артель и назовем её...» Подумав, немец спросил: «Как твоя фамилия?» — «Янко», — сказал Истрати. — «Назовем Янко». И они остались живы, пережив тот кошмар. Но с тех пор и по сегодняшний день их племя называется нямцо, что значит «немцы», из-за того, что они работали на немцев. И в шутку им говорят: «Для вас праздник 22 июня, а день траура — 9 мая». Но никто из них на это не обижается — что было, то было.

ИЗВЕСТИЕ ХУЖЕ ВОЙНЫ

Всего этого Григорий не знал, не знал он ничего и о своей семье, но все время думал, как сложится судьба его родных в этой мясорубке, развязанной немцем. Однажды судьба была благосклонна к его родным, и он имел в виду Первую Мировую войну. Тогда Бог миловал, и никто из его родных не пострадал. Но сейчас не 1914 год, хоть цифры и те же, только последние две представлены местами — 1941 год. И снова Мировая, но уже вторая война, и опять с тем же государством — Германией. Как все обернется, один Бог знает.

Гриша лег на нары, закрыл глаза, и перед ним встал образ его матери. Он вспомнил, как в далеких двадцатых годах дядя Гога увез его от матери, братьев и сестер.

Прошло несколько лет, и Григорий с болью в сердце вспоминал, как по цыганской почте ему сообщили, что мать его, Кокана, вышла замуж, имея уже взрослых детей. Усугубилось это известие одним обстоятельством. Сестра его Армянка вышла замуж. Никогда в цыганском мире не было, чтобы мать и дочь выходили бы замуж за двух родных бра-

тьев. Мужа Армянки, звали Дёрди, мужа Коканы — Риста. На руках у него был маленький сын Коля. У неё же четверо детей: три дочери и сын Николай.

Долгое время Григорий не мог поднять глаза на людей, все время уединялся от людей и общения. Он думал, что не переживет этого позора. Ещё сильнее его задело известие о рождении брата, которого назвали Лоля. Долго он не мог прийти в себя от такого потрясения.

Прошли годы, и, будучи уже женатым человеком, он все же тосковал по матери. Посоветовавшись с женой Дарьей, Григорий решил сменить место жительства, переехав ближе к матери. Построили они барак, разделив перегородкой, через которую была хорошая слышимость. Григорий нередко слышал, как муж его матери, Риста не раз приходил домой пьяный, оскорблял мать Григория и даже поднимал на нее руку его мать. В цыганском мире Ристу звали Бенга, что означает «черт». Хочу заметить, это прозвище ему подходило.

Григорий не мог больше переносить такого отношения к матери и решил вернуться к дяде Гого. И он уже навсегда уехал от матери, так как понял, что не сможет жить рядом с пусть и делавшей в своей жизни роковые ошибки, но все же любимой матерью, видеть, как чужой ему человек обижает его мать, смотреть, не вмешиваясь в их споры. Он знал, что его вмешательство ничего не изменит, а только усугубит её положение. В те времена даже родной сын не имел право вступать в дела мужа и жены, люди со стороны осуждали таких заступников. Григорий считал, что мать предполагала, на что шла и чем это обернется, а для него, любящего сына, видеть ежедневные концерты было уже невыносимо. Больше их дороги в жизни не пересекались. Единственной была встреча после двадцати пяти лет разлуки, когда Кокана была при смерти.

Пока Гриша лежал на нарах, вдали от всей своей родни, он думал о каждом человеке в отдельности и с трепетом

в сердце повторял вслух имена близких ему людей, будто боясь забыть их.

Григорий был удивительным человеком. Сейчас, в наши дни, больно смотреть на современную молодежь — на их взрывной характер, несдержанность и порой хамское отношение друг к другу, несмотря на то, что живут в мирное время. Над головами этих людей никогда не кружили вражеские самолеты, не приходилось им прятаться от бомбежек. Они одеты, обуты, не боятся, что в любой момент за ними придут и без вины отправят в лагерь. Отчего столько агрессии и неуважения к слабым и старшим людям? Всего лишь самоутверждение личности в глазах общественности? Так вот, у Григория такого понятия не было несмотря ни на что, на всю его жизнь, которую преподнесла судьба, жизнь, которая была испытана на прочность. Он пронес звание Человека достойно, по жизни относясь с почитаемым уважением от мала до велика, не повышая голос, сдерживая себя, сохраняя хладнокровие в пример всем потомкам.

САШОК

Мы немного опередили события. А пока же вернемся в лагерь, где находился Гриша. Был он старшим, в отряде был полный порядок и послушание, пока не попал к нему в отряд паренек лет девятнадцати. Звали его Сашка. Он был в камере самым младшим. Поначалу все к нему испытывали отцовские чувства и сострадание. Но этот Сашка был не так уж прост, как показалось его сокамерникам на первый взгляд. Он отлынивал от работ, симулируя болезнь. Когда же его раскусили, он демонстративно не выходил на работу. Естественно, последовало наказание — карцер, затем еще

и еще. Парень не сдавался, на его красивом юном лице появлялись первые симптомы болезни. Григорий пытался помочь ему советом: «Так нельзя, Сашок, этим ты ничего не добьешься, не докажешь, карцеры до хорошего не доведут — не дай Бог, заболеешь и погубишь свою юную жизнь». Но парень посмотрел с улыбкой на Григория и с иронией сказал: «Брось, дядя Гриша, свою проповедь, меня мать с отцом не воспитали, а тебе и тем более не удастся! Я буду стоять на своем, а там что Бог даст».

Результаты его забастовок не заставили себя ждать. Итак, после очередного карцера, более жесткого, парень слег и уже никогда не встал, а вскоре скончался. Начальство приказало Григорию похоронить его на лагерном кладбище. Пока Григорий рыл могилу и готовил все к погребению, настал вечер. Его пронизывало чувство страха и боязни, так как на кладбище он был практически один.

Долгое время после того случая Гриша ощущал в душе пустоту и вспоминал улыбку того парня, а в ушах звучали те слова: «Мать с отцом не воспитали, а ты тем паче». «Ну а теперь, — думал Гриша, — земля будет воспитывать». Слезы невольно наворачивались на его глаза. Он нередко думал, что может случиться, что и его так же не дождутся родные. Мысли усугублялись еще и тем, что в лагерях отбирали и отправляли на фронт штрафные подразделения, состоящие из осужденных, которые смывали вину кровью. Если после ранения человек оставался живым, с него снималась судимость и его отправляли в обычные войска. Все это Гриша осознавал и понимал, что этой участи ему не избежать. Война же была страшная, кровопролитная. Шанс выжить в этой войне и в обычных войсках был невелик, а что уж говорить про штрафбат, где впереди немец, а за спиной части НКВД с автоматами, и если человек лег или повернул обратно, он на месте был бы расстрелян. Но Григорий все же надеялся на цыганское счастье и на молитвы его родных.

*В центре Ёргуло сын
Гирицы, младший
племянник Гого;
слева Тамара дочь Ёргуло;
справа Мурша, зять Ёргуло,
внук Гого ла Каляко*

*Мода сын Лаци,
внук убитого
Гирицы*

*Букуро сын
Гирицы,
племянник Гого
ла Каляко, уже
в старости.*

БРАТ УБИЛ БРАТА

На дворе был 1944 год. Все чаще и чаще Грише снился его дядя Гого. Сердце ныло от скуки по любимому дяде. Они не виделись почти девять лет. Их пути разошлись после того, как в семьях сапоррони случилась трагедия, которую до сегодняшних дней никто не может объяснить.

Будучи навеселе, Гого повздорил с одним из гостей, пришедших на гулянье в табэр сапоррони. Нужно заметить, что Гого ла Каляко был человеком очень крутого нрава. Сила в нем была недюжинная, остановить его во время стычек мало кому удавалось. Произошла драка, и Гого было уже не остановить. В руках у него засверкал нож. Заметив нож в руках брата, Гирица стал разнимать дерущихся. Увидев разгневанного Гого, под прикрытием толпы противник удалился. Заметив спину удаляющегося противника, Гого пытался вырваться из рук Гирицы, который вновь перед ним возникал, загораживая тому путь. Наконец Гого пришел в бешенство и заорал: «Уйди с моего пути!» Гирица, удерживая его, повторял, чтобы Гого успокоился. И тут Гого закричал: «Уйди, иначе я воткну в тебя нож!» Гирица надеялся, что угроза эта от зла и не более того, что Гого не ударит брата. Он сказал: «Ну убей меня, только успокойся». В этот момент Гого вонзил лезвие ножа на всю глубину в живот родному брату.

На всю округу прозвучал оглушительный крик. Крик раненого Гирицы, а людей, которые видели эту страшную картину. Сам Гирица рухнул как подкошенный. Удар пришелся в область пупка, и спасти Гирицу не успели. Он умер по дороге в больницу, оставив троих сыновей: Лаци, Букуро и Ёргуло (уже взрослых и женатых).

Горечь утраты не прошла, и стороны приняли положение войны. В любой момент могла пролиться кровь людей, хотя являлись друг другу родственниками. В данный момент это

не означало «смерть за смерть». У Гого было два сына: Сульман и Гриша. Они были еще очень юны. И люди восприняли спор, как в современном мире тревогу SOS. Все табэры, находящиеся в непосредственной близости, делегировали своих авторитетных лиц, имеющих имя в цыганском мире, да так оперативно! Иначе было нельзя, медлительность была смерти подобна. До похорон ни одна из воюющих сторон не высказывалась, возможно, сохраняя силы для боя.

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

Наконец старейшины похоронили Гирицу и объявили о полном послушании и повиновении суду, который будут вести старейшины многих табэров. Заметьте, что другого решения вопроса, даже о смертоубийстве, в те времена цыгане не признавали. В мыслях не было обратиться в соответствующие органы — все вопросы решал цыганский суд, каким бы он ни был. А тактика и логика судей была такова, чтобы виновного слегка оправдать, а правого немного осудить, чтобы по возможности получилось 50/50 во избежании кровопролития и дальнейшей кровной мести.

Начался суд, опрос со стороны обвиняемого. Гого, конечно, пребывал в шоке. Осознав случившееся, он был на грани сумасшествия. Сказал он лишь одно: «Я отдаю в руки суда, любые решения сочту справедливыми. Больше я слова не скажу, так как невыносимо больно оправдываться, глядя своим племянникам в глаза». Сказав последнюю фразу, он присел на корточки и замолк. Глаза его прослезились.

Затем суд обратился к потерпевшей стороне с вопросом: «Вы доверяете суду и примете его решение как должное? И при встрече с дядей и его детьми не будете в дальнейшем выяснять отношения, проявляя агрессию и рукоприкладство?

Вы согласны или нет?» Те, в свою очередь, ответили, что согласны с решением суда, надеясь, на его справедливость.

Суд вынес решение компенсировать семье Гирицы утрату главы семейства денежной суммой в размере 150 рублей золотом, то есть пятнадцать золотых червонцев николаевской чеканки (по тем временам червонцы у людей ещё водилось и не считались антиквариатом). На этом суд закончился. После процесса судьи посоветовали Гого уехать от племянников, чтобы не искушать судьбу, так как суд есть суд, а жизнь есть жизнь.

С тех самых пор Гриша не видел дядю. Вскоре последовал его арест. В то время, когда Гриша коротал свой срок в лагере, Дарья вела тяжелую борьбу за выживание и сохранения семьи, состоящей из двух человек — её и сына Ристы, что давалось ей с огромным трудом. Много раз были они на грани жизни и смерти.

Однажды они чудом остались живы. По случайности ли их сняли с отходящего поезда или по другой причине, но пропустили они этот состав. Когда же по прошествии времени Дарья и Риста поехали следующим составом, спустя несколько десятков километров они увидели тот самый поезд, разбомбленный немецкими самолетами. Бушевал огонь, трупы людей лежали на путях и в догоравших вагонах. Увидев эту страшную картину, Дарья ужаснулась. Мысли о том, что могло произойти с ними, долго не покидали её.

Где только ни работала Дарья! И всюду с ней была её подруга Лула с ребенком на руках, муж которой также отсиживал свой срок в лагерях. В семьях сапоррони мужчин почти не оставалось, все были осуждены и отправлены на разные сроки в лагеря. И только по счастливой случайности на одном из разъездов пересеклись пути замужних сестер Григория, Марфы и Армянки, с Дарьей. Больше они не расставались.

В отличие от судьбы Дарьи, судьба сестер мужа была более благополучна. Мужья их были дома, и беда их семьи об-

ходила стороной. Трудно сказать, как бы сложилась судьба Дарьи и Ристы не окажись рядом близких людей.

ДИАГНОЗ — ТИФ

Кроме того горя, которое называлось войной, ходило ещё одно несчастье, уносящее жизни людей, а называлось оно — тиф. И эта беда не обошла Дарью и Ристу. Заразились они тифом и слегли в страшном бреду. А занес эту страшную болезнь племянник, сын Армянки, которого звали Гришей (сестра Армянка назвала его в честь брата).

Как-то Гриша пошел с отцом в город — именно пошел, а не поехал, так как их вагоны, прицепленные к основному составу, встали на разъезде. И они с отцом пошли в город пополнить запасы продуктов. Возвращаясь под вечер домой, Гриша шел рядом с отцом. Отец, Дёрди, шел, улыбаясь, с кулем продуктов. Довольно удачно ему удалось обменять на продукты кое-что из вещей и сохранившиеся с лучших времен золотые изделия. Наконец запас продуктов был сделан. Дёрди торопился к родным, зная, что те его ждут голодными.

Гриша взялся помочь отцу. Взял из сумки буханку хлеба, положил под мышку и время от времени отщипывал её мякоть, да так глубоко, что рука наполовину влезала в буханку. Тайком, чтобы не видел отец, Гриша уплетал хлеб в свое удовольствие, а потом повернул буханку целой горбушкой вперед так, что буханка казалась нетронутой. И вот голод был преодолен, наступила очередь жажды. Сын умолял: «Пить хочу...» Отец отвечал: «Погоди, Гришенька, до поезда осталось немного». Но тот и слушать не хотел. Вагоны были уже видны, но жажда была сильнее его разума. Отстав от отца, он напился из какого-то водоема вроде лужи. Заметив это,

отец ничего не сказал, так как тот уже сделал черное дело, напившись из лужи. Мужчина надеялся, что Бог милует, но Бог не миловал. К ночи ребенок горел уже в страшном бреду. Люди преклонного возраста, увидев больного мальчика, поставили безошибочный диагноз. Был это тиф, которым в скором времени заразились и все остальные. На ногах оставались только Армянка и Марфа, остальных, включая всех мужчин, свалила страшная болезнь.

Много страданий перенесли эти люди до окончания войны. Помимо перечисленных опасностей — бомбежек, тифа и боязни наткнуться на немцев — была ещё одна опасность. Не раз, находясь на территории Украины, табэр располагался у леса, и ночью их посещали «лесные братья», проще говоря, бендеровцы. Как ни странно, цыган они не трогали.

ВЕЩИЙ СОН

Так прошли годы войны, минуя семью Гриши и Дарьи особыми потерями. Наступил 1945 год. Григорий был переведен в штрафбат и попал в прифронтовую полосу для военной подготовки и курсов обращения с оружием. Несколько групп из того набора, что были призваны вместе с ним, уже были отправлены на фронт. Ожидая отправки на фронт, Гриша в мыслях уже простился со своими близкими. Тяжкие мысли о том, что ждет его впереди, как воспримут его родные, а именно милая сердцу жена Дарья, весть, не дай Бог, о его гибели, выбили его из всех сил.

Только он прилег в палаточном лагере, как тут же заснул непробудным сном. Снилось ему веселье, народные гулянья, песни, цветы и восторг, необычайно радостные лица родных и близких ему людей. Гриша проснулся, сел на стеллаж, где спал, и стал разгадывать смысл и суть увиденного

сна. На душе было необъяснимое чувство тревоги, и Григорий чего-то ждал, предвкушая значимую весть.

Григорий вышел перекурить. У палатки ходил часовой. Заметив Григория, строго посмотрел и спросил: «Что, не спится?» На это Гриша ответил: «Душно». Часовой сменил тон и, улыбнувшись, сказал: «Ладно, кури и возвращайся, а то мне влетит из-за тебя».

Вдруг небо озарилось салютом, пошла пальба. Все вскочили, не понимая, что творится. Григорий с часовым не понимали происходящего. И вдруг бегущий мимо солдат со счастливым лицом крикнул: «Победа, победа, ребята!» Его остановил часовой: «Что ты болтаешь?» — «Только что по радиации сообщили, что немцы капитулировали. Будем жить, ребята!»

Услышав эту весть, Григорий обомлел. Из глаз покатились слезы. На этот раз это были слезы счастья и неописуемой радости. Он тут же вспомнил сон. Вот она, радость и счастливые лица родных. Это означало их скорую встречу. Но встреча оказалась нескорой. Григория отправили опять в лагерь. Дело не пересматривали.

9 мая 1945 года свершилась победа над фашистской Германией. В августе была объявлена война с Японией, затем прошел парад Победы на Красной площади, к которому готовился весь Советский Союз.

ПОЗАБЫТ, ПОЗАБРОШЕН

Много было работ, выполняемых зеками — очистка, разборка развалин и ещё много чего. После победы Григорию пришлось еще целый год сидеть в лагерях, а это было вдвойне обидно. В то время, когда вся страна, да и весь мир праздновали победу над фашистской Германией, ему, Гри-

горию, приходилось хлебать лагерную похлебку и быть в полном неведении своей судьбы. Что ждет его в будущем? Как вы помните, срок его заканчивался в сорок первом году, но из-за войны его продлили до победы.

ПЛАТА ЗА ГЛУПОСТЬ

Отгуляв сполна победу, лагерное начальство стало привывать к мирной жизни. Об освобождении никто не заикался. Прошел новый 1945-й победный год, сменил его 1946-й. Зима для Григория была необычайно тяжелой, не столько физически, сколько морально — почти как в первый год тюремного заключения, в далеком 1936 году.

От жены Дарьи на недавнем свидании он узнал, что многие родственники, друзья и знакомые вернулись домой. Многие сгинули в лагерях. Больше всего он этого боялся. Пережив тяжелую войну, было бы обидно погибнуть от ножа или заточки какого-то отморозка-зэка. Дарья рассказала, что двое из его родственников, тесть Василий и двоюродный дядя Букуро, не вернулись из лагерей, пали от рук зэков.

Как после стало известно, судьба тестя Василия была трагичной. В камере, где он сидел, сокамерники играли в карты. Один из вожаков поставил на костюм, в котором был Василий. Василий же не отдал этот костюм, за что и погиб от рук этих негодяев. Охранники нашли его мертвого.

Букуро подставили зэки, оставив паек как будто без присмотра. Голод сделал свое дело. Букуро стащил паек, за что наступила расплата. К утру его обнаружили с перерезанным горлом.

Не хотела Дарья рассказывать Григорию эту историю, осознавая, как ему будет тяжело. Но, с другой стороны, она

хотела уберечь от необдуманных поступков и спасти ему жизнь. Гриша и без этого знал о жестокостях в лагерях, и напасть эта обходила его стороной.

ДОЛГОЖДАННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Весной 1946 года, после десяти лет лагерей (вместо пяти приговоренных) для Григория Фэд-Фрумос наконец наступило долгожданное освобождение. Было ему тогда тридцать четыре года. Опережая события, хочу заметить: за всю свою жизнь Григорий не получал столь ценного подарка ко дню рождения, который сделали власти, освободив его накануне этого дня.

Итак, Григорий отправился на поиски своих родных, не зная куда идти. Необходимо сказать, что ни одна нация не имела таких точных оперативных данных, как это было у цыган. По цыганской почте можно было узнать о любом человеке — где он и в каком месте находился. Поэтому Григорий ринулся на поиски цыган. Цыгане кочевали с места на место, и Грише пришлось нелегко, пока нашел своих родных.

Но, вернемся к братьям Григория, Дёрди и Брэтьяно. Дёрди после освобождения отыскал сыновей Володю и Дрилу. Доченьку Машеньку он потерял навсегда. Это была вторая потеря в семье после смерти жены. Утрата была болезненной. Ему ничего не оставалось делать, слезами горю не помочь. Собрав вокруг себя сыновей, Дёрди стал приспособливаться к новой жизни и обустроиваться, но уже в роли вдовца. Со временем, после освобождения из лагеря, встретил он на своем пути женщину, вдову из племени ловаля, которую звали Ньюрой. Позднее из-за её крутого нрава прозвали её в цыганском мире Ньюни, и это прозвище она пронесла до конца своей жизни.

У неё было трое детей — два сына и дочь. Старшего сына звали Коля, получил он кличку Бундаш за нрав и поведение в компании, особенно когда был навеселе. По материнской линии корни его относились к племени ловарских цыган, именовавшихся «бундашами». Вели они себя адекватно, как и Коля, в момент состояния подвыпившего человека. Поэтому цыгане, которые встречались с этим племенем, улавливали схожую манеру поведения Коли и его соплеменников. Когда же Коля слышал в свой адрес это прозвище, он выходил из себя и становился неуправляемым: рвал на себе рубашку и, как Тарзан, издавал угрожающий крик. Только он не просто кричал, а пел песню Робертино Лоретти «Джамайка». Песня эта служила предупреждением для окружающих, (кто не спрятался, я не виноват). Но было это только тогда, когда он перебрал спиртного больше дозволенного. В трезвом состоянии он был довольно спокойным и уравновешенным человеком.

Второго сына Ньюни звали Витя. Он был красивым ребенком, который вырос в стройного юношу. Закрепилась за ним кличка Шеро Баро, что означает «большая голова». Кличку он получил из-за пышной шевелюры. Витя старался держаться импозантно, идти в ногу с модой. Характер был у него довольно ядовитым. Если Коле ничего не прощали, поскольку он был черным и довольно несимпатичным, то Виктору из-за красоты довольно быстро все прощалось, молодежь вновь тянулась в его компанию, любуясь его видом. Шикарная одежда украшала его фигуру, на голове — белоснежная фуражка морских офицеров.

Дочь Пэпуша была некрасива, больше похожа на брата Колю.

Итак, женившись, Дёрди нашел свой табэр племени сапоррони, и жизнь до конца его дней не преподносила ему сюрпризов. В дальнейшей совместной жизни с Ньюрой у них родилось четверо сыновей. Первый сын, Ёшка, родился сразу после войны, в 1946 году. За ним, Гриша, потом родился

*Григорий после
освобождения.
5 января 1946 года*

*Неразлучные братья: слева Дрила, справа Володя.
Вот такими они были на свадьбе своего отца Дёрди.*

младший сын Гриша. Есть случаи в цыганских семьях (если сын или дочь любимые), когда родившегося ребенка называли в честь старшего, любимого сына или дочери. В семьях цыган считалось нескромным по отношению к старшим называть детей в честь родителей. Последним ребенком, который родился в семье Дёрди, был мальчик Миша.

Мы рассказали о жизни братьев, о Григории (старшем) и Дёрди. Что же касается жизни Брэтьяно, брата, следующего следующим за Дёрди, то судьба к нему была довольно сурова. Как вы помните, последний раз мы встречали Брэтьяно, когда он спасал брата Гришу, повалив офицера НКВД, приехавшего арестовывать Григория. Брэтьяно получил срок на пять лет. Отсидев от звонка до звонка, он освободился и приехал в свой табэр. Брэтьяно исполнял обязанности барона, будучи одним из немногих мужчин в табэре. Остальные отсиживали в лагерях по доносу Карчуло, осведомителя НКВД.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Однажды, в табэре сапоррони, произошла драка, в которой участвовал Брэтьяно (брат Григория) и Ёргуло (двоюродный брат). Дрались подвыпившие мужчины. Я хотел бы упомянуть, что в жизни котлярских цыган со времен образования их племени есть закон, который тысячами не поддается изменению. Суть закона в следующем. Если ругаются и дерутся мужчины, женщина должна молчать, удерживая мужа и не высказывая недовольствия, как бы ни был виноват или прав её муж. Это подвластно только цыганскому суду. Если женщина встречается в спор мужчин, то скандал разразится вдвойне, а то и втройне. Огрызнувшись мужчине, женщина тем самым дает понять, что тот не является уважаемым человеком в семье. В таких случаях ча-

сто проливалась кровь, а бывали случаи и со смертельным исходом. Вспомните, чем закончилась драка, где погибла Вета, жена Дёрди. После того, как она пробила молотком несколько голов мужчин с враждующей стороны, её просто зарубили.

Итак, в драке, где участвовал Брэтьяно (в то время Брэтьяно носил бороду, хотя было ему чуть меньше сорока), воспользовавшись моментом, несколько мужчин скрутили Брэтьяно руки. Сделать это было довольно непросто, так как тот обладал недюжинной силой. Женщина решила нарушить закон предков, как заступница за своего мужа, за что и поплатилась. Она подбежала к Брэтьяно и схватила его за бороду, что для любого мужчины было крахом, позором мужской чести и авторитету. Брэтьяно дважды крикнул: «Женщина, отпусти мою бороду и отойди от греха подалее!» Ведь Брэтьяно видел, что женщина в положении, и он сделал небольшое послабление в связи с этим положением. Но она и не думала отпускать бороды, желая сорвать её с его лица, что было смерти подобно. Тогда он нанес ей удар ниже живота, который оказался смертельным (на ногах его были тяжелые сапоги). Крикнув от боли, женщина упала замертво.

Так Брэтьяно получил очередной срок, отправившись в лагерь. В то время жил он в семье слаженно, у него были жена Тиана, двое сыновей и дочь. Старшим сыном был Чёмпи.

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

Весть об убийстве женщины тут же обошла табэры, а там пошла и дальше по цыганской почте. Закрепилась такая репутация за табэром племени сапоррони на долгие годы.

Люди помнили, как дядя Гого убил своего брата Гирицу, а эта женщина, по злому року судьбы, была снохой этого Гирицы, то есть женой Ёргуло — сына убитого Гирицы. И опять же, в эту семью принесли горе сородичи (двоюродный брат). Представляете, как люди боялись племени сапоррони! Они думали: «Что же могли они сделать с посторонними людьми, если проявляли такую жестокость к своим? Не дай Бог разозлить их или вывести из себя!»

Бывали случаи, когда табэр сапоррони оказывался рядом с другими табэрами. Если даже один человек племени сапоррони приходил в чужой табэр и, как говорится на нынешнем жаргоне, начинал «пальцы гнуть», старики того табэра уводили своих молодых и горячих мужчин подальше от гостя.. Сами же они пытались образумить, пристыдить его: «Вести себя надо более сдержанно». Нередко мирным путем удавалось усмирить этого гостя и проводить до табэра. Старики предполагали, что таким образом они не столкнут молодежь этих племен друг против друга на тропе войны. Если разбушевавшегося гостя кто-то из хозяев ударит, это являлось оскорблением не одному человеку, а всему его роду. Поэтому у старейшин во все времена была одна тактика: «Лучше плохой мир, чем хорошая война».

На следующий день оскорбленная сторона шла в табэр сапоррони с обращением к старикам. Пригласив в круг вчерашнего бунтаря, старики табэров отчитывали и стыдили хулигана, заставляли провинившегося соплеменника извиняться перед гостеприимными хозяевами. Потом и сами старики табэра сапоррони извинялись, если соглашались с тем, что их соплеменник виноват. Далее чисто символически распивали спиртное, чтобы закрепить дружбу. Выразив уважение друг к другу, расходились по домам.

Бывали случаи, когда стороны не приходили к обоюдному согласию по причине отсутствия вины со стороны собрата. Мужчины племени сапоррони часто принимали воинственную позу, что наводило ужас на тех, кто пришел

жаловаться. Дело в том, что при разбирательстве вчерашнего нарушения можно было выявить, что человек не был пьян и затеял «бузу». А спор либо драку он затеял, так как в процессе разговора не по теме и без дела, пользуясь своим большинством, принимающая сторона оскорбила кого-нибудь из его собратьев из табэра сапоррони, а этого они не могли простить никогда.

Простить можно негативное высказывания по отношению к себе, но не к своему роду. Промолчать — значит подписать себе приговор в трусости и потерять уважение всего своего рода. Люди предпочитали умереть со славой в неравном бою, чем жить в презрении среди собратьев. Люди были в те времена ни чета нынешнему поколению — преданные своему роду. Обида, нанесенная чужаком, никому не прощалась. Но люди были преданы своему роду, хотя клятв никаких на верность не давали. Это было в крови.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРИГОРИЯ

По освобождении из лагеря Брэтьюно вернулся домой, где нашел больную жену, которая вскоре умерла. Похоронив жену Тиану, Брэтьюно стал дожидаться из лагеря любимого брата Григория. После стольких переживаний, пережитых событий, эта была единственная радость, которая могла развеселить его холодное сердце.

Григорий был уже возмужавшим мужчиной, в военной форме, со значками. Это был настоящий фурор в жизни сапоррони. Собралась вся родня. Прошло уже десять лет, и те, кто были пацанами, повзрослели. Как говорят на современном языке, был кворум. В табэре в тот момент жила мать Григория Кокана. Увидев сына в форме с отличительными значками, даже с медалями (какими именно, уже никто не

узнает), Кокана потребовала сжечь военную форму и документы, переодеться в штатское и поменять фамилию. Решение было принято, оспаривать его было бессмысленно. Дело в том, что родственники Григория боялись со стороны властей повторных репрессий. Находясь в лагерях, Григорий ничего этого не знал. Те, кто был на воле, об этом знали: они видели, как освободившихся снова забирали. Многие уже не возвращались. Ну а если изменить фамилию, может, Бог и милует. «Ну что ж, — подумал Григорий, — может, они и правы». Увиденное за десять лет лагерей давало ему веру в их слова — не дай бог вернуться обратно!

«Ну что же, братья, какую фамилию мне взять, чтобы вы на меня не обиделись?» — спросил Григорий и засмеялся. А Дёрди говорит ему: «А что обижаться, мы уже все поменяли фамилии». Они сидели за столом в саду, под вишней. В это время проходили пьяные русские мужички, один из которых окликнул другого: «Петрович, ты идешь?» Григорий и братья услышали окрики, и решение было принято — взять фамилию «Петрович». Так он стал Григорий Михайлович Петрович, вместо Григория Фэд-Фрумос.

ИЗ ДВУХ ЗОЛ...

Вслед за Григорием вернулся Ёшка. Радость была недолгой. Дома ждало его неприятное известие. Его братья Василий и Букуро, как я ранее упоминал, погибли в лагерях от рук зэков. Да и жена его, Мадока, не дождалась, вышла замуж за Колю, приемного брата Григория. Переживая некоторое время, Ёшка решил жениться на вдове брата Букуро, Лулуди. У той была дочь Рупунка, у него дочь Пэпуша, которая осталась с матерью. Принял Ёшка это решение не потому, что Лула ему так нравилась, а потому что в те вре-

мена так было заведено. Многие братья брали жен умерших братьев, чтобы не терять родственные отношения, племянников и внуков. Мало кто осуждал эти решения.

Так без кровопролития обошлась сцена «изменившая жена». Ёшка из двух зол выбрал наименьшее. Он знал, чем может закончиться «разборка» с неверной женой. В лагерь возвращаться он больше не хотел. После того Ёшка женился на вдове брата, пути его с прежней женой разошлись. Табэр постарался в этом. Люди показали дорогу её новоиспеченному мужу, и они покинули табэр. До конца жизни Ёшка с Мадоккой (его бывшей женой) больше не встречались.

ПЭПУША

Вскоре сложилась у Ёшки хорошая семья с Лулой. Родилось у них три дочери и четыре сына. Но даже время не могло залечить рану в душе об оставленной любимой дочке Пэпуше (в переводе на русский язык это имя означает «кукла»). Все десять лет лагерей Ёшка думал только о своей «куколке», и может только это спасло его от смерти в лагерях. Как бы трудно ни приходилось, думал Ёшка о своей маленькой дочурке. Боль в душе сжимала сердце и мысль о том, что он заболит и умрет в лагерях, и никогда не увидит свою доченьку, которая не сможет прийти на могилу положить ему цветы, так как на лагерное кладбище проход посторонним был запрещен. При мыслях об этом к нему возвращались силы, он поднимался, шел работать.

Когда все было уже позади, долгожданная встреча с любимой его сердцу дочуркой Пэпушей состоялась. То, что не смогли сделать стены лагеря, сделала его жена, разлучив его с дорогим сердцу человеком. Ёшка был человеком сдержанным, все свои мысли держал в себе и никогда никому

*Вот такой впоследствии стала дочь Ёшки Пэпуша.
На фото она со своей лучшей подругой Леной,
снохой Григория. Фото середины 1950-х гг.*

не говорил, что у него на сердце, хотя обладал отменным здоровьем. Даже пребывая в лагере, на лесоповале, когда свалившееся дерево ушибло его, что для другого человека могло закончиться плачевно, он преодолел боль переломов, справившись с недугом.

Этот же недуг — мысль о потерянном ребенке — хотя он и скрывал его от людских глаз, все же подкосил его здоровье по прошествии времени, это было видно по его лицу невооруженным взглядом. И только Гриша, приходя к нему в гости, мог отогнать дурные мысли, забыть о болезни, так как между ними была чистая мужская дружба, проверенная годами и испытанием в лагерях, всеми десятью годами. Проверка дружбы в экстремальных условиях, где было предательство, доносы друг на друга в поисках дополнительного пайка — это многое значило. Эти два парня предпочли бы смерть предательству, как бы высоко это ни звучало. Хотя они не признавались друг другу в любви и дружбе, между ними была настоящая мужская дружба, не чета нынешнему поколению.

Теперь, когда его сердце разрывалось от боли и мыслей о дочери, совет друга для него был как бальзам на сердце.

ПРИЗВАНИЕ К РУКОВОДСТВУ

Вернувшись домой, Григорий нашел свой табэр. По возвращении из лагерей Григорий среди соплеменников имел огромный авторитет. Руководство табэром сапоррони понемногу переходило в руки Григория, хотя он был младшим братом, а в табэре жили его старшие братья, Дёрди и Брэтьяно.

Многие табэры объявили им войну, так как Дёрди и Брэтьяно не обладали дипломатичностью. Скорее они были

воинами, чем дипломатами. На нанесенное им оскорбление отвечали тумаками, пуская незваных гостей в бегство. Воинственная слава сапоррони была у всех племен котлярских цыган на устах.

С возвращением Григория люди с облегчением вздохнули. Они знали характер, рассудительность, неторопливость Григория, а главное — его хладнокровие. Даже в самых конфликтных ситуациях, которые в отсутствие Гриши не обошлись бы без кровопролития, Григорий ограничивался предупреждением нарушителя. В чем же оно заключалось? При неоднократном нарушении налагался материальный штраф, что было весьма ощутимым ударом по семейному бюджету. Были ситуации, когда молодые пары нарушали закон. К примеру, парень уводил девушку из дома отца и матери без их согласия, после чего родители девушки приходили к родителям парня на разборки, которые могли закончиться смертельным исходом (как с одной, так и с другой стороны). И здесь Гриша находил нужные слова, после чего воинственные стороны меняли тактику войны и приходили к обоюдному согласию и, наконец, к родительскому благословию молодой пары.

Слова в таких случаях были просты. Гриша выходил в круг и говорил: «Друзья мои!» Толпа сразу затихала, так как говорил он это искренне, не играя словами. Еще один весомый козырь был у Гриши. Он был красивым мужчиной, умел обаять слушающую публику. Итак, он продолжал: «Если мы прольем свою кровь — этим ничего не изменим. Они сделали свой выбор. Да, это позор для родителей невесты. По цыганскому обычаю, без родительского согласия и благословения покидать родительский дом нельзя. Но, друзья, мы же разумные люди. Неужели мы не сможем осознать того, что может случиться с этими юными парнями, которых мы произвели на свет?» И он указал на молодых парней, ожидающих команды «Вперед!», чтобы сложить свои головы на поле боя за святое дело. «Это же поле будет на-

зваться «полем позора». Матери и отцы столкнули своих сыновей только из-за того, что они не смогли перебороть своей гордыни. Вы посмотрите каждый своему ребенку в глаза и подумайте о том, что, может быть, видите его в последний раз! Итак, я вас призываю к благоразумию. То, что случилось, не является непоправимым, позор отца девушки мы развеем здесь по ветру». «Каким образом?» — спросили окружающие. «Хоть с опозданием, но выполним обычаи наших предков». Старики собрались вокруг Гриши и, посоветовавшись, приняли решение, будто похищения невесты не было, а было сватовство. На отца жениха налагается штраф, затем законный калым. Отец невесты возвращает большую часть калыма обратно, оставляя чисто символическую часть. После всего отец жениха накрывает, как говорят в нынешнее время, «поляну» миротворцам. Все закончилось благополучно, без драк. Стороны, которые совсем недавно были готовы разорвать друг друга, за общим столом пили за здоровье молодых.

Случалось, когда родители невесты, соблюдая все обычаи примирения, все же отказывались от своей дочери, вычеркивая её из своей родословной книги. Они говорили, что дверь отцовского дома для неё закрыта. Все нюансы цыганского суда были выполнены. Благодаря миротворцам, собравшим всех членов своей семьи, за стол жертва позора не садился. Он уходил домой с низко опущенной головой. Но даже при таком раскладе, люди были благодарны Григорию за то, что не пролилась кровь их детей.

Часто, минуя старших братьев Григория (Дёрди и Брэтьяно), люди шли с жалобами к Григорию. Братья настолько любили его, что не обижались на брата и принимали это как должное.

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

Прошло несколько лет, с тех пор как умерла жена Брэтьяно. В то время ему было чуть больше сорока. Надумали женить Брэтьяно. Его взрослые сыновья, Чёмпи и Жора, не возражали. На примете появилась молодая, красивая разведенная женщина, по имени Лолли. Сватать девушку гораздо проще, чем женщину, бывавшую замужем. Григорий подключил к переговорам жену Дарью, чтобы та вступила в разговор с Лолли и между делом обмолвилась, чтобы увидеть ее реакцию: «Не хотела бы ты выйти замуж за Брэтьяно?»

Итак, Дарья специально поехала на рынок в поисках Лолли. Она встретила ее и завела беседу о замужестве. При этих словах Лолли смутилась. Женщины по-дружески пошутились и разошлись. Ответ был: «Без возражения».

Придя домой, Дарья принялась рассказывать мужу о встрече с Лолли, о её реакции. Братья стали готовиться к предстоящей свадьбе. И день тот настал. Делегация во главе с Григорием и старшим братом (старший брат шел впереди, молодой позади, чуть смущаясь) отправились в сваты. Родственники встретили сватов гостеприимно, приняли подношение, накрыли скромный стол. У цыган в те времена, стол заменяла клеенка или отрезок материи, натянутый на пол. Люди садились в позу мусульман или индейцев. Вокруг стола начиналась гулянье.

К концу дня в дом Брэтьяно вошла новая хозяйка. Жители табэра сапоррони радужно встретили молодую, немного повеселившись, чтобы помочь невесте ближе познакомиться с новым местом жительства. Но вскоре все засобирались, и со счастливыми лицами расходились по домам.

Жизнь Брэтьяно пошла в нормальное русло: жена, дети, все как положено. В дальнейшем жизнь не преподносила ему неприятных сюрпризов. В их семье родилось три маль-

чика Холупи, Рупа, Геля и дочь Марфа (по кличке Вава). Григорий радовался, глядя на счастливое лицо брата.

Вскоре наступило время женить сыновей. Как принято, первым решили женить сына Дёрди. Среди двоюродных братьев Володя был старшим. Володя раньше уже был женат, первую его жену звали Мыца, что в переводе значит «кошка». Брак этот был не долгим, и они разошлись. Младшая сестра Дарьи, Соня, тоже ранее была замужем. Мужа звали Бадя из племени ботони (что означает «пяточки»), и они разошлась. Родители Сони умерли, ехать ей было некуда. Переехала она к сестре Дарье. Увидев молодую, красивую женщину, еще и свободную, старшие братья обратились к Григорию и Дарье, и они исполнили обязанности родителей Сони. Благодаря Григорию и Дарье, дело было сделано: из племянника, Володя превратился в свояка родному дяде.

В роду сапоррони многие не раз были женаты. Сыновья Дёрди, как и он сам, были ни единожды женаты. В семье Брэтьюно такая же картина. Лишь у Григория была стабильность в семье.

Следом за Володей женили Дрилу, однако счастливая семейная жизнь не удалась: его жена погибла из-за несчастного случая. Затем он женился на красавице Лене. Жизнь пошла своим чередом, рождались дети. Первым был сын Павел, затем дочь Чернявка, сын Банго, далее сын Додо и дочь Сетка. Прожили вместе они около пятнадцати лет. Вскоре Лена заболела и умерла. В жизни Дрила был баловнем. Очень красив, обращал внимание на себя. Именно по этой причине не обошла взглядом его красавица Нина из племени доброжяя, которая в то время, была вдовой. Без помощи других она соединила свою судьбу с Дрилой, и не расставались они уже до самой его смерти, вырастив трех сыновей.

Но вернемся немного к прошлому. Григорий рад был за братьев. Те женили своих детей. У самого Григория рос сын, красавец Риста. Прошел он без отца страшные доро-

*Володя и Соня,
влюбленная пара*

*Боря (сын Володи
и внук Дёрди) и его
жена (дочь Ёшки)*

ги войны, перенес голод, тиф, смертельные опасности. Часто смотрел Григорий на сына, сердце сжималось от боли, на глазах наворачивались слезы. Не покидали его мысли, сколько раз за эти десять лет, что разделяли его с любимым сыном, смерть кружила над его головой и в любой момент могла забрать его, как забрала его младшего сына (маленького Золотого).

СВАТОВСТВО

Шел 1953 год. Умер Сталин — тот, кто отдалил его от семьи на долгие годы. Возможно, было чему радоваться, ведь справедливость восторжествовала. Странно, но до самой смерти Григорий относился с симпатией к этому злему гению. Во время просмотра военного фильма с участием Сталина, Гриша смотрел с вниманием, пытаясь взглянуть в лицо этого человека (приближаясь ближе к телевизору, ведь зрение было уже довольно слабое). Лишний раз, не демонстративно, он доказывал окружающим, что человек не должен осуждать другого. Он оставлял эту прерогативу господину Богу. Тому виднее кто прав, кто виноват, так как нам на этой земле кажется, что правы мы сами, а остальные ошибаются. Он не оценивал сходу человека.

Летом 1953 года табэр находился на территории Латвии, в городе Риге. Недалеко от табэра сапоррони расположился табэр племени мигэшти. Руководил им генбарон всех табэров этого племени Гирица по кличке Герало.

Как-то днем Григорий приглядел в табэре девушку лет шестнадцати. По ходу гулянья, не привлекая к себе внимания, он переспросил своих собеседников: «Кто это, чья дочь, сколько лет ей?» Оказалось, девушку звали Лена, отца её Володя, тот, в свою очередь, был сыном Брии (это имя его мате-

Молодая пара Лена и Риста

*Первый ряд слева направо: сестра Григория Крижма,
брат Григория Брэтьяно, Григорий и их дети.
Второй ряд слева направо: Володя, Лена, Риста, Дарья.*

ри). Мать Лены звали Филастра. Приходилась она дочерью Ристы ле Францеско из племени дэмони. Таким образом, узнав все об интересующей его персоне, Григорий выяснил, что путь свободен и никто не предъявит ему претензий.

Григорий пригласил всю родню с целью сосватать девушку, тем самым женить любимого сына. Сборы растянулись на несколько дней. Свершилось! Настал день, который представлял себе Григорий, находясь в лагерях, сомневаясь, что он доживет до счастливого дня. Впереди делегации шли братья, в центре, смущаясь, шел сам Григорий. Его сердце выскакивало из груди. Сейчас решалась судьба его старшего сына. Все было волнительно. Не раз шел он во главе свадебных делегаций, выступая первой скрипкой, удивляя красноречием людей, но то было для других.

Наконец показался дом свата, который ничего не знал о намерениях гостя. В те времена, да и сейчас, не предупреждали о своих намерениях. В наши дни вопросы решаются более цивилизованно — будущему свату дают понять о предстоящем. Если потенциальный сват реагирует спокойно, создавая вид, что не расслышал, — значит, добро получено. Раньше было дурным тоном спрашивать разрешение. Любой уважающий себя отец не давал согласия, и ко всему прочему задевал гостей в присутствии людей, намекая на «слабоумие».

Поэтому Володя с Филастрой сидели за столом, ожидая, что дочь, Лена подаст им чай. А вместо чая явились незваные гости, выставили на стол фрукты, бутылки, окорочка и другое по этому случаю. От неожиданности Володя и Филастра, растерялись. Ошеломленные, они наблюдали за сценой, как чужие люди хозяйничают в их доме, без согласия. Разрешения же никто и не думал спрашивать.

Иногда родители невесты обливали водой незваных гостей, а то и забрасывали золой из-под печи. Поскольку поведение свата не предполагает агрессивности и непоколебимости, набиралась группа молодых и здоровых людей

(подобие спецназа), с тем чтобы проникнуть в дом и внести несколько бутылок. Сдаваясь, хозяева впускали гостей. Но это еще не значило, что ответ будет положительным (бывал он и отрицательным). В чем же заключался смысл проникновения сватов в дом? Если хозяину удавалось не позволить сватам войти в дом (не могла проникнуть даже бутылка пива), он отказывал сватам в выдаче дочери и не платил ни копейки. Если же сваты проникали в дом и проносили угощения, алкоголь для стола, то при отказе в выдаче дочери, отец невесты выкладывал на это мероприятие пятьдесят процентов затраченных денег. Гости оставались в доме при любом раскладе. При желании основные сваты тоже могли остаться, но в случае отказа им не лез кусок в горло.

Вернемся же в дом Володи. Хозяин слегка оправился от шока — ведь он отдает любимую дочь Лену! Лена была не родной дочерью, а удочеренной, но любил он её не меньше, чем родных детей. Своих детей у Володи было четверо: сыновья Камбири (старший), Бакро, Микаяно (в честь одного из руководителей страны Анастаса Микояна), и, наконец, младший сын, Боча. До 1953 года семья была в таком составе. В 1955 году у Володи родился еще один мальчик, Гогай (названный в честь брата Филастры).

Сложность положения заключалась в том, что и в страшном сне Володя не мог увидеть, что отдаст замуж свою дочь в табэр сапоррони, хорошо зная агрессивность характера того племени. А тут они наяву в его доме, с намерением со сватать единственную дочь! О том, что Григорий был очень порядочен, Володя прекрасно знал. Знал он и то, что в драках с участием сапоррони было два смертельных исхода (во-первых, Гого убил своего брата, и во вторых, люди из племени чукурони зарубили топором жену Дёрди, Вету). По иронии судьбы, Вета была сестрой первого мужа Филастры (которого звали Истрати, племени дэмони). Но тот скоропостижно скончался, оставив её с двумя детьми. Старшего сына звали Бакоро по прозвищу Чупка, младшую дочь —

Лена. Вернувшись к родне, Филастра забрала Лену с собой, а сына оставила у родственников мужа, по их требованию.

В общем, Володя не испытывал симпатии к племени сапоррони и был настроен категорично против. Стол был накрыт богато, что тянуло на хорошую сумму, 50/50. Стол необходимо было оплатить, а в его планы такие крупные незапланированные расходы не входили. Прежде Володя решил выслушать сватов, дать им последнее слово и только потом, отказать. Присев у окна, поглядывая искоса на Григория, сквозь зубы Володя спросил: «Что все это означает?» Братья Григория отвечали: «Вот, Володя, хотим с тобой породниться. У нас жених, у тебя невеста. Чем не пара?»

Невесте в то время было шестнадцать, а жениху Ристе девятнадцать. Он обладал необычайной красотой. Хочу заметить, люди удивлялись, что в семьях табэра сапоррони мужчины и женщины были красивыми людьми. Когда же Володе показали жениха, взглянув, он не увидел того, что могло послужить оправданием при отказе. Он видел красивого, статного юношу, опустившего глаза и смущенного, отводившего взгляд от оценивающе смотревшего будущего тестя.

Сваты не могли наговориться, Володя не слушал и смотрел в окно. В этот момент заговорила «тяжелая артиллерия» — жена его, Филастра. Слыла она, как жесткая по характеру, которая за словом в карман не полезет. Она говорила, чтобы гости ни на что не рассчитывали, что они ошиблись адресом. «Вот, пожалуйста, забирайте все ваши угощения, и присмотрите невесту в другом доме. Я еще и помогу отнести, куда скажете!» И она крикнула сыновьям: «А ну, сынки, помогите дядям».

По дому пошел шум, неудовольствие. В разговор вступил один из родственников Володи: «Так дела не делаются. Это же наши, довольно уважаемые в широких кругах цыган люди. Не торопись с ответом. Твоя дочь на выданье, и жених красавец».

Филастра обратилась со словами: «Если тебе нравится, забирай их к себе и отдавай свою дочку за него!» Родственник обиженно взглянул на Филастру. Дело в том, что говорил он не искренне, а фальшиво. По цыганскому обычаю, всегда говорят в защиту жениха. Даже если в душе ты против, вслух должен говорить, что ты «за». Филастра знала об этом, но все же высказала обиду.

Володя поднялся, обратился к Григорию со словами: «Гриша, я не думал, что ты так со мной поступишь. Но раз ты пошел таким ходом, не буду многословен. Ешьте, пейте, я оплачу вторую половину и все». Григорий встал из-за стола и обратился к Володе: «Володя, ты обиделся на меня, что я обошелся с тобой так вероломно и ворвался в твой дом без спроса? Но именно из-за того, что я очень уважаю тебя, я не спросил у тебя разрешения, потому что ты, как уважаемый глава семьи, сказал бы «нет». Я мучился бы в догадках о совершенной мною ошибке. А тот факт, что я ворвался в дом без согласия, тебя ни к чему не обязывает. Ты знаешь, что в лагерях я сидел десять лет, ты тоже. Так неужели мы не заслужили такого счастья — погулять на свадьбе детей своих! Откуда мы знаем, что может случиться? Может, завтра нас с тобою под дулом автомата погонят в отдаленные места. А там судьба не улыбнется. Если ты полагаешь, что не буду я тем же отцом для твоей дочери, кем являешься ты — это зря ты так думаешь. Обиды твоей дочери я не причиню. Много видел я в лагерях, натерпелся обид. Так неужели я причиню обиду своему мальчику, которым бредил в лагерях? Скорее я соглашусь вернуться обратно, чем причиню боль сыну, обидев его жену, и другим не позволю. Что же касается оплаты — мне твоих денег не нужно, все затраты беру на себя, оплатив, таким образом, мой поступок перед тобой. Но только разреши в твоём доме повеселиться и погулять. Я тебя прошу понять меня! Спешка моя из-за беспокойного времени, в котором живем мы. Умер Сталин, кто вместо него придет, и как будет править?»

Слова эти убедили Володю. Оправдывая решение Гриши, к концу гулянья Володя все же сдался и дал свое согласие. Обаяние Григория сыграло главную роль в решении Володи и Филастры. Конечно, с активным участием ослепительной Дарьи. Сватовство прошло удачно. Мечта Григория, казавшаяся недостижимой совсем недавно, когда он был в лагерях, сбылась.

И вот день свадьбы был назначен. С обеих сторон для подготовки столь знаменательного события, выделили людей. Григорий от счастья был на седьмом небе. Ему хотелось провести свадьбу необычно, чтобы такое событие надолго запомнилось. Поехали они по рижским магазинам и рынкам. Григорий присматривался, что можно взять необычного. — ведь дефицит был во всем. И пришло решение. Всем гостям раздавались латышские шапочки со свадебными цветами и лентами. В наши дни те, кто помнит эту свадьбу, вспоминают именно о шапочках. Наконец сыграли свадьбу. В дом вошла молодая невеста.

ДРАКА У ПАВИЛЬОНА

Долго находился Григорий в приподнятом настроении после свадьбы. После каждой поездки в город без конфет домой не возвращался, пытаясь побаловать молодую невесту. Помогал ей привыкнуть к новой семье, почувствовать родственные души, не чувствуя отчуждения. Ему это хорошо удавалось. Молодая невестка, Лена, полюбила свекра не меньше родного отца. В характере его видела порядочность, доброту, которая обходилась ему иногда очень дорого. Те, кого он защищал, сами же и наносили ему увечья.

Как-то поехали они группой товарищей в город по делам. Закончив все дела, решили заглянуть в пивную. Григорий

с племянниками и друзьями стояли в стороне, недалеко от павильона. Остальные пошли за пивом. Раздался звук разбитого стекла, на улице собралась толпа. Собратья вступили в драку с русскими парнями. Что произошло там внутри, Григорий не знал, но видел, что русскому парню может здорово достаться. Он ринулся туда. Цыгане окружили парня, который больше всего задибался, желая проучить наглеца. Гриша проник в толпу, пытаясь разбить «стенку», поднял руки вверх, призывая своих собратьев опомниться, остановиться, не давать рукам воли, а руководствоваться здравым смыслом. И что вы думаете? Русский парень, увидев затылок Григория, защищавший его от тумачков остальных, вынимает из кармана бутылку вина и разбивает ее о голову Григория. Осколки вонзились в голову. Оцепенев на некоторое время, друзья подхватили окровавленного Григория на руки и понесли в ближайшую больницу. По дороге в больницу Григорий умолял не трогать русского парня. Даже при таком повороте жизни Григорий не озлобился на людей. Он пытался пропагандировать добро и порядочность, чтобы люди проявляли доброту друг к другу.

После операции, пребывая уже дома, Гриша чувствовал, что здоровье подкосилось. Все чаще повышалось давление, стало падать зрение, все чаще он попадал в больницу. Нужно сказать, что пил он чисто символически, а теперь, по совету врача, прекратил употреблять спиртное и вовсе, и исключил из рациона употребление свинины.

До конца жизни Григорий не нарушал данного обещания, что он дал врачу. Лишь при самых значительных событиях позволял себе немного коньяка, а свинины он так и не ел.

РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Нередко Гриша вспоминал прожитую им жизнь, хотя прожил не так уж много. В годы войны, во время многих переездов кочуя из одной местности в другую, он потерял немало родных.

Как-то, в конце двадцатых годов, по цыганской почте пришло страшное известие. Табэр родных с кибитками, пересекая дорогу, решил спуститься в поле, чтобы разбить палатки. В последней кибитке была тетя Григория Лиза по прозвищу Мачеха. Мужа её звали Гого сын Ристы из племени рувони. Когда кибитка перекрыла дорогу, у лошади из рта соскочила уздечка и она встала. Гого вышел из кибитки, чтобы поправить уздечку и освободить дорогу. Только он подошел к лошади и обхватил ее голову, в мгновение появилась почтовая машина, в которой находилась военизированная охрана. Что они везли, так и осталось загадкой. Увидев цыганскую кибитку, они решили, что сделано это умышленно с целью захвата содержимого машины. Недолго думая, военный вынул из кобуры наган и подстрелил главу семейства. Григорий думал, как в один момент в человеческой жизни решается все. Не соскочи уздечка у лошади — и было бы все нормально. Видно, в этой уздечке была заложена его жизнь.

Расскажу о другом случае, принесшем смерть женщины по имени Зина. Было это во время войны. Чтобы согреть своих детей, пошли как-то женщины к железнодорожному переезду стащить немного угля. Стали набирать уголь, но на беду поблизости стоял состав, как видно, со стратегическим грузом. Увидев силуэты (в темноте невозможно было разглядеть, что это были женщины), часовой открыл огонь и попал в Зину. Рана оказалась смертельной. Вот такая плата — жизнь за полмешка угля!

ФУТБОЛ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Григорий сменил место жительства и переехал в Ленинградскую область, город Ижора. В 1956 году у него родилась внучка — первая дочь сына Ристы и снохи Лены. Радости не было границ. Те чувства, которые он не мог проявить принародно при рождении сына Ристы, сейчас грех было скрывать, да и зачем?

У самого Григория после освобождения из лагеря родилось еще три дочери и три сына. В доме были малыши, его родные дочки, и к чувству отцовства Григорий стал понемногу привыкать. А вот чувство, что он дед, — это совсем другое. Шёл ему тогда сорок четвертый год. Радость этого чувства переполняла его. Долго выбирал он имя — самое нежное, самое красивое, чтобы не ошибиться! Но, когда Григорий увидел девочку (ей было уже шесть недель), этот маленький комочек, имя пришло само по себе. Назвали Белочкой.

По цыганским обычаям, женщины после родов шесть недель не могли показываться на люди. Женщина не прикасалась к чистой посуде, (у неё была отдельная, которая по истечении срока выбрасывалась, так как женщина считалась оскверненной). Такие законы были многие годы и столетия. Только после перестройки они изменились.

Огромную радость сменило очередное испытание судьбы. В 1957 году молодежь и люди постарше собрались поиграть в футбол с русскими парнями. Как ни уговаривал Григорий не идти на матч Ристу и других, предчувствуя беду, никто не послушал его. Беда не заставила себя ждать. В ходе матча завязалась драка между командами. Лоля, брат Григория, бросил через себя парня. Тот, ударившись о камень, потерял сознание. Отвезли его в больницу. Обстановка была напряженная, все ждали чем дело закончится. А закончилось плохо. Не приходя в сознание, парень скончался.

Лена и дочка Белочка. Ленинград, 1957 год.

Поселок, в котором жили обе команды горе-футболистов, всколыхнулся. Со стороны русских пошли угрозы: мол, надо с вашей стороны тоже одного убить.

Разрешение вопроса осталось одно. Не дожидаясь, пока прольется чья-то кровь, старики решили уехать из этих мест. Собрав свои пожитки, Гриша и табэр переехали в Донецк, поселок Авдотьино. В Донецке жили сваты Григория Володя и Филастра, так что переезд был не на пустое место. Сваты помогли найти подходящее место для постройки домов. Один готовый жилой дом они купили у русских людей. Он был с огородом, с садом и к тому же недалеко от города. Так что Гриша был доволен. После обустройства на новом месте жизнь, как говорится, пошла своим чередом.

ВОССТАВШИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

У Григория был еще один брат, Коля, который пропал в возрасте шестнадцати лет. Попал он в тюрьму за жульничество. Получил небольшой срок. Находясь уже в зоне, имея довольно неадекватный, непредсказуемый характер, умудрился Николай добавить к сроку дополнительный, за разные нарушения и проступки. В общей сложности получил он шестнадцать лет лагерей. Все эти годы родные не знали о нем ничего и причислили его к мертвым. Неоднократно его поминали — каждую годовщину. А тут доходят слухи, что жив он, женат, имеет детей и даже кое-какие передраги в семье. Не долго думая, Григорий выясняет адрес и снаряжает в дорогу людей, чтобы проведать, узнать о жизни Коли, а по возможности и привезти его к ним, на постоянное место жительства.

На разведку поехали сын Риста и племянник Коля (Бундаш). Коля очень обрадовался приезду родных, познакомил

Коля нашелся. 1958 год.

Семья Коли слева направо: дочь Земфира, сын Тарзан, приемная дочь Дарья и жена Тамара.

их с женой Тамарой, которую встретил в тюрьме, а по освобождении они поженились. Тамара была из племени русских цыган. В момент знакомства с Колей у неё был ребенок, дочь (с дефектом, она была немая). В момент приезда Ристы и Бундаша у них было уже совместных двое детей, старшая дочь и сын.

Коля как гостеприимный хозяин потчевал гостей. Риста не употреблял спиртного, а Бундаш с хозяином (Колей) за милую душу, за обе щеки. Результат не заставил себя ждать: оба были, как говорится, уже на бровях. Слово за слово, схватились за грудки. Увидев эту сцену, Риста втянулся между ними, чтобы разнять. Но, как известно, тому, кто разнимает, достаётся больше всех. Спустя несколько минут Риста был уже без рубахи. Один рукав у Бундаша, другой у дяди Коли, а остальное разбросано по полу. С трудом успокоили драчунов.

На следующий день, дядя Коля извинился перед племянником Бундашом и подарил тому рубашку. Риста обиделся на то, что они сидели в обнимку, как родные, засыпая друг друга комплиментами, и не обращали никакого внимания на него. Риста, как бедный родственник, сидел в стороне в разорванной рубашке. Он высказал им всё — вчера чуть не расквасили носы друг другу, а сегодня же целуются. «Вы оба нарядные, а я сижу между вами в разорванной рубашке». Они с ухмылкой посмотрели друг на друга и спросили Ристу: «Ты же не пьешь, почему у тебя разорвана рубаха?» Он ответил с такой же ухмылкой: «Чтобы сохранить ваши носы, я пожертвовал рукавами». Все посмеялись, инцидент был исчерпан. Тамара привела рубашку в порядок.

Они собрались и приехали домой к родным, устроив праздник сердец близким людям. С ними был и дядя Коля, который по характеру не подходил ни к одному из братьев. Все братья — Дёрди, Брэтьяно, Григорий — были очень серьезными людьми. Коля был без комплексов, мог на свадьбах одеться в экстравагантные наряды, накинуть на себя

шкуру овцы или телушки, не считая это зазорным, для того чтобы рассмешить людей ради веселья и праздника. Но была у него и другая сторона характера — его непредсказуемость. Никто не мог и предположить, что он выкинет на сей раз. Мог сорваться и уехать в любую сторону Советского Союза. Из-за непредсказуемости мать Кокана невзлюбила его (любимым сыном все же был Григорий).

СМЕРТЬ КОКАНЫ

Находясь при смерти, Кокана пригласила детей попрощаться. Коля находился поодаль, за спинами братьев, гримасничая лицом. Дарья, жена Гриши, увидела, что вытворял Коля, ее деверь. Вообще Дарья была очень смешливой. Для неё не имело значения, где она находится — на свадьбе или на похоронах. Стоило ей увидеть какую-то смешную сцену, смех пробирал её так, что долгое время она смеялась, прикрывая рот ладонью, чтобы скрыть смех, за что ей часто доставалось от Григория.

Вот и сейчас она заметила смешные движения своего деверя, гримасу его лица. Захлебываясь, Дарья не удержалась от смеха, едва переводя дыхание. Слезы были не от горя к умирающей свекрови, а от «хохмы», которую устроил Коля. Едва сдерживаясь, Дарья спросила: «Коля, ты что прячешься?» А он, оглядываясь и делая еще более смешную гримасу, говорит: «Боюсь попасться на глаза старой». — «Почему?» — спросила Дарья. — «Чтобы не прокляла меня на смертном одре», — сказал Коля и при этом смешно замычал. Дарья убежала на улицу, смех уже вырывался наружу, удерживать его не было сил.

Такие разные по характеру были родные братья. Если старшие принимали все близко к сердцу, то Коля воспри-

нимал это как неизбежное и переносил довольно спокойно все потрясения жизни. Может, по этой причине прожил он больше всех, до семидесяти девяти лет, когда остальные не доживали и до семидесяти.

Григорий тяжело переживал смерть матери и долго приходил в себя от этого известия. Разумом он понимал, что жизнь дана от «звонка до звонка». Самому только Богу известно сколько отпущено жить человеку. Успокаиваясь, он находил какие-то для себя слова.

РИСТА

Горе сменялось радостью в жизни Григория. Вскоре у него родился первый внук, мальчик. А мальчиком этим был я. Назвали меня Мурша, что означает «мужчина». Рождение мальчиков в семье цыган, имело огромное значение. Гриша смотрел на Ристу, сына, который, смущаясь, не мог поднять глаза на счастливого деда. Григорий осознавал, что чувствует сын, и был за него счастлив. Продолжение рода его сына Ристы обеспечено.

Риста по натуре был самобытный человек, хорошо пел, танцевал, играл на баяне. Он имел успех в деловой сфере, несмотря на то, что никакого образования и курсов не заканчивал. После осложнения со здоровьем у отца Риста взял материальное обеспечение семьи на себя. Ему с успехом это удавалось. Риста женил младших братьев, в дальнейшем обеспечил существование их семей.

Риста, молодой отец, 1957 год

РАЗБОРКА ИЗ-ЗА ТЕЛЕВИЗОРА

Но вернемся к прошлому. Шел 1961 год. Как повелось в жизни Григория, по злему року судьбы радость сменялась горем и неприятностями. Был праздничный день православной Пасхи. Ничто не предвещало беды, хотя многие опасались неожиданных потасовок нетрезвой братии.

Был обход домов. По цыганскому обычаю, суть гулянья в праздничные дни заключалась в том, чтобы обойти все дома табэра и поздравить хозяев дома, пожелать им счастья, здоровья, благополучия. Пожелания сопровождались танцами, плясками. Мысль о том, чтобы напиться, никому и в голову не приходила.

Большая часть населения гуляла в центре табэра, и лишь Бундаш, сын Дёрди, отстав от основной группы людей, был настроен явно не празднично. Дело в том, что незадолго до Пасхи у табэра сапоррони была совместная командировка (совместный выезд), с участием Сульмана, сына Гого, а также Ристы и Бундаша. Володя был назначен бригадиром. На поездку были большие затраты. Но ничего не вышло: заказчик забраковал работу, выплатив только часть денег. Володя при получении денег схитрил, и все остальные при получении денег оказались в минусе. Володя же умудрился купить себе телевизор.

Всех это привело в сомнение, в части дележа денег со стороны коллег. Кто был более спокоен, смог перебороть в себе порыв в выяснении денежной сметы, а для Бундаша это было как красная тряпка для быка. Накануне празднования такого великого праздника его убедили не устраивать разборки, на что Бундаш вроде бы согласился, но утренняя доза спиртного дала о себе знать, а именно затронула вопрос о несправедливом решении. Бундаш решил ликвидировать предмет роскоши в доме Володи (тот самый телевизор), которым Володя хвалился перед гостями. Справедливость

должна была восторжествовать. Надо вывести на чистую воду расхитителей социалистической собственности.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Бундаш вошел в дом Володи, где были только дети (пятеро дочерей и один сын, Боря). Бундаш спросил: «Где отец?» Невооруженным глазом на его лице была видна агрессивность к брату, кем являлся ему Володя. Дети насторожились. «Дома обходит» — ответили напуганные дети. «А, гуляет!», — с ухмылкой сказал незваный гость, проходя в дом. «Ну что ж, не будем ему мешать».

Дети с оцепенением наблюдали за каждым шагом агрессора, от которого ожидать можно было все что угодно. Приблизившись к телевизору, он поднял его на руки и, ухмыляясь, сказал: «Ну-ка, посмотрим, что там идет по телевизору?» Он поднял телевизор над головой. «Дядя Коля, не надо!», — крикнули дети. Он сделал вид, что испугался детей, и бросил телевизор с высоты вытянутых рук. Телевизор разбился вдребезги, превратившись в грудку разбитого стекла. Дети плакали, бегали, а он с ухмылкой приговаривал: «Какие глупые дети, из-за вас я уронил телевизор и разбил его. Ну ладно, брат на меня не обидится. Все равно это были мои деньги, значит, это мой телевизор. А со своим телевизором я что хочу, то и делаю. Ладно, дети, не плачьте, папка ваш мужик работающий, заработает еще. Только на этот раз купит телевизор на честные деньги. Подойдя к детям, он поцеловал их, приговаривая» «Христос воскрес, Христос воскрес!» Посмотрев на младшую, Бургулю, он спросил: «А что надо говорить?» Девочка с испугом ответила дрожащим голосом: «Воистину...».

Празднование Пасхи было в разгаре. Весть о случив-

шемся в доме Володи настигла табэр к середине дня. Как говорится, люди гуляли на всю камаринскую. Но детишки прибежали к маме Соне и рассказали о происшедшем. Соня доводилась сестрой Дарье, а дядя Гриша и племянник Володя друг другу были свояками.

Окинув взглядом Григория, Соня кивнула головой, чтобы тот вышел из-за стола. Григорий понял, что случилось что-то неладное, но с улыбкой и припевкой вышел на улицу. За дверьми лицо его стало серьезным, напряженным. Увидев взволнованную женщину, свояченицу, Григорий сказал: «Успокойся! Что случилось?» — «То и случилось. Телевизор разбит». — «Если сообщить эту новость в горячке этим хмельным людям, я боюсь, всего они не осознают. Такая же участь ожидает их головы, как и участь твоего телевизора. Лучше помолчи! Иди домой, убери стекла, чтобы муж не догадался. Завтра на трезвую голову разберемся».

Женщина послушала совет Григория. Но такую весть в цыганском мире удержать очень сложно. Дошла она и до хозяина телевизора. Володя вспыхнул, стал рваться, чтобы отомстить наглецу. Отозвав его в сторону, Григорий сказал ему те же слова, что и его жене. Но на Володю слова не подействовали. Он затеял скандал.

При скандале табэр принял две стороны. И даже те, кто совсем недавно пил и угощал соседа разносолами, сейчас наносили друг другу «увесистые тумаки» и увечья. Сейчас за чужое похмелье у них болела голова. Принимая активное участие в остановке скандала, Григорий обратил на семью и себя гнев со стороны Бундаша, которого защищал Гриша, сын Армянки, то есть племянник Дёрди. В кулачных боях Григорий был неопытен, скорее он был миротворцем, чем агрессором. В ходе драки Гриша останавливал обезумевших родственников — ведь, практически, в драке участвовали три брата и их дети. Григорий почувствовал острую боль в лопатке, удар в спину. У Дарьи была пробита голова, лицо залито кровью.

ТЯГА К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

Был хороший солнечный день. Риста шел поработать на огороде, что для цыган было неестественно. В руках он держал штыковую лопату из светлой стали, острую, как лезвие ножа.

Гриша, племянник Григория, увидев Ристу, работавшего на огороде, ринулся к нему с обидными словами. Тот был не из робкого десятка, здоровье покрепче, чем у Гриши, его двоюродного брата. После нескольких ударов кулаками, что нанес Риста в челюсть нападавшего, тот отступился. Но Риста уже вошел в кураж. Он замахнулся страшным оружием — штыковой лопатой, которая была заточена не хуже сабли. Попади Риста острием лопаты по голове Гриши, голова расколосась бы вдребезги. Но, видно, не суждено было Ристе, сыну благородного отца, стать душегубцем, хотя Риста был полон желания расколоть голову незваного гостя.

Голова Гриши была окровавленной, но то были царапины по сравнению с тем, что могло случиться. В это самое время неизвестно откуда в сторону Ристы летит тяжелый булыжник и попадает Ристе в голову. Риста рухнул без памяти прямо на огород. Лена, жена, металась между ранеными, пытаясь оказать первую помощь (все трое — свекор, свекровь, муж в ней нуждались. Свекор со свекровью были в крови, но все же еще в сознании, Риста уже без сознания. Лена подбежала к нему, облила водой, привела в чувство и, пытаясь остановить

кровь, обвязала ему голову.

Ни Риста, ни Григорий не имели опыта в кулачном бою и никогда в потасовках не участвовали. Возникающие вопросы Григорий решал мирным путем, рукоприкладство унижало его человеческое достоинство. И Ристе он постоянно твердил эти слова. Риста старался не огорчать любимого отца и не лез в скандалы. Может, он и пожалел, что

Слева направо: Жора (младший сын Брэтьяно), Рицё (Дюрди Рицё Михайлович), Риста (сын Григория), Чёмпи (старший сын Брэтьяно).

слушал отца, — не оттого, что получил травму, а оттого, что не смог защитить своих родителей — отца, а главное, мать. Он жалел, что его потянуло на тот проклятый огород. Будь он рядом с родителями, ничего бы не случилось, наверное, он смог бы защитить свою мать, оградить её от негодяя, нанесшего удар по голове. До конца жизни он терзал себя теми мыслями.

Если Григорий воспитывал миротворцев, прививал любовь к добру, то брат Брэтьяно был противоположен в этом вопросе. Он воспитывал воинов, которые могли дать отпор любому агрессору. Но грань между обороной и нападением иногда стиралась. Все же сыновья Брэтьяно (старший Чёмпи и младший Жора) встали на защиту любимого дяди Гриши. Их помощь оказалась своевременной. Не будь этих братьев, не исключено, что в семье Григория кого-нибудь недосчитались бы... Чёмпи, увидев двоюродного брата Ристу, лежащего на огороде, и стоящего возле него двоюродного брата Гришу, бросился на Гришу. Ударами кулака в челюсть он повалил родственника на землю, навалился сверху и достал нож. Когда Чёмпи увидел Ристу, в его голове были мысли: «Ристы нет в живых, его уже не вернуть». Чёмпи был готов на вендетту. Смерть за смерть.

БРАТ НЕ БРАТ, А РОДИНУ НЕ ПРОДАМ!

Можно подумать, что Чёмпи был неправ, убивая брата за брата. Но в цыганском мире существует такое поверье: родственник родственнику рознь. А именно: если родственник приходится ему двоюродным братом по мужской линии, то ему отдается приоритет. Риста приходился Чёмпи двоюродным братом, так как их отцы Григорий и Брэтьяно были братьями из племени сапоррони. А вот Гриша был сы-

ном Армянки, которая приходилась Григорию и Брэтьяно сестрой по племени мигэшти, то есть Гриша и Чёмпи были братьями по женской линии. В этом случае терялись родственные чувства, потому что котировалась нация, и то, что брат «завалил» брата, «не проходило».

К примеру, если бы Чёмпи и Риста подрались, то тогда это были бы внутренние семейные дела. В этом же случае политика выходила за пределы семейных разбирательств. Здесь счет шел на два государства, и Чёмпи понял это как сигнал тревоги («полундра, наших бьют»). Он рванул в атаку. Усевшись сверху на брата, он увидел, что Риста пришел в себя. Дядя Гриша окликнул Чёмпи, чтобы тот опомнился. Да, крик отрезвил его, но агрессора надо было проучить. Зажав лезвие ножа и оставив сантиметра три, он вонзил его в тело родственника. При этом он нервно смеялся и спрашивал: «Брат мой, тебе не больно?» Умоляя о пощаде и признаваясь в неправоте, брат Гриша кричал, из последних сил.

Наконец прибывшие на помощь люди оттащили Чёмпи от окровавленного Григория. Спасло его то, что Володя из табэра мигэшти, отец Лены, услышал о грандиозной драке в табэре сапоррони. Он поднял людей ради спасения дочери и зятя, а по ходу и остальных решил развести по углам. У враждующих сторон, которые противостояли друг другу, кровь лилась ручьем.

Но давайте вспомним, с чего началась эта драка. А всего лишь, из-за злосчастного телевизора Володи, который разбил Бундаш. Володя не послушал дядю Гришу не начинать в праздник разборок, так как Бундашу в таком состоянии ничего нельзя было доказать, а в результате невинные люди пострадали. Володя не послушал совета мудрого человека, и как следствие... пошел к Бундашу. А Бундаш это знал и был уже наготове: подшофе, пел свою любимую песню «Джамайка».

Приблизившись, Володя взял первую ноту «до», надеясь задавить красноречием наглеца. Но Бундаш ударил сво-

ей «тяжелой артиллерией», заглушив вступительную речь старшего брата не только словами, но и действиями. Он сорвался с места в сторону приближающегося недоброжелателя. В этот момент вступилась массовка, которая начала разнимать драчунов, а затем пошла стенка на стенку. Смею заметить, зачинщик драки, Володя, не получил ни одной царапины.

В то время единственному сыну Володи, Боре, было одиннадцать лет. Соответственно, по возрасту, он не мог принимать в драке никакого участия. Володя и члены его семьи обошлись лишь легким испугом. После драки, когда все закончилось, Володя появился на публике, ловил на себе взгляды потерпевших и громко доказывал, что все случилось не из-за него. Но у людей не было сил, желания спорить с ним и что-то доказывать. Люди расходились по домам, чтобы залечить раны, полученные в борьбе за великое дело.

ДРУЖБА, ДРУЖБОЙ, А ТАБАЧОК ВРОЗЬ

По прошествии праздничных дней и залечивания ран все виновные в драке и организации скандала попали в круг цыганского суда. Старейшины осуждали горе-воjak, и при повторном нарушении это грозило им более серьезным наказанием.

Много времени прошло со дня того скандала, случай стали забывать. Григорий все чаще и чаще заглядывался на своих четверых мальчиков, двое из которых были совсем детьми. Его старшие братья были в возрасте и больны. А их дети выросли, окрепли и становились почти неуправляемы. Все чаще Григория посещали мысли о том, что ждет в будущем его сыновей при совместном проживании в табэре. Он представлял это смутно. Каждый праздник проходил с

напряжением. Все боялись скандалов, но без этого редко обходилось.

Особенно отличался скандалом праздник Петров день, 12 июля. В такой день люди поминали умерших родных. Цыгане старшего поколения до этого дня не ели свежих фруктов и овощей. В этот день накрывали большой стол, который заполняли ягодами, фруктами, овощами. Каждое блюдо подносили к губам, произносили имя каждого умершего человека. Только после этого люди могли позволить себе употребление всех этих лакомств.

Итак, в этот день случались разные недоразумения. Многие в шутку говорили: «Не нечистая ли сила это?»

КОСТЮМЧИК НАДО ОБМЫТЬ

Даже этим летом не обошлось без выяснения отношений. Григорий выглянул на улицу. Был хороший солнечный день, праздник Петров день. Женщины, возвращаясь с базара, готовили к праздничному столу пищу на костре. У Григория было отличное настроение. Он надел свой лучший костюм, красивую цветную рубашку (галстуков цыгане в те времена не носили). Мужчины постарше носили рубашки-косоворотки. Вот и Гриша надел красивую косоворотку, начищенные сапоги. Гладко выбритый, с черными усами, он вышел на улицу. Немного смущаясь, он подошел к женщинам, готовящим у костра, и, не дождавшись комплиментов, спросил: «Ну, как, девочки, хорошо я выгляжу?» Обращался он с вопросом к снохе Лене и жене своего племянника Гриши, Земфире. Увидев обожаемого, любимого ими человека, ослепляющего своей величиестью и красотой (без лести сказано), они засыпали его комплиментами, отчего Григорий смутился. Далее он спросил: «Всё ли они привезли из

города для праздничного стола?» На это он получил положительный ответ.

В это время на горизонте показался старший брат Дёрди. Походка выдавала его плохое настроение и расположение духа. «Ой, дядя Гриша, опять дядя Дёрди злой идет. Наверняка дома с тетей Нюрой поругался. Как бы с тобой не сцепился».

Приблизившись к ним, Дёрди начал чертыхаться: мол, здесь тишь да благодать, а дома ему продыха нет. «Зачем огорчаться из-за бабы, оставайся у нас, стол накроем, помянем умерших, а потом и погуляем». Дёрди заметил Григория при полном параде. Глаза его злостно сверкнули, на лице появилась ехидная улыбка. И тут началась прелюдия, вроде того: «Это только тебе повезло, что у тебя всегда тихо и спокойно...» Дёрди встал, подошел к Грише и прижал его к себе, взяв за борта пиджака. Гриша рванулся, да так, что борта остались у Дёрди в руках. Окружающие, окаменев, наблюдали за этой сценой. Только когда они увидели, что гость сделал с хозяином, они встали между ними.

Дёрди и не думал что-то предпринимать, свое черное дело он уже сделал. Бросив оборванные борта пиджака на землю, он пошел восвояси. День был испорчен не только для одного Дёрди. «Пусть и другие поскучают», — видно, думал Дёрди, покидая их с хитрой ухмылкой на лице, выполнив обязательную программу. И он этого добился, день для Григория на самом деле был испорчен. Григорий подошел к накрытому столу, помянул умерших родственников и улегся у стены, чтобы не портить своим подавленным видом настроение другим.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ

И так происходило в каждый праздник, которые чаще всего Григорий праздновал, как и сегодня. Лежа у стены, он обдумывал поведение сородичей. При этом он искал оправдание их поступков, чтобы смягчить обстановку. Он трезво осознавал, что обстановка обостряется. Власть из рук братьев уходит, как песок сквозь пальцы, а поведение племянников становится непредсказуемым. Да, конечно, Григорий осознавал, что братья в молодости вели себя не лучше своих сыновей, даже по отношению к нему. Но Григорий был молод, и дети его были младше. Теперь они взрослеют, а в такой обстановке они становились потенциальными участниками всех событий, происходящих в табэре, в том числе и скандалов и драк между сородичами. А в драке родство не признается. А это значит, что надвигается беда и становится смертельной опасностью для жизни его сыновей.

СМЕРТЬ БРЭТЬЯНО

Григорий прекрасно осознавал, что если он уедет от своих братьев, то расставание это может оказаться в их жизни последним. Все братья были больны (преимущественно гипертонией), хотя по возрасту они были в самом расцвете сил. Самому старшему Дёрди в 1961 году было около пятидесяти пяти лет, Брэтьяно пятьдесят два, Григорию сорок девять лет.

Жизнь здорово потрепала этих ребят, и, перешагнув пятый десяток некурортной жизни, организм стал давать сбои. Но если остальные братья еще держались на людях, не показывая болезней, то Брэтьяно был совсем плох. Именно

по этой причине Григорий не торопился с решением вопроса об отъезде. Он знал, что брату осталось недолго жить на этом свете.

Беда не заставила себя ждать. Случился инсульт, Брэтьяно парализовало, некоторое время спустя он умер. Сказать, что эта потеря для Григория была страшной бедой, значит ничего не сказать. Для него это была несоизмеряемая утрата. Да, он потерял мать, отца, но, будучи мудрым человеком, осознавал, что родители были людьми более преклонного возраста.

Так думать о смерти ему еще не приходилось, тем более находясь на воле, а не в застенках лагеря. Смерть брата, по существу ещё молодого человека, Григорию казалась страшнее, чем весть о войне, об аресте. Во времена ареста он надеялся, что это была ошибка, что разберутся и отпустят. А когда началась война, он верил в силу могучего Советского Союза и в достойный отпор ненавистному врагу, в то, что война вскоре закончится.

Теперь, осознавая факт, что брат умер, Григорий понимал, что горе непоправимо. Его оптимизм иссяк, он оплакивал любимого брата, глядя на Брэтьяно, лежавшего в гробу, красивого, еще молодого человека, которому жить да жить. Внешность его напоминала императора Николая II (красивые усы, элегантная борода). На глаза Григория накатывалась слеза, как будто в фильме, перед ним пробежала вся жизнь, сопровождаемая братом, который был для него ангелом-хранителем. Григорий вспоминал, как Брэтьяно спасал его от ареста, как он гордился силой старшего брата. Брэтьяно был человеком преданным и исполнительным, готовым отдать свою жизнь, если братьям угрожала опасность. За последние годы много агрессии проявилось в его характере. Видно, болезнь давала о себе знать. Брэтьяно обожал своего старшего брата Дёрди. Если Дёрди принимал какое-то решение, то Брэтьяно не оспаривал его, даже если был не согласен с ним.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Дёрди был человеком непредсказуемым, принимал неожиданные решения. Однажды от капризов Дёрди досталось и Григорию. Случилось это за несколько лет до смерти Брэтьяно.

Стояло жаркое лето, июль месяц, двенадцатое число, а значит Петров день. Гриша чувствовал: что-то непредсказуемое случится в этот день. И он не ошибся. Случилось то, что Дарья встретила жену Брэтьяно, Лоли; поговорили они на базаре и разошлись. Возвратившись домой и у праздничного стола ухаживая за любимым деверем (братом мужа) и мужем — те уже были навеселе, Лоли пожаловалась: «Ну надо же, как загордилась эта Дарья». — «А что случилось?», — спросили мужики. «Да, встретила я её на рынке, разговариваю с ней, а она посмотрела на меня косо, хмыкнула, и ушла, ничего не ответив». Если Брэтьяно еще мог пропустить эту весть мимо ушей из уважения к младшему брату Грише, то Дёрди из уважения по отношению к Брэтьяно, а значит к младшему брату и его жене, принял оскорбление за личную обиду.

Решение было принято: наказать зазнавшуюся сноху, за несоблюдение субординации. По рангу Лоли стояла выше. Она была женой старшего брата, по сравнению с женой Григория. И старики-разбойники ринулись в бой.

СТАРИКИ-РАЗБОЙНИКИ

Григорий, закончив поминание родных, усадил гостя за стол. Гостем был племянник, сын сестры Армянки, Гриша. Только сели за стол, как в дом вошли неразлучные братья.

Первым вошел Дёрди, за ним Брэтьяно. По лицам братьев Григорий почувствовал нехорошее настроение и расположение духа. Сделав вид, что ничего не заметил, он пригласил братьев к столу. Столы тогда были невысокие (сантиметров пятнадцать от пола). Братья и все остальные сели за стол прямо на пол, в мусульманской позе. После третьей стопки старший деверь попросил хозяйку дома, чтобы та спела. Дарья вздрогнула, посмотрела вопросительно на мужа. Взглядом, Григорий дал ей понять, чтобы она не противилась и спела, дабы не спровоцировать скандала. Григорий уже понял, что скандала не избежать, но надеялся, что хоть кто-то подойдет, и уведет разбуянившихся гостей. Он пытался оттянуть время.

Дарья пела народные песни цыганских поэтов и композиторов. Первым начал Дёрди. Ему, конечно, не понравилась выбранная Дарьей песня. «Почему ты не улыбаешься, может, ты нам не рада?» — «Ой, да что вы, деверя мои дорогие, как я могу быть вам не рада, кому же мне еще радоваться, как не вам!» Григорий насторожился. «Началось», — подумал он. Посмотрел в окно — никого. И Ристы нет дома. «Может это и к лучшему», — подумал Григорий.

«Ну что вы, братья, давайте я вам что-нибудь спою». — «Ты споешь?» — косо посмотрел на него Дёрди. «А может ты скажешь, почему твоя жена так огрызается по отношению к родственникам?» И грозным басом Дёрди окрикнул Дарью. «Почему ты прошла мимо Лоли, когда она с тобой заговорила, да еще косо на неё смотрела?» Дарья, не понимая, что происходит, моргая глазами, смотрела по сторонам — то на мужа, то на племянника. Начала оправдываться, что этого не было, что поговорили и мирно разошлись, по-доброму.

Семья Григория

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Брэтьюно, все время молчавший, после слов Дарьи понял, что жену его могут уличить во лжи. Был бы он один за столом — уладил бы этот инцидент. Но слова оскорбления в адрес Дарьи из уст Дёрди уже посыпались, а остановиться на этом — значит поставить уважаемого человека в неловкое положение. Поэтому Брэтьюно решил взять инициативу на себя и довести начатое дело до конца.

«Ты говоришь, что моя жена все это придумала и ввела в заблуждение моего высокоуважаемого брата?». «Я не говорю, что она придумала. Я не огрызалась, а вежливо с ней говорила». Услышав это, Брэтьюно вышел из себя. Он осмотрелся, увидел банку с компотом на столе, схватил ее и бросил в голову, а точнее, в сторону Дарьи. Попади банка в лицо, последствия были бы необратимы.

Сидевший рядом с Дарьей племянник Гриша, все это время молчавший и не смевший перебивать речь этих «гигантов», в последний момент успел заслонить ладонью лицо Дарьи. Ударившись о ладонь Гриши, банка разбилась вдребезги. Ладонь стала красной от смешавшихся сока и крови, которая била фонтаном из раны. Увидев эту картину, Дарья подняла крик.

Братья, увидев окровавленного племянника, еще больше взбесились и решили довести дело до конца. Они побежали к Дарье. На пути Дёрди стоял Григорий и призывал его к порядку и благоразумию, на что Дёрди отреагировал ударом. Та же участь постигла и племянника Гришу, оказавшегося на пути Брэтьюно. Братья беспощадно били двух Григориев. Племянник, Гриша, кричал не раз: «Дядя Гриша, позволь ответить им тем же!» Григорий отвечал: «Не смей, мальчишка, поднимать руку на своих дядей, запрещаю!»

Драка перешла на улицу. Воспользовавшись моментом, пока Дарья сдерживала мужа, они схватили племянника за

руки и ноги и поднесли к краю ямы, где находилась свалка среза металла — отходов, остающихся при выполнении жестяных работ. Раскачав, на счет «три» они бросили его прямо на эти срезки металла. Гриша, племянник, превратился в кровавое месиво, вынимая осколки металла из окровавленного тела.

На шум и крик помощи Дарьи прибежали люди. Всю оставшуюся жизнь помнила и благодарила Дарья своего спасителя, племянника Гришу. Не будь его рядом, лицо очень красивой женщины стало бы безобразным.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ХУЖЕ ТАТАРИНА

После этого случая Брэтьяно долгое время был не в силах взглянуть брату Григорию в глаза. И уже помирившись, до конца жизни они ни разу не обмолвились дурным словом по отношению друг к другу. Григорий не забывал, когда Брэтьяно спас весь табэр сапоррони. А было это так.

Недалеко был табэр мигэешти, настроенный в адрес сапоррони враждебно. Мигэешти решили проучить табэр самонадеянных «выскочек» сапоррони, которых они по численности превосходили. Но все же у племени мигэешти был страх. Они предполагали, что у сапоррони есть отчаянные головы, которых числом не испугаешь, а наоборот раззадоришь. Последствия могут быть непредсказуемыми. Решили они застать соперника врасплох, не предупредив о визите. Они подозревали, что Брэтьяно имеет огнестрельное оружие, но считали, что это пустая похвальба для устрашения незваных гостей.

Итак, незваные гости хлынули, как говорится, без стука в дом Брэтьяно. В это самое время там собралась большая часть мужчин племени сапоррони. Незваные гости пере-

крыли все ходы и выходы. Брэтьяно понял, что они попали! Что делать, как ему выйти в коридор?

ЧЕРТЕНОК ГЭЛЯ

Были у Брэтьяно два мальчика-двойняшки, Рупа и Гэля. Гэля страдал одышкой, что не мешало быть ему поистине настоящим неугомонным «чертенком», колким на язык. Взглянув на них, Брэтьяно дал знак глазами (подмигнул). Сию минуту детишки приняли сигнал команды и затеяли между собой грандиозную драку, при этом Гэля шаловливо выкрикивал: «Я из папиной калоши, что под кроватью, достану пистолет и застрелю тебя».

Под шум, пытаясь успокоить детей, Брэтьяно, «нырнул» в коридор, чтобы достать свой трофейный пистолет из потайного места. Гости осознали что-то неладное, обстановка накалялась, и они послали наблюдателя за Брэтьяно. Заметив пистолет в руках Брэтьяно, испуганный гость запричитал: «О, брат мой, зачем ты достал это страшное оружие, для чего?» — «для того, чтобы такие гости, как ты, и тебе подобные поняли, что мой дом — моя крепость! Для незваных гостей у меня найдется любые гостинцы, но все зависит от того, как поведут себя гости в моем доме. Так что лучше, брат мой, будет, если ты скажешь своим друзьям, чтобы они убралась из моего дома. Пусть приходят тогда, когда их пригласят!» Оставив хозяина, собеседник выбежал из коридора, нашептывая своим пожелания хозяина. Наконец, гости, которые так неожиданно появились, без какого-либо объяснения быстро удалились.

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Все это вспоминал Григорий у гроба брата Бретьяно. С трудом перенес он эту утрату. Но жизнь продолжается. Прошел положенный срок траура. Жизнь вновь пошла своим чередом. Григорий встречался со сватом Володей из племени мигэешти, отцом снохи Лены. Подолгу они сидели за столом, в компании жен, Дарьи и Филастры. Часами разговаривали, не раздражая друг друга, смеялись, веселились, распевали песни и расставались друг с другом с сожалением о разлуке.

Как-то в гостях у Григория, Лена, дочь Володи и сноха Григория, подавала чай. Взглянув на счастливое лицо Григория, Володя с завистью сказал: «Эх, сват молодец! Ты женил сына! Когда я женю своего старшего, Камбири?» Тогда у Володи было пятеро детей. Улыбаясь в усы, Григорий ответил: «Да не грусти ты, сват. Успеешь себе рога нажить». Он повторял это несколько раз. А Володя обижался в шутку. «Да какие рога? О чем ты говоришь, сват? Я же о будущей снохе говорю».

Прошло несколько лет. Володя женил сына Камбири. Как-то пришел Гриша в гости к свату Володе. До этого он слышал о сложном характере молодой снохи. Сидят они за столом, пьют чай. Вдруг молодая сноха (звали её Вена), затеяла скандал. Володе стало даже неловко перед уважаемым гостем. Он запричитал: «Да сколько можно, как не стыдно?! Хотя бы перед гостем помолчала, не позорь нас!»

Григорий пил чай и посмеивался. Володя кричит, но в то же время краем глаза наблюдает за реакцией гостя. Заметив, что гость ехидно улыбается, Володя с улыбкой спросил его: «Гриша, отчего смеешься? Поделись с другом». Григорий поначалу отшучивался, ответив: «Да нет Володя, это тебе показалось». — «Да нет Гриша, я тебя знаю не первый год и изучил достаточно. Так что колись, что тебя рассмешило?»

И Гриша, не сдерживаясь, рассмеялся во весь голос, сказав: «Я же говорил тебе, успеешь рога себе нажить!»

Высказывание «рога нажить» у цыган значит не то, что у других наций («измена»), а значит «нажить проблемы». Услышав такие слова друга и свата, да еще с заразительным смехом, Володя воскликнул: «А, так вот что ты имел в виду!» И сам рассмеялся, глядя на друга и покачивая головой.

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Сноху Володя выбирал не сам, а его мать Брия. Вена, будущая сноха, была не красавица. Бабушку жениха прельстило приданое молодой, которое составляло два мешка, набитых наполовину сарафанами да кофтами. К тому же перина, подушки. Вот и все её богатство. Но по тем временам не каждая потенциальная невеста на выданье могла похвалиться даже этим. Сваты не придавали значения внешности молодой с приданым. Некрасивая девушка становилась красавицей. А даже красавицу иногда игнорировали, если она не имела приданого.

Вена красотой не отличалась, характер ее был довольно резок, да и спуску никому не давала. Довольно часто Володя приходил к свату за советом — как в сказке Пушкина «О золотой рыбке», когда старик обращался к рыбке: «Что мне делать со своею старухой?» Так и Володя, взмолясь, обращался к Грише: «Что мне делать с моей красавицей? Житья нет от её скандалов!» А Гриша еще сильнее смеялся и с «подколкой» в голосе говорил: «Это еще цветочки, подожди, ягодки впереди!» — «Раньше были «рога», а теперь «ягодки». Что ты хочешь этим сказать?» — «Ничего особенного. Только ты с одной не можешь справиться, а что будет с тобой, когда ещё остальных женишь?»

Григорий заливался громким смехом, ну а Володя, глядя, как тот издевался над ним, в ответ улыбался и говорил: «Ну нет, теперь остальным сыновьям буду сам выбирать жен и никому не доверю судьбу своих детей, да и свою». Гриша ещё больше смеялся: «Как свою, ты-то тут при чем?» — «Как при чем? Я не могу спокойно сидеть в своем доме, все время бегу от скандалов. А мне хотелось бы тишины, более заботливой и милой снохи, чтобы она нежно и тихо подходила с подносом чая и мягким голосом говорила: «Папа, выпей чаю». Да я бы от такого чая никогда в жизни не отказался, даже если бы был заполнен жидкостью до подбородка». Он посмотрел на Григория, ожидая с его стороны какой-то «подколки». Но Гриша обладал удивительным чувством такта и знал меру шуткам.

НЕ В ЛОБ, ТАК ПО ЛБУ

Григорий взглянул с улыбкой на Володю несколько раз, похлопал по плечу и сказал: «Ничего сват, первый блин комом. На ошибках учатся, не бывает одинаковых людей. Я думаю, все твои мечты исполнятся». При таких словах друга Володя воспарял духом.

В скором времени, Володя женил младшего сына, Бакро. В снохи взял девушку по имени Гуля. Она действительно воплотила в жизнь все мечты свекра в жизненном быту и поведении в доме, где он чувствовал себя как в раю.

Так же повезло ему с другой снохой, женой младшего сына Микаяно. Звали её Тасья, проще говоря, Тася. Обладала она покладистым характером, красотой; жила без шума и скандалов. Но характер сына проявлялся не в лучшую сторону. Микаяно был балагуром, хулиганом, но в хорошем смысле этого слова. В нем было много энергии и изобретательности.

По отношению к сверстникам он не раз применял безобидные трюки. Много жалоб приходило со стороны к Володе и Филастре. Сложно было найти подход к характеру и манере поведения сына. Володя был отцом, который не прибегал к рукоприкладству. Да и, честно говоря, к тому времени Володя уже болел и не отличался особыми габаритами.

Микаяно шел восемнадцатый год. Он был крепким юношей. По силе в табэре редко кто мог помериться с ним. Володя был уже болен, так что физически наказать сына был не в состоянии, лишь морально.

У цыган есть такой закон. Самый младший сын в семье остается с родителями до конца. Старший брат не отделиться от родителей пока брат младше его не женится, и так далее. В этом случае так и предполагалось. Но Володя решил иначе. Он отделил младшего Микаяно и оставил в семье любимца Бакро и сноху Гулю.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ ВЫХОДИТ РАДУГА

Но мы немного опередили события. Григорий по прошествии траура по брату Брэтьяно старался войти в ритм жизни, который существует в жизни каждого благополучного человека. Год траура уединяет человека от гуляний на праздниках и увеселительных мероприятиях. Запрещалось слушать музыку, не говоря уже о том, чтобы самому петь, плясать, нельзя смотреть телевизор и слушать радио. В итоге — полнейшая изоляция от мира развлечений и удовольствий.

Поначалу, после траура, было трудно. Но постепенно жизнь входила в своё русло. В этом же году Григорий женил второго сына, взяв в снохи дочь двоюродного брата Лаци. Лаци давно покинул табэр сапоррони (после очередного

скандала со своими братьями). Жена Маня убедила его уехать на год к её родственникам, пока все утихомирится и успокоится. Но год этот для Лаци и его потомков оказался роковым: разлука с родиной навсегда.

Ну а пока Григорий возвращался из города Львова радостный, с молодой снохой. Дома славно отыграли свадьбу. Вскоре старший сын Риста отделился от родителей. Началась его самостоятельная жизнь. Ушел Риста из родительского гнезда довольно поздно, было ему тогда двадцать девять лет. Была на то уважительная причина, так как был он старше второго брата на тринадцать лет. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Риста был человеком, который не плыл по течению, а наоборот, боролся со стихией, преодолевая преграды на своем пути. Так что, выпорхнув из родительского гнезда с тремя детишками, он не растерялся, а проявил себя как настоящий мужчина.

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

На новоселье Григорий подарил сыну Ристе золотые карманные часы с крышкой и десять золотых монет. В те времена это была установленная фиксированная такса между родителями, отделявшими своих сыновей. Риста, как достойный сын, был благороден и не раз оплачивал отцу благодарностью до конца его дней.

Григорий уже болел, выезжать в командировки ему стоило немало усилий, и Риста взял эту обязанность на себя (ещё до того, как ушел от отца с матерью). Риста оказался способным находить работу, а также хорошим организатором. Он собирал бригаду (практически, из родственников, двоюродных братьев, дядей). Работа заключалась в лужении; за-

нимались также химчисткой, изготавливали сатураторные установки под газированную воду.

Система была очень трудной. Не имея специальных организаторских способностей, образования, надо было «окручивать» директоров заводов и фабрик, имевших высшее образование и заключать договоры. По выполнении работ делом техники и красноречия было выбить деньги наличными, а не перечислением на расчетный счет.

Надо отметить, работа выполнялась добросовестно со стороны бригады Ристы. У заказчиков не возникало претензий к качеству. После испытания сатураторной установки и изготовления газированной воды руководство заказчиков, опробовав продукцию, осталось довольно. Но проблема в те советские времена, когда не было частного бизнеса, заключалась в том, что заключение любого рода договоров за наличный расчет строго запрещалось.

Цыгане же имели способность пробивать те железные законы, которые не в состоянии изменить было другим людям. Простота и безграмотность цыган смягчала руководителей, занимавших высокие посты в главках, министерствах, людей, прошедших всю войну, ещё не ожесточенных, а наоборот, человечных.

Они наблюдали, как маленькие цыганята пытались смягчить сурового дядю песнями, плясками и выпрашиванием хлеба. Многие, даже занимавшие высокие посты, не могли устоять перед мольбой этих крох, угощали, чем могли.

Все было просто. Только окончилась Вторая Мировая война, самая кровопролитная. Многие, потеряли детей на дорогах войны, и сердца этих «министров» были не чета нынешним «холодным», которые растеряли человечность, считая свои ничтожные рубли. Они выслушивали все доводы и искали пути решения сложных, как казалось, вопросов, не нарушая закона. И находили — в виде оплаты за труд людей.

Изготовление баллонов под сатураторные установки для газированной воды. На переднем плане Жора сын Брэтьяно, на заднем плане Риста.

ВИД ИЗ ОКНА ДИРЕКТОРА ЗАВОДА

Довольно часто Риста рассказывал, как однажды вокруг него, спящего, руководство завода устроило целую пресс конференцию. А было это именно так. Работа по лужению сатураторных установок выполнялась во дворе одного крупного завода. Окна директора выходили во двор, но Риста этого не знал.

Стоял жаркий летний день, плюс тридцать градусов по Цельсию. Ко всему жара от костра. В общем, пекло невыносимое! В сапогах ноги Ристы от жары просто «закипали». И он решил проблему следующим путем: поставил корыто с водой и запрыгивал в него прямо в сапогах в момент, когда задвигал установку для нагрева на костер, превратив работу в целое шоу, что привело в изумление директора, наблюдавшего за Ристой из окна. Почти двадцать минут краем глаза директор наблюдал эту потрясающую картину с участием Ристы — героический труд в экстремальных условиях. Но дела завода все же оторвали директора от этой интересной сцены.

Закончив работу, Риста устроился в тени пообедать да немного вздремнуть. В это самое время, директор с группой руководства выполнял обход территории завода. Заметив уснувшего, директор обратил на него внимание своих сослуживцев. Обступив Ристу, директор стал описывать интересную сцену, которую наблюдал из окна своего кабинета. «Это вызвало у меня огромное уважение к человеку за его невероятный труд. Видели бы вы, что вытворял он в процессе работы. Это виртуоз, акробат, волчок, и все в одном лице! Если бы, мои рабочие завода так работали, мы по всей стране вышли бы в передовики».

После разговор этот передал Ристе главный инженер завода, сказав: «Ну, сегодня вокруг тебя спящего была целая конференция».

Да, Риста не имел к себе жалости. В работе был требователен как к себе, так и другим. Григорий гордился сыном, так как знал, что Риста не подведет его и краснеть перед людьми никогда не придется. Все вроде бы налаживалось, в нужном направлении.

КАРАУЛ, НЕВЕСТУ УКРАЛИ!

Как обычно, после хорошего события опять последовало происшествие. Случилось следующее. Ёшка сын Дёрди (старшего брата Гриши), увел из родительского дома девушку. Звали её Папина, она была дочерью одного из руководителей соседнего табора мигэшти.

Прозвучала эта весть, как гром среди ясного неба. Два табэра были приведены в боевую готовность, был введен «комендантский час». Сапоррони жили ближе к городу, поэтому снабжать домочадцев продуктами им было легче. Племени мигэшти было сложнее, так как после угроз в адрес сапоррони те в ответ установили шлагбаум, перекрывающий дорогу. Зачастую сапоррони останавливали рейсовые автобусы, проверяли пассажиров — не едут ли жители из табэра врага). Водитель автобуса, молодой русский парень, знал многих сверстников, как с одной стороны, так и с другой.

Встретив очередной автобус, одна из сторон расспрашивала водителя о численности противника. Водитель, был парень с юмором. Замечая такой интерес к его персоне, он подливал масла в огонь. При вопросе «Ну, Сашка, много их там? И что делают?» он отвечал одинаково обеим сторонам: «Ох, много, с колами и вилами». Те, услышав такой ответ, кричали, почесывали затылки, тяжело протяжно выговаривали: «Да-а-а-а...» А парень, отъезжая подальше, заливался

от смеха. Потом когда все успокоилось и улеглось, он честно в этом признавался. Никто на него за эти шутки не обижался, и вместе посмеивались над этой глупой ситуацией.

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ, ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС?

Но это было после, а сейчас старики с обоих табэров стали задумываться о том, как бы не пролилась кровь молодых горячих парней из-за одной непутевой юбки. На нейтральной территории старейшины обоих табэров объявили сбор. Во главе табэра сапоррони выступил Григорий. В таком щепетильном вопросе речь Дёрди не имела веса. Хотя по возрасту он был старшим из племени сапоррони, был он обвиняемым: именно его сын увел молодую девушку. Выступить должна была нейтральная, не заинтересованная сторона, которая приводила приговор об уплате за моральный ущерб пострадавшей стороне, отцу невесты.

Григорий был на высоте, он выдержал речь перед уважаемой публикой, не давая повода для сомнений в искренности его слов. Григорий дал понять, что табэр подчинится решению суда уважаемых присяжных старцев: «Желательно заплатить деньгами, чем кровью или, не дай бог, жизнью молодых. Хочу обратить внимание на то, что вина с этой очаровательной девушки не снимается. А именно: её не силой увели от родного отца, а с согласия. Может вина её и больше, чем того парня. Вы понимаете, что девушке-красавице легче окрутить парня, чем наоборот. Если она ему дала надежду и согласие на союз, то что же остается парню? Брать жену-красавицу без согласия родителей? Или сидеть дома и ждать, когда родители приведут ему жену страшнее смерти?»

СУД ПРИШЕЛ К КОНСЕНСУСУ

Круг начал оживленно переглядываться, немного загудел с неодобрением. «Гриша, что ты хочешь сказать, что мы враги своим сыновьям?» — «Враги не враги, а вкусы у всех разные. Особенно если глядишь на будущую невесту под градусом». Володя слушал Григория, одобрительно покачивая головой. Григорий высказал: «Успокойтесь, я говорю не о своих мыслях, а о мыслях молодого парня, оказавшегося перед выбором своей судьбы. Я, как и вы, их осуждаю. Чтобы не давать повода молодому поколению неуважительно вести себя к нашим законам и обычаям, к чувствам своих родителей, конечно, платить должен мужчина. Но и вина женщины учитывается в таком вопросе для вынесения справедливого приговора».

Григорий, завершив свою речь, присел. Все слегка призадумались. Резких высказываний в сторону жениха и его родителей уже не звучало. И, как в таких случаях делается, суд удалился для вынесения приговора. Решение было принято с обвинением обеих сторон. Дёрди, отца жениха, подвергли минимальному штрафу. Выплатив штраф суду (судей по-цыгански называли «крисыниторя»), отдали штраф родителям невесты. При этом строгое высказали наставление пожелать молодым доброго напутствия. В обратном случае, лучше промолчать, не желая плохого.

Долго не засиживаясь, после суда старики символически выпили бутылку водки. Дали всем мужчинам строгое предупреждение: при встрече в городе и где бы то ни было, относиться друг к другу с уважением, не предъявляя никаких претензий. Наконец, самый старейший объявил собрание закрытым. «Можно расходиться». Так мирным путем закончилось очередное разбирательство двух племен, не испытывавших симпатий друг к другу.

Благодаря дипломатии и красноречию Григория решение

вопроса было мудрым. Свидетелей той разборки не осталось в живых, и поэтому я рассказываю примерно, как дед Григорий мог вести свое выступление, чтобы остановить столкновение. Быть мудрым и не принимать скоропалительных решений обязывала его жизнь и хладнокровие. Анализируя и проверяя, при подтверждении всех фактов, Григорий высказывал необходимое нарушителю. Высказывания были тихие, неторопливые, но жесткие. И тот, кто выслушивал эту нотацию, готов был провалиться сквозь землю от стыда, так как ожидал от Григория совсем другого: криков, угроз.

Тут было совсем другое дело. Сложнее парировать, чем наругать. На грубость можно ответить грубостью, сделать деловой вид и уйти с высоко поднятой головой. Но Григорий знал такие приемы и шел обезоруживать человека простой беседой, не повышая голоса. Многие пытались подражать манере разговора Гриши. Но, начав беседу, при первой провокации со стороны ответчика тут же срывались, налегая на голосовые связки и оперируя всем запасом слов, которым обладали. Григорий ни при каких условиях не поддавался на провокации. Он создавал вид, что не слышал обидного, оскорбительного слова. Зачастую указывал людям на неправильное отношение к окружающим, давал недвусмысленное понятие, чем могло ему это грозить. И человек понимал: это не как угроза от врага, а дружеское предупреждение.

ПОЛНЫЙ ШТИЛЬ

Прошел 1962 год. Мирно, без особых приключений. Так незаметно шел и 1963 год, который приносил пока хорошие эмоции. Один за другим рождались внуки, жизнь налаживалась. Наблюдая за поведением своих племянников, Гри-

горий осознавал, чем это может грозить его сыновьям, а может, и дочерям. Как говорят, когда паны дерутся, у батраков чубы трещат.

У Григория самого было четыре сына и три дочери. У сына Ристы — два сына и две дочки. Глядя на своих внуков, думая об их будущем, сердце Григория сжималось. Многие говорят, что любовь деда с бабкой к внукам намного сильнее, чем к собственным детям. Это Гриша осознавал все больше и больше.

Дарья, его жена, стала замечать, что муж частенько задумывается, заглядывается на своих внуков. «О чем призадумался, старче?», — неожиданно спросила Дарья. Григорий от вопроса вздрогнул, и оба посмеялись. Позже он рассказывал ей все, о чем думает. «Не дай Бог, если повторится тот ужас, который произошел с нами». Дарья имела в виду драку из-за телевизора Володи. «И если пострадает кто-то из моих внучат, я этого не переживу».

Слова Дарьи дали уверенность его мыслям о срочном разъезде с родственниками, и выбор был сделан. Но одному цыгану переезжать негоже, одиночество для цыган хуже любой хорошей драки. И Григорий сделал выбор, с кем он мог бы осуществить переезд на новое место. В первую очередь он предложил это своему другу и соратнику по духу Ёшке. Затем старшему сыну Брэтьяно. Чёмпи был преданней Григорию, чем все остальные. Когда Чёмпи был навеселе, он любил искать приключения, но когда он был трезв, мог вытерпеть все что угодно от Григория. Наконец выбор был сделан, согласие дали все.

ПОИСК ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

После Пасхи в 1964 году Григорий, Риста и Чемпи поехали на поиски места для нового поселения. Вернулись они домой с довольными лицами. «Ну, как съездил, дед?», — спросила Дарья Григория. «Хорошо», — ответил Григорий, — нашли хорошее место, город называется Калинин, двадцать километров от города — деревня Славное.

Дарья, услышав название деревни, улыбнулась. «Хорошее название, оно придает мне надежду на то, что эти места будут для нас и наших детей счастливыми». Но Григорий попросил Дарью, да и остальных домочадцев, не разглашать до поры до времени о переезде, чтобы не вызывать на себя гнев родственников. Продав дома, уладив все дела, наконец, оповестили всех о своем намерении уехать из этих мест — с земли Украины на землю России, поближе к Москве.

Сообщение для родственников Григория прозвучало, как гром среди ясного неба. Много было негатива в адрес Григория и его приближенных. Выслушав все доводы, со стороны родни, Гриша сказал одно: «Решение мое сделано, менять я его не намерен, проживем отдельно друг от друга, на благо нашим детям».

Средством передвижения был вагон товарного поезда (по тем временам этот вид транспорт считался, как теперь СВ). Вещи были погружены. Отправка предполагалась на следующее утро. Весь день и до поздней ночи продолжалось прощальное гулянье. Риста, отец мой, привел на ночлег свою семью к тестю Володе и теще Филастре. Переночевали мы последнюю ночь на земле тогда ещё Украинской ССР, в доме моего деда Володи и бабушки Филастры, так как дом находился недалеко от железнодорожного полотна, где стояли наши вагоны. Наутро многочисленной толпой нас проводили до вагонов.

Добравшись до места назначения, Григорий пошел к ди-

ректору совхоза договориться о расположении своих людей. Договоренность была достигнута заранее, когда мужчины ездили выбивать участки для поселения. Нам выделили дома. Ёшке недалеко от магазина и чайной; Грише и Чёмпи дом на двух хозяев; Ристе, отцу моему, выделили сторожку на пустыре. Дом Григория был по соседству, разделяло их колхозное поле, метров двести.

Удачно расположились, познакомились с руководством совхоза. А какое знакомство без бутылки? До приезда в Славное Риста спиртного не употреблял, даже пивом не баловался (было ему тогда тридцать лет). Здесь же необходимо было налаживать отношения с руководством, с односельчанами, а, следовательно, пить. Григорий и Ёшка были больны. Здоровье, не позволяло пить им спиртное. Чемпи, если выпьет, то становится неуправляемым, а значит, неминуемо выселение. Оставалась одна кандидатура на пост выпивающего — это был трезвенник Риста, пивший до того только лимонад.

ОСВОЕНИЕ НОВОЙ ЗЕМЛИ

Все происходило, как было задумано. Местное население, начиная с председателя сельсовета и участкового милиционера, приняло цыган дружелюбно, с одобрением и симпатией. Довольно часто они заходили в дом на чашку чая к Григорию, под цыганские напевы и зажигательные танцы. Григорий знал, чем можно расположить к себе, завоевать сердце русского народа. Редко кому удавалось оставаться равнодушным к цыганскому пению, танцам. Григорий не раз напоминал сородичам: «Если мы хотим остаться здесь жить, то нужно вести себя вежливо по отношению к русскому населению. Даже если кто-то скажет что-то обидное

в ваш адрес, надо промолчать, уйти от человека подальше, не создавая конфликтных ситуаций. После сказать об этом мне, я все объясню участковому или руководству совхоза, и того человека отчитают по всем статьям, и все закончится миром».

НОЧНЫЕ КОНЦЕРТЫ

Так все и было, никаких резких высказываний со стороны русского населения в адрес цыган. Наоборот, все население было очаровано новыми жителями деревни. Григорию шел пятьдесят второй год (он был самым старшим в табэре).

Так вот, все цыгане из табэра сапоррони были очень красивый народ. А красота сама по себе располагает окружающих людей. Ведь говорят, что был бы человек хорошим. Да, это важно, но чтобы узнать человека, надо немало времени. А красота моментально ослепляет человека. Если же в красоту вложить свою душу, тактичность по отношению к людям, то выяснится, что у каждого цыганёнка есть неординарный талант.

Для просмотра театрального представления, люди простаивают очереди, платят деньги. А здесь — вот они артисты, да какие народные! Те, театральные, в подметки им не годятся. Когда вы идете в театр или на концерт, вы ожидаете что-то особенное, но не всегда ваши ожидания оправдываются. А здесь ты, простой деревенский житель, не привыкший к каким-либо особым развлечениям, заглянул к соседям, чтобы ближе познакомиться, да и просто поговорить о жизни.

Сборище народа, начало концерта — что может быть лучше! Первые же аккорды баяна под аккомпанемент гитары привели людей русской национальности в изумление и

Такие концерты у костра с песнями и танцами не могли оставить людей равнодушными. Слева направо: дочь Григория Гулумба, внучка Белочка, дочь Роза и сын племянника Гриши Додой. На заднем плане: баянисты Рищё (Дюрди Рищё Михайлович) и Жора сын Брэтьяно.

ожидание чуда. В ночи у костра зазвучали звонкие голоса женщин, им подпевали мужчины. За грустной песней, открывшей первую часть концерта, пошли веселые, затем зажигательные, да еще и с танцами. Далее были сольнные номера. На металлическом листе молодые люди в такт музыке отбивали чечетку, да еще передразнивая друг друга, что вызывало улыбку и восторг у благодарной публики. Круг людей у костра, увеличивался. Работала и цыганская кухня. У костра кипели самовары. Молоденькие цыганочки на подносах разносили чай, угощали доброжелательных зрителей.

Жители деревни Славное были поражены. Ничего подобного в своей жизни они не видели, как бы громко это ни звучало. По деревне прошел слух о замечательных артистах, которых послала им судьба. Жители каждый вечер задолго до начала собирались у цыганских домов, чтобы не пропустить концерта.

Каждую ночь и до рассвета продолжались концерты. У людей появлялись свои любимцы, на современном языке «звезды». Через пару недель таких концертов в колхозных делах произошел спад в производительности труда. Как-то директор совхоза заглянул к Григорию в гости попить волшебного цыганского чая с дымкой и с лимоном и обратился к тому с просьбой: «Григорий, я Вас очень уважаю, люблю послушать цыганские песни и посмотреть зажигательные танцы. Но видишь ли, в чем дело: просидев всю ночь до рассвета у костра, люди засыпают на рабочих местах. Падает производительность труда. Это еще полбеды. А если доярка заснет за доильным аппаратом? А если тракторист заснет на ходу? Могут быть и жертвы». «Хорошо, я дам команду прекратить ночные концерты». При таких словах, директор замахал руками, чтобы ни в коем случае не прекращать. «А что мне делать?» — «Просто сократить, хотя бы до двенадцати ночи с тем, чтобы люди до начала смены могли выспаться».

На том и порешили. Григорий провел беседу со своими полуночниками. Днем, все мужское население в совхо-

зе работало кто где, не покладая рук, вызывая уважение со стороны. Люди удивлялись поведению своих новых односельчан, повторяя: «Ребята, вы во всем мастера». А когда мы, ребятишки, приходили в колхозные амбары для погрузки зерна, люди встречали нас с одобрением и по-отечески улыбались, похлопывая по плечу или нежно поглаживая по голове, указывали на более безопасное рабочее место.

ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА

В конторе совхоза в этот день давали заработную плату. Отработав свою смену, мы шли бригадой получать ту самую зарплату. Бригада была из семи человек. Мне, сыну Ристы, было пять с половиной лет (меня зовут Мурша, а кличка была Муська). Среди всех я был самым младшим. Бригадиром был мой дядя, брат отца, которого звали Коля. Было ему одиннадцать. Остальные члены бригады были сыновья Ёшки (старший Мурша по кличке «негр черный»; второй Санко и младший Бусуёко), затем два сына Чёмпи (старший Янко по кличке Пацаной и младший брат Боря).

Войдя в контору, мы с деловым видом, заняли очередь в кассу, спрашивая громким голосом: «Кто последний?» Детский голос в толпе вызвал интерес у людей. Очередь расступилась, чтобы посмотреть, кто пришел зарплату получать. Когда люди увидели бригаду ударников, в коридоре конторы, пронесся оглушительный хохот. Услышав это, из кабинета вышел директор. Он сразу же догадался, в чем причина смеха. Он подошел к бригадиру Коле, крепко прижал его к себе и спросил: «Ну, ребята, говорите, что хотели?» «Как что, — ответил наш бригадир, — мы сегодня целый день работали, зерно грузили, пришли за зарплатой». «Это правильно», — сказал директор, взглянув с улыбкой на взрослых мужи-

*Вот таким я был в свой первый трудовой день.
Слева направо: я, Муриша; мой младший брат Букуро;
моя сестра Ляля. 1965 год.*

ков. «Любой труд должен быть оплачен. А ну, посторонись! — дал он команду взрослым работягам, — ударники обслуживаются вне очереди». Он подвел нас к кассе. Посчитав нас, он взял из кассы горсть мелочи и выдал каждому заработную плату в размере двадцати копеек каждому. Люди смотрели на нас с доброй улыбкой, которую нынче не увидишь на лицах людей, ожесточенных современной жизнью. А улыбались люди, так как видели перед собой счастливые детские лица, горящие от счастья глаза. Счастье заключалось не в количестве полученных копеек, а в том, что это были их первые самостоятельно заработанные деньги. Я лично никогда не забуду эти первые заработанные двадцать копеек.

Покинув контору, мы побежали в магазин, сложились деньгами и купили несколько бутылок вишневого лимонада да коржиков. Гордые и радостные, вернулись домой. Эта манера поведения цыганского населения вызывала у окружающих только положительные эмоции.

НОЧНЫЕ ПРИЗРАКИ

Прожив в домах, выделенных совхозом, какое-то время, наши люди стали наблюдать аномальные явления — чаще всего в доме моего отца Ристы, да и в домах, где проживали семьи Григория и Чёмпи. Однажды, а было уже далеко за двенадцать, Дарья увлеклась стиркой. Открыла двери, вынесла корыто с грязной водой и вдали увидела трех всадников на лошадях. Бросив корыто, на полусогнутых ногах она с усилием вошла в дом. Затем в доме Ристы в окнах неожиданно погас свет и промелькнули какие-то силуэты. Григорий и Чёмпи, увидев это, ринулись бегом к Ристе. Когда

уже у дома они окликнули его: «Риста, мы здесь», свет сию минуту включился.

Все эти события насторожили Ристу. Григорий не раз слышал от людей, что в домах Григория и Чёмпи во времена войны, располагался медсанбат (медицинский санитарный батальон). А домик, где жили Риста с семьей, служил сторожкой вроде морга, где размещали трупы умерших. Но большее внимание привлекали заросшие холмы за домом. Мы не предавали им значения до тех пор, пока не узнали, что это старое кладбище.

После таких новостей все забили тревогу. Цыгане пошли к директору совхоза просить о помощи: выделить земли под постройку для новых помещений. Выслушав просьбу цыган, директор с пониманием отнесся к проблеме. Стали искать выход из создавшегося положения.

МОЙ ДОМ — ПЕКАРНЯ

К вечеру того же дня директор пригласил Григория в контору. Тот в сопровождении Ристы, Чёмпи и Ёшки пришел в кабинет директора совхоза. Учитывая создавшуюся ситуацию, директор объявил: «Хотел бы я вам помочь и выделить под жилье старую недействующую пекарню. Здание крепкое, рубленое, бревенчатое, там хранятся остатки зерна. Необходимо их убрать, сделать перегородки и смело переселять несколько семей. Там же есть свободная земля под застройку». — «Могли бы мы посмотреть помещение?» — «Конечно», — ответил директор. Он отвез их на машине до этой пекарни, находившейся метрах в пятистах.

Всем понравилось новое помещение, двор, где можно было разместить ещё несколько домов. Во дворе был колодец, рядом дорога. Отремонтировав под жилье помещение

на три семьи, осенью переселились. Слава Богу, все встало на круги своя.

Все же один раз было какое-то явление. Ёшка остался жить с семьей в старом доме. Он жил поодаль от остальных, решив перезимовать в этом доме, а летом построить дом поближе к Григорию. Коля подружился с сыновьями Ёшки, подолгу засиживался у них, а в тот день как-то припозднился. Несмотря на то, что ему было всего одиннадцать, Коля был смелым мальчиком. Чтобы не привлекать внимания (насмешек со стороны своих друзей), он отказался от сопровождения взрослых до дому. Он перешел мост, из-под которого вышла собака огромной величины, пристроившись к ноге Коли. Так она провела его до самого дома, не издав звука, даже не наводила никакого страха на Колю. У двери она исчезла в неизвестном направлении так же внезапно, как и появилась. Когда Коля это увидел, по его спине пробежала дрожь. Вбежав в дом, он быстро разделся и нырнул в постель, чтобы быстрее заснуть.

Больше ничего подобного не происходило. Перезимовав, с наступлением весны 1965 года Ёшка, наконец, построил дом и переселился поближе к Григорию. Этим же летом, и Володя, сын Дёрди, попросил на новом месте убежище. Переселившись, Володя тут же сосватал за своего единственного сына Борю невестку — дочь Ёшки и Лулуди, которую звали Доча.

В ДЕНЬ ВЫБОРОВ ПОД МОТОЦИКЛ

Все шло мирным путем, жизнь преподносила только радостные эмоции. Мужчины под руководством Ристы выезжали в командировки на заработки. Григорий восстанавливал жизнь в тылу, налаживал отношения с властями.

Многим людям, с кем вел беседу Григорий, импонировала манера его разговора. Ему удалось завести хорошие связи с начальником милиции Калининского района, с его заместителем, которые приходили не раз к Григорию в гости, нередко оставаясь на ночлег. Они доверяли Григорию документы и даже табельное оружие, которое с утра, на трезвую голову, Григорий вручал им в целостности и сохранности.

Но однажды случилось ЧП. В тот день проходили выборы, после которых нас пригласили дать концерт. По завершении концерта мы с чувством выполненного долга отправились пешком домой. Шли по обочине цепочкой в десять человек. Первым шел я, последней шла моя бабушка Дарья. Было поздно, темно, ничто не предвещало беды.

Вдруг — сильный удар мотоцикла, прервавший тишину (то был пьяный водитель в сопровождении друга). Самое ужасное, что сильный удар пришелся, в основном, по бабушке Дарье. Мы цепочкой повалились один за другим. Удивительно, но из нас никто не пострадал, все отделались легким испугом, а я ссадиной на лбу. Мотоциклисты оказались пьяные. К ним кинулись наши ребята, чтобы разобратся с наглецами. Но Григорий, как обычно, остановил своих сородичей от «самосуда». Он сказал: «Слава Богу, все живы, несмотря на травмы. Но это дело поправимое. В горячке вы можете сделать непоправимое! Кто может жизни лишиться, кто свободы и за решеткой оказаться. Так что я призываю вас к благоразумию и полнейшему послушанию».

Выслушав эти слова, все успокоились, оказывая помощь пострадавшим. Молодых ребят-мотоциклистов задержали, отобрали документы, ключи от мотоцикла. Вызвали милицию, ГАИ и скорую помощь. Прибыв на место происшествия, сотрудники ГАИ выяснили, что мотоциклист был нетрезв и не справился с управлением, совершив таким образом наезд на людей, идущих по обочине дороги. Григорий выдал сотрудникам ГАИ ключи от мотоцикла и документы задержанных. Старший инспектор подошел к Григорию с

просьбой оставить мотоцикл в табэре на время (под ответственность Григория). Транспортировать мотоцикл на стоянку, в город не представлялось возможным. На это Григорий дал согласие.

Виновных увезли в город с целью разбирательств и решения их дальнейшей судьбы, которая зависела от состояния Дарьи. Бабушке была оказана помощь, но от госпитализации она отказалась. Так как переломов не обнаружено было рекомендовано прикладывать компрессы да мази.

ПРИЗНАЮ СВОЮ ОШИБКУ! ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЬЮТ

Со дня происшествия прошло несколько дней. Со слезами на глазах к Григорию приехал горе-мотоциклист, захватив гостинцев для пострадавшей бабушки. Он просил прощения, призывал к сочувствию и пониманию, посыпая свою голову пеплом. Парень сознался в своей виновности и был готов понести любое наказание. Он предложил возместить материальный ущерб пострадавшей стороне в обмен на обратное заявление со стороны пострадавших, чтобы закрыть на него уголовное дело.

Григорий взглянул на молодого парня. Почему-то вспомнился ему тот молодой парень Сашка, которого в лагерях он пытался вразумить. Тогда он получил в ответ лишь «мама с папой не воспитали, а ты и подавно». В результате он умер в карцере.

Гриша посмотрел на него по-отечески и спросил: «Как тебя зовут?» И надо же было такому совпадению случиться, что парня звали Саша. Услышав имя парня и будучи уже в своих мыслях, Григорий вздрогнул от такого совпадения. И перед Григорием стоял уже не горе-мотоциклист, а тот па-

ренек, его сокамерник, которого он не спас, а бунтарство загубило его. Григорий подошел к парню, положил руку ему на плечо и стал успокаивать. «Успокойся, Сашок».

Указав на стул, он предложил сесть ему. «Хорошо, что ты сам пришел и признаешь свою ошибку. Дай мне слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сядешь за руль мотоцикла или машины в нетрезвом состоянии, подвергая опасности жизнь людей». Парень оживился, хотел что-то сказать, но Григорий прервал его: «Я не требую этих слов от тебя. Я свое решение не меняю, какой бы ни был ответ. Но прежде чем дать обещание, подумай, можешь ли выполнить его. Если нет, лучше не обещай». Все это время парень внимательно слушал слова Григория с опущенной головой. Григорий видел слезы на глазах этого Сашки. Голос парня слегка дрожал, но он произнес: «Дядь Гриша, даю вам слово, что никогда, ни при каких обстоятельствах не сяду за руль в нетрезвом состоянии. Ситуация, которая может изменить мое обещание, — если моим родным потребуется срочная помощь, в случае если их жизнь подвергнется опасности. Вы мне верите, дядя Гриша?» Саша посмотрел Григорию в глаза. «Верю, сынок», — сказал Григорий и протянул ему руку. Саша протянул свою руку, заключив крепким рукопожатием.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ПОМИЛОВАТЬ

После всего Саша попросил о встрече с бабушкой Дарьей, чтобы поднести ей гостинца. На это Григорий с удовольствием дал согласие и пригласил гостя в дом. Первым вошел Григорий и на цыганском языке попросил Дарью сдерживать эмоции и не повышать на парня голоса. Но легко ска-

зять человеку здоровому. Нелегко сдерживать себя человеку пострадавшему и быть в муках от боли.

Дарья была женщина с жестким характером, за словом в карман не лезла. Конечно, она высказала парню все, что думала о нем, свои предположения о будущем парня «с видом из окна в клетку», если он не сделает из всего соответствующие выводы. «Ладно, ладно старая. Что ты набросилась на парня?» На это Дарья ответила: «А ты, заступник, сильно не заступайся, а то сделаю тебя таким же, как я сама».

Григорий посмотрел на Сашу, подмигнул с улыбкой и добавил: «Нам лучше уйти и не испытывать судьбы». Немного повеселев, оставив гостинцы на столе, Саша вместе с Григорием вышел на улицу.

Составив необходимое заявление и расписавшись, Григорий передал его Саше. Тот достал какие-то деньги и протянул их Григорию. Григорий посмотрел на парня и сказал: «Спрячь деньги, Сашок. Много лет в своей жизни жил я среди русских людей. Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло, имея в виду жизнь в лагере. Видел много зла, добра. Так вот, зло я оставил там, в лагерях, а в жизнь взял только добро, которое дали мне русские люди, в то время, когда было не легко, и я в нем нуждался. По отношению к русскому надо быть терпимее, и конечно же, дружелюбным. Так что, Сашок, спрячь свои деньги и сделай на них доброе дело». — «А что именно, дядя Гриша? Смотрю я на вас, слушаю ваши слова и полностью вами очарован. Не думайте, что это игра слов или подхалимство. Когда я ехал сюда, я не надеялся найти взаимопонимания с вашей стороны. Даже на бабушку Дарью не сержусь. Правда, она другая. Любая русская женщина огрела бы меня костью, да так, что я бы понял, за что. Но ваши рассуждения меня просто ошеломили. Вы как ворошиловский стрелок, бьете в десятку. Так что мне нечего сказать в свое оправдание». — «На эти деньги, Сашок, купи своей матери букет цветов, коробку конфет, приди и обними её, пообещай то, что говорил мне.

Она знает, что ты поехал к нам?» — «Конечно», — сказал Саша — Мама желала ехать со мной, но я не позволил, полагая, что здесь меня ждет атака со всех сторон, нецензурные выражения, которые я не хотел, чтобы она слышала. Но при таких обстоятельствах, таком гостеприимстве я, конечно, взял бы её с собой. Она любит цыганский народ, его песни, танцы, яркую одежду. Поначалу, я относился к её восхищению с ухмылкой, но сейчас понял, что ошибался. Теперь я сменил свое мнение о цыганах, и в дальнейшей жизни не буду делать поспешных выводов о других нациях». Пожав друг другу руки, они простились, оставив в душе только самые приятные чувства.

БЕС ПОПУТАЛ

Деревня Славное оправдала свое название. Надо заметить, что время проживания Григория и его родных на земле деревни Славное Калининского района, 1964 — 1967 годы, было самым счастливым периодом. Кроме вышеупомянутого случая с ДТП, других потрясений и опасностей Григорий не испытывал. Жил он с оптимизмом, готовился к торжествам и праздникам, которые удавались на славу без происшествий и скандалов.

Но жизнь есть жизнь. Как-то случилась такая ситуация. Мы с моим отцом Ристой направились в магазин. По пути встретили Володю, двоюродного брата отца, и заглянули в чайную, где продавали пиво и красное разливное вино. Отец взял себе пива, Володе по кружке пива и красного вина, мне же достался стакан лимонада.

Устроившись удобно у стола (а столы тогда были высокие, за которыми можно было только стоять), Володя был в плохом расположении духа, очень раздраженным. Наблю-

дая все это, Риста, будучи абсолютно спокойным, не ожидал от Володи какого-то подвоха. Люди заходили и выходили из чайной, все здоровались с отцом, выкрикивая: «Здоров, Николай (так звали его по-русски)». Кто-то подходил и приветствовал Ристу рукопожатием. Володю, мало кто знал, так как приехал он недавно, а с русским человеком сходилась не так быстро, как Риста. Володя все больше налегал на вино и, когда он был уже навеселе, завязался разговор. Риста подхватил беседу.

В тот момент подошел русский мужик по фамилии Соколов, поздоровался, пожав руку отцу, и обратился с просьбой. Риста подал ему бокал пива, на что Володя неодобрительно фыркнул. Мужик проговорил, указывая на кружку с вином: «Нет, Николай, ты меня вином угости». Тут Володя взорвался. «А, вина тебе!» — и ударил того кружкой по лицу. Кружка разбилась о лицо несчастного Соколова, и мужик упал в крови. Увидев случившееся, Риста успел только крикнуть: «Что ты сделал?» Отец бросился оказывать помощь человеку, а Володя, предчувствуя опасную ситуацию, выбежал из чайной.

Люди, видевшие эту сцену, осуждали и выговаривали: «За что ты его так, Николай?» Немногие из завсегдатаев заведения открыто угрожали в адрес отца. Настоящие свидетели происшествия поддерживали Ристу и по-дружески советовали уйти с сыном домой, чтобы не накликал на себя беды.

По возвращении домой Риста собрал и сообщил всем о случившемся. Володя оправдывался, на что Григорий сказал: «Вы опять за свое старое. Вы забыли Донецк и то, что там произошло, что пострадали люди?» — «Опять мы виноваты?!» — «А кто же! Что вы скажете, если вся деревня сбегится, и перебьют нас вместе с детьми? Не для того уехал я из большого табэра, чтобы снова наступать на те же грабли».

Осудив поступок Володи, взрослые укрыли детей в домах и стали готовиться к отражению атаки со стороны де-

ревенских мужиков. Но, видимо, сложившиеся отношения с русским населением сказали свое веское решение в адрес цыган. Никаких акций предпринято не было, просто выпили на мировую, и инцидент был исчерпан.

ЗАБОР С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Прошел год до нового случая с участием Володи. Решили отгородиться забором от дороги — малышня подрастала шустрая. Чтобы не испытывать судьбы, решено было установить деревянный забор вдоль дороги. Сложившись, сообща купили необрезанные доски и стали устанавливать забор до кустарника. А кустарник начинал свой рост как раз от угла дома Володи. Володя видел в этом ущемление своих прав в сравнении с другими и возмущался, почему вдоль его дома не установили забор. Он стал выяснять отношения, отчего произошел очередной скандал с его участием, затем еще и еще. В конечном итоге, он пошел на принцип. В марте 1967 года Володя уехал, загрузив контейнер с вещами. Вот такие были моменты в жизни принципиальных людей. Семьи Чёмпи, Ристы и Григория остались жить в своих домах, дожидаясь прихода лета.

НЕ НА ГОД, НЕ НА ДВА, А НАВСЕГДА

Ранее, летом 1966 года, семья Ёшки уехала в город Тулу. Что послужило этому решению? Как всегда, «перебор». В цыганском мире есть такая поговорка. Если ты дружишь с человеком и хочешь дружбу сохранить, то не делай следую-

щего: не отдавай свою дочь в семью друга, не бери в снохи дочь друга, не имей с другом коммерческих дел, которые при дележе непременно приведут к конфликту.

Вот и эту ситуацию спровоцировал конфликт между двумя настоящими друзьями, на протяжении всей жизни не знавших чувств неловкости друг к другу. Что же послужило этому раздору?

У Ёшки на выданье была красавица дочь Крижма, или просто Кима. У Григория в роли жениха выступал сын Василий. Григорий испытывал к этой семье самые трепетные чувства и дружеские отношения к хозяину семьи. Глупо было бы искать птицу счастья, как искал Садко за тридевять земель, когда она рядом, здесь. Взвесив все «за» и «против», Григорий и члены семьи решили сделать ответственный шаг и заслать сватов к своему другу Ёшке.

СВАТОВСТВО

В те времена, у цыган считалось бестактным спрашивать разрешения у хозяина, поэтому гонцы были посланы в город за покупками. Ёшка ничего и не подозревал, когда Григорий собрался к нему в гости. Уже за столом, прихлебывая чаю, Гриша стал «подкалывать» друга. «Да, Ёшка, чай не водка, много не выпьешь. И что мы с тобою, два здоровых мужика, воду пьем?». Ёшка с ухмылкой сказал: «Ну что ж поделаешь». — «А я знаю что. Погоди, через часок, я тебя напою». При этих словах, улыбка исчезла с лица Ёшки. «Что ты придумал, Гриша, признавайся!» — «А что тут придумывать. Двое мужиков скучают, кто-то должен быть сообразительнее, я беру это на себя». Ёшка решил, что это была шутка, и пошел в дом.

Спустя полчаса к дому Ёшки подъехали сваты. Гурьбой

ворвались в дом, занесли ящики с пивом и водкой. Ёшка наблюдал за всем с широко открытыми глазами, не осознавая, что происходит. Когда Риста вошел с бутылкой шампанского, перевязанной красной лентой, он все понял. Красная лента с золотым кулоном на бутылке с шампанским означала, что пришли сваты.

Григорий вошел последним. Смущенно улыбаясь, он посмотрел на Ёшку и промолвил: «Ну что, Ёшка. Вот я и сдержал свое слово — будем веселиться». — «Да, друг мой Гриша, не знал я, что ты такой весельчак», — сказал Ёшка и удалился на улицу, не мешая незваным гостям накрывать стол.

Жены Лулы дома не было (она в городе на заработках гадала). А обида нанесена была лучшим другом. Пока Ёшка сидел на завалинке, в доме хозяйничали гости на полных правах сватов. Ёшка думал, как не обидеть человека, из-за которого он пошел бы в воду и огонь. Если бы вопрос касался его самого, а не его ребенка!

Дело в том, что Василий был симпатичным, хорошим парнем. У него были лишь проблемы с ногами: ребенком, лет десяти, играл в футбол и получил травму ноги (от сверстника Ромки, сына Яноша и Тамары, что была дочерью Бретьяно и Лоли). Травма оказалась серьезной. Несвоевременное обращение к врачам дало свои плоды. Боли в ногах стали хроническими, часто его госпитализировали.

Именно эта проблема терзала душу Ёшки. Он задавал себе один и тот же вопрос. Дружба дружбой, а судьба дочери важнее. Он был ответственен в выборе судьбы для своей кровинушки. Думая о дочери, он наконец принял решение «против». Вскоре за ним вышли сваты, приглашая его за стол, на почетное место.

КАЗЬМА МНЕ ДРУГ, НО ИСТИНА ДОРОЖЕ

Ёшка вошел в дом, стол был накрыт сполна. Взглянув на Григория, он сказал: «Вы ешьте, пейте, а я за стол не сяду, пока старуха моя из города не приедет». Сваты, услышав отказ сестры за стол, неодобрительно загудели. Григорий успокоил единомышленников и ответил: «Мы никуда не торопимся, не будем на него давить, может он и прав». Вскоре подъехала хозяйка дома Лула. Увидев толпу у дома, сначала испугалась (зная, что Ёшка болен, она подумала: «Не дай Бог, с ним что-то случилось»). Вбежав в дом, она увидела накрытый стол со знаком сватовства, на что ответила: «Покусай вас тараканы», как она часто говорила и улыбнулась.

Женщина эта была необычайно добра, гостеприимна. Никто никогда (ни взрослый, ни ребенок) не слышал от неё грубого слова. Все обожали и любили её. Ознакомившись с ситуацией, Лула слегка покраснела.

Ёшка отозвал в сторону жену. После небольшого совещания Ёшка и Лула вернулись в дом к гостям. Бутылка шампанского с бантом, означавшая символ сватовства, оставалась закрытой до тех пор, пока хозяин не даст знак раскупорить её для вынесения своего решения. Решение могло быть непредсказуемое.

Данного обычая, до сих пор, придерживаются только в табэрах племени сапоррони, в остальных табэрах любой желающий может открыть этот символ судьбы человека. Только возникает вопрос. Правомерен ли тот человек брать на себя такую ответственность, и кто её на него возложил? Это можно назвать не иначе как самозванство. Это прерогатива отца невесты и ничья больше. Опоздавшим к пиршеству достаточно было взглянуть на стол и увидеть, закрыта или откупорена бутылка шампанского, и всем становилось понятным решение хозяина в вопросе сватовства. Такая

интрига присутствовала и сохранялась до конца только у племени сапоррони.

Войдя в дом, Ёшка подошел к столу и предложил открыть бутылку с шампанским. Все замерли в ожидании. Риста как старший сын взял на себя эту обязанность с разрешения хозяина застолья, наполнил бокал шампанского и поднес Ёшке. «Я не думал Григорий, что когда-нибудь мне придется испытывать горечь обиды и неловкость перед тем выбором, что ты мне предложил. Я думал и верил, что между нами не будет секретов и тайн друг от друга, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Но ты поддался нашим обычаям, а не нашей дружбе. Ты должен был сделать выбор в пользу нашей дружбы и открыть свою душу, как мы делали это не раз в лагерях, да и после. Полагаю, что при таком раскладе мы оба были бы в выигрыше. Ты знал, что если дело касалось нас двоих, для тебя у меня не было слова «нет». Здесь же затронута судьба моего ребенка, и каждый отец мечтает создать счастливую жизнь своему ребенку. Я ничего не имею против твоего сына. Он хороший, красивый парень, но ты догадываешься, в чем дело, и я не буду говорить об этом. В общем, я отказываю тебе в согласии выдать свою дочь за твоего сына. А все твои затраты я оплачу. Подсчитайте, сколько я должен уплатить». По комнате пронесся неодобрительный гул гостей. Григорий почувствовал, что земля уходит из-под ног.

ОТКАЗ

В цыганском мире для любого уважаемого мужчины отказ считался поражением. При сватовстве воспринималось это предупреждением для остальных. Ведь дурная молва быстро распространяется. И если в данной ситуации ты по-

лучил отказ, то следующий сват непременно спросит о причине отказа от предыдущего свата.

Но сейчас не это волновало Григория. Шёл он смело к своему другу (они с Ёшкой называли друг друга братьями) с большой надеждой и не предполагал, что получит отрицательный ответ.

У цыган есть правило: если тебе не нравится жених, родители невесты и все окружение не могут сказать об этом. Пословица молвит: «С одного барана, две шкуры не дерут». Поэтому в случае отказа можно сказать, что дочь еще молода, замуж ей еще рано, или что у вас договоренность по этому вопросу с кем-то другим.

Григорий ответил Ёшке: «Ну что ж, брат, на нет и суда нет. Это твое право, твой ребенок, и ты вершишь её судьбу». Ёшка вышел из дома, земля под ногами горела. Он знал, что Григорий был уравновешенным человеком, мало кому удавалось видеть его раздраженным. Но все же он надеялся, что Григорий выскажет что-то обидное в его адрес, что было бы лучше.

СМЕРТЬ ЁШКИ

По происшествии нескольких дней Григорий пришел первым на примирение, так как знал, что Ёшка тяжело больной человек, жизнь которого была на исходе. По сравнению с потерей дорогого человека обида казалась мелочной.

Григорий сделал вид, что ничего не произошло. Но Ёшке от этого было не легче, он хорошо знал Григория, его тактику. Хотя они беседовали, пытались подшучивать, Ёшка не мог посмотреть Грише в глаза. Он понял, что необходимо сменить обстановку, а может, и место жительства. К дочке

могут приехать сваты из другого табэра, и ему будет тяжело в присутствии Григория дать кому-то согласие.

«Куда же мне спрятать взгляд?», — думал в тот момент Ёшка. Наконец, он принял решение уехать хотя бы на какое-то время. Григорий долго отговаривал его от этого решения, но оно было окончательное. Это единственный случай, когда Ёшка не прислушался к совету старшего брата. Расставание было тяжелым. Они смотрели друг на друга, не скрывая своих мужских слез и понимая, что видят друг друга в последний раз. С семьей Ёшка переехал в Тулу, где жила его сестра Фларя, у которой был единственный сын Гриша с женой Луцей.

Григорий перезимовал еще одну зиму, а в 1967 году переехал на другое место, ближе к городу Калинину. Название нового места расположения табэра — поселок Савватьево. И уже на новом месте Григория настигло тяжелое известие о смерти друга, брата, дорогого ему человека, Ёшки. Григорий и Дарья восприняли весть с большим потрясением (Ёшка являлся Дарье родным дядей), и поехали в Тулу на похороны. От жены Ёшки Лулы они узнали, что перед смертью он оставил завещание своей жене и детям, чтобы те вернулись в табэр Григория и отдали Киму за младшего сына Григория, Колю. Ёшка хотел умереть с чистой совестью перед своим другом, отказав другим в его пользу.

Похоронив друга, Григорий приехал домой очень подавленный. И долго он не мог отойти от чувства вины, что не углядел, не спас от смерти дорогого человека. Он бранил себя за то сватовство, приведшему к расставанию, которое оказалось последним в их жизни.

НАШЕСТВИЕ РОДНИ

Но жизнь есть жизнь, и надо было продолжать её дальше. За это время табэр Григория значительно увеличился. Сват Володя и его сыновья сменили место жительства. Затем приехали сестра Армянка с сыном Гришей и Рищё; брат Коля, Лоля. Табэр зажил полноценной жизнью. Через год, в 1968 году с семьей переехала вдова Лулуди.

По прошествии траура по мужу, построив дом и переселившись в него, Лула воплотила в жизнь последнюю волю своего мужа. На вопрос, заданный вдове друга, Григорий получил разрешение на то, чтобы засылать сватов. Как было решено, Крижму сосватали и отдали за младшего сына Григория, Колю. Отыграв свадьбу, стороны облегченно вздохнули с чувством выполненного долга (Григорий перед другом, а Лула перед памятью своего мужа). Новую сноху приняли в дом, как родную дочь. С того момента, когда она переступила порог дома Григория и до его смерти, Крижма не слышала от него плохого, резкого слова. Таким образом, исполнив мечту своего друга, Григорий заменил невестке отца.

ПЛАТА ЗА ДОБРО

Жизнь продолжалась и проходила с разными событиями. Люди приезжали и уезжали. После Пасхи в 1969 году уехал и сват Володя с сыновьями, в Белгород. В том же году попросил убежище некий Иван из племени сербских цыган. Жест доброй воли Григория вызвал удивление в табэрах котлярских цыган. Дело в том, что котлярские цыгане относятся к Молдавии, а сербские цыгане ближе по характеру

к русиянцам. Молдавские цыгане никогда не проживали с ними вместе в одном табэре. Решение Григория на подселение этихцыган вызвало неодобрение в котлярском мире, что подтвердилось уже после смерти Григория, в 1977 году.

Обнаглевший друг Григория Ваня ле Миланоско и его сыновья пытались взять власть в свои руки, пользуясь численностью. В результате этого случилось кровопролитие. Благодаря хорошему отношению Григория и Ристы с властями, справедливость была восстановлена и гости были выселены навсегда из этих мест.

Но это было позже. А сейчас, в 1969 году, они купили бывший дом Володи и поселились в нем. Дом Камбири, сына Володи, остался непроданным. В этом же году, летом, переехал жить и племянник Григория, Володя. Он жил в свободном доме Камбири. Риста, будучи зятем Володи, позвонил ему и сказал, что есть покупатель на дом и чтобы тот приехал.

Тесть Володя был болен астмой, ему был необходим чистый, идеальный воздух. Да, Володя был плох. В Белгороде, куда они переехали, был очень тяжелый воздух от заводских печей. Сажали его в поезд почти на руках. Но стоило подъехать ближе к Москве, как Володе стало легче. Приехал он к дочери Лене и зятю Ристе совершенно здоровый. Но было это визуально. Володя гостил в Калининне несколько дней, даже пел песни и водочкой баловался. Григорий и Риста отговаривали Володю не продавать дом, так как самочувствие его было здесь намного лучше. «Позвони своим, они привезут вещи и приедут сюда сами». Володя, услышав желаемое, немного замялся, посмотрел на жену и со вздохом произнес: «Спасибо, сват и зять, за добрые слова. Нет, не могу. Ребята мои заканчивают строительство дома, скоро переедем, новоселье отметим. Обживемся, перезимуем, а там и видно будет». Погостив несколько денёчков, получив деньги от Володи, младшего племянника Григория, Володя и Филастра уехали.

УТРАТА СВАТА

23 декабря 1969 года в доме Григория раздался телефонный звонок. Едва сдерживая слезы, звонил Бакро (сын Володи), который сообщил, что отец умер. Бакро просил передать Лене и Ристе, чтобы они приехали на похороны. Уже опустив трубку, Григорий чувствовал, что голос его дрожал. Он сообщил о случившемся сыну Ристе. «Не спешить говорить Лене, что отец умер. Сообщи, что при смерти и желает видеть её». Так было и сделано. И только по приезде на место Риста сообщил жене, что отец мертв.

Все чаще в жизни Григория стали приходиться печальные сообщения о смерти то одного, то другого родственника. Накануне пришло известие о смерти самого дорогого человека, любимого дяди Гого, за ним его жены Филастры. Только перевел дух — и вновь удар, смерть старшего брата Дёрди. Через год умерла сестра Армянка. Все это повлияло на Григория. На людях он держался спокойно, но, оставаясь один на один с собой, очень переживал. Часто входя без стука в его комнату, можно было увидеть в его глазах слезы.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

Григорий был стойким, выносливым человеком. Он находил в себе силы справиться с горем и вести свой табэр в нужном направлении. Со временем в табэре все труднее было находить единомышленников. Григорий был человеком непьющим, на застольях подолгу не задерживался. Покидая гулянье, он часто давал напутствие, чтобы люди вели себя с уважением по отношению друг к другу. Но не всегда это получалось. Довольно часто гулянье переходило в скан-

дал, что наутро являлось ритуалом для одних и тех же лиц. То одни, то другие племянники приходили к Григорию, посылая свою голову пеплом, и каялись, что «черт попутал», что этого больше не повторится и тому подобное. Но время проходило, и все повторялось вновь.

При своем большом авторитете, Григорию все труднее приходилось справляться с дебоширами. Риста был в разъездах, в командировках и не присутствовал при этих сценах. А когда это и случалось, Григорий отсылал его, так как Риста был резким, горячим человеком. Его высказывания были прямолинейны, в лицо, что вызывало разговор на повышенных тонах. Григорий этого избегал и терпеливо, без спешки мог выслушать любого человека и в итоге дать оценку действиям и поведению человека во время вчерашнего застолья. Виновный, выслушав Григория, готов был провалиться сквозь землю и уходил с понурой головой. И это давало свои плоды.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Григорию явно не хватало в табэре единомышленников. И, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Раннее утро 1970 года. Табэр проснулся от странного шума, суеты на улице. Выглянув в окно, Григорий увидел большое столпотворение цыган. Мужчины пожилого возраста, бородатые, женщины, дети и много молодежи. Они высаживались из грузовых машин, выгружали вещи. Григорий окликнул Дарью, чтобы та взглянула в окно и попыталась разобраться, что это за нашествие приезжих.

Григорий привел себя в должный вид и вышел к людям. Увидев Григория, пожилые мужчины подошли к нему. Среди них выделялся самый пожилой человек с бородой,

с трубкой в руке, он обнял и поцеловал Григория: «Здравствуй, дорогой мой человек». Григорий присмотрелся и узнал в нем племянника Бэрэгано, сына сестры Лизы и зятя Дрилы из племени сэулони барэ (что означало сэулони «большие» — не в плане роста, конечно. Просто были старший и младший братья, от которых пошло их потомство.) Затем подходили и остальные, которых Григорий уже узнавал и отвечал на приветствие. А это были второй сын сестры Лизы, Гого, следующий сын Лоти, и остальные хоть и не племянники, но люди того же племени сэулони — братья Тома, Мащё, Володя. Последний приходился Григорию зятем, за ним замужем была Лула, племянница Григория (дочь сестры Армянки).

В табэре поселилось более десяти семей. В основном, в табэре жили родственники. Для разнообразной и более раскрепощенной жизни нужны были посторонние люди. После многих потрясений и переживаний, Григорий наконец почувствовал облегчение.

До того момента не было такого человека, с кем Григорий нашел бы общий язык и взаимопонимание, сходство в характере, каким являлся племянник Бэрэгано с семьей. Они крепко подружились, проявляя симпатию друг к другу. У Бэрэгано было четыре сына. Старший Мурша; затем Гриша (в честь уважаемого дяди); Чула; и самый младший Ноней. Было и три незамужних дочери. Старшие дочери замужем жили отдельно от отца, в других городах.

Дружеские отношения, конечно же сложились и с другими людьми, которые прибыли в табэр. Но как бывает, появилась ревность со стороны родственников и негативное отношение к Григорию. Чаще можно было услышать упреки племянников и брата Коли. Мол, совсем нас забыл, а с новенькими сдружился. Кроме того, что старые жители проявляли злость, недружелюбие по отношению к новым жителям.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Поначалу все складывалось довольно не плохо. Но очередное ЧП окончательно испортило отношения между двумя племенами. Оно потрясло всех. Молодой парень увел молодую девушку из родительского дома без разрешения на то родителей. Что же здесь странного, подумает наш читатель? Дело в том, что молодая пара доводилась друг другу двоюродными братом и сестрой. В цыганском мире это неприемлемо. В такой ситуации люди посылают проклятье, а не благословенье.

Кто же эта пара? Жених, сын Гриши-младшего, невеста дочь Лулы. Хотя был Гриша племянником старшему Григорию (по отцу он был из племени брынзони, штат мигэшти), к сапоррони он имел отношение только по материнской линии. Можно полагать, что сапоррони не имели отношения к данному инциденту, но другие так не считали. Произошло это в табэре, которым руководил Григорий. Сторона жениха не были посторонними людьми Григорию. Удар был нанесен по репутации табэра сапоррони, в частности по его руководителю.

Два уважаемых человека, предводители двух племен, дядя и племянник, от стыда за происшедшее не могли взглянуть друг другу в глаза. Ранее я упоминал о племени сэулони. Не было бы счастья, да несчастье помогло их приезду в табэр Григория. Жили они в городе Жданов, но там была опасность эпидемии холеры. Зная местонахождение своего дяди, они приехали к нему.

Сэулони — народ очень предусмотрительный, пока не взвесит все «за» и «против», с места не тронется. Моральная сторона для них важнее физической. Почти каждая семья имела взрослых дочерей, и они предпочли бы заразиться страшной болезнью на месте, чем сунуться в какой-нибудь другой табэр, рискуя навлечь на себя позор и среди цыган

ославиться на весь Советский Союз. Зная устойчивую сторону характера Григория и его семьи, люди, не раздумывая, ринулись в табэр Григория.

То, что двоюродный брат увел из семьи двоюродную сестру, не мог предположить ни один здравомыслящий человек. Случилось так случилось. А решение было: союзу их не мешать, штраф возложить на сторону жениха. Родители отказались от дочери.

Дома сватов были расположены рядом. Как быть с таким соседством? Зима, на постройку дома не хватало средств, а в палатке будет холодно. И тут на помощь хозяину пришли сэулони. Они приподняли дом за счет домкрата и крана, положили под основание столбы и перекатали дом метров на пятьдесят дальше, вместе с вещами и мебелью.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Прошло время, отношения нормализовались. Григорий и Бэрэгано дружили семьями. Жители племени сэулони относились к Григорию с уважением. Но все же ощущался надлом в отношении дальнейшего пребывания сэулони в табэре сапоррони. Выбор был сделан. Сэулони решили уехать из табэра.

Для Григория это был ощутимый удар, так же, как и для Бэрэгано. За год, что они прожили вместе по соседству, они очень подружились. И если бы не случай по вине молодых, они съели бы вместе не один пуд соли. Григорий был человеком мудрым, он понимал, что решение Бэрэгано правильное, поэтому и не отговаривал его. Оба понимали: жизнь, при таких обстоятельствах была бы как на пороховой бочке. Кому как не им предвидеть столкновение. Расстаться по добром, лучше, чем врагами. Решение было окончательное.

Наступило время расставания. Дома были разобраны. Новостройка домов планировалась в Новгороде. Утром следующего дня была назначена отправка колонны. Весь день и ночь люди табэра оказывали друг другу внимание, уважение. Та роковая ошибка, что произошла между Володей и Гришей-младшим, не должна была оставить в сердцах неприязнь друг к другу. Нет виновных в случившемся.

Отец того парня очень переживал раздор с сестрой, которая, приехав к родным, от одной беды попала в другую, что для неё было страшнее опасности заболеть холерой. И брат её, Гриша, осознавал свою вину.

Была, конечно же, ещё одна причина: череда смертей родных Григория. Весной 1971 года умерла Армянка, сестра Григория-старшего и мать Гриши-младшего. В то время, когда на улице звучала музыка, Григорий-младший находился в трауре по ушедшей любимой матери. Он чувствовал полное одиночество. Доносившиеся отрывки музыки подтверждали равнодушие к его горю со стороны не посторонних людей, а родни, двоюродных братьев. Хорошо зная правила приличия во время цыганского траура, народ, видимо, потерял контроль.

Гриша пришел в ярость. Со слезами на глазах он вышел на улицу и только криком обратил внимание на себя со стороны толпы. Когда же музыка затихла, он стыдил людей и призывал их к сочувствию. На шум вышли Григорий и Бэрэгано. Выслушав веские доводы племянника, Григорий извинился за всех и грозным голосом объявил: «Отбой гуляню». Все дружно разбрелись по домам.

Утром, чтобы не спровоцировать скандала, Бэрэгано и табэр не затягивали с отъездом. Попрощались. Григорий осознавал, что ему никогда уже не встретиться с этими людьми.

По истечении времени из табэра стали уезжать семьи, одна за другой. Сначала Чёмпи, затем Коля, его брат, и еще несколько молодых семей. И так кто приезжал, кто уезжал.

В 1972 году приехала сватья, Филастра, мать снохи Лены, с сыновьями. Спустя время навсегда уехал младший Гриша («Гришуца»).

Жизнь табэра преобразалась. Никто из родственников Григория не уезжал из табэра по-доброму. Как уже принято — с шумом, не попрощавшись. Проходило два-три года, и они вновь возвращались к Григорию с понурой головой. Самое удивительное, что он принимал их.

СВАДЬБА ДОЧЕРИ

В 1973 году Григорий выдал замуж дочь Гулумбу и породнился со своим двоюродным племянником Идо (это ласковое прозвище), а звали его так же — Гришей. Отец его, Лаци, приходился Григорию двоюродным братом. Итак, племянник приехал к дяде с намерением породниться поближе. Отыграв свадьбу, Григорий был счастлив оттого, что дочь оказалась в хорошей семье, что вопреки всему удалось встретиться с другом Бэрэгано.

По счастливому совпадению, Бэрэгано и Мащё приехали в день свадьбы. Были они в Москве по своим делам. Решили заглянуть в гости, к дорогому им человеку, а попали с корабля на бал. При таком случае Григорий решил расслабиться. Многие видели Григория нетрезвым впервые в жизни. Те, кто 'nj видел, не могли удержаться от слез. Григорий разгулялся во всю камаринскую — пел, танцевал. Его любимыми песнями были про «Извозчика», «Маруся» и «Подмосковные вечера».

Свадьба дочери Гулумбы. 1973 год.

*Слева направо: внучка Белка, Дед Григорий, дочь Гулумба,
я (внук Григория Муриша), зять Тима, бабушка Дарья,
перед Григорием внучка Рита*

ПОСЛЕДНИЙ ОТЪЕЗД ВОЛОДИ

Отгуляли свадьбу, проводили гостей. И начались все те же серые будни. Здоровье Григория ухудшалось. И опять настигло страшное известие: о смерти Сони (сестры Дарьи, жены племянника Володи).

В последний раз Володя уехал из-за скандала. Характер у него был сложный. Когда не продвигались дела в коммерции, ему надо было поменять место жительства. Так вот, слово за слово с дядей Григорием, перешли в перепалку. Григорий высказал все, что не могло бы понравиться Володе. Тот не удержался. Сцепились, вовремя женщины растащили. Володя понимал, что он погорячился и был неправ по отношению к любимому и уважаемому дяде. Ему было стыдно глядеть ему в глаза. Он понял, что надо уезжать, на время сменить обстановку.

Как говорится, перед смертью все забывается, и обиды тоже. Вот и теперь Григорий вспоминал последний разговор с Володей. Он винил себя в ошибке, которую в принципе не совершал. «Может, Соня и прожила бы дольше, останься он жить здесь», — рассуждал он, так как видел переживания Дарьи по любимой сестре.

А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА

Больно было видеть плачущую жену, потому что в жизни она редко это делала. Отношение Григория к жене было бережным и трепетным. К сожалению, это не передалось ни детям, ни внукам. На людях со стороны Григория никто и не слышал резких высказываний в адрес Дарьи. Глядя со стороны, эта красивая пара вызывала восхищение. Прият-

но было наблюдать, как уважительно относились они друг к другу. Эта была заслуга Григория, благодаря его покладистому характеру.

Что же касается бабы Дарьи, характер ее был не подарок. Частенько она резко высказывалась, не соглашаясь с его мнением. В такие моменты он укоризненно смотрел на неё или неодобрительно ухмылялся, покачивая головой.

Самое гневное выступление в ее адрес было как-то зимой, в феврале месяце. Зима была снежной и суровой. Проснувшись, Григорий вышел на двор в чем был. Отворив дверь в коридор, он вышел, не заметив положения крючка. Дверь за ним тут же захлопнулась. Вернувшись, он понял, что дверь захлопнута. Пятки горели от холода. Григорий стучал в дверь, но стук не доходил, так как все спали. Его начало знобить, мороз сковал тело. Григорий понимал: промедление смерти подобно. Пробираясь к окну по пояс в снегу, он уже не чувствовал своего тела. Наконец заветное окно, дающее надежду на жизнь. Григорий стучал изо всех сил, но Дарья не сразу услышала стук. Наконец, пробудившись ото сна, она спросила: «Кто там?» Ответа не прозвучало, лишь стук. «Кто там, я спрашиваю? Сейчас подниму старика, у него ружье и он застрелит тебя».

Но стук не прекращался, а только усиливался. Стекло вот-вот разобьется. Дарья с испугом в голосе стала кричать, звать старика. Но, приподняв перину, к своему удивлению она увидела, что старика нет на месте. Заметив, что Григория нет, она бросилась к двери. Отперев дверь, она увидела ужасающую картину: перед ней стоял гном в буквальном смысле этого слова — небольшой человечек, съжившийся так, что зуб на зуб не попадал. Григорий и так был невысокого роста. Он вбежал в дом, нырнул под перину и сказал: «Вы что там, оглохли?» Жена вошла в дом и заперла за собой дверь. «Как ты оказался на улице?» Дрожащим голосом Григорий в злости ответил: «Отстань!» Дарья предложила растереть его, чтобы тот не захворал совсем, но с хитрым

прищуром». Григорий отказался. Она была серьезно обеспокоена его здоровьем.

Спустя некоторое время от смеха с ней началась истерика. Она вспоминала, как пыталась напугать ночного взломщика, как грозилась, что старик застрелит незваного гостя. До утра она так и не уснула. Григорий, глядя на неё, ворчал, потом, видно, согревшись, заснул.

Утром первое что услышал Григорий, так это смех Дарьи с ее издевательским зовом в его адрес. «Старик, а старик, вставай. Где твое ружье?» Григорий слышал смех остальных, переходящий в хохот. А это были сын Коля и сноха Кима. Пока Григорий спал, Дарья рассказала им о ночном происшествии. И как только Дарья крикнула: «Старик...», в доме раздался хохот домашних. Долго Дарья приходила в себя, увидев Григория, начинала смеяться вновь. Дарья была веселой женщиной, стоило ей увидеть что-нибудь смешное, и это было уже надолго.

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

В жизни Григория бывали всякие случаи, смешные и трагические. Но из всего этого он выходил с достоинством. Его очень любили в цыганском мире и уважали в русском мире. Власти города с удовольствием приезжали в гости. То были не простые люди — в полном составе начальство Калининского районного отдела милиции, председатель райисполкома. Люди на постах менялись, но Григорий всегда находил подход к людям и заслуживал ответное уважение. Помимо всего, он был в почете среди соседей. Находил для каждого человека вежливое, нужное слово, по возможности, оказывал помощь, за что его ценили. По тем временам не часто можно было встретить семью, где свекора обожают

снохи. А рецепт у Григория был один: он относился к женам своих сыновей, как к собственным дочерям. Отцы бывают разные, а он и голоса на них не повышал. Ну как такого человека не любить и не уважать?

СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ ЛЕНЫ

Особое отношение к свекру было со стороны старшей снохи Лены (моей матери, жены Ристы). Она его боготворила. При разговорах с посторонними людьми, упоминая Григория, Лена часто говорила: «Папа сделал то, сделал это». Люди посмеивались: «Лена, ты говоришь так, будто он всем отец». — «Ну и что же», — отвечала та смеясь.

Лена, моя мать, была очень преданной снохой. И даже при весьма жестком отношении со стороны мужа, моего отца Ристы, который держал власть в доме в ежовых рукавицах, она не позволяла высказываний в адрес мужа, тем более свекра и свекрови. Лена была терпима, она старалась не совершать поспешных поступков — , в отличие от нынешних современных снох, которые живут как в раю, по сравнению с теми снохами. Нынешние все время ходят с недовольными лицами, проклиная свою судьбу, которая, по их мнению, была к ним неблагосклонна. Сами же они не разобрались, что хотят от жизни. Лена смотрела на жизнь с оптимизмом, она считала, что неприятности — это временное явление, что наступит хорошая жизнь. Несмотря ни на что, она была жизнерадостна, шутлива.

По вечерам Григорий любил приходить к нам в дом, расспрашивал мать Лену, что интересного видела в городе. Григорий любил слушать смешные рассказы Лены. Она имела дефект речи, не выговаривала несколько звуков, особенно «ш», да и с русским языком у неё были проблемы. Так, на-

пример, гадала она одному мужчине и сказала, что сделано ему зло и что надо ему «постригаться», вместо слова «остерегаться». Мужчина ответил, что он только что постригся. Она же продолжает: «Тебе не везет. Так тебе и надо» (вместо «как тебе надо»). Мужик обижается и говорит: «Ах ты, цыганка, ты еще и дразнишься!» Хорошо, что подруги были рядом, уняли мужика.

В доме стоял хохот, как на концерте смеха и юмора. Григорий практически не видел. Слезы от смеха застилали ему глаза. А Лена все продолжала. Следующий рассказ был таким. В доме завелись крысы. Кроватей у цыган тогда не было, спали на перине, брошенной на пол. Довольно часто крысы бегали по нашим головам. И вот, боясь, что крысы кусают детей, Лена позвонила в санэпидемстанцию. Начался разговор. «Алло, санэпидемстанция? Приезжайте скорее». — «А что случилось?» — «Дети бегают по перине и кусают себе уши». Ответ санитаря: «А причем здесь мы? Вызывайте психиатра!» И гудок. Те, кто слышал этот разговор, уже не сидели, а катались по полу от смеха. После таких «концертов» снохи Лены Григорий несколько дней пребывал в хорошем настроении.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ 1975 ГОДА

Так проходила жизнь Григория до рокового 1976 года. Встретив этот год, Григорий не знал, что год для него будет последним.

Осенью 1975 года Григорий лежал долго в больнице с приступом гипертонии, с повышенным давлением, которое в течение нескольких дней не могли сбить. В один из таких дней врачи поставили Григорию пиявки и вышли. Его разморило от усталости, он заснул. Проснулся Григорий от не-

привычного ощущения сырости на простынях. Как оказалось, медсестры забыли о нем. Напившись крови, пиявки отвалились, а из ран продолжала сочиться кровь. Открыв глаза, Григорий увидел, что весь в крови. На зов Григория прибежала медсестра и стала охать. Обработали рану, наложили повязки... Привезли домой Григория не в самом лучшем самочувствии. Но к Новому году он посвежел, даже отошел.

СВАДЬБА ВНУЧКИ БЕЛОЧКИ

Той же осенью 1975 года сын Риста выдал замуж старшую дочь Белку (первую внучку Григория). Видя плохое самочувствие отца, Риста хотел порадовать его хоть каким-то знаменательным событием.

Риста выдал замуж дочку в Ленинград. Зятя звали Рище; сватья по имени Колопия дочь Лаци Григорию доводилась двоюродной племянницей. Свата звали Луя из племени дынони. В народе их называли «каменщиками», что не означало род их профессии. Кличка закрепилась за ними из-за особого стиля во время драки. Главным орудием нападения на врага служил обломок кирпича. Люди удивлялись, как они его так быстро находили. Ну ладно в летнее время, а зимой, находясь в снегу по пояс? Стоило опустить руку в рыхлый снег по плечо, и они ловко доставали кусок кирпича. Броском кирпича они всегда достигали цели, будто профессиональные снайперы.

Но выдать замуж дочь — это еще полдела. Главной целью Ристы было женить сына, то есть меня. Видя нездоровое состояние отца, надо было торопиться. И попытка была сделана после Пасхи 1976 года.

Во время Пасхи Григорий выразил желание сделать обя-

зательный обход всех домов табэра, чего он прежде не высказывал. В своем доме Григорий хотел собрать всех сыновей, дочерей, внуков и закатить грандиозное гулянье. Но, как всегда бывает, не суждено было тому случиться.

Что же помешало планам Григория? Раздался телефонный звонок. Звонил Бакро, брат Лены. Он сообщил, что мать Филастра при смерти. Мать будто бы хотела увидеть перед смертью дочь Лену и зятя Ристу и просила приехать. Банкет отменили и поехали к умирающей теще, которую Риста с момента женитьбы и до её смерти называл не «тёща», а «святья» (сначала в шутку, потом это вошло в привычку).

РОЗЫГРЫШ

Попрощаться с бабушкой поехал и я, старший сын Ристы. Приехали в Москву и братья мамы Бакро и Гогай. Увидев шурина Бакро, встретившего нас в Москве, весело улыбающегося, Риста тут же понял, что его разыграли. Бакро никогда не оставил бы умирающую мать только для того, чтобы встретить нас в Москве, тем более, что жили они недалеко от Москвы, в городе Винево Каширского района.

После приветствий Риста, наконец, спросил: «Как прикажете это понимать?» Оба стали поспешно оправдываться. «Ей было плохо, сейчас лучше». При этом оба не скрывали улыбки на лице. Ристу было трудно провести, и он поставил вопрос ребром: «Либо вы мне сейчас говорите все как есть, либо я разворачиваюсь и уезжаю домой».

Бакро пришлось объяснять весь план. После Пасхи Бакро хотел устроить крестины единственного сына. Было у него четыре дочери, а сын только один. Лену предполагали взять крестной матерью. При полной занятости Ристы они знали, что он не приедет по такому поводу на крестины.

*На фото снят Риста со своей семьей.
Слева направо: жена Лена, сын Гриша, сам Риста, дочь Белка.*

*Свадьба внучки Григория Белки.
Слева направо: дочь Кица, я (внук Муриша), дочь Гулумба,
зять Рицё, сын Риста, внучка Белка.*

Придумали историю с матерью: мол, та при смерти. Риста рвался уехать, но вместе с матерью Бакро и Гого уговорили его остаться.

Спустя пять лет, когда теща Ристы действительно умерла, он сам не поехал на похороны и жену не отпустил. Прошло время, Бакро и Риста встретились. И Бакро спросил: «Что же ты не приехал на похороны матери?» На это Риста ответил с серьезным видом: «Решил, что это был очередной розыгрыш, тем более что умерла она первого апреля». И они вместе засмеялись.

Уже в наши дни как-то дочь моя Анжела слушала рассказ Бакро о смерти его матери, что умерла первого апреля. Анжела произнесла: «Может, она хотела вас разыграть?»

Приехав к ним, мы увидели бабушку Филастру на улице перед домом, здоровую и веселую. Она ставила самовар. Заметив нас, она стала весело пританцовывать. Погостив несколько дней, окрестив ребенка, мы вернулись домой. Риста пришел к отцу и рассказал: по цыганской почте он узнал, есть красивая девушка в городе Гагарине Смоленской области. Григорий ответил: «Ну что ж, сынок, это хорошее дело. Никто не знает, что может случиться со мной завтра или через неделю, здоровье уже не то. А хотелось бы женить ещё хоть одного из внуков».

Сказано — сделано. Собрались, поехали на смотрины в город Гагарин. Что-то там не вышло. Григорий сказал сыну: «Поехали в другой табэр». На это Риста ответил, что лучше бы вернуться домой, подумать, собрать по цыганской почте достаточно информации и выяснить, кто имеет красивую, симпатичную дочь на выданье.

Они вернулись домой. Закончились праздничные дни первого и девятого мая. Начались трудовые будни. Риста окунулся с головой в работу. Лена время от времени пилила его: «Поедем за снохой». Он же все время отказывался: «Погоди, дай немного заработать» (хотя денег у Ристы было достаточно).

НЕ УСПЕЛ, А МОГ БЫ

В последние дни Григорий был хмурый, в подавленном настроении. Возможно, он чувствовал приближение конца жизни, которой не успел насладиться. Выпала ему, к сожалению, тяжелая доля. Жизнь преподносила предательства, коварства. Другой бы человек потерял веру в людей, стал жестоким, агрессивным. А Григорий пронес звание Человека по жизни высоко. Он не хотел казаться лучше, чем есть. Иногда он пытался быть грозным, но улыбка выдавала его. Его общение с людьми вызывало у людей разные эмоции, реакции в конфликтных ситуациях. Люди с обвиняемой стороны говорили, что был он слишком мягок к нарушителям порядка. Те, в свою очередь, были благодарны за то, что он не ронял человеческого достоинства. Пытаясь осознать чужие ошибки, он не должен совершать был их сам.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

16 мая 1976 года был последним днем жизни этого замечательного человека. По стечению обстоятельств, родился Григорий 12 мая 1912 года. Смеею заметить, есть в этом роковое совпадение. В последних цифрах числа и года рождения присутствовала двойка, в последних цифрах числа и года смерти шестерка, месяц в обоих случаях тот же.

Воскресенье. Утро того дня было пасмурным. Ничто не предвещало беды. К середине дня погода разыгралась, выглянуло солнце. Дети гурьбой высыпали на улицу. С утра Григорий был чем-то встревожен, в плохом расположении духа. Риста и мать Лена поехали обновлять детям одежду на базар. Дома Григорий оставался с детьми (мне тогда было

семнадцать, взрослые дочери Григория находились в доме). Невооруженным глазом было видно: что-то его мучило. Не раз он переспросил меня: «Мурша, куда поехали твои родители?» На что я ответил: «На барахолку, папа». Мы, все его внуки, называли его не дедушкой, а папой, бабушку — мамой. Родителей своих называли по имени. Услышав ответ, Григорий недовольно покачал головой.

И вот день приблизился к вечеру. Из города с покупками приехали отец с матерью. В те времена супермаркетов не было. Прилавки в магазинах были пустые. Стоило кому-нибудь вернуться с базара, все заваливались к тому человеку домой рассматривать покупки. В дом пришел и дед Григорий. Расспросил у отца, что приобрели, отец показал обновки. Разглядев купленные вещи, Григорий с одобрением похвалил, но просто так, из чувства такта.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Сам Григорий был где-то далеко в мыслях. Он хотел уйти, но Риста остановил его, предложив поужинать вместе, на что дед согласился. Закончив ужин, дед Григорий встал из-за стола и направился домой отдыхать. Риста заметил на лице отца нездоровый вид. Но это было не раз, и особой тревоги в состоянии отца не наблюдалось.

Надо заметить, что в жизни человека многое решают случайности и совпадения. Вот и в жизни Григория, а точнее, может быть, в его смерти было совпадение, а заключалось оно в следующем. Долгие годы, с момента нашего приезда в Савватьево и до рокового 1976 года, в поселке работал медпункт. Все эти годы, с 1967 по 1976, не раз жизнь Григорию спасала фельдшер этого медпункта, так как в трудный момент вовремя она оказывалась у постели больного и

своевременно оказывала медицинскую помощь, тем самым спасая жизнь Григорию. И надо было случиться такому обстоятельству: либо руководство совхоза «Савватьевское», либо руководство ЦРБ перенесли наш медпункт на территорию совхоза, в четырех километрах от нас.

В воскресенье вечером Григорий почувствовал себя совсем худо. Видно, держался, преодолевая недуг. Когда медпункт находился в метрах сорока от дома Григория, никого не предупреждая, он направлялся туда без посторонней помощи. Заметив Григория уже из окна, фельдшер Надежда Ивановна, зная его болезнь, готовила необходимые медикаменты. По возвращении домой после принятого укола Григорий отлеживался на диване около получаса, вставал и никаких проблем. Теперь же надо было куда-то ехать (в то время в поселке никто не имел машин).

Видно, понял Григорий, что дело совсем плохо, и попросил бабушку Дарью вызвать скорую помощь. Сообщив об этом сыновьям, Дарья без промедления позвонила на станцию скорой помощи, что находилась в районе Химинститута ЦРБ. Состояние ухудшалось, скорая задерживалась (было воскресенье, фельдшера в выходной день не найдешь). Глядя, как дед меняется в лице, жадно глотая воздух, мы поняли, что теряем его. Взглянув на бабушку Дарью и сына Ристу, он произнес: «Я умираю».

Оборвалась жизнь этого замечательного человека. Жизнь не сломала его, хотя была не сладкая. Он имел право на то, чтобы озлобиться, быть нетерпимым к людям. Но помнил Григорий данное своему дяде Гого слово, что пронесет это высокое звание Человека по жизни с гордостью и честью, не позволит никому отозваться плохо о своем рано ушедшем отце.

Скорая констатировала смерть. Диагноз был — инсульт, кровоизлияние. Страшная весть обошла все табэры Советского Союза. Отовсюду звонки обрывали телефон. Люди надеялись на чудо! Получив отрицательный ответ, они

произносили дрожащим голосом: «Царство ему небесное. Хороший был человек». Из разных городов стали съезжаться родственники, чтобы отдать дань памяти близкому человеку.

Процессия похорон проходила тяжело. Родные не хотели отдавать земле тело дорогого человека. До конца мы не верили в его смерть, в то, что его уже никогда не будет с нами, не представляли, как будем существовать без него. Русские жители поселка, знавшие Григория, подходили к гробу, плакали, не стыдясь своих слез. Подходя, они выражали свои соболезнования родным и близким Григория.

ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ, ПОТЕРЯВШИ ПЛАЧЕМ

Оплакивая отца, Риста только сейчас понял, почему Григорий хотел собрать всех детей, внуков, снох и погулять в последний раз. «Это было его предсмертное пожелание, которое я не исполнил», — сказал Риста и разрыдался. Долгое время не мог он себе простить, что поддался тому телефонному звонку. Впоследствии, до конца своей жизни, Риста ввел одно правило: в праздничные дни отключать телефоны. И все, без ослушания, выполняли совет.

Вот и закончена моя повесть о настоящем человеке, который пронес это высокое звание с высоко поднятой головой. В мире существуют разные звания: профессора, ученые, заслуженные артисты, даже космонавты. Но это степень образования, а не человеческой души. Можно иметь звание генералиссимуса, но быть при этом душегубцем, что является тяжким грехом перед Богом.

Прежде всего, мы рождены людьми. На протяжении всей жизни мы чем-то «обрастаем», превращаясь в монстров. Люди забывают, что жизнь не вечна и мы на этой земле являе-

ние временное. Живите же по-человечески, чтобы потомки ваши вспоминали вас, как Человека с большой буквы. Более высокого звания не существует. Если ты, прожив свою продолжительную жизнь, не отнял чужую, данную ему Богом, был преданным и любящим сыном, отцом, дедом, (братом, мужем, свекром; можно продлить этот список), во всех этих качествах ты заслуживаешь высокой оценки.

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ, ОДИН РАЗ ОТРЕЖЬ

Слезы на похоронах Григория были не просто данью уважения — правдивыми, от сердца, от души. В наши дни, тридцать лет спустя, после смерти Григория, не найдется человека, который бы не сказал, что Григорий был Человеком с большой буквы. Люди, знавшие деда, ищут в его потомках (детях, внуках) черты характера того Григория Фэд-Фрумос, но редко находят. Никто не обижается, так как все понимают...

Мы не хотим, да и не умеем прощать, уступать, промолчать, где необходимо. Промолчать, не оттого, что струсил перед кем-то. Нет, никто и никогда не обвинял Григория в трусости. Он знал, как вести себя в той или иной ситуации. В этом заключалась мудрость этого человека. Нередко возникали ситуации, из которых Григорий выходил победителем. У людей Григорий вызывал только восхищение.

Мы, нынешние «донкихоты», воюющие с «ветряными мельницами», не обладаем всеми тонкостями этого человека. Полагаем, что если уступили кому-то в споре, значит, уронили в глазах свой авторитет. С помощью кулаков, а не ума, мы пытаемся подняться в глазах окружающих. Но силой не заставишь уважать себя!

Возможно, Григорий думал так, потому что много лиха

видел на жизненном пути — голод, холод, смерть близких и дорогих людей. Он пытался вразумить, помочь людям. Мы же всего этого горя не видели, не понимаем! Мы, нынешние потомки, не думаем, что не вечны! Что мы оставим в памяти своих детей, чтобы дети не краснели за нас перед людьми, как мы испытываем чувство гордости за нашего деда?

В цыганском мире есть такое представление персоны: когда приезжаешь в чужой табэр, цыгане более старшего поколения знают всех известных цыган из прошлой жизни. Большое дело, когда где-то произносится имя твоего предка и на лицах окружающих возникает оживленный интерес, а не ехидная ухмылка, что вселяет в наши сердца гордость.

Мой отец Риста, старший сын Григория, много хорошего унаследовал от своего отца в решении всевозможных вопросов, которые он решал мудро. Не хватало все же хладнокровия. Руководил табэром Риста на протяжении семнадцати лет, до 1993 года. В тот год он заболел, прожил до февраля 2004 года и умер, оставив большую семью — троих сыновей. Я, самый старший сын (по-цыгански Мурша), затем Букуро и, наконец, младший сын Григорий, которого назвали в честь деда. Вот мои сестры, дочери Ристы: старшая Белка, далее Ляля, Марина, Кима и самая младшая сестра, тоже, Белка. Это как раз тот случай, о котором ранее упоминал: младшую дочь назвали в честь старшей, любимой в семье.

Григорий не успел всех женить, выдать замуж, дожидаться правнуков. И я, старший сын Ристы, хочу внушить своим сыновьям (их у меня двое: старший Букуро (ласково Бумбараш, а младший Арсен)) манеру поведения моего деда Григория.

К сожалению, мы теряем свои корни. Мы не знаем своего рода дальше третьего колена. Поэтому в своей повести я рассказал о прадедушке и прабабушке до нас, их правнуков, а это уже четыре поколения. Далее, мои дети и мои внуки — это уже шесть поколений. Я оставляю напутствие своим

внукам: прибавлять, умножать это число, с которого я начал свой отсчет.

Признаю свою ошибку, что поздно спохватился, пытаюсь проникнуть в историю жизни цыган. Старшего поколения уже не осталось в живых. Стариков преклонного возраста (семидесяти, восьмидесяти лет) уже нет. В табэрах отсутствует какая-либо дисциплина. Молодежь становится неуправляемой, пьющей, хулиганистой. Стираются черты цыганского быта, обычаев, что были ещё до перестройки.

В чем же заключалось уважение к старшим? Хочу заметить, что такие люди, как Григорий, среди нас рождаются раз в сто лет, и память в сердцах должна оставаться всегда об этом человеке. Если пытаться вести себя, как бы вел сам Григорий в данной ситуации, то, я полагаю, все будет хорошо!

Следующие стихи я написал от имени моего деда Григория, которого я любил и люблю, и буду хранить память о нем до конца своих дней. В последние годы я все чаще задумываюсь о том, как бы повел себя Григорий в конкретном вопросе. И хотя я не могу похвалиться тактикой действия моего деда, но тот факт, что я задумываюсь над этим, — это уже хорошо! Так вот, эти стихи посвящаются потомкам Григория.

Родился я в начале века,
И не стыжусь я этих слов,
Что жизнь прожил я человеком
И не нажил себе врагов.
Да, жизнь меня, увы, трепала,
Отняла детство у меня,
Смерть надо мной не раз летала,
Чуть холодом обдав меня.
Я ласку матери не видел,
Отца я рано потерял,
Но слез моих никто не видел,

Я боль свою в себе держал.
Я жизнь свою не пожелаю
Не то что другу — и врагу,
Но детям передать мечтаю,
Любовь, терпимость, доброту.
Хочу я пожелать потомкам,
Чтоб горя в жизни им не знать,
Прожить им жизнь красиво, звонко,
Но честь мою чтоб не ронять.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ ГРИГОРИЯ

В завершение своего рассказа я хотел поименно назвать всех членов семьи, братьев и сестер моего деда Григория, а также их детей. Этот справочник будет пособием для грядущей молодежи.

(1)

сестра Григория Лиза, её муж Дрила (сэулони), сыновья Бретьяно, Бэрэгано, Гого, Лоти, дочери Сыбинка, Лулуди.

(2)

старшая сестра Григория Наталия, её муж Янко (добро-
жая заинони), сыновья Риста, Хырцо, дочери Лиза, Гафтона.

(3)

брат Григория Дёрди, его первая жена Вета (дэмони), сыновья Володя, Дрила и дочь Маша.

Вторая жена Ньюни племени ловаря, сыновья Ёшка, Гриша, Гришка, Миша. А также дети Ньюни, усыновленные Дёрди: сыновья Коля, Витя и дочь Пэпуша.

*Герой повести
Григорий. Таким
он был в начале
60-х годов.*

*На снимке
Григорий со своей
семьей: дочь
Гулумба, Григорий
и жена Дарья.
1973 год.*

(4)

брат Григория Брэтьяно, его первая жена Тиана, сыновья Чёмпи, Жора, и дочь Армянка.

Вторая жена Лоли, её дочери Рупунка и Тамара.

Их совместные дети: сыновья Хулупи, двойняшки Рупа и Гэля, дочь Марфа.

(5)

сестра Григория Марфа, её муж Тома (дукони), сыновья Боря, Бреко, Басура, Метро, дочери Пута, Женя.

(6)

сестра Григория Армянка, её муж Дёрди (мигэшти брынзони), сыновья Гриша, Рищё, дочери Лулуди, Гута, Марица.

(7)

семья самого Григория: жена Дарья (цинэрони), сыновья Риста, Мурша, Вася, Коля, дочери Гулумба, Роза, Кица.

(8)

брат Григория Коля, его жена Тамара (русские цыгане), их дети: дочери Земфира, Альбина, сыновья Тарзан и Леко; удочеренная дочь Тамары Дарья.

(9)

сестра Григория Крижма, её муж Гриша (воржони), сыновья Валё, Няня, дочери Жупуняса, Лариса, Людмила, Конфета, Земфира, Жанна, Пута, Сабина.

(10)

брат Григория Лоля, его жена Оля, дочери Пэпуша, Островянка, Валя, Патрина, Крижма, сын Боря умер в детстве.

Вот этим списком имен всех братьев, сестер, племянниц, племянников, зятьев и снох, а также именами собственных детей Григория я заканчиваю свою повесть об этом замечательном человеке. Я уверен, что всем родственникам, которые указаны в этой книге, и тем, которые не попали в этот список, будет приятно прочесть эту книгу. И что-то они смогут извлечь для себя полезного в дальнейшей жизни, для нравовления своих детей. Не единым хлебом жив человек, и не должны люди терять родственные отношения между собой. Поэтому дорожите друг другом, и не теряйте свои корни!

Часть вторая:

Риста

Это старший сын Григория Риста. 1967 год.

СМЕРТЬ ОТЦА

Смерть отца потрясла Ристу. Он впервые в жизни почувствовал себя одиноким и беззащитным в своем табэре, которым в последнее время из-за болезни отца руководил. Но отец тогда был жив, и временная его замена не считалась трагедией, а являлась временной необходимостью. Табэр, конечно, понимал, что этот трагический момент, а именно смерть Григория, не за горами, и руководство табэром перейдет в руки его наследника, старшего сына Ристы. И табэру, который знал Ристу много лет, веселый нрав его был по душе: знали его с лучшей стороны, ценили как умного, рассудительного, делового человека. И поэтому населению табэра перестраиваться было не так трудно. А вот его сыну принять смерть отца как само собой разумеющееся не представлялось возможным.

Видя перед собой лежавшего бездыханного отца, он оглядывался и как будто бы искал помощи. Но никого вроде бы не было рядом. Слезы на глазах, словно пеленой, закрыли ему видимость. Хотя народу на крик и плач родных Григория прибежало очень много, Риста почувствовал себя так, как будто бы он шел с отцом по пустыне, будучи маленьким ребенком. И вот у отца сердечный приступ, и отца не стало. И он, маленький ребенок, остался один среди пустыни. А между тем, этому ребенку шел сорок второй год. Но когда теряешь родного и горячо любимого человека, ты не смотришь в свой паспорт — сколько тебе лет, а плачешь, осознавая невосполнимую потерю.

Риста не мог себе представить свое существование без обожаемого и любимого отца. В самые трудные моменты, которые случались в жизни Ристы, отец своей мудростью и хладнокровием помогал Ристе решать эти трудности. Сейчас же он потерял не только отца, но и друга, и своего советника.

Риста впервые в жизни — конечно, взрослой жизни — находился в растерянном состоянии. Он похоронил отца и провел все ритуальные мероприятия: поминки, девять дней. У цыган эти мероприятия отмечают несколькими днями раньше: девять дней двумя днями раньше, сорок дней (у цыган сорок два) — неделей раньше; потом полгода — раньше на две недели, и год — недели за три до года.

Проводив гостей, приехавших на похороны, Риста впал в депрессию. Риста — человек, обладающий огромной энергией, — не находил себе места. Он сидел дома в четырех стенах один на один со своими мыслями, которые терзали ему душу. Работой, которая для него была бы спасательным кругом, он заняться не мог. По цыганскому обычаю, человек, находясь в трауре, не может до девяти дней заниматься трудовой деятельностью. И поэтому он ждал, пока прошли девять дней, чтобы ринуться с головой в работу.

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Вот прошел положенный срок — девять дней. Мы все собрались поехать на кладбище навестить могилу деда. Поехали все его сыновья (во главе был Риста), бабушка Дарья, старшая сноха, моя мать Лена, я — старший внук Мурша. Поехал с нами и брат деда Григория Коля. Приехав к могиле деда, бабушка Дарья разрыдалась, упав ничком на землю, обхватив могилу руками и зовя деда по имени. Мы все, стоя вокруг могилы, молча глотали слезы.

Деду было 64 года, когда он умер. Как можно оценить этот возраст? Некоторым кажется, что это много, некоторым — мало. Но, к сожалению, в цыганской жизни сейчас наблюдается ужасная тенденция: в табэрах не стало стариков семидесяти, я уж не говорю восьмидесяти лет. Люди

умирают в 60 лет, и они считаются уже стариками. На эту тему мне хотелось бы рассказать одну трагикомическую историю из жизни цыган.

Произошло это в Пензе. Умерла старая женщина восьмидесяти лет, звали ее Мэтаса. И вот ее оплакивают дети — двое взрослых сыновей Ёргуло и Ставрико, а также ее дочери. Видя, как особенно переживает и плачет старший сын Ёргуло, люди стали его успокаивать: «Ну что ты, Ёргуло, так плачешь, ты же умный человек! Восемьдесят лет — нам бы столько прожить!» И вдруг из толпы раздается голос: «Да хоть бы наполовину!» Все оглянулись, толпа раздвинулась, и все с ухмылкой на лицах стали смотреть на говорящего. Это был молодой парень, звали его Тома. Самый старший переспросил его, еле-еле сдерживая смех: «А сколько тебе сейчас?» — «Тридцать девять». — «Так что же получается, тебе остался еще год?» Тут раздался оглушительный смех, и даже скорбящие опустили головы, чтобы скрыть улыбку на лицах. Потом долго молодежь приставала к нему: «Тома, а ты точно знаешь, что бабушке было 80 лет? Может, поменьше?»

В случае с Григорием была вроде бы двоякая ситуация: не молодой, но и не старый. Но вот произошла заминка, воцарилось молчание. Бабушка Дарья немного успокоилась. Все эти дни она боялась взглянуть на своего деверя — брата мужа Колю. Как вы помните, в первой части книги я уже писал, что баба Дарья была ужасно смешливая, и смех пробирал ее, где бы они ни находилась, за что ей довольно часто выговаривал недовольство дед Григорий. Так вот, даже в день похорон Григория она не смогла удержаться от смеха. А было это так. На кладбище Коля, видя, что сыновья Григория подавлены страшным горем и не смогут совершить ритуал освящения могилы ладаном, вызвался добровольцем освятить могилу брата. И вот пошел первый круг, за ним второй. Баба Дарья как будто бы чувствовала, что Коля что-то сейчас выкинет, какой-нибудь фокус, и потому опустила голову пониже. Но надо же было ей поднять голову именно

в тот момент, когда Коля, пойдя на второй круг, зацепился ногой за венок соседней могилы. Он резко оглянулся, испугавшись, что кто-то схватил его за ногу, и тут же оступился, напугав всех тем, что вот-вот упадет в могилу, предназначенную для Григория. Кто-то схватил его под руку и удержал на поверхности. Вроде бы все в порядке, но на лицо Коли нельзя было смотреть без смеха. Баба Дарья, увидев эту гримасу и мимику на лице родственника, опустила голову и смеялась сквозь слезы.

И вот сейчас она, зная его комические номера, не могла поднять на него глаза. Коля знал это и вроде бы не придавал этому значения. Но он видел состояние снохи и как будто нечаянно делал эти комические трюки для того, чтобы как-то ее подбодрить. Он выпил водочки, помянув брата. И, хотя слезы были на его глазах, он продолжал смешить Дарью, делая смешную гримасу на лице. Бабушка опустила голову и уже не поднимала глаза на Колю.

Но вот мы поехали домой. Машин в это время у нас не было, и потому добирались общественным транспортом. Коля шел с кладбища, уже порядком охмелев. Риста, глядя на Колю, тоже старался удержать смех, но глаза его выдавали. Он взял Колю под руку, помогал ему идти и подсаживал в транспорт. В трамвае Коля сел не на сиденье, а на пол между рядами сидений и, как мы ни старались поднять его, он категорически отказывался. Сиденье рядом с ним занимала молодая красивая девушка в мини-юбке, и Коля, уставившись на ее оголенные ноги, делал вид, что горько плачет. Я нагнулся и стал его успокаивать, думая, что он оплакивает своего брата, деда Григория. А он, показывая на ноги девушки, мне вдруг сказал (но так, чтобы и баба Дарья слышала, и все, кто был рядом): «Посмотри, какие у нее ноги! Когда-то и мои ноги были такими». И сделал вид, что плачет. Мы все, уже не сдерживаясь, засмеялись. Бабушка Дарья прикрыла губы платком, чтобы скрыть смех, и только слезы катились из ее глаз.

Колю никто за это не осуждал, потому что он хотел отвлечь немного своих близких от большого горя, хотя ему и самому было больно осознавать, что он потерял своего брата, который был ему роднее, чем Дерди и Брэтьюно. Эти двое были ему братья только по отцу Букуро, а Григорий был ему брат как по отцу Букуро, так и по матери Коканке. Но опять же, он умел убеждать себя в том, что это воля божья, все мы смертны, а значит, жизнь продолжается. Что же касается Ристы, то он рассуждал по-другому: искал свою вину — чего же он не сделал, чтобы спасти отца.

СРАЗУ ПОСЛЕ СОРОКА ДНЕЙ

Сразу после девяти дней Риста ринулся в работу. Работал он тогда по колхозам и совхозам. Там не требовали расчетного счета, а платили за выполненную работу наличными. По прошествии сорока дней Риста захотел увековечить память отца в красивом гранитном памятнике. В то время, когда машина «Жигули» стоила 5500 руб., за этот памятник попросили 4000 руб. Нынешние бизнесмены, может быть, ухмыльнутся: мол, что это за сумма. Но для сравнения скажу, что заработная плата на производстве составляла от 60 до 200 руб. Вот и сравните, много это или мало.

Но не огромная сумма беспокоила Ристу — даже в те тяжелые советские времена он умел зарабатывать большие деньги. Ристу беспокоило, как он будет это делать, подавленный горем.

Коронный номер Ристы был такой: когда он входил в кабинет начальства какого-нибудь предприятия, он улыбался обаятельной улыбкой, затевал второстепенный разговор, используя при этом юмор и заразительный смех. Даже самые сухие и мрачные начальники от веселого характе-

Это последняя фотография моего отца Ристы с его отцом Гришей. 1973 г. на свадьбе сестры Ристы Гулумбы. Слева направо: Крижма, сноха Григория; сам Григорий; Риста; Кица, младшая дочь Гриши, Вася, впереди внучка Рита.

ра неожиданно зашедшего визитера начинали смеяться и оживленно подхватывали тему разговора. Между тем, Риста редко скрывал свою национальность, хотя, глядя на него, никто бы не сказал, что он цыган. Но иногда он, видя непробиваемость руководителя, к которому он зашел, и пренебрежительный взгляд на нерусского гостя, «менял» свою национальность — говорил, ломая при этом акцент, что он «пасарабчик», то есть бессарабец. Уже этим он мог рассмешить мрачного начальника и после этого, уже расположив его к себе с симпатией, излагал суть дела. А суть была в том, чтобы предложить изготовление металлических изделий, и довольно часто после хорошего веселого разговора с ним охотно заключали договоры.

Сейчас же, когда сердце Ристы разрывалось от боли и слезы ему с трудом удавалось удерживать, он не представлял себе, как он сможет, зайдя в кабинет какого-нибудь начальника, заставить себя улыбнуться. Он боялся, что у него получится не улыбка, а гримаса. Но Риста, попросив у отца прощения, когда в очередной раз навещал его могилу, заставил себя это сделать. Правда, это было только во время встреч с работодателями. А домой Риста приходил мрачнее тучи, и, поужинав и иногда выпив свои 150 г, ложился спать. Мы, его дети, довольно часто слышали, как он, уткнувшись лицом в подушку, всхлипывал от плача. Моя мать Лена успокаивала его банальными словами, что, мол, его этим не вернешь, что он сейчас на том свете за огромным столом со своими родственниками, братьями, сестрами, матерью и отцом. На это он ей отвечал: «Эх, Лена, если бы это было так на самом деле, я, может быть, и успокоился бы. Но я знаю то, что я видел своими глазами — что я опустил его в сырую могилу». И тут он уже не стал сдерживать свой плач, а завыл, как волк на луну. Лена поняла, что успокаивать его бесполезно и сказала: «Ну что ж, поплачь, может, легче тебе станет».

На следующий день он вставал очень рано и уезжал зара-

батывать деньги. Находить работу и заключать договоры он умел один. Его младшие братья выполняли заказ, а техническая сторона и снабжение нужными материалами — это была его забота.

Вот наступил июль. Сразу после Петрова дня 12 июля настал тот день — установка памятника на могиле деда Григория. Красивая гранитная глыба с золотыми буквами и портретом деда Григория, где он еще не старый, с красивыми черными усами, преобразила могилу. И на душе у всех стало легче. Тут нам всем вспомнились слова моей матери Лены. Когда-то она, успокаивая отца, говорила, что Григорий на том свете гуляет за столом с родными, и мы вдруг поверили в это. Потому что раньше была мрачная картина — земляной холм и крест. А тут засверкал гранит, а в граните фото деда, и он нам оттуда улыбается. Мы посмотрели на Ристу — у него были слезы на глазах, но глаза его горели от счастья, что он выполнил поставленную перед собой задачу. Ведь проблема была не только в деньгах, но и в материале. Чтобы его достать, куда он только ни ездил! И вот теперь можно спокойно вздохнуть.

ПЯТЬ МИНУС ДВА

Прошло лето. Вроде бы все вошло в привычку — однообразная серая жизнь. Многие жители табэра уехали по разным причинам. Наступил сентябрь 1976 года. Пятого числа вдруг опять пришло тревожное сообщение от родственников моей мамы Лены: мол, бабушке Филастре плохо, хочет дочку повидать. И отец мой Риста стал нас собирать, чтобы поехать в Гагарин Смоленской области. Меня смутило, что он сам предложил поехать и он сам едет, и это после того, как сказал: «Что бы ни случилось с бабушкой Филастрой, я

никуда не поеду». Он помнил, что из-за ложного вызова он тогда не погулял с отцом в последний праздник и не выполнил его желания. А он всегда держал свое слово, и потому у меня появились какие-то сомнения, но на время.

Мы поехали в Москву, на Белорусском вокзале встретили других цыган, тоже ехавших в Гагарин. Это были мужчины и женщины, и одна очень молодая женщина была, можно сказать, убита горем. Моя мать Лена стала расспрашивать всех, что случилось, куда они едут. По лицам людей сразу можно было понять, что едут они не на свадьбу. У женщин платки были подвязаны под подбородок, тем самым обозначая, что они в трауре.

И вот женщина постарше, поддерживая молодую под руку, стала Лене объяснять, что у этой молодой случилось несчастье. Ее двое братьев — самый старший Камбири и средний Бадя — погибли в автокатастрофе. Они ехали продавать по деревням бачки и столкнулись на перекрестке с машиной из военной колонны. Лена стала успокаивать молодую женщину, которую звали Милява. Она была дочерью Томы ла Бинако из племени чукурони. Мол, не переживай так, может, это ошибка, может, это и не твои братья. Та ей отвечала, что нет, насчет младшего брата это точно, сомнения по поводу старшего, Камбири. «Ну может, это не твой брат, приедешь на место и узнаешь».

Лена оказалась права: это был не брат Милявы, это был Камбири — старший брат самой Лены. Но она, да и я, пока ничего этого не знали. Отец все это время в стороне разговаривал с мужчинами. Я издали глядел в его сторону и заметил, что в процессе разговора его лицо становилось все более напряженным и встревоженным. Я подумал, что, может быть, какие-то разборки с этими мужчинами из Тулы — одного звали Лаци ла Тяляко. Мне уже шел 18-й год, и я подошел к ним и встал за спиной у отца, прислушиваясь к их разговору. Не поняв ничего, я толкнул слегка отца в спину, дав ему понять, чтобы он отошел со мной в сторо-

ну. Отец повернулся ко мне и, взяв меня за локоть, отвел в сторону за камеры хранения, чтобы мать нас не видела. Он сказал: «Ты уже взрослый и должен иметь самообладание». Я с тревогой в голосе спросил отца, что случилось. Он ответил: «Тот второй, который погиб, это брат твой матери и твой дядя Камбири». У меня слезы покатались из глаз. Отец сказал мне: «Если ты хочешь, чтобы с твоей матерью в дороге ничего не случилось, то ты не выдашь эту новость. И возьми себя в руки».

Отец сказал людям, кем является моя мать погибшему Камбири — его сестрой. И поэтому он попросил их не выдавать тайну, пока не доедем на место. Приехав в Можайск, мы наняли себе такси, чтобы добраться до деревни Мальцево Гагаринского района Смоленской области. Другие попутчики тоже наняли себе машину, и так мы вместе поехали. Уже в деревне отец сказал матери: «Лена, я должен сообщить тебе ужасную весть». Мать, до этого улыбавшаяся, насторожилась, и улыбка медленно исчезла с ее лица. «Я не хотел тебе говорить раньше, чтобы легче нам доехать до места. Но и не хочу, чтобы это горькое известие стало для тебя неожиданностью, от которой могут быть всякие последствия. Дело в том, что второй погибший — это твой брат Камбири». В машине раздалась сирена. Это был вой и крик матери. Из машины ее уже вытаскивали на руках.

Въехав в табэр, я окинул его взглядом. Я никогда в своей жизни, ни до того, ни даже после не дай бог, не видел такой ужасной душераздирающей картины. Весь табэр, местные и даже приезжающие были в трауре. А дело было в том, что пять человек попали в автокатастрофу. Двое из них погибли, и трое в тяжелом состоянии попали в больницу. Мама, выйдя из машины, стала окликать по именам своих братьев: Бакро, Микаяно, Боча, Гогай. Она думала, что ее обманывают и их погибло больше. Но, увидев их перед собой, она обмякла. Мы все, обняв ее, стали оплакивать погибшего Камбири, которому было всего 36 лет и у которого было восемь детей.

Отец Риста, увидев, что истерика у мамы прошла, отошел в сторону и стал расспрашивать своих шуринов, как все это произошло. И ему рассказали, что все мужчины занимались изготовлением металлических бачков для воды и прочих нужд в деревнях. Камбири жил тогда в Винёве Каширского района, но приехал для того, чтобы перевезти вещи брата Микаяно, который недавно переселился в Гагарин. Ну и решил он немного подзаработать, чтобы приодеть многочисленную семью. Несколько дней подряд он гулял, пил, веселился с друзьями в табэре. Как ни странно, за эти дни с ним крепко подружился 19-летний парень, которого звали Бадя сын Тома ла Бинако. Люди постарше, глядя на эту дружную пару, пожимали плечами. А дело в том, что разница между ними была по цыганским меркам очень большая. Камбири было 36 лет и у него было восемь детей, а Баде было всего 19, и он только недавно женился. Дружбы между ними, по здравому смыслу, не могло быть никакой. Но потом все объяснилось, когда они погибли вместе в один день.

ДОРОГА ДАЛА, ДОРОГА И ОТНЯЛА

Так вот, было воскресенье. Кто-то пригнал большую фуру-рефрижератор, чтобы погрузить бачки. Собрались в дорогу десять человек, пять пар по двое братьев из каждого дома. Хотел с ними поехать и Червонцо ла Гафако, но жена его Бикина отговаривала его и дважды скидывала его бачки из машины, так что он сдался. Вот как бывает в человеческой жизни, что решает — жизнь или смерть. Не послушайся Червонцо своей жены, и как знать. А так он нанял такси и, погрузив в машину свой груз, отправился на продажу со своей женой и дочкой. А основная группа села в фуру — двое в кабину и восемь в рефрижератор. Из братьев мамы поеха-

«Труд создал человека», — сказал мудрец. На что ему ответили: он же его и погубит. Так и случилось с Камбири. На фото запечатлено, как он разговаривает по телефону. Эти звонки носили только деловой характер. Снимок сделан еще в городе Донецке УССР.

Это брат моей матери Лены Камбири сын Володи и Филастры, род чайкони. Он погиб в том страшном ДТП. Это фото сделано в Калининe в 1968 г. незадолго до его гибели.

*Мать погибшего Камбири Филастра дочь
Ристы ле Францеско дэмони.*

На переднем плане слева Пали ле Дриласко, участник того страшного ДТП. Именно он спас жизнь Банго ла Мандицако, сказав ему перейти на другую сторону кузова злополучной машины. Рядом с ним брат погибшего Камбири Бакро. Позади слева сын Пали Тарано, справа Ермаш — сын того самого Червонцо, жена которого Бикина отговорила его ехать в тот смертельный рейс. В стороне стоит Гуля ла Мандицати, сестра спасшегося Банго. Фото сделано через 21 год после ДТП.

ли Камбири и младший Гогай. Направление было в сторону Москвы, но не доезжая Нарофоминска машину остановил инспектор ГАИ и, увидев нарушение правил по перевозке людей, заставил разгрузить машину и высадить людей. Машину он сопровождал в отделение. Кто-то поймал попутку, договорившись с водителем о рейсе, — стали загружаться.

И тут кто-то предложил разделить семейные пары на две стороны, так, мол, надежнее. Если не получится одной бригаде продать бачки, может повезти другой. Сказано — сделано. В самый последний момент Гогай посмотрел на брата, и что-то встревожило его сердце, обдав его холодком. Он взял Камбири за руку, потянул его к себе, сказав: «Поехали со мной». Тот вроде бы стал раздумывать, но, подумав, сказал: «Ты поезжай в ту сторону, а я поеду в другую, может, повезет больше». «Ладно», — сказал Гогай и запрыгнул в кузов машины.

И тут же Гогай услышал голос брата. Он кричал: «Гогай, Гогай!» Гогай резко обернулся. Тот сказал: «Дай три рубля, а то у меня пусто». Гогай сунул руку в карман — у него была одна красная десятка. Он стал спрашивать, кто разменяет, и Камбири, увидев замешательство брата — любимого брата, самого младшенького, которого все баловали и все ему прощали, сказал: «Ну ладно, езжай, я у ребят займу». Все это время до сегодняшнего дня Гогай не может себе простить, что не отдал ему тогда эти несчастные десять рублей.

Осталась на обочине дороги вторая пятерка, а это были неразлучная пара Камбири и Бадя, потом Пали сын Дрилы, двоюродный брат Камбири, следующий — Банго ла Мандицако, и Трояно сын Истрати (Истрати — тот самый, о котором я писал в первой части книги, где немцы устроили им испытание на прочность, уложив в шляпу 10 яиц). Камбири и Бадя были очень возбужденные, неусидчивые, и останавливали машины именно они. И вот наконец поймали — это был шестиметровый ЗИЛ, загруженный железобетонными плитами. Они подогнали машину и начали быстро закиды-

вать бачки навверх в кузов. Пали и Трояно, заглянув туда, запричитали: «Да вы что, ребята, с таким грузом ехать — это очень опасно». А они резко возразили: «Да что там опасно! Раз вы так боитесь — садитесь в кабину».

Здесь была какая-то мистика: водитель не имел никакого права сажать пассажиров, имея в кузове такой опасный груз. Они сели на корточках, подперев борт спиной, а перед ними друг на друге лежало примерно пять бетонных плит огромной тяжести. Пали сидел в кабине у двери, и он все время оглядывался, смотрел на сидящих в кузове и чувствовал при этом какой-то дискомфорт. Наконец он не выдержал, высунул голову из окна машины и крикнул им: «Эй вы, не сидите так в одной линии, кто-нибудь перейдите на другую сторону». И Банго ла Мандицако почему-то моментально послушался его и, перепрыгнув через плиты, перешел на другую сторону кузова.

Если разобраться в тонкостях этой истории, то ясно, что тут не обошлось без вмешательства сатаны и ангела-хранителя. Когда Бикина, жена Червонцо, сумела уговорить мужа не ехать со всеми, там присутствовал его ангел-хранитель. Когда же Пали и Трояно не смогли убедить Камбири и Бадю не ехать в страшной машине, там присутствовал сатана. А тут, когда Пали окликнул Банго перейти на ту сторону и он послушался, — опять же подсказал ему его ангел-хранитель.

Машина следовала дальше, и ничего не предвещало беды. На перекрестке дороги Москва — Нарофоминск стоял военный регулировщик. Справа налево двигалась военная колонна. И вот этот горе-регулирующий одновременно показал движение и тем, и другим. Тут, я думаю, тоже не обошлось без потусторонней силы, потому что уж слишком много было случайностей. Достигнув середины перекрестка, водитель ЗИЛа увидел военный грузовик, летевший ему в бок. Он резко затормозил. Банго услышал скрип тормозов и поднялся на ноги, чтобы увидеть картину происходящего. Тут же последовал удар, и от удара он перелетел через каби-

ну на дорогу и тем самым спас свою жизнь. Он отделался ушибами разной степени тяжести.

Удар же пришелся прямо в дверь, где находился Пали. Проскочив чуть вперед, машина замерла, дверь приоткрылась, и Пали упал головой на асфальт. Голова вошла внутрь тела, такое было ощущение, что сломались ключицы и ребра. Трояно блевал кровью и пеной. Солдаты тоже были покалечены. Подъехала машина генерала. Посмотрев на гражданских ребят, генерал дал команду оказать помощь в первую очередь гражданским лицам, а только потом военным. Трояно был очень плох: без сознания, истекал кровью. Генерал дал команду выделить нужные медикаменты из его аптечки. Трояно сделали несколько уколов, приведя его таким образом в сознание. Это помогло ему остаться в живых.

Самое страшное произошло в кузове машины. Камбири и Бадя как сидели на корточках, так и приняли страшный удар, не успев подняться на ноги. От удара плиты пошли на них, раздавили их у борта, сломали борт и выпали наружу. Основной удар пришелся в голову, и Бадя погиб на месте. Камбири был еще жив, и он, сделав последний прыжок, рванулся в кусты, которые росли вдоль дороги. Там он стал биться в конвульсиях. У него была повреждена голова и сломано бедро. Скорая повезла его в больницу, но он умер в дороге. Что интересно — родился Камбири тоже в дороге, но в вагоне поезда-товарняка.

Многие пословицы звучат очень верно, например, такая: если человеку суждено стореть, то он не утонет. Вот и в случае с Камбири: он мог погибнуть от машины еще за неделю до этого случая. А было это еще в Винёве, то есть дома. Он приехал домой из города на попутном жигуленке. Выйдя из машины, он захлопнул за собой дверь. На нем был длинный плащ, и он не заметил, что дверью полы плаща защемило. Машина резко взяла с места и потащила его за собой. Лишь по счастливой случайности на дороге были люди, и они смогли просигналить водителю, чтобы тот остановил-

ся. Тогда Камбири отделался лишь небольшими царапинами. Но, видно, силы свыше хотели его предупредить о приближавшейся опасности, и ему надо было какое-то время посидеть дома и переждать эту беду. Скорее всего, это было написано у него на роду: умереть в дороге от машины.

Червонцо в это время ехал в такси домой с женой и дочкой, продав свои бачки. Увидев аварию на дороге, искореженные машины, он отвернулся и перекрестился, сказав: «Не дай бог!» И в этот момент его дочь крикнула: «Папа, посмотри, это же бачки наших ребят!» Он оглянулся и увидел помятые бачки, лежавшие на обочине дороги. Он кинулся туда, чтобы узнать поподробнее о своих близких. Сначала работники ГАИ резко остановили его, но когда он сказал, что это его родственники, ему объяснили, что один погиб на месте, а четверо в тяжелом состоянии отправлены в больницу. Червонцо попросил назвать фамилию погибшего, ему назвали — Михай. Услышав это, он потерял сознание. Его привели в чувство, пристыдив при этом: мол, ты же мужчина, должен держаться и женщин успокаивать. Объяснение же простое: погибший парень был его зятем — мужем его дочери Луизы, которая полгода назад вышла за него замуж.

Услышав эту грустную историю, Риста вызвался помочь в организации похорон Камбири и Бади. Людей становилось все больше и больше, приезжали из разных городов Советского Союза. Как часто говорится в таких случаях, не было бы счастья, да несчастье помогло. А именно произошла встреча моей матери Лены со старшим братом Бакро или, как его в народе называли, Чупка.

Они расстались, когда ему было четыре года, а ей всего два. Конечно, мама все это время мечтала о встрече с родным братом. Но она не хотела, чтобы встреча состоялась при таких обстоятельствах, когда с одним братом ее соединила судьба, а с другим — самым любимым, с которым она выросла и которого обожала до последнего его дня, завтра она простится навсегда.

Чупка был огромный человек, можно сказать, человек-гора, с огромной физической силой. Он приехал с женой, которую звали Валей. Они были полной противоположностью. Если он был такой мужиковатый и прямой в своих высказываниях о любом человеке, то она — интеллигентной, деликатной, и от своих высказываний и оценки человека воздерживалась. Мама приняла брата спокойно и изучающе, стараясь понять его характер и манеру поведения.

Бабушка Филастра была убита горем, потеряв сына. Теперь она должна была возложить обязанность на младших сыновей — ответственность за содержание семьи старшего брата, оставившего восьмерых детей. Старшему сыну было 16 лет, а самой маленькой девочке несколько недель. Бабушка Филастра сама была очень больна и потому не хотела откладывать на потом свое наставление. Смерть сына сильно подкосила ее здоровье, и она боялась, что смерть может прервать ее жизнь в любой момент.

После похорон, побыв еще пару дней, мы собрались ехать домой. Вместе с нами засобирался и Чупка с семьей, так как мы ехали через Москву. Приехав в Москву, мы сообразили небольшую посиделку и, обменявшись адресами, разъехались. Долго я потом писал им письма, осведомляясь о здоровье так понравившейся мне характером тети Вали. Прошло, правда, года полтора после того, как мы простились с ними в Москве, и мы узнали, что тетя Валя умерла. После, когда Чупка приехал к нам в гости, он рассказал мне, что уже после смерти тети Вали они получили мое запоздалое письмо, в котором я также спрашивал о ее здоровье. И их это очень взволновало, и со слезами на глазах дядя Чупка сказал, что где-то еще был один любящий ее родственник, интересующийся состоянием ее здоровья.

БЕДА ПАРОЙ ПРИХОДИТ

Ну а пока шел 1976 год, и можете себе представить состояние Ристы, который в течение одного лета потерял отца, а затем молодого шурина, с которым он был в очень хороших отношениях. Довольно часто подшучивая над ним, Риста дал ему кличку «Змеиный Глаз», потому что Камбири был очень похож на артиста Георгия Вицина. Помните фильм «Деловые люди»? Посмотрев этот фильм, он и закрепил за ним эту кличку, на что тот не обижался, а только добродушно смеялся. Думая о так рано ушедшем шурине, Риста вспомнил, что, когда Камбири было лет пятнадцать, с ним случилась беда. Он вдруг ни с того ни с сего ослеп. Что только с ним не делали! И к знахарям водили, и к бабкам-гадалкам. Созывали весь табэр, и женщин, и мужчин, чтобы они подходили к нему и так, чисто символически, поплевали в его сторону, чтобы снять сглаз, и пожелали ему скорейшего выздоровления. Но ничего не получалось. И вот однажды молодые, собравшись посередине табэра, бурно разговаривали, шутили и не придали особого значения, когда мимо них проехал на велосипеде пацан. Но через несколько мгновений все одновременно, как по договоренности, резко обернулись. Они не поверили своим глазам: на велосипеде катался не кто иной, как Камбири. А это значило, что чары отступили.

Мысли об отце, конечно, терзали Ристе душу. Но смерть Камбири стала наводить его на мысли и заставляла сравнивать эти две смерти в таком расположении: «да, смерть отца — это страшное горе, и боль в сердце будет всегда. Но отцу, когда он умер, было 64 года, а Камбири всего 36 лет. Разница 28 лет, плюс надо учесть, что отец прошел через ад лагерей 10 лет, где он мог погибнуть моложе Камбири: ведь ему было всего 24 года, когда его посадили. И детей у него было всего двое — я и младший брат, которого звали Золотой и кото-

рый вскоре умер. То есть, случись с отцом беда в тех лагерях, я был бы один. Но бог миловал моего батяню, и он вернулся. И, когда умер, оставил взрослых сыновей, из которых троих успел женить и лишь одного не женил. Оставил также трех дочерей, из них одну успел отдать замуж. Также оставил и взрослых внуков и внучек, и даже одну успел отдать замуж. А Камбири не успел ничего — не то что внуков и внучек женить или замуж отдать, а даже ни одного сына не успел женить». Но опять же, Риста сам себе возражал, что смерть самого дорогого человека несравнима со смертью пусть и не чужого человека, но все же... Моя мать Лена, глядя на него и видя напряжение на его лице и шевеление его губ (хотя он ничего вслух не говорил), окликнула его: «Эй, старик, ты далеко?» Он немного вздрагивал и, улыбнувшись, говорил: «Да так, недалеко». И моя мать окликнула нас, своих детей: «Сейчас вам ваш отец расскажет интересные истории из своей молодости». Отец отмахивался: «Ты самый подходящий момент нашла!» Но, немного отходя от тех мыслей, он все же рассказывал, видя наши заинтересованные лица. И, видно, ему тоже хотелось увидеть улыбки своих детей, которым в последнее время довольно часто приходилось плакать. И вот отец выбрал тему воспоминаний из своей молодости, рассказы своего сверстника и друга, доводившегося моей маме двоюродным братом Греко сына Пали из племени миэешти.

И вот первый рассказ отца про Греко. «Мы жили тогда в Донецке, а родители его жены Дарьи (отец Лаци сын Гирицы из нашего рода сапоррони, а мать Маня дочь Ёно и Парастивы из племени вошони) жили в Липецке. Греко ездил туда с женой погостить. И вот однажды летним вечером молодые ребята примерно одного возраста собрались на пятачке посередине табэра поговорить. Из своего табэра, который находился километрах в трех, приехал на своем мотоцикле ИЖ-49 и я. Увидев меня, мои друзья обступили меня, и создался круг. Подошел к нам и Греко. Ребята, видя

его подшофе, начали его расспрашивать, как он съездил к теще с тестем в гости. «Как тебя. Греко, приняли, чем потчевали? Расскажи, нам же интересно».

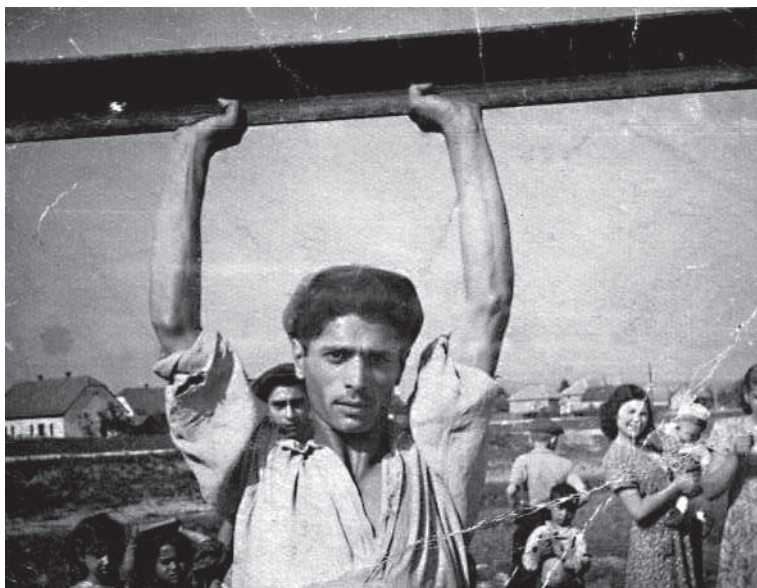
РАССКАЗЫ ГРЕКО

И вот Греко начал свой рассказ. «Повел меня тесть Лаци в пивной бар пивка попить. Ну, взяли я десять кружек и он десять кружек. Тесть много-то не выпьет, кружки три — а остальное я. А на мне ремень комсоставский, я выпил эти 17 кружек, освободил ремень на два отверстия. И так пошло: выпью 10 кружек — освобожу на два отверстия. Тесть, видя все это, только и поговаривал: «Ай да зять!»

Ребята, переглянувшись, сделали заинтересованные лица и стали дальше его расспрашивать: «Ну давай, Аркадий, дальше еще расскажи». Аркадием его звали по-русски, и он начал свой второй рассказ.

«Ну вот, приехали мы с тестем домой, а дома-то нет — они же недавно переехали на новое место. Тут теща Маня и говорит мне: «Ну-ка, зятек, поставь нам палатку». И я сказал: «Сейчас». Взял колья, палатку, выбрал красивое живописное место. Ищу молоток или топор, чтобы вбить колья, и не нахожу. И тут меня такая злость взяла, что поставил колья и начал вбивать их в землю кулаком. Тесть и теща наблюдали, как я вбиваю колья. Тесть Лаци закричал: «Да, Маня, ты посмотри, какого зятя нам бог послал силача! Ты представляешь, что будет с нашей дочкой, если он, не дай бог, ее хоть раз ударит?»

Ребята не смеялись и изумленно пожимали плечами: «Да, Аркадий, а с виду не скажешь, ты такой щупленький». А он нам говорит, показывая на свой кулак: «Вы еще не знаете, как я бью по-амбурски!»

*Риста в молодости был очень сильным человеком.
Вот такие соревнования по тяжелой атлетике
устроивали молодежь и люди постарше.*

Вот таким добрым молодцем был Риста в те далекие года в городе Донецке, когда Греко рассказывал о своих приключениях.

*Риста на чердаке, Костати с ящичком внизу.
Даже чрезмерно загруженные работой, эти ребята не
упускали возможности похохмить.*

Боевики 60-х годов.

Справа налево: Дрила ла Брияко, Червонцо ла Гафако, его племянник; Костати, брат Дрилы и дядя Червонцо; Катя ле Родованости, жена Дрилы.

Вот еще один смешной рассказ, услышанный от отца. Рассказывает Греко: «Иду я как-то раз зимой по Москве. Вдруг ко мне подбегает русская женщина и дергает меня за рукав: «Мужчина, мужчина, остановитесь, пожалуйста!» «В чем дело, гражданочка? — я, испугавшись, ее спрашиваю. «Скажите, пожалуйста, где вы брали свежие огурцы?» Ну, тогда — не сейчас, огурцы зимой не достанешь. Я ей, пожимая плечами, отвечаю: «Ой, женщина, где вы видели огурцы, у меня в руках ничего нет». И показываю ей пустые руки. А женщина и говорит: «Ну от вас так несет свежим огурцом». И я тогда ей говорю, поглаживая усы: «Что вы, девушка, это я еще прошлым летом ел».

Ну, ребята ничего не сказали, ушли, свернули за угол, и уже там смеялись, падая друг на друга. Назавтра, увидев его, я переспросил: «Греко, ну как ты забивал колья кулаком?» А он, смеясь в усы, говорит: «Да я вас разыграть решил, а вы, черти, все всерьез восприняли». А я ему с серьезным видом и говорю: «Да что ты, Аркадий, как мы можем усомниться в твоих физических возможностях, ты же бьешь по-амбурски!» Тут все рассмеялись дружно».

А мы, слушая отца, катались по полу от смеха.

НЕИСПЫТАННОЕ ЧУВСТВО

Жизнь все же забавная штука: уж сколько раз убеждаюсь в том, что горе с радостью довольно часто пересекаются. Вот и тогда, после нескольких потрясений, пришло к нам радостное известие, что у старшей сестры Белки, которая жила замужем в Ленинграде, родилась дочка. У отца в этот день улыбка не сходила с лица. Он ощущал новое чувство, до сих пор не испытанное, — это чувство деда. Эта весть нас объединила всех, и все были в выигрыше. Ну представьте:

то, что получил отец, я уже назвал, мама стала бабушкой, я и мои братья — дядями, сестры — тетями, бабушка прабабушкой и так далее. Но что самое интересное — у всех это впервые, так как Белка была из детей самой старшей. И вот так, на мажорной ноте, закончился 1976 год, что придавало уверенности, что следующий год принесет удачи и радости.

Так сначала вроде бы и происходило. В мае 1977 года закончился траур в наших семьях. Где-то в июне Риста женил брата Васю, исполнив-таки желание отца. И ничто не предвещало беды, но опять же напомним, что случилась драка с семейством Вани из племени сербиян, и опять нависли тучи над нашими домами. Той же осенью 1977 года эти люди уехали, и мы остались одни — только наших четыре семьи.

Наступил 1978 год, и Риста решил сразу после Пасхи привести в дом молодую невестку, то есть женить меня. Отгуляв Пасху первый раз после распада табэра так тихо и скромно, Риста собрал собрание родни — куда поехать за невесткой. Собравшись небольшим составом, решили поехать в Москву, а Москва все покажет, все дороги. В Москве жила семья сербских цыган, друг деда Григория Вошо, по-русски Василь Павлович, и его жена Лена, подруга бабы Дарьи. В их доме останавливались все цыгане Советского Союза, проезжавшие через Москву. И что интересно: даже не зная тех, кто приходил на ночлег, хозяин никому не отказывал.

Приехав в Москву, мы поехали в Лосиноостровск к дяде Вошо. Вошо и его семья жили не табэрной жизнью, а в городе, в многоквартирном доме, имея шикарную квартиру. Так же жили и его сыновья: старший Вова и младший Ляка — в государственных квартирах. Увидев отца и всех нас, дядя Вошо и его семья очень обрадовались. Приняли нас очень гостеприимно, так же, как их принимал мой отец, когда они приезжали к нам в Калинин. После хорошего застолья, уже к вечеру, дядя Вошо спросил отца о цели его приезда. Отец, не скрывая, рассказал им о своем намерении женить сына: «И вот я думаю, куда бы мне поехать, в какой табэр, чтобы най-

ти невестку, которая пришлась бы нам по душе». И тут дядя Вошо сказал отцу: «Погоди, ты не спеши уезжать из Москвы. Ведь ты приехал ко мне, если не ошибаюсь, неспроста. Не только для того, чтобы повидать старика Василь Павловича. Я думаю, что ты бы хотел, чтобы я тебе порекомендовал кого-нибудь». Отец, услышав это, рассмеялся и сказал: «Дядя Вошо, ты словно рентген, все видишь насквозь». «Ну так вот, — продолжил дядя Вошо, — есть у меня один человек, кого я мог бы тебе порекомендовать. Есть у него одна девочка на выданье, не скажу, что красавица, но вполне симпатичная». На это отец с юмором ответил: «Ну, дядя Вошо, если бы все искали красавиц, то многие бы неженатыми ходили. Некрасивым тоже надо замуж выходить. А кто ее родители, из какого рода-племени?» Дядя Вошо ответил: «Отца этой девушки зовут Савка, он же сын Лёши из племени ёнешти, а его мать Павлена из племени петрешти. Жену Савки и мать этой девушки зовут Соня, она дочь Пико из племени рувони и Бины из племени дукони. Когда мой отец услышал имя Сони, он с радостью в голосе сказал: «Соня — так это же наша родственница, она двоюродная сестра моей мамы!». Да, Дарья и Соня доводились друг дружке двоюродными сестрами, так как мать Дарьи Вета и отец Сони Пико были сестрой и братом. Значит, Ристе Соня доводилась двоюродной тетей. С Савкой Риста еще ни разу не встречался, но много о нем слышал. Узнав о том, что мать потенциальной невестки, которая может войти в его дом, его родственница, Риста обрадовался, думая, что с родственницей он быстрее найдет общий язык. Ведь отпадет необходимость объяснять, кто ты, откуда и так далее. Также немаловажно то, что ей уже знаком наш жизненный уклад и порядок.

На следующий день мы на двух машинах такси поехали на смотрины. В деревне Челобитьево, где жили эти люди, мы увидели частный дом с красивым садом, огороженный забором. Мы вошли в калитку. Риста ждал, что, увидев нас, тетя бросится в наши объятия. Но не тут-то было. Первым

вошел Вошо, за ним все остальные. Я шел последним и, сделав один шаг и перешагнув через порог, тут же замер на месте, оставив вторую ногу по ту сторону порога — не зная, входить или бежать. А замер я оттого, что раздался крик Сони, нашей новоиспеченной родственницы, со следующими словами: «Ну и чего вы пришли, кто вас звал?» Увидев Василь Павловича, Соня раздраженно сказала ему: «Вошо, ты опять в мой дом привел сватов. И кто на тебя возложил эту обязанность, не спросив нас? Я же сказала: нету у меня дочерей на выданье». Вошо, немного смутившись от столь нерадушного приема, но собравшись с духом, сказал: «Соня, я тебя и твоего мужа очень люблю и уважаю. И поверь, что плохих людей в твой дом я бы не привел. Вот запомни, что за этих людей ты еще будешь благодарить старика Василь Павловича, потому что, как хорошим друзьям, какими являетесь для меня вы и они, я хочу оказать помощь: вам обзавестись хорошим зятем, а им хорошей невесткой. И еще хочу оставить о себе хорошую память в ваших сердцах. Когда у вас в семьях будет все хорошо, вы меня вспомните добрым словом». Соня немного смягчила тон и осознала что немного резковато обошлась со стариком Василь Павловичем, который был другом семьи Сони и Савки, а также вдовствующего отца Савки, которого звали Лёша, а отца Лёши тоже звали Савка. Лёша в последние годы жил в доме сына Савки.

Тогда, в 1978 году, Вошо было под семьдесят лет, а Соне всего 46 лет. Но, сбавив резкий тон, Соня не сдавалась и стояла на своем: «Тех, что были постарше, я выдала замуж, а те, которые дома, — они еще маленькие, рано мне еще думать об их замужестве». Надо сказать, что семья Сони и Савки была многодетной: семь дочерей, из которых к нашему приезду, четыре были отданы замуж. И круг тех, с кем Савка породнился, был обширным. Старшая дочь Доня была отдана в табэр миэшти за Гого сына Мащё. Вторую дочь Папину Савка не стал отдавать от себя и отдал за своего двоюродного брата Лёню сына Коли ёнешти. Третью дочь Дуду он от-

СЕМЕЙСТВО САВКИ

Савка сын Лёши ле Савкоско ёнешти и Соня дочь Пико ле Гогоско дукони.

Слева Миша — самый младший ребенок в семье Савки и Сони. Этот мальчик, наследник престола рода семейства Савки, назван в честь уважаемого дяди Савки, брата матери Павлены. На этом снимке Савка не скрывает свою гордость и то, что ему сейчас и смерть не страшна.

Сладкая парочка. Слева вторая дочь Савки и Сони Папина, справа их четвертая дочь Дуда.

Старшая дочь Савки и Сони Доня.

Великолепная четверка.

Слева направо дочери Савки и Сони: Мая, Тинка, Елза и Лиза.

дал в табэр петрешти за Даню сына Петюши, которые жили, да и сейчас живут в Литве, в городе Вильнюсе — сейчас это уже считается за граница. Ну а четвертую дочь Тинку Савка отдал в табэр рувони за Борю сына Гого. И вот дома оставались три дочери, самая старшая из их была та, которую собирался взять в невестки мой отец, — по имени Елза. Ей было 16 лет. Тогда она считалась очень молодой. Это сейчас такой возраст считается критическим, и девушка рискует остаться дома. Младших дочерей звали Мая и Лиза. И самый младший ребенок в семье — мальчик, которого назвали Миша, было ему тогда семь лет. Этот ребенок в семье Савки, где одна за другой родилось семь дочерей, был самым долгожданным. Уже став зятем этих людей, чуть позже, я узнал о том торжественном моменте для их семьи, когда родился этот малыш.

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Произошло это 19 апреля 1971 года. Жили они тогда в Узловом Тульской области. Накануне, 18 апреля, был великий православный праздник Пасха, и Соню отправили в роддом. Все пожелали Савке наследника-мальчика. А 19 апреля — второй день Пасхи, в этот день крестники дарят крестным подарки в виде рубашки, а крестные тоже дарят им в ответ подарки. Этот день у нас называют «дес ле колаченго» — день подарков. Дом Савки наполнился народом, столы ломились от яств, но Савка чувствовал какой-то дискомфорт. Во-первых, не было дома хозяйки, ну а во-вторых и в самых главных, Савка думал, кого ему на этот раз бог пошлет. Савка, глядя на тех отцов, у кого были сыновья, завидовал им, но не подавал виду. Это при том, что он обожал своих дочерей, а те любили его такой любовью, что те

отцы с сыновьями в открытую завидовали ему. У его младших братьев были сыновья: у Ромки двое, у Милоша трое. И многие уже подкалывали шутя Савку: мол, разбогатеешь на дочках, столько калыма собрав, надо бы и тебе разориться. Савка сидел за столом, но мысли его думали о другом. Все это видели и понимали волнения хозяина дома. И все подбадривали его и поднимали бокалы с пожеланиями, чтоб бог послал ему наследника и продолжателя рода Савелия. И вот отец Савки, Лёша, не выдержал, поднялся из-за стола и направился к телефону.

Набрав номер роддома, он называл фамилию: Константинова. Все, кто сидел за столом, приутихли и, замерев, слушали разговор деда Лёши очень внимательно. Дед Лёша продолжал расспрашивать медперсонал, чтобы узнать, кого ему бог послал на этот раз — внука или опять внучку. И вот девушка по телефонной трубке объявляет ему: «У вас Тимошка». Когда Соню положили в роддом, женщины попросили медперсонал, если родится мальчик, сказать, что «у вас Тимошка». Дед Лёша радостно воскликнул, бросив веселый взгляд на гостей, томящихся в ожидании: «Тимошка!» Радостный дед Лёша начал благодарить девушку, сообщившую ему столь радостную весть, которую без фальши ожидали все. Все одновременно воскликнули: «Ура!» От крика «ура», казалось, сорвет крышу. Радостная весть моментально облетела весь табэр. Народ ринулся к дому Савки многочисленной толпой, так же, как шли революционеры на штурм Зимнего дворца, с той лишь разницей, что к дому Савки люди шли с радостью на лицах, с криком «ура», с поздравлениями, с выкриками чувства восторга.

Савка был любимцем табэра и его бароном. Любили Савку не кривя душой, без чувства лести, а самыми искренними чувствами. Отец Савки Лёша был еще полон сил, и возраст позволял еще быть у руля и руководить табэром. Но он, не задумываясь, отдал бразды правления своему сыну, не испытывая при этом ущемления своих прав. Лёша и его

жена Павлена обожали и боготворили своего сына Савку. И видя то отношение людей табэра ёнешти, их уважение к сыну Савке, они лишь со стороны радовались этому. Савка отвечал своим родителям сыновней любовью. Хочу сказать, что я благодарен судьбе, что моя жизнь пересеклась с этим замечательным человеком — моим тестем Савкой. Он был, можно сказать, ходячий учебник жизни, каким должен быть человек на этой грешной земле. Он был любящим сыном, обожающим мать и отца. К сожалению, мне не довелось увидеть мать Савки Павлену. Но даже по прошествии многих лет, даже находясь в веселом настроении, если кто-то вспоминал о его матери или заводил разговор о ней, Савка моментально становился грустным и из его глаз катились слезы. Он не мог воспринимать спокойно смерть своей матушки. Когда она умерла, все-таки дождавшись радости своего любимца Савки от того, что бог послал ему сына, она через полгода со спокойной душой умерла. Правда, всего шесть недель не дождалась она правнука: сына старшей дочки Савки Дони. Малыша назвали Янош, в дальнейшем ему дали ласковое имя Сюни, так и закрепившееся за ним до сегодняшнего дня.

И Савка, конечно, оплакивал свою мать, не дожившую до того дня, когда он стал дедушкой, а она могла бы стать прабабушкой. Так же Савка умел вести себя со своими братьями и их детьми, то есть с племянниками и племянницами. С большим уважением он относился к своим невесткам — женам братьев, а те отвечали ему взаимностью. Можно сказать, что этот человек был баловень судьбы. Вот поэтому, узнав радостную весть, которую весь табэр желал своему всенародно избранному и любимому барону, люди спешили увидеть радостное лицо своего кумира. Зайдя в дом Савки, можно было увидеть следующую картину. Савка был на седьмом небе от счастья, хоть и смущенно улыбался. Как я уже писал, у цыган не принято отцу новорожденного ребенка выражать свои эмоции и восторг. Но тут был не тот

случай: люди не могли осудить радость счастливого отца. Это означало, что род Савки на нем не закончится, а будет продолжаться до бесконечности. А это уже понятие более широкое, чем просто рождение ребенка.

Народ продолжал веселиться и выкрикивать Савке, какое ему богатство привалило. И тут Савка не стал удерживать свои эмоции и радостно выкрикнул своим гостям: «Ребята, вы не раз мне говорили, что я разбогатею на дочках, собрав весь калым. Поэтому я, услышав эту радостную весть, согласен, чтобы вы нанесли мне тот ущерб, который вы сочтете нужным», И люди приняли призыв Савки и стали бить ему посуду и прочую утварь, приговаривая при этом: «На счастье!» Надо сказать, что у цыган не принято бить посуду ни при каких обстоятельствах, наоборот, в дни свадеб очень стараются не бить посуду, не пораниться, чтобы обошлось без крови. Но в данном случае радость людей лилась через край, немного потеряв контроль. Может быть, поэтому и вырос в дальнейшем этот мальчик в неординарного человека. Многое Савка передал своему сыну Мише — черты своего характера, деловитость, умение привлекать деловых людей на свою сторону. Но к этим чертам Миша приобрел и свои навыки жизни. Первое и самое главное — удача в жизни и в делах. Может быть, те люди, которые били посуду в день его рождения, битьем этой посуды изгнали и неудачу из его жизни, в дальнейшем сделав из него удачливого бизнесмена и руководителя табэра, где он признан бесспорно бароном.

Но вернемся в дом Савки, где отмечают день рождения его сына. В доме Савки царил крик, шум, беспорядок, осколки стекол были разбросаны по полу. А Савка радостно кричал, не переставая, как в том мультфильме про золотую антилопу. Когда она била копытом о землю и из-под ее копыт летело золото, великий раджа кричал так же, как Савка сейчас: «Еще, еще!» Только, как мы помним, золото раджи превратилось в черепки, а у Савки черепки превратились в

золото в лице его сына и наследника Миши, который по сегодняшней день с высоко поднятой головой несет знамя не только своего отца Савки, но и всего племени ёнешти, вызывая в хорошем смысле чувство зависти и других племен. Так держать, Миша!

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН

Но вернемся к тому, от чего мы ушли — к недовольству Сони к незванным гостям, то есть к нам. Крик Сони немного смутил Ристу, он не ожидал такого приема новоиспеченной родственницы. И вот он заговорил с Соней уверенным голосом так, как будто его не смутила агрессия в голосе Сони. А это было просто так, само собой разумеющееся: некоторые родители ведут себя так, создавая недружелюбный прием нежданным сватам, даже если они этому событию рады в душе. Родители невесты не должны показывать свою радость на людях, чтобы потом в семье не упрекали их дочь в том, что ее хотели спихнуть с родительского двора.

Хотя нашем случае этот номер не проходил, и все было на полном серьезе, Риста сделал вид, что нам этот прием знаком, и начал свой ответный ход: «Ну что же ты, Соня, так родственников встречаешь? Ты бы хоть спросила, кто я, откуда». А Соня тоже была находчивая, ее врасплох трудно было застать, и она, глядя на отца, грозным голосом, но уже со смешинкой в глазах выпалила: «Ну а что мне тебя спрашивать? Ты Риста сын Дарьи, моей двоюродной сестры. Ну и что?» Ристу немного такой ответ озадачил. Он надеялся, что, когда он назовет, чей он сын, Соня смягчит гнев на милость, но не тут-то было. Однако Риста был тоже не подарок, и он любил решать трудные задачи. «Ну раз ты знаешь, чей я сын, то разреши мне передать тебе подарочек от твоей

сестры». Соня часто на людях хотела показать агрессивный характер, и тот, кто не знал ее, принимал это за чистую монету. А на самом деле она была очень добра, и характер ее был быстро переменчив. Вот и сейчас в ее глазах появилась улыбка, и она бросила взгляд на Савку.

А Савка все это время ничего не говорил и наблюдал за этой сценой молча, слегка улыбаясь в усы. Когда Соня закончила свою вступительную речь, он на правах хозяина семейства предложил гостям войти в дом и присесть на стулья за столом, выпить по стаканчику чая. Уже сейчас, по прошествии почти тридцати лет с того дня, я могу с уверенностью сказать, что у моей тещи Сони и тестя Савки это был отработанный номер. А именно Соня как женщина, как мать наводила на сватов страх, высказывая им свое недовольство, а Савка как хозяин положения и глава семейства, дав жене полностью высказаться, подавал ей глазами знак, что все, мол, баста, и предлагал гостям радушный прием.

Войдя в дом, Риста, недолго думая, достал из сумки пару бутылок водки, несколько бутылок пива, и мужики сели за стол. Савка и Риста, впервые в жизни взглянув друг на друга, встретились взглядами. Это был взгляд двух настоящих мужиков, которые, как жизнь потом показала, были чем-то похожи друг на друга. Они были деловыми людьми, которые плыли против течения, преодолевая все трудности в жизни. Они оба прошли трудные годы войны, голод, холод, тиф. Они были почти одногодки — разница была в несколько месяцев. Риста был 1934-го года рождения, а Савка 1935-го. Оба были душой общества в шумных застольях, любили петь, танцевать и умели это делать, привлекая огромный интерес и одобрение публики. Но это было потом, а пока он, не выдавая свою заинтересованность в изучении потенциального родственника, присматривались друг к другу. Сев за стол, Савка не стал что-то выговаривать Ристе или Вошо, который привел нас в его дом, будучи разумным человеком и осознавая, что так поступают все цыгане, которые нахо-

дятся в поисках молодой невестки. И он может в скором времени оказаться в таком же положении, хотя сыну его шел тогда только седьмой год. Но как знать, может, придется Савке в поисках молодой невестки обратиться и к Ристе. Поэтому он не делал поспешных выводов.

ИЗ ПРОВИНЦИИ В СТОЛИЦУ

Пошли расспросы: что, как, много ли семей в табэре, где руководил Риста, ну и так далее. Риста, в свою очередь, также поинтересовался, откуда Савка в Москву приехал. Савка ему рассказал, что приехал он из города Узловое Тульской области в 1976 году, купив дом. В то время, надо сказать, не так уж было просто прописаться в Москве, тем более что это было перед олимпиадой и всех людей с сомнительной внешностью и не имеющих постоянного места работы не то что не прописывали — а даже наоборот, выселяли из Москвы на 101-й км. Но Савка был из тех деловых людей, которые знают обходные пути. Он умел очаровать и заговорить нужных ему людей. Переехав в Москву, он не забыл своих родственников, оставшихся в Узловом. Он разными ухищрениями, лазейками помог и им прописаться в Москве. Он даже отцу своему Лёше организовал фиктивный брак, как и брату Роману. Ну что же ему еще оставалось делать, а для достижения цели все средства хороши. Вслед за ним переехали в Москву и его тетя Люка с мужем Володей и семьей, купив дом в Пушкине Московской области.

Рассказав Ристе о своем переезде из провинциального города в столицу и видя, как Риста его внимательно слушает, не перебивая, Савка, немного прищурясь, с хитринкой в глазах сказал: «Риста, я хочу тебя спросить о цели твоего приезда. Может быть, Соня моя на тебя напрасно накрича-

ла, и цель твоего приезда не та, о чем мы с моей Сонюшкой подумали?» Сказав это, он впился взглядом в своего весьма симпатичного и обаятельного собеседника. Риста, улыбаясь и поняв юмор Савки, ответил: «Прямой вопрос требует прямого ответа, так?» И Савка сказал: «Так». Они, как я уже сказал, были ровесниками, и, может быть, поэтому за небольшой отрезок времени беседы за столом, осознав, что характерами они очень близки, они почувствовали симпатию друг к другу. Риста сказал Савке: «Нет, Савка, твоей хозяйшке не показалось, и ты не ошибся в своих догадках о цели моего приезда, а попал в самую десятку, а именно: я хочу с тобой породниться, женить своего сына на твоей дочери Эльзе». По-цыгански звучит это имя Елза.

Я, как вы помните, оставался в растерянном состоянии после резкого выступления Сони. Для меня это было как ушат холодной воды. Хотя мне было уже 19 лет, я мало разъезжал по табэрам. И у нас, конечно, проводили свадьбы, но я не вникал во все эти тонкости, а приходил уже во время гулянья. Тут же я попал в самый решительный момент, в котором дипломатия в речах не обязательна, а для того, чтобы навести страх и, естественно, чтобы отступили незваные гости, все средства хороши. Я, пересилив себя, перешагнул через порог вражеского дома, как мне тогда показалось. Забился я в угол дома и менял окраску на лице, то бледнея, то краснея, стоял неподвижно. Я светился, как елка: на мне был парчовый пиджак, и все, кто заходил в дом, сразу бросали на меня взгляд с предвзятым интересом, особенно приближенные к семье Савки рассматривали меня, стараясь найти изъян или какой-нибудь дефект, чтобы сообщить потом хозяйину для вынесения вердикта.

Надо сказать, что такое дознавательство проводится во многих табэрах, так как родители не знают тех людей, которые пришли сватать их дочь, не знают их характер, манеру поведения, образ жизни. Ведь если знаешь родителей потенциального жениха, то можно как-то представить себе,

что и их ребенок похож на своих родителей характером. Тут же, не зная родителей, что же можно знать об их ребенке? И многие родители идут на хитрость, а проще говоря, на провокацию.

ЦРУ.

ЦЫГАНСКОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В чем же заключается это мероприятие? Собираются несколько молодых ребят, в основном, из родни невесты. Посторонние люди в этих делах неблагодарных не участвуют, потому что у всех цыган есть давняя мудрость: быть всегда на стороне мужчины и помогать в создании семьи. Ну а обязанность родственной стороны — чтобы их приближенная не попала в неблагонадежную семью. И поэтому группа, отведенная на раскрутку жениха, выполняет эту неблагодарную работу. Они подходят к жениху, знакомятся с ним, предлагают пойти на воздух, лучше всего на природу (если, конечно, лето на дворе) — короче говоря, в уединенное место, подальше от противных стариков, как они говорят. Начинают разговор о том о сем, дабы не вызвать чувства подставы у жениха. Потом предлагают выпить за знакомство, подливая жениху и с интересом наблюдая заинтересованность жениха к спиртному.

Но многие предусмотрительные отцы еще в пути предупреждают своих сыновей о том, что нельзя распивать спиртное, кто бы его ни предлагал, и что держать язык надо за зубами — не рассказывать о своих похождениях, если таковые имеются, а больше слушать, чем говорить. Но иногда юноша забывает о нравоучениях своего отца и поддается зажигательной беседе своих новых друзей. А эти друзья в кавычках, делая вид, что не обращают внимания на него,

начинают распивать спиртное и, притворяясь, что захмелели, рассказывают друг другу, как они вчера провели время. Кто о том, что он был на танцах в окружении нескольких девушек, другой в том же духе рассказывает, как он провел время с другими девушками. И все время они бросают взгляды на несчастного жениха, при этом дружески подмигивая ему и прося его о том, чтобы этот разговор остался их мужской тайной, так как он первый, с кем они этой тайной поделились.

Конечно, тот, кто постарше, не поддается таким приемам. А более молодые принимают это за чистую монету и спешат поделиться своими подвигами на увеселительных фронтах, тоже прося своих новых друзей не выдавать тайны. Ну а те отвечают так же, как отвечал герой фильма «Иван Васильевич меняет профессию» в исполнении Владимира Этуша: когда Шурик просил его не выдавать тайну о созданной им машине времени, тот отвечал ему: «Что вы, что вы, даю вам честное благородное слово». А сам взял телефон: «Алё, милиция!» Так и эти друзья, собрав у этого доверчивого парня нужную информацию, шли на доклад к отцу невесты с чувством выполненного долга. И после такого доклада довольно часто отец невесты выносил свой отрицательный ответ.

Сейчас, в наши дни, конечно, это не практикуется — не потому, что отцу невесты все равно, а просто надобность отпала. Дело в том, что за последние 20 лет возраст женихов резко помолодел. Если 20 лет назад даже в 18 лет жених считался молодым и в 25 парни женились, то сейчас 15-летний жених вызывает сомнения: не был ли он женат до этого сватовства? Сейчас нормальным считается возраст жениха от 12 до 14 лет, в 15 лет он уже считается взрослым.

Произошла эта перемена после перестройки, когда открылись кооперативы, пошли заработки довольно приличные. Многие молодые бизнесмены почувствовали богатство, похвалу от окружающих собратьев, которая потом переросла в славу российского масштаба. Дело в том, что по цы-

ганской почте очень быстро распространяется информация любого характера о человеке. Конечно, дурная слава бежит быстрее хорошей, но и хорошая все же долетает до всех табэров России в первую очередь, а потом и бывшего Советского Союза. И вот человек, почувствовав славу и внимание к своей персоне, хочет усилить впечатление окружающих его людей: он считает, что для этого ему надо женить сына, сыграть роскошную, доселе невиданную свадьбу. Ведь средства позволяют, и никого из родственников о помощи просить не надо. И вот он уже в поисках невестки. Он уже не смотрит в метрическое свидетельство своего сына, а там значится, что его сыну 13, максимум 14 лет.

Почему раньше люди женили своих сыновей очень поздно, от 18 до 25 лет? Ответ простой: материальная база не позволяла, и многие вскладчину, помогая друг другу, решали эту задачу. Многие родители, у кого были дочери на выданье и кто по каким-то причинам не мог выдать свою дочь замуж, даже шли на такие самопожертвования своей гордостью, что приглашали бедных сватов к себе, чтобы они сосватали их дочь. Те же жаловались на жизнь, что не имеют средств на сватовство, тем более на свадьбу. На это родители девушки отвечали: «Денег мы вам дадим на все, но только чтобы никто об этом не узнал». Тогда, в те времена, это считалось позором и унижением.

На эту тему мне хотелось рассказать услышанный мною от моего деда Григория смешной рассказ. В одном табэре (не буду говорить, в каком, чтобы не обидеть кого-нибудь из ныне здравствующих людей цыганского мира) жила одна зажиточная вдова. У нее была дочь довольная возрастная, по каким-то причинам не вышедшая замуж. А рядом с ее домом жил цыган, тоже вдовец, который концы с концами еле сводил. У него был очень красивый неженатый сын, уже довольно взрослый — перешагнувший за 20 лет. И вот эта вдова решила на то самопожертвование, о котором я говорил. Она пригласила соседа на стакан чаю втайне от лю-

бопытных глаз — не только потому, чтобы не выдать своей тайны, но и чтобы люди не видели, что вдовец ходит в гости к вдове. Это могло вызвать среди людей недобрые рассуды, чего бы она не хотела даже ради дочери.

И вот в разгар чаепития она выложила ему свое предложение: чтобы тот сосватал ее дочь. Она пообещала, что даст ему денег на свадьбу и золото на калым. А калым за невесту тогда значился в 10 николаевских червонцев. Тот человек не поверил своим ушам и потому, естественно, с радостью согласился. На следующий день столы в доме вдовы ломились от яств и вин. Табэр изумлялся чудному обогащению этого свата за одну ночь, и люди не верили своим глазам, но с удовольствием садились за стол. Мужчины постарше и более разумные догадывались, откуда, а точнее, от кого исходило это богатство, но они молчали, потому что сказать и не доказать — можно попасть впросак.

Ну вот мать дала свое согласие на выданье своей дочери замуж за сына вдовца. Потом, после материнского согласия, по цыганскому обычаю вдовец попросил разрешения у матери невестки и у гостей, чтобы его приближенные нарядили его невестку в нарядный костюм, который якобы принес он. Все понимали, из каких сундуков этот костюм, иначе этот костюм надел бы он сам, потому что брюки на нем просвечивали его тело.

После проведенного обряда нужно было оценить невестку в золотом эквиваленте, а проще говоря — получить калым. Поднялся тамада данного застолья и попросил новоиспеченную сватью назвать цену калыма за свою дочь. А принцип, точнее сказать, сценарий назначения калыма был таким: утвержденная цена была 10 золотых червонцев, но родители (в данном случае мать) попросила 15 червонцев. После она передавала бокал членам своей семьи, и те, после всяческих пожеланий, жертвовали молодым золотой червонец, и так шло по кругу до назначенной суммы в 10 золотых. Это происходило во время сватовства. А в процессе свадь-

бы невеста с тарелкой в руках подходила к своей родне, и те называли имена, от которых и в честь которых они дарили молодым эти червонцы. В конечном итоге оставалось две, максимум три монеты. Эта традиция придавала окраску всей свадьбе, а также интригу: все гадали, сколько монет оставят родственники невесты.

И в этот раз предполагалось так же вести свадьбу. Но сват со стороны жениха, видно, с головой не дружил. И, услышав от своей сватки для себя смертный приговор, обозначенный цифрой 15 золотых, он, схватившись за голову, крикнул во всеуслышание: «Как пятнадцать? Ты же мне только десять дала!» Гости, сидевшие за столом, одновременно дружно заржали, осмеивая хозяйку дома. Этот случай не придуманный, а произошедший на самом деле. В жизни цыган было очень много смешных и поучительных историй, в которых подчеркивался ум человека и находка, а точнее, выход из положения.

БОЧКА ПИВА, И ДЕЛУ КОНЕЦ

Еще одну историю на свадебную тему, услышанную от моего отца, мне бы хотелось рассказать. Было это в Донецке в 1960-х годах. В один солнечный летний день после трудовых дел деловые люди табэра миэшти по дороге домой остановились у пивной автоцистерны емкостью 900 литров попить пивка. Я сейчас объясню, почему я до мельчайших подробностей излагаю суть дела.

Главным заводилой был Костати сын Брии, он был младшим дядей моей матери Лены. Сейчас трудно вспомнить по именам тех, кто еще участвовал в том распитии холодного пива, которое пришлось очень по вкусу одному из самых авторитетных людей табэра миэшти, да и в других табэрах

планка его авторитета была очень высока. А звали этого человека Стёпа сын Лизы, кличка за ним закрепилась Бахта-ло, что в переводе значит «счастливый». Породниться с ним мечтали многие — как сосватать его дочь, так и отдать свою дочь в семью Стёпы. А у Стёпы была дочь на выданье, звали ее Ппабай — Яблоко, так звучит в переводе это имя. И вот в процессе распития пива Стёпа говорит: «Какое хорошее пиво! Вот если бы кто-нибудь подогнал к моему дому такую цистерну, полную пива, и сватал мою дочь, то вот мое слово отцовское: я бы согласился отдать свою дочь замуж за его сына!» Кто-то подкольнул его: «Это ты сейчас так говоришь, потому что тебя жажда замучила, а завтра скажешь, что ты пошутил!» На это Стёпа с серьезным лицом и жестким голосом сказал: «Я своих решений не меняю и от слов своих не отказываюсь».

Костати в разговор не вступал, а внимательно слушал Стёпу, попивая пивко. У Костати был к тому времени сын уже близок к женитьбе, звали его Чапай, в честь легендарного командарма. Сам Костати был в это время в зените славы. Удачный коммерсант, ведущий за собой сразу несколько бригад на заработки, он имел огромный авторитет среди цыган многих табэров. Цыгане о нем говорили с восхищением, примерно так же, как сейчас россияне говорят о Березовском. Попив пивка и посмеявшись, он предупредил Стёпу: «Найдется смельчак, выполнит твои условия, только тогда от своих слов не отступай». На это Стёпа ответил: «Я хозяин своих слов».

Но каково же было удивление Стёпы, когда он увидел, как Костати и его сподвижники катили к его дому эту цистерну с пивом, обвязанную лентами, что обозначало суть ее предназначения. Те, кто вчера еще переспрашивали его, не поменяет ли он свое решение в данной ситуации, глядели на немного растерянного от неожиданности Стёпу с любопытством и в ожидании, что он ответит этому смельчаку. И Стёпа, осознав серьезность момента, взглянул на

Костати сын Брии из племени чайкони — красавец, мужчина и удачливый бизнесмен. В общем, Березовский 60-х годов.

Костати, улыбнулся и сказал: «Сдаюсь и от своих слов не отказываюсь».

Никто, конечно, и не думал заглядывать в цистерну, чтобы удостовериться, в полном ли объеме данный сосуд наполнен. Главное условие уважаемого свата было выполнено. Эта цистерна была на долгие годы рекордом всех свадеб. До этой свадьбы, да и после мало кто решался на такие затраты.

Вот так многие отцы сыновей ждали оговорок или каких-то высказываний отцов дочерей, особенно если те были подшофе, чтобы потом поставить их перед фактом. Я не думаю, конечно, что цистерна с пивом, которую пригнал Костати к дому Стёпы, была решающим фактором для вынесения Стёпой его согласия. Костати был желанным гостем в этом доме, и Степану было вдвойне приятно осознавать случившееся. Во-первых, он в глазах общественности сдержал свое мужское слово, данное им ранее. Во-вторых, его дочь попала в семью, которая имела авторитет в цыганском мире.

ОТПУСКНОЙ БАНКЕТ

Но вернемся в то время, где мы оставили Ристу в беседе с Савкой, а это был май 1978 года. Услышав о намерении Ристы, Савка не стал делать поспешных выводов и не ответил ему резким отказом, которым он несколько часов назад мог бы прервать эту беседу. Сейчас же Савка, почувствовав родственную душу единомышленника, смягчив тон, сказал: «Риста, моя дочь еще очень молода, и о ее замужестве еще рано говорить, так что поищи себе невестку в другом месте».

Причина отказа Савки была в том, что многие сваты не владели информацией, а просто, как говорится, слышали звон, да не знали, где он. Даже те, кто никогда не встречался

с нашим родом, говорили о дурной славе рода сапоррони. А слава была такая: что народ наш очень агрессивный и неуравновешенный, свекры и свекрови с невестками очень строги и грубы, мужья жен избивают до потери сознания и так далее. Но Савке за то время беседы за столом Риста показался очень разумным и уравновешенным человеком. Все же испытывать судьбу Савка не стал и поэтому ответил Ристе отказом.

Риста сделал вид, что согласился с решением Савки, а сам пошел на хитрость. В доме Савки жил тогда с семьей его старший зять Гого сын Мащё и Шурки из рода миеэшти, который был женат на его старшей дочери (ее звали Доня). Ёнешти нас, молдавских цыган, называют молдоваица и при этом показывают на пальцах «очень маленькие» и смеются, но это юмор. А наше племя и племя Гого — миеэшти — молдавские цыгане, можно сказать, родственные души. И поэтому Риста обратился к Гого за помощью. Риста дождался, когда Савка и Соня уехали в город. Он уже был подготовлен: заранее машина такси была загружена продуктами на хорошую сумму. Приехав к дому Савки, где Гого уже подготовил столы и стулья, Ристе помог накрыть стол и как ни в чем не бывало сделал вид, что он ни при чем.

Накрыв стол, все находились в тревожном ожидании хозяев дома. Конечно, больше вызывало волнение, как на все отреагирует Соня со своим резким характером. И вот на такси приехали хозяева. Увидев с улицы в открытое окно накрытые столы, Соня включила сирену и с криком вошла в дом, ругая своих домашних. Больше всего досталось зятю Гого и дочери Доне: как это они впустили незваных гостей, да еще дали им возможность накрыть столы без их родительского разрешения. Впрочем, они сами понимали, что на такие мероприятия никто у родителей невестки разрешения не спрашивает, по цыганскому обычаю. Если бы все спрашивали разрешения, то многие неженатыми ходили бы.

Соня вошла в дом первая и, увидев смущенно улыбаю-

щегося Ристу, начала выговаривать ему, как он нехорошо поступил, войдя вероломно в их дом, пользуясь их отсутствием. Риста, с улыбкой на лице, подняв руки, с юмором ей отвечал: «Виноват, Соня, виноват, я исправлюсь, но я думал, что у родственников не нужно спрашивать разрешения войти в их дом. А этот стол я накрыл для того, чтобы погулять с вами — уж больно вы мне понравились. Домой мне ехать не хочется. Я сейчас нахожусь в отпуске, так что, нравится тебе или нет, но придется тебе приютить племянника недели на две».

Савка, войдя в дом после Сони, внимательно слушал диалог тети и племянника в лице Ристы. Услышав из уст Ристы, что тот находится в отпуске, он улыбнулся. Какой отпуск у цыган, когда у них целый год отпуск: они сами себе директора — работают по договорам. Савка посмотрел на Ристу, сдерживая смех, и произнес: «А, ты в отпуске находишься! Тогда я дам тебе отпускные в виде расчета». На это Риста тоже с юмором ответил: «Нет, я уже на своем производстве получил, и решил их потратить с вами — с моей тетей и с моим дядей. Я позвоню домой и приглашу, Соня, твою сестру и мою мать Дарью, она тоже хочет с тобой увидеться и погулять».

По лицу Сони можно было понять, что гнев проходит, а в глазах ее уже была смешинка. Но она все равно не сдавалась: «Расчет однозначно, дочку я вам свою не отдам!» Савка посмотрел своим коронным взглядом на Соню и сказал: «Ладно, старая, перестань шуметь, разберемся». Риста понял, что ему лучше держаться подальше от тети и поближе быть к дяде. Риста сказал Савке: «Пойдем сядем за стол, а то я проголодался — целый день не ел, да и по стопочке выпить не мешало бы».

Многие отцы невесты в таких случаях не садятся за стол, не притрагиваются к еде, к выпивке, пока не объявят свое решение — да или нет. То есть, если он дает свое согласие на выданье своей дочери, то, естественно, он садится за стол

до объявления своего решения, и многим это было понятно заранее. А если хозяин дома не поддавался уговорам, он хотел подчеркнуть своим отказом присоединиться к шумному застолью, что этим горе-сватам в его доме ничего хорошего не светит, в лучшем случае — расчет за понесенные убытки 50/50. Есть в цыганском законодательстве и такая графа: если хозяин дома, которому было предназначено это застолье с целью сосватать его дочь, отказывается отдать свою дочь в семью этого уважаемого человека, то он, для того чтобы снять запрет для последующих сватов в адрес его дома, а именно к этой его дочке, должен выплатить расчет по договорной сумме. Если он не имеет возможности выплатить расчет сразу, то он в присутствии авторитетных гостей и под свое честное слово, подсчитав сумму убытка и разделив ее на два, берет отсрочку данного платежа. В чем заключается эта отсрочка? А суть этой отсрочки в том, что последующий сват, который получит положительный ответ, то есть родительское согласие на выданье своей дочери в его семью, если захочет выплатить предыдущему свату его затраты, удержанные ранее, то он выплачивает эту сумму не отцу невестки, а ответственному лицу, которое имеет весомый авторитет в табэре. И ему дают зеленый свет на проведение свадьбы.

Многие держались этих правил очень строго. Савка же был очень разумным и современным человеком, и он весьма доступно объяснял свои поступки и действия тем, кто не понимал его. Когда он при любом своем решении (положительном или отрицательном) садился за стол, он так отвечал: «Меня зовут Савка сын Лёши. Мне не к лицу бегать от застолья в моем доме. Я больше потеряю авторитет, сидя накупившись в стороне от гостей солидного возраста. Мне же не 16 лет и даже не 20, слава богу, я имею за душой солидный капитал. Почему же я не могу украсить это застолье своим присутствием? Выпить, закусить, побеседовать даже с тем же сватом, узнать много нового, что мне же в дальней-

шем пригодится, то есть справки, информацию по делу. Ну а насчет того, оплачивать мне эти справки или нет, уже мне решать. Я уж отсрочек просить не буду и последующего свата нагружать уплатой за то, что он не ел, не пил, я не буду. Я уплачу не 50/50, а все сто процентов за понесенные убытки, лишь бы моим дочерям желали в жизни только хорошее. За это я буду бороться всю жизнь».

Вот и сейчас он посмотрел на Ристу с улыбкой и сказал: «Ну что же, пойдём перекусим, чем бог послал. В моем доме еще никто не голодал, тем более своего племянника я покормлю». И они сели за стол. К ним присоединились и подъехавшие гости — помимо брата Милоша и его жены Сеньки, проживающих временно у него в доме с пятью сыновьями, и уже названного зятя Гого — и многие другие люди, пользовавшиеся большим уважением цыган города Москвы. Началось гулянье, веселье, шумные разговоры, шутки. Те, кто запоздал к началу застолья, войдя в дом и взглянув на лица тех, кто уже сидел за столом, могли подумать, что они уже опоздали и пропустили тот момент, когда отец невесты дал свое согласие. Мнение у опоздавшего гостя сложилось такое оттого, что за столом все сидели с довольными лицами, Савка и Риста сидели рядом и очень оживленно беседовали друг с другом, похлопывая друг друга по плечу.

Но никакого результата объявлено еще не было. Савка не торопился с вынесением своего решения, а Риста не торопил события, зная, что поспешность в данном случае приведет к плачевному результату. Увидев на столе красный аккордеон, Риста спросил, немного ломая произношение: «А кто играет на этой вармонии?» (то есть гармонии). Савка указал на своего младшего брата Милоша. Риста попросил Милоша саккомпанировать ему, чтобы он спел. Милош взял аккордеон и начал играть. Риста начал исполнять песни, которые заводили всех, кто был за столом. Веселье пошло, как говорится, на всю камаринскую.

Но вот и наступил тот решающий момент, когда надо

подводить итоги. Кто-то взял бутылку шампанского с золотым медальоном и подвязанной лентой (по-цыгански это называется «пласка») и налил Савке стакан шампанского. Савка, взяв шампанское, начал свое вступительное слово: «Риста, ты хочешь со мной породниться, взяв мою дочь за муж за твоего сына. Что ж, это благое дело, и мне твоя позиция ясна. Не скрою, день тому назад мое мнение о твоём народе было другое. Но в том не моя вина, а, как говорится, за сколько продали, за столько купил. Но сейчас, после нашего общения и знакомства, я понял, что не так черт страшен, как его малюют, — не прими это, конечно, на свой счет. Но что же я хочу тебе сказать? Я не скажу тебе ни «да», ни «нет», а почему? Просто здесь не присутствует мой брат Ромка и его семья. Через неделю он здесь проводит свадьбу — женит своего старшего сына. Так дай мне возможность сыграть эту свадьбу, женив своего племянника, а после этой свадьбы можешь приехать — возьмешь нам еще бутылку-две вина, водки — неважно, для того, чтобы вернуться к твоему вопросу. Я должен посоветоваться со своими братьями — что они скажут, «да» или «нет», но решение о судьбе своей дочери все же принимать придется мне. Как говорится, я не хочу никого обидеть, соблюдая все правила цыганской жизни».

Все уговоры со стороны, чтобы Савка дал нам положительный ответ, не имели успеха. Тогда Риста сказал: «Савка, я тебя понимаю и не настаиваю на том, чтобы, не посоветовавшись со своими братьями, ты дал мне какой-либо ответ. Но скажу тебе о своем решении: я остаюсь в Москве до наступления того дня, когда ты мне объявишь свое решение. А пока, до наступления этого дня, я буду тебе помогать в организации свадьбы. Как знать, может быть, и мне эти магазины понадобятся, так как я Москву плохо знаю». Савка посмотрел на Ристу и сказал: «За желание помочь мне в организации проведения свадьбы спасибо. Также я буду рад видеть тебя и твоих людей на нашей свадьбе. Ну а насчет

того, что мои магазины могут тебе понадобиться, — не торопись, время покажет».

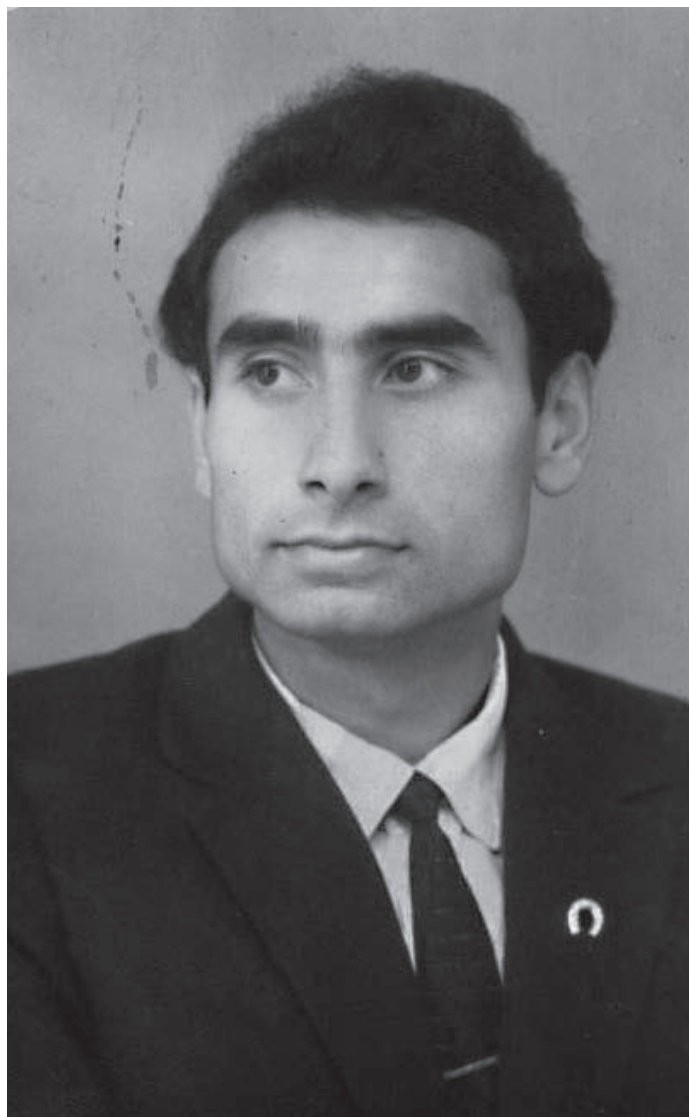
Сказано — сделано. Наш друг и путеводитель дядя Вошо определил нас на постой в доме своей старшей дочери Парастивы. Она жила неподалеку от Савки в деревне Бородино Мытищинского района Московской области. Мы ее хорошо знали и ее семью — ее сыновей всех четверых: старшего Милорда, Тити, Манойля и младшего Тяпу. Было у нее еще две дочери, которых звали Дика и Лариса. До приезда в Москву Парастива жила у нас в городе Калининне около года, но после смерти мужа, которого звали Киро из племени бурико-ни, она переехала в Москву.

Так как Калинин недалеко от Москвы, я и еще несколько человек приехали домой на побывку. Отец Риста остался в Москве и данное им слово помогать Савке в организации свадьбы честно исполнял: только рассвет наступал — он уже был у дома Савки. А от дома Парастивы до дома Савки около двух километров. Савка смотрел на него изумленно, спрашивая его: «Риста, что случилось?» На что тот отвечал: «Как что случилось? Надо нам молодым помочь в создании семьи, а ты разлегся и спишь! Поехали по магазинам!». Савка улыбнулся и сказал: «Ну что же, поехали».

И можете себе представить — целую неделю Риста ездил с Савкой по Москве, покупали, а если не было того продукта, то они заказывали. Но что интересно — Савка заказывал четыре окорока, а Риста из-за его спины выходил и говорил: «Восемь штук». Савка, поворачиваясь к нему с ухмылкой, понимая, конечно, чего хочет Риста, но все же спрашивал его: «Почему восемь? Мне же четыре надо!» А Риста, смеясь, отвечал: «Нет, вы посмотрите на него — ему надо, а мне не надо? Вот видишь, какой ты — я тебе помогаю, а ты мне не хочешь помочь!» На это Савка отвечал: «Виноват, молчу».

Справа Сенка ле Лотести и Тамары менешти, жена Милоша; слева Папина, дочь Савки и Сони. Савка и Соня не могли без них принять решения.

*Милош, младший брат Савки, сын Лёши и Павлены,
род ёнешти.*

БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

И так продолжалось все эти дни: Риста сделал заказ по продуктам питания не только Савке на свадьбу, но и про себя не забыл. Ведь тогда хоть и в Москве, но трудности были с продуктами, было все ограничено — по 2 кг в руки. А на свадьбе требуется не килограммы, а тонны мясных изделий. Но за денежное вознаграждение ломались все барьеры, и свадьбы проводились очень помпезно — на столах недостатка в изобилии не было.

Приехав домой после длительной беготни, Савка, посмотрев на уставшего Ристу, сказал: «Ну что, брат, устал?» На что Риста ответил: «Савка, дай нам бог только такую усталость знать». На это Савка согласился: «Да, ты прав. Но как бы там ни было, мы с тобой по 100 грамм сегодня заработали. Сейчас я дам команду, и нам организуют ужин». Риста подключил и мою мать Лену в помощь Соне.

Но вот стол накрыт, и мужики сели за стол вечерять. Присоединились к ним и их жены — Соня и Лена. Они тоже выпили грамм по сто, поели, начали чаепитие. Мужики предались воспоминаниям о своем детстве. У Савки детство было более благополучным, чем у Ристы, в том плане, что его отец Лёша не сидел в лагерях и мог обеспечить семью продуктами питания, а это исключало голод семьи. Но вот они начали вспоминать о войне — не только тревожные моменты, но и забавные и, как им сейчас казалось, смешные.

Вот рассказывает Соня, как они войну встретили, — ее отец Пико сын Гого ле Ристаско, племя рувони (волки), и ее мать Бина дочь Парастивы, племя дукони, сама Соня, ее сестры Лула, Пуцуранка, Дуда. Дуду назвали в честь умершей ранее сестры, которую тоже звали Дуда. Были еще два брата: Лоля по кличке Муто и Липа. Не только их семья, но и весь табэр не знал о начале войны. Табэр расположился на живописной поляне на опушке леса, километрах в трех от бли-

Это Липа сын Пико и Бины, родом по отцу рувони, а по матери дукони. Это фото сделано спустя 58 лет после того, как Липа впервые услышал взрыв бомб, брошенных на них с немецких самолетов. Здесь он снят с невестой на свадьбе. Невеста — моя сестра Белка ле Ристасти ай ла Ленати.

Калинин, 1989 г.

жайшей деревни. Сами понимаете — информации никакой, ни радио, ни людей рядом нет. И вот в одно летнее утро отец Сони Пико затеял скандал с домашними — кричал, бил посуду, учил жизни жену и детей. И вот в этот момент появилась целая армада немецких самолетов. Гул самолетов заглушил речь Пико. Он поднял голову в небо. Увидев самолеты, он не испугался, думая, что самолеты советские. Наоборот, они рассердили его тем, что своим гулом заглушили его нравоучительную речь, предназначенную его домочадцам. И вот он, глядя в небо, начал махать кулаком и кричать: «Бомби, бомби!», и начал говорить, как он близко знает их мать. Но, видно, немцы не хотели признавать Пико своим родственником, и в это время — можете представить этот кошмар — на них полетели бомбы. Началась паника, крик «караул», но бог миловал благодаря тому, что рядом был лес. Они забежали в лес, тем самым спасая свои семьи.

Потом начал Риста свой рассказ, как люди во время войны привыкали к тому, что улицы были буквально усеяны трупами солдат как с одной стороны, так и с другой. Но если советских солдат еще хоронили местные жители, то немецкие трупы оставались не захороненными на съедение собакам. А местные мальчишки брали труп немецкого солдата, обливали его водой, так как это было зимой, и когда он превращался в лед, то затаскивали его на горку и оттуда его спускали, прыгали на него гурьбой, катаясь, как на санках.

Эти воспоминания навели на Савку немного тоски, и он предложил переменить тему на более веселые рассказы. Ну а если хочешь веселые рассказы, чтобы вдоволь посмеяться, значит, разговор переходит на нацию дэмони. Дэмони — очень юморной народ, их можно слушать, как артистов передачи «Кривое зеркало». Что интересно: что бы они ни сказали — все идет на ура. И вот Савка обращается к моей матери — ведь она из этого самого племени дэмони по отцу Истрати. Володя ла Брияко из племени миэшти был ей приемным отцом. А по матери Филастре она была дочь

Ристы ле Францеско — можно сказать, центр или главный штаб этого племени дэмони. Но мать не стала рассказывать об этом племени, потому что не знала нрав, юмор и жизнь своего, можно сказать, народа. Ведь ей было всего два года с небольшим, когда умер ее родной отец Истрати, и ее мать, забрав ее, ушла к своей родне, а в скором времени Филастру выдали замуж за Володю из племени мизешти. Так Лена и выросла в табэре мизешти, потом вышла замуж в табэр сапоррони. И поэтому рассказывать ей нечего было, много слышала, но пересказывать она не хотела. Однако для того, чтобы развеселить компанию, она все же решила рассказать веселый случай, произошедший с ее родителями и братьями, когда те жили в городе Донецке на Украине.

УМИРАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ

И вот Лена начала свой рассказ, а все стали внимательно ее слушать в ожидании смешной истории. Дом, в котором жил Володя, был самый заметный в табэре: оштукатуренный, такие дома на Украине называют мазанка. Красивый дом, побеленный, со ставнями, с высокой крышей — он этот дом то ли купил, то ли сам построил, сейчас и не вспомню. Факт тот, что он выделялся на фоне остальных домов в табэре, это было заметно издалика. И вот, видно, любители легкой наживы, заприметив его дом, решили взять его на абордаж.

Володя ставни на ночь закрывал, опасаясь незваных гостей. Посреди ночи Володя услышал скрип в окне — кто-то пытался вскрыть ставню и, открыв окно, влезть в дом. Можете себе представить, что бы случилось в доме, если бы этим пиратам удалось войти. Володя, встав из постели, на цыпочках, не включая свет, подошел к окну и стал прислу-

шиваться. И он услышал шепот на русском языке. Володю охватил страх за своих детей, которые жили с ним в доме. Это был его второй сын Бакро с семьей (старший сын Камбири жил отдельно), затем сыновья Микаяно, Боча, Гогай и жена его Филастра. Он сразу себе представил, что если эти бандиты войдут в дом, то они никого не пожалеют и всех положат. Видя, что все спят глубоким сном, он захотел поднять тревогу с криком «караул». Но от страха вместо «караул» он поднял крик «ура». Филастра, поднявшись на этот крик, увидев мужа в белом исподнем, с растрепанной бородой и с прической, как взрыв на макаронной фабрике, тоже подняла крик почему-то «ура». Все остальные, просыпаясь один за другим, как по сценарию, видя искривленные лица своих родных, показывающих пальцем в окна, тоже подхватывали этот крик атаки «ура» вместо просящего о помощи «караул». Можете себе представить, что подумали те горобандиты, услышав крик стольких людей, кричащих дружно «ура». Они подумали, что их собираются брать в плен, и ментально скрылись.

Сколько они так кричали, никто не знает, даже они. Но на этот крик прибежали соседи, и после обильного отпаивания их водой они с горем пополам успокоились, но только после того, как люди долго убеждали их, что на улице чужих никого нет, только свои. Долго табэр смеялся над семейством Володи: лишь увидев кого-нибудь из них, начинали кричать «ура». Но Володя понимал, что это юмор, и сам смеялся и отшучивался: «Да я их в плен хотел взять, а вы мне помешали».

ВСТРЕЧАЮТ ВСЕ ЖЕ ПО ОДЕЖКЕ

Мать закончила свой рассказ, а те, кто ее слушал, смеялись, держась за бока. Немного передохнув, эстафету под-

хватила Соня. «А ты знаешь, — начала свой рассказ Соня, глядя на Лену и делая вид, что она рассержена, — что твои дэмони часто воевали с моими дуконами?» Лена, с улыбкой глядя на нее, сказала: «Не знаю, расскажи». Для ясности опережу рассказ Сони и введу вас в суть дела.

Как я уже писал в первой части книги, род дуконы очень контрастно отличался от всех национальностей цыган, прежде всего, манерой цивилизно одеваться — лучшие костюмы, галстуки, шляпы с широкими полями, очень дорогие плащи из габардина. В общем, если увидишь этих мужчин из табэра дуконы на улице, никогда не подумаешь, что это цыгане, и, полюбовавшись их красотой и элегантностью, как будто они только что сошли с афиши, пройдешь мимо. А если увидишь такого цыгана в каком-нибудь учреждении, то подумаешь, что он директор этого предприятия и поспешишь за ним, чтобы предложить выполнить какую-нибудь работу. Дуконы и внешностью своей не выдавали свою национальность, так как цветом кожи они светлые, довольно часто волосы светло-русые. В общем, они были законодателями моды с середины 20-го века. В техническом оснащении они тоже диктовали моду среди цыган: первый велосипед был у них, первый мотоцикл тоже, далее — первый автомобиль «Победа», затем «Волга», ну и так далее до появления на рынках новых моделей. Кто из цыган мог им составить конкуренцию в техническом оснащении — это были только цыгане племени болосони.

Что же касается племени дэмони — это были работяги, труженики, у которых на первом месте было такое понятие, что, мол, ничего страшного, что грязноват пиджак, мы — цыгане, главное — обеспечить семью и, пренебрегая своей опрятностью и своим внешним видом, они все заработанные деньги отдавали в бюджет семьи. Надо сказать, что с такими понятиями они были не одни: все цыгане-котляры думали именно так.

Лишь в последние 20-30 лет многие люди из разные пле-

*Вот они, законодатели моды племени дукони. Снимок сделан на свадьбе моей дочери Анжелы, которую я отдал замуж в этот табор в семью Вити ле Коляско. Справа налево: самый солидный среди всех — это Коля ле Чуласко, рядом с ним его сын Вова; Виталик сын Бабекко ле Чуласко; самый молодой — это мой зять Гога ле Витяско; дальше Эдгар сын Тома (Баеро); последний — это Эдик сын Вити и Буги).
Тверь, 1998 г.*

Хулупи ле Володяско и Лулы рода дукони. Один из самых авторитетных представителей дукони за все годы происхождения этого рода. Хулупи доводился моей бабушке Дарье двоюродным братом.

мен стали переходить в модный клуб «дукони», а за последние годы все уравнилось, и одеваться стали все хорошо. Такое мнение, что встречают все-таки по одежке, стало понятно всем, потому что стиль работы переменялся, и, заходя в фирму или в кабинет директора завода, нужно было, чтобы никто не заподозрил, что ты цыганского происхождения. Стало нужно выглядеть, как весьма солидный преуспевающий бизнесмен, с которым можно иметь деловые отношения.

Но это в наше время, а дукони это начали делать лет на сорок раньше остальных. В цыганском мире до сих пор есть такое высказывание: если они видят хорошо одетого парня, элегантного, не похожего на цыгана, то о нем говорят: «Как он хорошо выглядит! Похож на ракло!» Ракло — это русский парень, с которым ассоциируется понятие культуры и опрятности. Может, это высказывание появилось именно после визитов парней из табэра дукони в разные табэры обычных смертных котляр. Многие отцы и матери мечтали выдать свою дочь замуж в этот табэр, это считалось очень престижным, можно было похвастаться перед остальными: «У меня зять дукеско» (так звучит на цыганском языке название этого племени, если речь идет об одном человеке).

ЧЕМ ПРОЩЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

А вот насчет того, чтобы взять невестку из племени дукони, — не каждый мог решиться. А дело было в чем? Те плюсы племени дукони, которые мы назвали, в этом варианте их же и портили. В том плане, что люди, глядя на молодых девчат этого племени, просто голову теряли от их красоты. Нужно честно признаться, что красота присуща этому народу, как со стороны женщин, так и со стороны мужчин. Но

помните басню «Лиса и виноград»? Цитирую: видит око, да зуб неймет. Так же и в этом случае: люди искали вариант попроще, как говорится, по Сеньке и шапка. Вид и быт племени дукони наводил на простых цыган робость, в том плане что там нужно все на высшем уровне, все на вилочке в одной руке, нож в другой, салфетка подвязана под подбородок, деликатесы, столы и стулья, и прочая другая атрибутика.

Сами дукони, хоть были одеты по высшему разряду и в домах у них было чисто, не диктовали свои условия для сватов из других табэров, они придерживались и придерживаются до сих пор строго цыганского обычая. Но люди среднего достатка не решались сватать себе невесток из табэра дукони. Они находили таких же людей, как и они сами, где все знакомо и понятно, стол не выше двадцати сантиметров, где можно сесть прямо на пол, как воины краснокожих в фильмах про индейцев, где можно заколоть кабанчика, голову сварить целиком по особому рецепту и, после того, как она сварилась, поставить в тарелку, сунув в пасть этой голове золотой кулон, поставить тарелку в центр стола на всеобщее обозрение.

Раньше на свадьбах цыгане не покупали торты, так что голова кабанчика служила украшением стола, как лучший торт с розочками. А туша кабанчика шла и на первое, и на второе, так что заранее люди знали, во что им стол обернется — полностью, до мелочей. Конечно, делали небольшой запас денег на непредвиденные расходы, но все равно это вписывалось в ту сумму, которая не выходила за рамки дозволенного. А сосватав в табэре дукони, не знаешь, впишешься или нет в отведенную сумму. Вдруг нет? Тогда опозоришься перед этой почтенной публикой. Так что лучше страшненькая, но своя, — так думали многие, но, конечно, не все. Но все же по причине неявившихся сватов многие красивейшие девушки табэра дукони остались дома, так и не выйдя замуж. Девушка, перешагнув возраст 18 лет и не выйдя замуж, рискует остаться у родителей навсегда.

Но вернемся к рассказу Сони о произошедшей драке между родственниками Сони дукони и родственниками Лены дэмони. Состоялась эта встреча летом, какого года — не скажу, боюсь ошибиться. Встретились в районе железнодорожных путей по несколько человек как с одной стороны, так и с другой. Дэмони промышляли тем, что продавали бачки, которые они изготавливали, и поэтому вид их оставлял желать лучшего. А дукони выбивали из контор заводов нужные товары, и поэтому были одеты соответственно, как я писал ранее. Предложив отметить встречу, обе стороны не нашли возражения и послали гонцов с обеих сторон за горячим.

Пока гонцы за огненной водой отсутствовали, оставшаяся группа разговаривала стоя, расспрашивали друг друга по этикету: как дома, как дети, работа и так далее. У всех мужчин племени дукони в руках были свернуты газеты, что вызывало насмешки со стороны некоторых мужчин из команды дэмони. Но дукони не воспринимали эти подколки слишком серьезно и делали вид, что не замечают колкостей, пущенных в их адрес. А те делали вид, что они разговаривают между собой, но показывали взглядом на своих собеседников.

Но вот прибыли гонцы с живительным напитком и закуской в руках. Выбрав место на тупиковых путях, сели на рельсах. Дэмони без проблем прямо на рельсах, ну а дукони были в светлых костюмах, сесть на масляную рельсу не захотели и, развернув каждый свою газету и подложив ее под себя, сели на рельсу. Дэмони, переглянувшись, подали какой-то знак друг другу. И вот в самый разгар гулянья, пользуясь тем, что у собеседника ослабла бдительность, один из племени дэмони взял и поджег газету под своим соседом с противной стороны, опалив ему пятую точку. Тот вскочил на ноги, туша огонь со своих брюк, а другие (не все, конечно) стали хохотать, показывая на него пальцем. Ну конечно, произошло столкновение. И так было несколько раз — просто несовместимость характеров двух племен, хоть и пишутся они с одной буквы.

БИЗНЕСМЕНЫ 21 ВЕКА: КОТЛЯРЫ, НО НЕ ДУКОНИ

На переднем плане представители рода стойкони. Как можно заметить, видом своим они подчеркивают свою деловитость. На переднем плане справа Мути ле Дидаско, слева Садко ле Михаицеско, на заднем плане я и мой сын Арсен.

Слева Пуча сын Бори ле Володяско, справа Мадяри сын Павелы ле Дриласко рода сапоррони.

Вот так сегодня выглядят современные бизнесмены цыганской национальности, уже не отличающиеся по манере одеваться от племени дукони. На фото мой старший сын «Букуро или, как его друзья называют, Бумбараиш рода сапоррони.

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Соня закончила свой рассказ, все посмеялись и, на этом закончив ужин, разошлись отдохнуть. На завтра была назначена свадьба, в которой брат Савки Ромка женил своего старшего сына Милоша, а ласково его называли Доня. Я уже приехал обратно в Москву после вызова отца. После этой свадьбы Савка и Соня должны были решить наш вопрос — да или нет.

Хочу немного рассказать и об отце Савки Лёше. Для ясности: у цыган имя не меняется в произношении, то есть Лёшу никак нельзя назвать среди цыган Алексей. Среди русских — это да, а между собой только Лёша. Конечно, прилагается возрастной ценз: дядя, дедушка, ппурия, что означает «старик». Это был замечательный человек по отношению ко всем. Конечно, у него, как и у любого живого человека, особенно когда он был подвыпивши, появлялись капризы и обиды на своих ближних за то, что они ему мало внимания уделяют, не заботятся о нем и так далее. Но обижаться на него за это было бы неблагодарным делом. Он никому ни в чем не отказывал, например, в помощи, если надо было хлопотать в каком-нибудь министерстве. Он, несмотря на почтенный возраст, а было ему тогда больше семидесяти лет, до последнего своего дня был в строю и помогал людям в проблемных ситуациях, решая эти проблемы.

Была у него одна интересная и необычная причуда. Она заключалась в том, что он очень сильно боялся, когда открывали бутылки с шампанским. Но было полбеды, если он видел момент, когда человек взял бутылку с шампанским. Он умолял того человека, чтобы тот аккуратней без хлопка открыл эту бутылку. И как он был благодарен тому человеку, если тот тихо и без шума это делал! Благодарности не было границ. Но если кто-то, не предупредив его или намеренно это делал, чтобы посмеяться над ним, от-

крывая бутылку и напугав его чуть ли не до потери сознания, то тот получал от него всяких гостинцев в кавычках по полной программе.

Один раз он даже прибег к рукоприкладству. А случилось это, когда его племянник Мурша, сын сестры Люки, открыл без предупреждения шампанское. И можете себе представить — он потерял сознание от страха и неожиданности. Мурша и не увидел, что там случилось — он был занят разливанием шампанского по бокалам. И вдруг Мурша почувствовал пощечину — он отрывается от стула и летит. Упав на пол, он увидел дядю Лёшу, грозящего ему пальцем и приговаривающего: «Будешь знать, как меня пугать!» Но никто на него за это не обиделся, все дружно посмеялись и всё. Однако после этого в каких-то мероприятиях, когда открывали шампанское, его сразу об этом предупреждали.

Со своей стороны я хочу сказать, опережая немного события, что по отношению друг к другу мы проявляли большое уважение и, можно смело сказать, любовь как внука к деду, хоть и по линии жены, так и деда к внуку. Ни разу я от него не слышал ворчания стариковского в свой адрес или недовольства. Всегда он был мне очень рад, сколько благодарности в мой адрес за принесенную мной для него пачку «Казбека» или какого-то гостинца, сколько расспросов о моих тогда еще здравствующих родителях. Он был со всеми зятями своего сына Савки очень вежлив и добр. А нас было не один и не два, а целых семь человек, так что тут изобразить из себя старика-добряка не удастся: им надо быть в самом деле. Таким он и был до последних своих дней. И мы, зятья, по нем, не играя в чувства, а по-настоящему пустили слезу.

*На этом фото сняты две пары новобрачных.
В верхнем ряду справа налево: Гого сын Мащё; Доня дочь
Савки и жена Гого; Иштван ле Милошеско; Риста ле
Гришаско, мой отец; Коля, брат моего отца Ристы; Люка,
тетя Савки; Роза дочь Мани и Дёрди; Мая ле Савкасти.
В нижнем ряду слева направо: Доня ле Ромкасско; его сестра
Света; Юля ла Лизати; я, Муриша ле Ристаско; Елза ле
Савкасти; Миша сын Савки — ныне один из ведущих
предпринимателей-цыган г. Москвы; самая последняя
девочка на этом снимке — это Лиза дочь Савки.*

Фото в День моей свадьбы. 1 июня 1978 г. Я, Мурша сын Ристы и Лены сапоррони, и Елза дочь Савки и Сони ёнешти. Риста светился от счастья, приведя в дом первую сноху. Я не имею в виду внешности молодой — радость была от того, что ему присвоено очередное звание — свекор. То есть он радовался росту своего имиджа. После были еще свадьбы сыновей, но то, что первое, — это остается в памяти навсегда.

ПИРКОМ-ЛАДКОМ, ДА ЗА СВАДЕБКУ

Но вот и настал тот день свадьбы племянника Савки. Как они отыграли ту свадьбу, я не могу сказать — я не был на том мероприятии. Я весь день провел в семействе Парастивы с ее сыновьями, моими друзьями, прежде всего с Милордом, моим сверстником, к сожалению, ныне покойным. Но, дав людям отыграть свою свадьбу и похмелиться, на следующий день, а именно 28 мая 1978 года, отец в доме Савки накрыл стол и, поднеся Савке бокал шампанского, попросил его вынести свое решение.

Надо сказать, что к тому моменту подъехала и моя бабушка Дарья, как говорится, на подмогу, также участвовали братья отца невестки — в общем, группа поддержки получилась у нас нормальная. Соня бесконечно была рада, увидев свою двоюродную сестру. Сестрой она ей доводилась по отцу Пико. Пико, отец Сони, и Вета, мать Дарьи, — дети Лизы, ее в народе называли Мачеха из племени дукони, а отец Пико был Гого сын Ристы из племени рувони (в переводе «волки»). Гого — это тот человек, которого застрелили инкассаторы, когда его лошадь с кибиткой остановилась посреди дороги (я писал об этом в первой части книги).

И вот Савка начал свою речь: «Риста, вот уже десятый день ты находишься со мной рядом, можно сказать, бок о бок. Я ценю твою деликатность, твое терпение и данное тобой мужское слово. Ты выдержал все испытания на отлично. И я хочу сказать тебе спасибо за то, что ты не уехал домой, а все это время был со мною рядом, дав мне возможность изучить тебя как человека, твой характер, манеру поведения — причем в разных ситуациях. Как в трезвом, так и в подвыпившем состоянии ты вел себя как настоящий мужчина, как уважаемый человек. И мне как отцу, поверь, сегодня легче принимать решение, чем десять дней тому назад. И поэтому я тебе со спокойной душой говорю: «Кэрав

туса форо». В переводе это звучит нескладно — «строю с тобой город», но смысл этих слов таков: отдаю тебе свою дочь в твою семью».

Все дружно подняли крик «ура» так же, как мой дед Володя. Но если Володя кричал от страха, то на сей раз все мои родственники кричали от радости. После достигнутого консенсуса и шумного выкрика «ура», после крепкого рукопожатия, расцеловавшись, выполнив все условия свадебного обряд, уплатив все по счету, начали обговаривать, как провести свадьбу и кого приглашать. Свадьба была назначена на 1 июня 1978 года. Так получилось, что наша свадьба совпала с датой серебряной свадьбы моих уже тещи Сони и тестя Савки. Такое совпадение редко бывает, и все это обозначали и говорили, что это добрый знак. Что самое интересное — спустя неделю эту же дату 25 лет, то есть серебряную свадьбу, справляли и мои родители.

Отыграв свадьбу и попрощавшись, мы вернулись домой. Как говорил царь Дадон, «Эй, Полкан, труби победу, я домой с невестой еду». Но, слава богу, по дороге нам звездочет с петушком не встретился, и мы благополучно приехали домой. Дома справили свадьбу в узком кругу. Как вы помните, от всего табэра оставалось только наших четыре дома.

ВСТРЕЧА С КУМИРАМИ

Свадьбу сыграли очень пышно и весело, приехало много гостей. Впервые в жизни я увидел настоящего актера кино и театра «Ромэн» Лазо сына Мани и Дёрди, по-русски его зовут Михаил Ионов. Он снимался в фильме «Бей, барабан» в роли хулиганистого цыгана, потом еще в фильме «Мой остров синий». Он был одним из ведущих актеров театра «Ромэн», ездил много на гастроли за границу — в США,

Японию, Германию, все перечислять не буду. Я не знал как, но хотел к нему подойти, заговорить, познакомиться с настоящим актером. Но он ко мне сам подошел в сопровождении моего уже тестя Савки и произнес мне слова пожелания счастья, здоровья и прочих удач в жизни. Потом я с кем-то еще из новой родни проводил Лазо до рейсового автобуса, он на прощанье обнял меня, мы с ним расцеловались, и он уехал домой. Я был на седьмом небе от счастья, что я удостоился внимания такого великого артиста. После же я узнал, что мы с ним доводимся родственниками. Его жена Сыбинка была дочерью Гафтонны из племени доброжяя-заниони, а Гафтонна была дочерью Наталии — сестры моего деда Григория. То есть Гафтонна доводилась моему отцу Ристе двоюродной сестрой, а мы с Сыбинкой уже доводимся друг другу троюродные брат и сестра. Отца Сыбинки звали Бакро из племени болосони.

Породнившись с семьей Савки, я часто приезжал в Москву, и с тех пор я много повстречал знаменитостей цыганского творчества, например, Петра Деметра, также доводившегося нам родственником по нашему роду сапоррони. Его отец Гриша был сыном Гого ла Каляко, и после его смерти мать Петра (которого на самом деле зовут Гого в честь деда) увезла его к своим родителям. Там он вырос, начал свою творческую жизнь и взял фамилию по материнской линии Деметр и имя дяди, брата его матери, — Петр. Когда он стал знаменитым артистом и давал концерты со своей красавицей-женой Розой Джелакаевой, мы ходили на его концерты, а после встречались за кулисами и беседовали, как родные люди. Мне в нем очень понравилось, что он не болел звездной болезнью и от своего рода сапоррони не отказывался.

Конечно, когда он приехал с концертной программой к нам в город, тогда еще Калинин, мы с отцом пошли на его концерт, получив огромное наслаждение и чувство гордости за него. Когда зрители ему аплодировали, нам казалось, что аплодисменты в какой-то мере предназначались и нам.

После концерта мы с отцом зашли к нему за кулисы, поприветствовав друг друга и поинтересовавшись о здоровье и благополучии. Побеседовав где-то с полчаса, мы от него узнали, что его жена Роза Джелакаева умерла. Мы выразили ему свои искренние соболезнования и собрались уходить, чтобы не задерживать человека, потому что он должен был вечером дать еще один концерт. Мы все же предложили ему, чтобы он нашел для нас свободное время и посетил нас, а мы могли бы его встретить с хлебом-солью. Но его концертный график был строго по времени распределен, и он, горячо нас поблагодарив и извиняясь, сказал, что не может принять наше приглашение. Мы, конечно, понимали это и, приняв его извинения, попрощались и разошлись.

После Деметра я познакомился с не менее прекрасным певцом из знаменитого трио «Ромэн» Георгием Квиком. Помните этот замечательный коллектив — двое парней, Жора и Граф, и жемчужина этого трио несравненная Валентина Пономарева. К сожалению, с Пономаревой мне не пришлось познакомиться, а вот с Жорой Квиком даже удалось подружиться. Не раз я бывал в его замечательной квартире. В те советские времена, когда за обоями по 70 копеек стояли люди в очередях по полдня, его квартира была отделана так, что, когда я туда вошел, мне показалось, что я попал в музей Эрмитаж. Можете себе представить: стены были обтянуты прекрасной дорогой тканью, которой в магазине и в помине не было. Той же тканью была обтянута вся мягкая мебель. Невиданная по красоте и форме посуда, графины и прочая домашняя утварь...

Это сейчас можно все это спокойно воспринимать, а тогда это был шок, потому что тогда это могли делать только люди искусства, для которых были все двери открыты. Для простого смертного это было табу, что приводило в отчаяние, но и вызывало уважение к хозяину за его пробивную способность, его связи с нужными людьми и его дизайнерские способности. Сейчас же это может сделать каждый, и

никого этим не удивишь — были бы деньги, которые достают не всегда честным путем. Вспомните миниатюру Райкина, когда он говорил: «Ты купил, я купил, мы его не любим — он тоже купил. Это же противно. Пусть будет изобилие, но чтобы чего-нибудь не хватало».

Я охарактеризовал способности Жоры как снабженца. Но не забудьте, что его творческая жизнь и карьера имела огромный взлет. Знаменитое трио пользовалось большим успехом. Даже фигуристы на крупных соревнованиях по фигурному катанию исполняли свои танцы под пение этих замечательных цыган. А ведь это были не простые дворовые соревнования, а олимпийские игры, чемпионаты мира и Европы. Но, несмотря на эти взлеты, Жора остается простым цыганским парнем, не стыдится своей национальности, как многие другие. Ведь они забывают, что люди полюбили их как артистов именно благодаря цыганскому репертуару — красивым романсам и зажигательным песням наподобие песни «Сарэ патря» и других.

Многие, достигнув вершины славы, уже стесняются исполнять цыганские песни, а поют другие, но не свои, не понимая того, что исполняют романс или песню уже известные, кем-то уже спетые. Люди будут сравнивать качество исполнения, и счет будет не в твою пользу. А если ты будешь петь зажигательную народную песню, людям уже будет не до подсчетов баллов, — они поддадутся эмоциям. Так что своим собратям я бы хотел напомнить фразу из известного фильма «Помни имя свое», героиней которого была замечательная актриса Людмила Касаткина. Мне бы хотелось им сказать: помните ваши корни и не стыдитесь своего происхождения, а стыдитесь своих поступков, от которых у людей появятся насмешки на лицах.

МОРОЗКО — ЭТО НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ

Как говорится, делу время — потехе час. Так и на этот раз, после шумных застолий, хлопот, слишком большого внимания к своей персоне отец взялся за свой «отдых». А отдых у него был весьма своеобразным: он с головой погрузился в работу. Для него работа была лучшим способом отдохнуть. Опять пошли будни — работа и ожидание новых событий в нашей жизни. Прошло лето, за ним осень, которая тоже ничего особенного не внесла в наши семьи.

Наступил декабрь, первый месяц зимы. К нам приехали на заработки наши зятя, Тима сын Идо (муж сестры отца Гулумбы) и Рищё сын Луи (муж моей сестры, то есть старшей дочери моего отца Белки). День ушел на гулянье и подготовку, а на следующий день мы тронулись в путь. Это было 16 декабря 1978 года, стоял солнечный зимний день, был легкий морозец градусов 18. Приехав на место в колхоз им. Кирова Тургиновского района и сделав подготовку, нас застал вечер, и, собравшись и поужинав, мы собрались спать. Место для ночлега нам председатель колхоза выделил красный уголок в котельных механических мастерских. Хочу отметить, что отопление в мастерских было от электросетей. Все улеглись кто куда, в центре комнаты стоял стол, и на него улегся я.

Часа в три я проснулся от жуткого холода. Открыв глаза, я увидел сплошную темень, и меня пробрало от жуткого вида. Представьте себе: темень ужасная, холод, и я один лежу на столе, а никого рядом нет. Я окликнул своих, но мне никто не ответил. Я терялся в догадках, что это — сон или ужас наяву. Я еще раз окликнул и услышал топот шагов и голос своего зятя Рищё, который, услышав меня, прибежал на помощь. Он окликнул меня: «Мурша, не бойся, мы здесь». Я облегченно вздохнул и спросил его, что случилось. На это он мне ответил: «Ничего страшного, просто вырубил свет,

а отопление от тока, вот мы и пошли в кузницу греться». Тогда я, обидевшись, резко ему сказал: «Ну а меня почему не разбудили, оставив спящего на столе?» — «Да мы не хотели тебя будить, уж больно ты сладко спал». Тогда я вовсе обиделся и со злостью гаркнул на него: «А если бы наутро я вообще бы не проснулся, если бы я замерз — тогда что?» Он засмеялся и сказал: «Да нет, я же периодически захаживал и глядел, как ты спишь».

Утром пришли мужики-механизаторы, и все, дружно охая и ахая, ворчали, что таких морозов еще не было. Мы, заметив эту нездоровую канитель, подошли к мужикам и поинтересовались, чем вызвано их встревоженное состояние. Они нам ответили, что сегодня на дворе стоит мороз, доселе не виданный. Я с насмешкой спросил: «Ну и сколько?» — «Сорок пять градусов», — ответил мне краснолицый тракторист. На что я ему с издевкой ответил: «Пойди похмельись, глядишь, и мороз спадет». Я, честно говоря, подумал, что это у мужика такое состояние от вчерашнего чрезмерного употребления спиртного.

Но вот наступил обеденный перерыв, и мой отец отправил меня и зятя Рищё за продуктами в магазин. А до магазина ни много ни мало — около 4 км, до шоссе километра два, а там, глядишь, и попутка подхватит. И вот мы отошли от мастерских метров триста — нас догоняет председательский УАЗ и останавливается. Открывает дверь председатель и неодобрительно нам выговаривает: «Вы чего, ребята, с ума сошли? Хотите носы отморозить? Садитесь ко мне в машину». Мы запрыгнули радостно в машину председателя, подумав, что полпути до магазина мы уже преодолели, а там чуть больше километра добежим. Председатель нас спросил: «Куда вас черт понес в такой мороз?» Мы ответили: «В магазин». Тогда я спросил: «А сколько сегодня градусов, что все так перепугались?» — «Ну я вижу, вы ребята смелые, вам все нипочем. Скажу: утром было 47 градусов». Посмотрев друг на друга, мы закряхтели, почесывая затылки.

Видя на наших лицах удивление, потому что за всю нашу жизнь мы не видели таких морозов, председатель решил нас успокоить: «Вот что, ребята: хоть мне уже надо сворачивать с пути, но так уж и быть, пожалею я ваши носы и довезу вас до магазина». Председатель высадил нас возле магазина, мы его сердечно поблагодарили. Он поехал в контору, а мы быстрым шагом забежали в магазин. Купили продукты — конечно, сейчас вызывает смех то, что мы называли продуктами: несколько банок овощных консервов «Завтрак туриста», рыбные консервы «Килька в томате», черный хлеб, чай, сахар, бутылка минеральной воды и, что самое актуальное в такой мороз — бутылка водки. Все это в те времена еще продавалось свободно без талонов и очередей.

Выйдя из магазина, мы увидели стоящий жигуленок, и мы попросили подбросить нас полпути, так как он направлялся в город. Выйдя из машины, мы, радостные, что большую часть пути проехали, а не прошли, бросились в путь, считая, что оставшийся отрезок мы пробежим быстро. Да и на самом деле особых проблем мы не испытали в пути, преодолев его за рекордное время. Но каково было наше удивление, когда, раскладывая покупки на столе, мы увидели замерзшую бутылку минеральной воды с треснутым дном и бутылку с помутневшей водкой. Мы подняли тревогу и отправили отца моего к председателю, чтобы тот определил нас на квартиру к какой-нибудь старушке, пообещав ей, что мы заплатим. Сказано — сделано: к вечеру мы уже направились к нашему новому пристанищу.

Нас встретила милая, удивительно добрая старушка, которая на протяжении десяти дней заботливо ухаживала за нами — кормила, поила, и в доме ее было уютно и тепло. Образ этой милой женщины надолго остался у меня в памяти. Но мы со своей работой до праздников нового года не справились и оставили окончание работы после рождества. Возобновили мы нашу работу после старого нового года. А делали мы пять саней-волокуш или, как их называют, пёны,

для вывоза сена и соломы с полей. В те времена эта продукция пользовалась спросом в колхозах и совхозах.

Закончив рабочий день, мы направились на ночлег к нашей старушке. Морозы уже к тому времени спали, и можно было ночевать в мастерских, но отказываться от комфорта было бы глупо. По дороге к дому старушки ребята весело предугадывали слова старушки: «Сейчас придем, а она скажет: раздевайтесь, умывайтесь, садитесь».

На что я им сказал: «Как бы она нам не сказала «убирайтесь». — «Почему», — спросили ребята. И я ответил: «Ну, может, к ней на праздники родственники приехали». Но я сказал так в шутку, а оказалось, что как в воду глядел. Наша бабушка, извиняясь перед нами, сказала, что к ней дочка на праздники приехала. И нам пришлось ночевать в мастерских.

СОЛГАВ ВО ИМЯ БЛАГА

Опять прервалась наша работа: отец позвонил домой, и ему сообщили, что звонили из Ленинграда и сказали, что умерла мать зятя Рищё, и просили не говорить ему, что мать умерла, а сказать, что находится при смерти. Отец опять отвел меня в сторону, как несколько лет тому назад, когда мы ехали в Гагарин, и сообщил мне эту неприятную новость. Я как ни пытался согнать тревогу с лица, но, как видно, это мне не удалось, потому что, когда я подошел к ребятам, они, посмотрев на меня, сразу спросили, что случилось. Я понял, что сказать «ничего» — не поверят и почувствуют неладное, а паники нам сейчас не нужно было. И мне пришлось поворчать на моего отца, что опять мне от него ни за что ни про что влетело.

Вроде бы инцидент был исчерпан, но, видно, Рищё что-

то чувствовал, тревога в его лице была. Мы расселись в УАЗике — я, Рищё и Тима, которого мы называли шутя Кацо. Я пытался отвлечь Рищё от дурных мыслей, но он видел, как часто мой отец бегал к телефону и звонил. Он тщательно прислушивался, чтобы услышать, о чем говорит отец. Но я переводил это все в шутку, я ему говорил: «Рищё, ты сейчас похож на ослика Иа, когда он говорил Пятачку: подожди, подожди, этим ухом я слышу лучше». Посмеявшись, легли спать.

Наутро отец сказал Рищё, что ему надо ехать домой, потому что его мать находится в тяжелом состоянии. Рищё посмотрел на отца, и глаза его наполнились слезами. Он спросил отца: «Скажи честно, она жива?» На это отец ему категорически ответил: «Ты что глупости болтаешь? Если было бы что, разве я бы тебе не сказал?» «Ну ладно, поехали», — подавленным голосом сказал Рищё, и мы тронулись в путь. Приехав домой в город Калинин, отец отрядил в сопровождение Рищё мою мать и бабушку Дарью. Всю дорогу Рищё спрашивал мою мать, чтобы она сказала ему правду, но мать все время отнекивалась. И лишь когда они сошли с электрички и до табэра оставалось метров пятьдесят, мать сообщила ему эту горькую весть. Рищё, конечно, зарыдал, но он сказал, что с первой минуты, когда еще там в колхозе отец сказал ему, что его мать находится при смерти, он чувствовал, что он уже потерял свою мать.

После того как Рищё похоронил свою мать и прошли положенные девять дней, Рищё и Тима вновь приехали, чтобы завершить работу, которая нам так тяжело давалась — как никогда. Она длилась полтора месяца, хотя в лучшие времена на такую работу уходила максимум неделя. Ну вот мы закончили работу, получили деньги. Радости, конечно, было мало, но все же жизнь есть жизнь, и никуда от этого не денешься.

Тяжело об этом говорить, но разве мог я тогда подумать, глядя на Рищё, оплакивающего свою мать, что по проше-

Вот таким симпатичным и жизнерадостным человеком был мой зять Рищё сын Луи и Колопии, муж старшей сестры Белки. К большому сожалению, 26 апреля 2006 года жизнь этого замечательного человека оборвалась. Он не дожил 10 дней до своего 50-летия.

ствии 27 лет мы его потеряем? Он находился примерно в том же возрасте, когда она умерла. Но если его мать после своей смерти оставила семерых сыновей, двух дочерей, снох и кучу внуков, то Рищё выдал всего лишь замуж двух дочерей и женил одного-единственного сына, а одну дочь не успел выдать замуж. Вот такой я подвел подсчет к окончанию черты жизни моего любимого зятя, с которым нас связывала крепкая дружба до последних его дней. Ну а пока жизнь в нем, как говорится, бьет ключом, и, получив зарплату, Рищё и Тима вернулись домой. Это уже был 1979 год, конец января.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

Как вы уже, наверное, заметили, в нашей жизни наблюдается такая закономерность: после плохого момента наступает хороший. Вот и на этот раз после пережитых неприятностей наступил и радостный момент в нашей семье, прежде всего для моего отца Ристы. А именно: 5 апреля 1979 года у него родилась внучка, то есть моя дочь, которую называли Анжела. Чувства деда переполняли его, хотя, как вы помните, у него уже к этому времени была внучка от старшей дочери Белки. Но для цыган это довольно разные чувства. Если ты стал дедом детей, родившихся от дочерей, это, по современному сравнению, называется «кооперативным» дедом, потому что этот ребенок находится не в твоём доме и ты не можешь его подержать, потискать, поцеловать, когда захочешь. А дети, родившиеся от сыновей, делают этого деда полноправным обладателем того титула, которым наградила его судьба. Риста был на седьмом небе от счастья и из города уже не возвращался с пустыми руками — какую-

нибудь безделушку привозил для внучки, хотя он везде говорил, что у него родился внук.

МУДРОСТЬ НЕГРАМОТНОГО ЦЫГАНА

Однажды в автобусе он ехал из Рамешек Калининской области и, увидев там в магазине детский автомобиль — помните, такой с педалями, — купил его. А в автобусе народу было полно. Сначала люди возмущались, что он многих задевает этим автомобилем, но когда он им сказал, что этот подарок его внуку, люди смягчили тон. А кто-то и поинтересовался: «А как внука зовут?» И он ответил: «Анжела». По автобусу пронесся смех. Тот, кто спросил, сказал: «Так это же женское имя! У тебя мальчик или девочка?» Он утвердительно ответил: «Девочка». — «Так это же не внук, а внучка!» На это он им ответил: «Да какая разница, подарок все равно нужен!» И уже люди одобрительно улыбались, глядя на него. Когда он сходил с автобуса, люди, помогая ему снять с автобуса этот подарок, с улыбкой ему говорили: «Ну держи свой подарок для внука Анжелы».

Конечно, Риста не был настолько безграмотным, чтобы перепутать пол ребенка, назвав внучку внуком. Но он знал, как и когда снять напряженность момента в создавшейся обстановке. Лучше создать образ провинциального безграмотного цыгана с неправильным произношением, чем показать свою образованность, наплевав на окружающих тебя людей, тем самым возмутив людей против себя.

Такая тактика была у многих старых и пожилых людей прошлого века. У них логика была такая: то, что я цыган, никуда не спрячешь, и если ты совершишь какую-нибудь ошибку в общественном транспорте, это может вызвать в твой адрес массу негодования. Так зачем же тебе еще бить

кулаком в грудь, оправдываться или, не дай бог, грубить и оскорблять окружающих тебя людей, которые, могут на тебя пойти лавиной и раздавить, как клопа?

Так же старики табэра учили молодежь, провожая их в город: если едешь в транспорте и тебя задел какой-то человек, не лезь в бутылку и делай вид, что не заметил. Если же создается скандал и ты ругаешься с одним человеком, который обзывает тебя — «грязный цыган, и вы, цыгане, такие-сякие», то никогда не отвечай ему так же: «вы, русские». Оскорбляй его, а не всю нацию, потому что за него одного никто в драку не полезет, а за всю русскую нацию заступников найдется много. Так зачем же тебе возбуждать массу против себя — это весьма чревато. И эта мудрость помогала многим избежать неприятностей, а наоборот — люди заступались за цыган, когда кто-то оскорблял нацию цыган, а те в ответ, вспоминая наставления старших, отвечали наглецу: «Я не буду ругать твою нацию русскую, потому что русские — хорошие люди. Я лучше скажу про тебя лично, что ты не человек, а скотина и негодяй». И люди, слушая речь неграмотного цыгана, шли ему на защиту и подвергали того наглеца, оскорбившего целую нацию, презрению.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Вот отпраздновали и Пасху, и наступило лето. После Петрова дня к нам приехали с видом на место жительства двоюродные братья отца. Это были Гого и Лоти из племени сэулони, сыновья Лизы — сестры Григория. После двух лет одиночества наши четыре семьи уже соскучились по шумным и веселым праздникам, свадьбам и просто посиделкам. Можете представить, какая радость охватила всех

нас, когда поселок оживился от голосов детей, женщин, мужчин. У Гого и его жены Бакри было восемь сыновей и три дочери, у Лоти и его жены Тежи было четверо сыновей плюс снохи и внуки — в общем, в несколько раз приезжие превышали численность коренных жителей. Коротче говоря, табэр принял свое истинное название согласно численности своих жителей, и жизнь пошла на лад: веселые застолья, гулянья до утра, встреча нового года, рождество, Пасха, а также все последующие праздники. Пошла совместная работа, так что мы сопоставляли приятное с полезным.

Правда, Лоти почему-то не ужился на новых местах и поехал в Горький, где жила его сестра Лула и зять Додо или, как его в народе называли, Хурядо, что значит «нарядный». А вот Гого и его сыновья остались жить на новом месте. Гого был весьма интересным человеком, тогда казавшимся нам древним старцем: седая борода до пояса. Одевался он довольно своеобразно, что ему очень шло: на голове папаха, на ногах брюки, вправленные в сапоги, пиджак с длинными полами — можно сказать, до колен. И самое большое украшение — трубка из серебра, сделанная им самим. Тогда, в 1979 году, ему было всего 59 лет, но почему-то он мне казался очень старым. Может быть, потому, что мне тогда было всего 20 лет.

Хочу сказать о Гого как о большом мастере жестяных дел. Для него не существовало невыполнимой работы по жести, и его работой можно было любоваться часами, наблюдая, как виртуозно он это делал. Нужно сказать обо всем народе нации сэулони, что они большие мастера по всем работам. Это и мягкая кровля, и лужение, и изготовление вентиляции из жести.

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЛИХОРАДКА

Вот прошел олимпийский год в Москве, 1980-й. Наступил год 1981-й. И тут по табэру прошла автомобильная лихорадка: вся молодежь загорелась приобрести машины. Но в те времена при Советском Союзе о новой машине можно было только мечтать, а старую брать не хотелось. И мы искали лазейки, как можно приобрести новую машину, не переплачивая большие деньги. Мы нашли этот путь. Нам его подсказали ребята из племени болосони, когда мы были у них в гостях в Горьком. Моему отцу Ристе совет дал Пушка сын Рупунки — они таким образом купили не один автомобиль, и не какие-нибудь, а супер-люкс «шестерки», о которых все советские люди мечтали, как сейчас мечтают о шестисотом мерседесе, и не подержанном, а о новом, прямо с конвейера. Так примерно котировались в то время «Жигули» шестой модели.

Так что же требовалось для того, чтобы получить машину прямо с базы без очереди, в то время как герои Советского Союза и другие уважаемые люди — ученые и артисты — стояли в очередях? А система была проста: ты должен был сдать через райпотребсоюз пять тонн картошки или две тонны свинины. Но ты должен был дать отчет при сдаче этой продукции, что либо все это тобой выращено, либо куплено по деревням у частников, при этом ты должен был зафиксировать эту сделку в сельском совете, указав стоимость одного килограмма. Цена не должна была быть ниже рыночной, то есть картофель — не ниже 30 коп. за кг, а мясо не ниже 3 руб. 50 коп. за кг. Это делалось для того, чтобы человек не купил картофель в магазине по цене 10 коп. за кг, а сдавая его через райпотребсоюз, получал по 30 коп. за кг, да еще и талон на приобретение автомобиля без очереди.

Услышав эту радостную весть, мы ринулись по деревням в поисках продавцов частного картофеля, собирая понем-

ногу и картофель, и справки от сельсоветов, при этом мы платили на закупке по 50 коп. за кг, а сдавали по 30 коп. за кг. И вот он настал, этот миг, к концу лета — 26 августа 1981 года я выгнал со двора автобазы новенькие «Жигули» ВАЗ-2103 стоимостью 8600 руб. Тогда это были большие деньги. К этому времени в нашем поселке уже приобрели две машины наши ребята тем же путем.

Моей радости не было предела — весь день я крутился возле новенького автомобиля, пахнувшего свежей краской и новеньким салоном. Цвет машины был салатный. Сейчас, в наше время, после стольких машин я бы и не взглянул на машину с таким цветом. А тогда для меня не было прекрасней машины и приятней цвета. Ковер, а точнее, палас на полу был ярко-красный. А для цыгана более красивого цвета, чем красный, не бывает. Наши цыганки иногда переходят дорогу на красный цвет, и, когда их задерживает инспектор и спрашивает, почему они нарушили правила и перешли дорогу на красный цвет, отвечают: «Для нас это радостный цвет».

РАДОСТИ ЖИЗНИ

Потихоньку я освоил азы вождения автомобиля и в течение года ездил в город без прав. В это же время я учился в автошколе, чтобы сдать на права. За этот год ни один инспектор не остановил меня. И можете себе представить: в первый же день, когда я получил права, меня остановил инспектор ГАИ. На мой вопрос, что случилось — что я нарушил, он мне ответил: «Просто проверка документов». На это я с юмором ему ответил: «Спасибо, что подождали — я сегодня получил права». Он мне сказал: «Ну что ж, поздравляю». И пожелал мне дорожить этим документом, не нару-

шать правила и быть предельно вежливым на дорогах городов. Так я отметился у инспектора ГАИ, поставив его в известность, что я получил права.

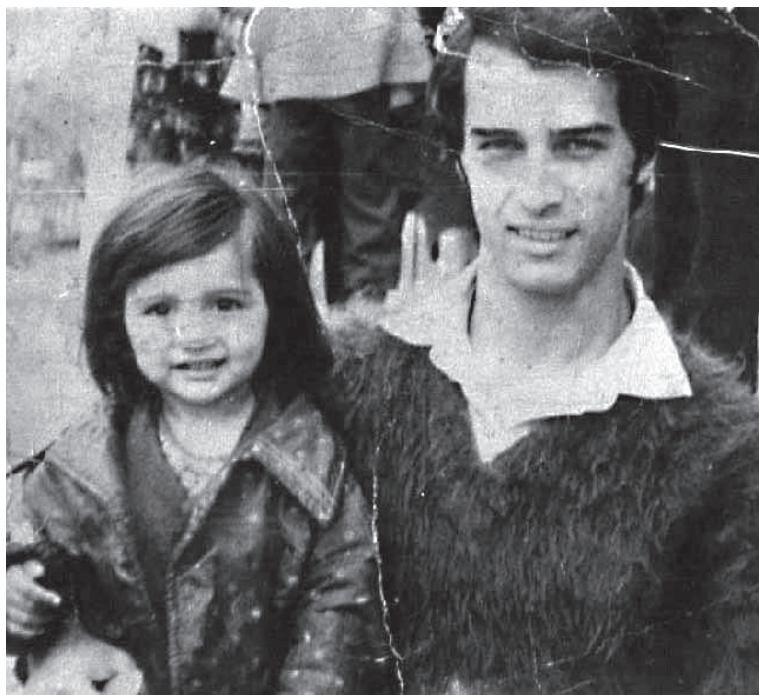
Но хочу рассказать о реакции моего отца в тот момент, когда он спросил меня вечером, зная, что днем я должен был сдавать экзамен на получение прав. Он неуверенно спросил меня: «Ну что, провалил или неужто сдал?» И я, протягивая ему корочку прав, ответил: «Представь себе, что сдал». Открыв корочку и прочитав мою фамилию, имя и отчество, он буквально засветился от счастья и права мне не вернул, а пошел всем показывать, какой у него сын: «Вы только посмотрите, он сдал, и не на любителя, а на профессионала!»

Вот такие мелочи жизни могли осчастливить человека. В наше же время таких радостей в нашей тяжелой жизни уже не испытываешь. Все стало обыденным и неувидительным — ты хоть самолет купи, никого этим не удивишь. Пошли поездки по колхозам и совхозам на своем транспорте — мы уже не боялись остаться посреди дороги.

МОЙ ДРУГ В ПОХОД СОБРАЛСЯ

В том же 1982 году семьи Гого и Лоти, который в 1981 году, не усидев на месте, вернулся из Горького, захотели уехать. Нужно сказать, что нация сэулони — удивительный народ: даже в нашем 21-м веке они не могут усидеть на одном месте. Максимум три, ну четыре года, не больше, проживают они на одном месте — и опять в дорогу. И не боятся палаток, дождей, дорог, вокзалов. Они очень хорошо подготовлены к катаклизмам природы, и их уже ничем не испугаешь, разве что концом света.

Вот и на это раз Гого и Лоти подошли к моему отцу и, немного переминаясь с ноги на ногу, обратились к своему

Это я с сыном Бумбарашем на руках сфотографировался случайно именно в день получения прав, в 1982 году.

двоюродному брату. Риста понял, что что-то случилось и его братья ищут те слова, которые могли бы прозвучать помягче. Риста спросил их, что случилось. «Вэрале» — так обращаются на цыганском языке к двоюродным братьям. На это те ему ответили, немного смущаясь. Начал Гого, старший брат: «Риста, хочу сообщить тебе неприятную новость. Зная наше отношение друг к другу, думаю, и для тебя эта новость будет неприятна. Но я должен тебе сообщить о том, что я и мой брат Лоти приняли решение покинуть твой табэр, точнее будет сказать, уехать из этих мест».

Гого, сказав эти слова, взглянул на Ристу, чтобы оценить его реакцию. Лицо Ристы стало серьезным, и можно было понять, по его лицу, что слова Гого огорчили его. После приезда Лоти с сыновьями, а также зятя Гого Буржуя сына Хырцо племени доброжяя-заинони, который был женат на его дочери Лифе, табэр преобразился, окреп: веселье, танцы, молодежь крепко подружилась. «Чего этим старикам не хватает», — подумал Риста.

И Гого, словно прочитав вопрос в глазах Ристы, дал ему ответ: «Я знаю, Риста, о чем ты сейчас думаешь: чего нам не хватает при наличии всего — дома хорошие, работа идет, дружба между нашими семьями крепкая. Чего же нам еще надо? Отвечу. Не хватает нам моего старшего брата Бэрэга-но. Как ты знаешь, Риста, у него недавно умерла его жена, Японка — так ее звали. Ты знаешь, что она для него значила в его жизни, и ты, наверное, сам понимаешь, как ему сейчас тяжело одному в таком положении оставаться со своими мыслями один на один. Конечно, ты можешь сказать, что у него есть взрослые дети. Да, это так, но разве у тех его детей меньше горя, они ведь потеряли мать. Они тоже нуждаются в нашем утешении и наставлении, как дальше жить. Потом, человек привыкает к тем своим близким людям, которые окружают его постоянно. А наш приезд внесет какую-то новую волну и изменения в радостное русло нашим близким. Нас не поймут, если мы в такой трудный момент не

окажемся рядом с нашим братом и его детьми. Ведь не напрасно молвит пословица: друг познается в беде. Мы все равно рано или поздно уехали бы от тебя к своим. Конечно, это случилось бы позже, но так судьба распорядилась, чтобы мы поддержали своего брата именно сейчас».

Старший брат Гого и Лоти Бэрэгано жил тогда со своими сыновьями в Коммунарске Ворошиловградской области, и весной этого же 1982 года в марте месяце он и его жена Японка приезжали к нам в табэр сапоррони, где жили тогда его братья Лоти и Гого. Приехали они со своими сыновьями: старший Мурша и его жена Елза, также сыновья Чула и Но-нея, а также их зять Риста сын Полицайто племени сэулони. Они приехали, чтобы сосватать невестку — женить Жору, внука Бэрэгано и единственного сына Мурши, старшего сына Бэрэгано.

Это было незабываемое пиршество, которое принесло всем жителям табэра и приезжим гостям чувство радости, веселья и полного удовлетворения. Получив согласие родителей невесты и согласовав сроки проведения свадьбы, дорогие гости уехали. Мы, проводив их, остались в ожидании, предвкушая те чувства, которые наполнят наши сердца, когда наступит день свадьбы. Ничто не предвещало беды, и можете себе представить, какой шок охватил нас всех, когда всего через несколько дней после их отъезда раздался звонок из Коммунарска и нам сообщили горькую весть: умерла тетя Японка. Нам сообщили дату ее похорон.

Как непредсказуема жизнь человека на этой земле! Глядя на эту женщину, на вид цветущую, нельзя было подумать, что жизнь ее вызывает опасение. А между тем это была ее последняя поездка из родного дома в другой табэр. Горько оплакивала свою близкую подругу и родственницу моя бабушка Дарья. Обе они были из рода дукони, а также из-за мужа Японка доводилась бабе Дарье племянницей, так как ее муж Бэрэгано доводился мужу Дарьи Григорию племянником.

Высказав все свои доводы, Гого спросил Ристу: «Что ты мне скажешь, брат мой, на мое решение?» — «Что я могу тебе сказать, Гого? Мне, конечно, тяжело осознавать, что ты меня покидаешь, и увидимся ли мы еще — кто знает. За эти три года, что мы прожили вместе в одном табэре, я привык к тебе и к твоим детям, мне было легко осознавать, что я не один и в беде, и в радости. Мы, двое стариков, обеспечивали безопасность наших семей. Теперь я остаюсь один среди молодых ребят. Но я, конечно, понимаю и одобряю твое решение, потому что оно обозначено благими намерениями. Я радуюсь одному обстоятельству: все эти три года мы прожили дружно, не было между нами ссор и недопонимания. И то, что твой отъезд вызывает горе, а не радость, — это много значит. И я могу и хочу пожелать лишь одно тебе и твоим семьям и семьям Лоти: доброго пути и благополучного прибытия на место назначения. И прошу тебя передать моему старшему брату Бэрэгано мои пожелания крепкого здоровья, счастья и благополучия, то же и всем его близким».

Гого и Лоти поднялись и отправились по домам дать команду для сбора в дорогу. Гого уходил из дома Ристы, утирая глаза носовым платком. Хотя разница между Ристой и Гого была 14 лет (Гого был 1920-го года рождения, а Риста 1934-го), между ними сложилась крепкая дружба и уважение по отношению друг к другу.

ИГРАЙ ОТХОДНУЮ

Если старики прослезились, что же говорить о молодых, которые привязались крепкой неразлучной дружбой и не представляли себе разлуки. И накануне их отъезда мы решили организовать отходную на лоне природы. Выбрав в лесу живописную поляну, под елью, которая как будто вы-

Это фото сделано гораздо позже той свадьбы, но я хотел вам показать организаторов того незабываемого пиришества. Под елкой крайний справа с трубкой Мурша ле Бэрэганоско сэулони — он был организатором пышной свадьбы своего сына Жоры. В центре Бакро ле Володяско, слева Мурша ле Ристаско.

Левый ряд слева направо: Гогай ле Володяско и Филастры (чайкони); я, Мурша ле Ристаско; Бакро ле Володяско и Филастры (чайкони); Мурша ле Бэрэганоско (сэулони). Правый ряд слева направо: Бумбараиш ле Муршаско (сапоррони); Раджи ле Боряско (сапоррони); Жора ле Муршаско (сэулони); Пуча ле Боряско (сапоррони). Вот так мы празднуем все праздники. Фото, конечно, уменьшает обзор, на самом деле все проходит массовым гуляньем.

шла из сказки, установили шатер. Вокруг шатра поставили свои машины, создав впечатляющий пейзаж. Поляну заволкло дымом от самовара и шашлыков. Зазвучали аккорды баяна, зазвенели струны гитары. Пошли танцы всех народов — Греции, Молдавии, Болгарии. Зазвучала югославская музыка и, конечно, наши цыганские песни. Все веселились, но и осознали, что это последнее гулянье вместе.

Но вот настал вечер, и мы все засобирались ехать домой. Все уже были навеселе, и многим, а точнее, шестерым, надо было садиться за руль. И тут последовала команда и строжайший запрет со стороны старших в этой группе: ехать домой с минимальной скоростью, соблюдая все правила безопасности. Мы не боялись инспекторов ГАИ, мы боялись той троицы стариков — Гого, Лоти и Ристы, от которых могло влететь нам очень строго, так, что наказание инспектора могло бы показаться детской шалостью. Но, слава богу, доехали домой благополучно, без приключений. А на завтра мы их проводили, обнявшись и расплакавшись, но осозная, что это неизбежность.

Но вот прошел год, и настал день свадьбы, который был ранее назначен. И Бэрэгано приехал женить своего внука Жору, сына Мурши. С ним тогда приехали сын Мурша со своей женой Елзой, а также сыновья Чула и Ноней и сват Лоля сын Сони, родители которой были Колопия и Тома дукони. Лоля доводился главной сватье Елзе братом. Бэрэгано был бодр, но заметно погрустневший. Можно себе, конечно, было представить, насколько бы он выглядел веселей, если бы с ним рядом оказалась его спутница жизни. Ему, конечно, было тяжело ступить на эту землю без дорогой его сердцу жены Японки, но он не мог отказать сыну в присутствии на свадьбе первого внука. Риста, увидев этого уважаемого человека, которого он уважал без фальши, был очень рад и просто не знал, как лучше оказать ему гостеприимство. Но Бэрэгано был очень мудрым человеком и, увидев волнение двоюродно-

го брата, он своим спокойствием и самообладанием успокоил все волнения, и все перешло в спокойное русло.

ТОЛМАЧ-НЕМЧИН ЦЫГАНСКОГО РОДА

Бэрэгано и его дети к этому времени уже разъехались с семейством Гого и Лоти, и к нам они приехали уже из города Пензы. С ними к нам приехал уже ранее названный Лоля, которого шутливо называют Мордва, — я думаю, он на меня не обидится, если назову его кличку. Может, его так называют, потому что Мордовия от Пензы недалеко. Но, как бы там ни было, подружились мы с ним сразу, он мне очень понравился своим характером. Море юмора, шуток, подколок — в общем, эти черты мне очень близки. В какой-то мере мы с ним чем-то похожи. И вот накануне свадьбы мы поехали вечером в ресторан на моей машине, чтобы договориться на завтра с эстрадой — чтобы они завтра сыграли на свадьбе.

Поехали я, Лоля, Чула и Ноня, к сожалению, ныне покойный. Это был красивейший человек и прекрасный друг всех, с кем он дружил. Приехав в ресторан «Селигер» и договорившись с эстрадой, мы сели за стол и заказали выпивки и закуски. Но я был за рулем и не стал пить. А Ноня был очарован моей машиной, и он мне сказал: «Мурша, ты давай пей, а я отвезу вас, заодно обкатаю твою машину». Посидев в ресторане, послушав эстраду, заодно выпив и закусив и совместив, как говорится, приятное с полезным, мы уже навеселе вышли на улицу и направились к моей машине. Ноня взял у меня ключи и сел за руль. Хотя я уже был навеселе, но все же я чувствовал небольшой дискомфорт от того, что Ноня была старше меня и трезвый, не выпив стопку в ресторане, а я молодой и уже такой «хорошенький». Но Ноня успокоил меня, сказав: «Нет проблем, я сам

захотел проехаться по вечернему городу на твоём новеньком жигуленке».

И мы поехали. Атмосфера была незабываемая: все молодые, здоровые, хмельные (кроме водителя), тёплый летний вечер. И при таком настроении, конечно, пошли в ход песни, но не цыганские, а русские народные. Вот запел Лоля:

Здравствуй, теща, друг родной, помоги,
Ты пойми, что мы с тобой не враги.
По закону если брать, мы родня,
Ты почти вторая мать для меня.

И он начал рассказывать, что его теща, которую звали Пика, его ненавидит. Но стоит ему запеть эту песню, как она тут же млеет и уже на него не сердится. Тогда я ему сказал: «А хочешь, сделаю так, чтобы она тебя полюбила, как сына?» На это он мне ответил: «Если ты это сделаешь, то магарыч с меня». Немного подумав, я ему запел эту же песню, только на цыганском языке, больше подходящем ему в его положении, так как от него несколько раз уходила жена. Вот как это звучало:

Ашун, сакрэ, э дили э харани,
Кэ гэлитар мандар, мырры ппури,
Чи май кэрав, сакрэ, кодо со кэрдем,
Дема, сакрэ, ла ппурия ай ле глатен.

Услышав этот текст, он пришел в восторг и сказал, что если его теща услышит эту песню в таком варианте, он с ней заключит мир. Мы, конечно, все дружно посмеялись и стали петь дальше. Пели песню про гимнастерку:

А кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет,
На нем защитна гимнастерка,

Она с ума меня сведет.

И тут я также моментально перевел эту песню на цыганский язык. Это звучало так:

Ай, кон пай хар теле мукэлпе,
Наверно, о дилорро авел,
Пе лесте сы брэ гимнастерка,
Мурро шеро вой дилярэл.

Так продолжалось всю дорогу. Лоля, Чула и Ноня пели русские песни, а я, как бы поправляя эту несправедливость, не перебивая коллектив, пел с ними в одной тональности и в том же мотиве, но на цыганском языке, переводя с русского на цыганский. Когда мы приехали домой и вышли из машины, у всех были такие радостные лица — не от принятого спиртного, а от отлично проведенного вечера.

Дома нас ожидало продолжение банкета: гуляли старики и молодые, закипал самовар, который ставила молодая, то есть невеста Рита. И мы, сойдя с машины с чувством выполненного долга, услышав веселую музыку, подхватили молодую под руки и пошли с ней в круг в веселом танце. Так продолжалось несколько дней — танцы, веселье и бережное отношение друг к другу, ни одного пьяного, только минимально хмельные.

ПЬЯНСТВУ БОЙ, МИР ВЕСЕЛЬЮ

Наш читатель может ухмыльнуться, не веря тому, что на протяжении нескольких дней пышной свадьбы не было ни одного пьяного. Да, уважаемый читатель, странно, но это факт. Мы, люди цыганской национальности, — правда,

буду говорить не о всех нациях цыган, а именно о котлярах — придя на свадьбу, не ставим себе цель, как бы сильнее напиться или, как в том анекдоте, съесть побольше, чем принес подарок. Мы придерживаемся цели хорошо повеселиться, оставив о себе приятное впечатление у хозяев свадьбы и у гостей. Конечно, мы такие же живые люди, мы не железные, нас так же пробирает спиртное зелье, если мы не рассчитали свои возможности. Но мы умеем вовремя оценить обстановку, свои силы и рассчитать результат следующей стопки: если ты ее сейчас примешь, то можешь поменять позу за столом из сидячей в лежащую, и не всегда на стуле — может быть, и под столом. И вот если ты уже чувствуешь, что тебя уже раскачивает, то встаешь из-за стола и выходишь на улицу вдохнуть свежего воздуха. Освежившись, умываешься холодной водой и идешь туда, где танцуют. Немного потанцевав, уже крепко стоя на ногах, идешь и садишься за стол, и уже поднесенную стопку подносишь к губам чисто символически, пропустив таким образом несколько ходов. Потом принимаешь чарку уже через одну. Дело не в том, что кто-то тебя ограничивает в употреблении спиртного, — нет, это не так. Даже когда ты уходишь от свадьбы домой, хозяева дают тебе в сопровождение кого-нибудь из малолетних своих детей, нагружая их водкой, шампанским, чтобы они отнесли все это к тебе домой. Вот такие понятия. Просто у нас не приветствуется пьянство, и пьяный человек становится объектом для анекдотов.

После короткого экскурса ознакомления с нашими традициями продолжу свой рассказ. Отгуляли свадьбу, и пришло время проводов сватов. Риста, мой отец, все время не покидал своего дорогого гостя и двоюродного брата Бэрэгано, который за эти несколько дней заметно отвлекся от своих мыслей в разговорах и гулянье с Ристой. Нужно отметить, что этот мудрый старец, при всей своей строгости, обладал тонким чувством юмора, но не менял строгого выражения лица.

Однажды его сыновья нам рассказали смешной случай, который произошел в их семье. Был выходной день, и молодежь засобиравшись в город погулять. Отец их Бэрэгано начал их отговаривать, чтобы не навлечь беду — как бы не подрались с кем-нибудь. Он говорил и говорил, но слова его не убедили молодежь: они все время отшучивались и держались своего. Дед Бэрэгано уже устал говорить, а тут еще транзистор орет во всю мощь, заглушая его речь. Он не выдержал, подошел к транзистору со словами: «Да замолчишь ты наконец или нет?» Он выдернул шнур из розетки, думая, что это шнур транзистора, но это был другой шнур, а транзистор работал от батареек и, естественно, не замолчал. На это Бэрэгано, разведя руками, сказал: «И этот меня не слушает!», глядя на всех со смешинкой в глазах. Все его домочадцы засмеялись звонким смехом, думая, что старик не знает, что приемник работает от батареек. Все он знал и понимал, просто надо было снять напряжение, поменяв обстановку со скандальной на смешную. Нам, нынешним жителям этой планеты, трудно понять тонкость понятия этих мудрых стариков, их ум и умение выходить из всех положений.

Ну вот, попрощавшись, те уехали, а мы остались. Прошло несколько лет, и мы узнали, что, уехав из Пензы в Коммунарск Ворошиловградской области, умер наш всеми уважаемый дядя Бэрэгано, которому в то время было около семидесяти лет. Это известие нас сильно разочаровало. Мой отец Риста пустил слезу, осознав горечь утраты. Но прошло немного времени, и известие, которое пришло также из Коммунарска, повергло нас всех в шок. Мы узнали, что скончалась после длительной и тяжелой болезни Елза, жена Мурши, сына Бэрэгано, которой было чуть больше сорока лет. Тут уже пустили слезу и стар, и мал. Вот такие бывают обманчивые впечатления в жизни. Вспоминая образ этой женщины в день свадьбы ее сына и глядя на ее цветущий вид, никто и предположить не мог, что жизнь ее в опас-

ности. Молодая, красивая, жизнерадостная, она все время была в движении. Но лишь теперь можно было понять, с каким трудом ей это удавалось, какая сила воли была заложена в этой женщине. Но, как говорится, смерть забирает лучших. Это, правда, было потом, ближе к 1990-м годам.

ВЗЛЕТ С Л.П. КОКЛЮШКИНОЙ

А пока прошел старый год, наступил новый 1984-й, ставший взлетом нашей творческой карьеры, которая потом ознаменовалась венцом, доселе не достигаемым для цыган-котляров. А именно: наше выступление было показано по центральному телевидению — концерт, который мы давали в театре «Ромэн», где нас чествовал сам Николай Сличенко. Мы соревновались с цыганским ансамблем из города Николаева и заняли первое место.

Но это было потом, в 1988-м году, а пока что мы только начинали наш творческий путь под покровительством директора Областного дворца культуры профсоюзов Людмилы Петровны Коклюшкиной. Эта русская женщина, взяв нас под свое крыло, довела начатое дело примерно так, как если бы тренер дворовой команды начал свой спортивный путь с дворовых турниров, а закончил, завоевав звание чемпионов мира. Вот так и наша Людмила Петровна, не жалея ни сил, ни времени, дошла с нами от заводского клуба завода КСМ-2 до Германии, Польши и центрального телевидения. Сколько поколений прошло через ее руки, и их она вела по концертным подмосткам.

Вначале мы создали ВИА под названием «Черан», что означает в переводе «звезда». В наличии у нас сначала было три электрогитары и ударная установка. Исполняли мы цыганские песни, обработав их на современный лад, и это шло на

ура. Пользовались мы успехом в концертах, которые давали на производствах. И Людмила Петровна решила расширить наши возможности и переквалифицировать наш ансамбль из вокально-инструментального в фольклорный, соединив нашу большую семью Петровичей с семьей Рыбниковых из Вышнего Волочка, а также с семейством Дубковых. После переговоров со Сличенко было решено дать нам статус «Спутник театра «Ромэн», откомандировать к нам хормейстера театра Вячеслава Деметра для составления концертной программы и балетмейстера Анатолия Вербицкого для обучения танцам. И пошли наши дела лучше некуда.

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

Первый наш выезд за пределы Калинина состоялся 23 февраля 1988 года — мы поехали в Москву, в Звездный городок, выступать перед космонавтами. Это было незабываемое впечатление. Мы видели перед собой космонавтов, неоднократных героев Советского Союза, лица которых мы видели только по телевизору. Нас возили по музею городка, показывали космические аппараты, побывавшие в космосе, скафандр Юрия Гагарина и много еще чего интересного. Потом мы выступили перед космонавтами, дав зажигательный концерт, исполняя цыганские песни и зажигательные танцы, которые оживили зрительный зал. После концерта нам вручили дипломы с благодарственным текстом, подписанные летчиками-космонавтами, дважды героями Советского Союза генерал-лейтенантом В.А. Шаталовым и генерал-майором П.И. Климуком. Мы возвращались домой с таким чувством, как будто мы сами побывали в космосе.

НЕ ВО СНЕ, А НАЯВУ

Почти сразу после этого, а именно 8 марта, мы дали концерт, о котором мы раньше могли только мечтать. Это было в Москве, в цыганском театре «Ромэн», куда нас пригласил для отчетной программы главный режиссер театра Н.А. Сличенко. Как я уже писал, с нами соревновался такой же фольклорный ансамбль из украинского города Николаева, который тоже был «спутником» театра «Ромэн».

Увидев этих ребят и девчат, мы немного замандражировали. Это были уже состоявшиеся артисты, взрослые парни, взрослые девушки, и, что было для нас самым тревожным, они прекрасно владели музыкальными инструментами. Профессионально звучали гитары, им в тональность аккомпанировали баянисты, а когда все это подхватил своим прекрасным голосом солист ансамбля, мы подумали, что нам здесь ничего не светит. В индивидуальных номерах мы бы проиграли — класс противника был выше. Но у нас была козырная карта, на которую мы поставили все. Все их артисты и солисты были переростками, а наш ансамбль, за исключением трех артистов, которым было около сорока, состоял из молодежи — мне, самому старшему, было 29 лет, а самому младшему — только 9 лет. После выступления этих ветеранов, которым надо отдать должное, — выступили они хорошо, зал им очень бурно аплодировал — мы, подбадривая друг друга, сказали: «Ничего, ребята, не корову проигрываем, главное — не выигрыш, а участие. Людей посмотрели, так давайте себя покажем, чтобы у людей мы остались в сердцах надолго».

Опять же, нам фортуна улыбнулась — мы выступали вторым номером, и я думаю, что у зрителей притупилась память о первых выступавших и они были очарованы тем, что увидели на сцене именно сейчас, только что. А увидели они то, что мы свое секретное оружие держали до послед-

него момента, точнее будет сказать, до заключительного номера, в секрете. И вот выступление за выступлением, мы немного притупили внимание зрителя, хотя после каждого номера зрители очень бурно аплодировали и кричали «браво». Со сцены, а потом в записи я увидел горячо аплодировавшего нам писателя Чингиза Айтматова. Может, в нашем выступлении и были какие-то ошибки, но зал был очарован нашей молодостью, яркими костюмами (красные жилеты, белые рубахи, черные брюки, заправленные в белые сапоги), красивыми лицами, окрашенными то ли от смущения, то ли от волнения красным цветом. По словам знакомых, которые были в зрительном зале, мы очень красиво смотрелись на сцене, что давало нам шанс сравняться по баллам с нашими конкурентами.

В нашем коллективе участвовала прекрасная танцовщица Ганга Баталова со своими замечательными дочками. Ганга была профессиональной танцовщицей, и своим выступлением она очаровала не только зрителей, но и нас, участников этого концерта — как нас, так и николаевских ребят. Она буквально порхала по сцене, так, что известные балерины мирового класса отдыхают, учитывая то, что балерины одеты налегке, а костюм цыганский, в который входит множество элементов, тяжелый. Вспомните Радду из фильма «Табэр уходит в небо». И при все при этом она порхала, не боясь запутаться в своих юбках и упасть. Она показывала танец высочайшего класса. Она также прекрасно пела и руководила на сцене молодыми артистами, подбадривая их громким голосом. И она это делала так умело в такт с танцем и песней, что зрители могли подумать, что это текст песни она подхватывает. В общем, я не побоюсь моей оценки в адрес Ганги, что успех нашего коллектива процентов на сорок был заработан ею.

Выделялся среди нас и солист, которому было лет восемь — Женя Дубков. Его прекрасный, очень высокий и тонкий голос, напоминающий голос несравненного Робертино Ло-

ретти, буквально очаровал зрительный зал. После его выступления зрители долго и даже стоя аплодировали ему, и он очень смущенно выходил на поклон в своем национальном концертном костюме. Но так получилось, что нашему руководству не хватило времени подобрать ему сапоги нужного размера и, так как время нас поджимало, выделили ему сапоги размера на два-три побольше. И, передвигаясь по сцене, он не поднимал ноги, а тащил их за собой. Зрители, конечно, не заметили этой накладки, но мы, глядя на него, слегка посмеивались, так как выглядел он немного смешно, и поэтому он очень сильно смущался. Даже мы друг другу подсказали, чтобы перестать смеяться, а то он сорвет свое выступление. Но все обошлось: номер Жени прошел на бис, и он также внес лепту в успех нашего коллектива.

Хочу сказать хорошие слова про эту семью Дубковых: отец семейства Александр, великолепный баянист и танцор, его дочери Наташа и Лена, племянница Таня, родственница Роза и двоюродные братья Леша Антонов и Геннадий Дубков. Все они выступили ярко, зажигательно, тоже приблизив нас к победе в этом соревновании. Но, как вы помните, я упоминал, что в запасе у нас был главный ход.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ АНСАМБЛЯ «БАХТОРИ»

И вот пошел последний номер — массовый танец, в котором все поочередно выходили из толпы с проявлением индивидуальных навыков и мастерства под зажигательную музыку «Мато-мато». Зал бурно реагировал. Я немного отвлекся, посмотрев в противоположную сторону от той стороны, откуда выходили артисты. И тут я аж вздрогнул от неожиданности, подумав, что балкон свалился или крыша рухнула. Но нет: это зрительный зал взорвался аплодисмен-

На этой фотографии сняты все участники этого концерта в театре «Ромэн».

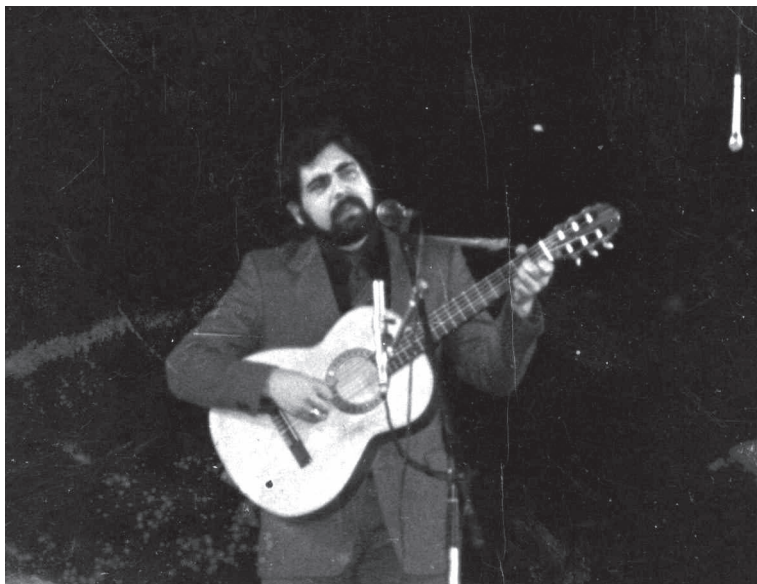
Слева от первого баяниста — это наша группа. Справа от баяниста — артисты из Николаева. Я с гитарой — седьмой слева в нижнем ряду. В центре — Николай Сличенко.

*Наше выступление в театре «Ромэн» в 1988 г.
С гитарой я, Муриша ле Ристаско, рядом мой брат Гриша ле
Ристаско, на заднем плане Наташа Дубкова.*

Анатолий Вербицкий, великолепный танцор и наш балетмейстер.

Николай Лекарев выступил в этом концерте в заключительной его части. Это великолепный певец, а потом выяснилось, что он и прекрасный актер: он снялся в фильме «Кармелита» в роли её отца Барона.

Вот такие яркие выступления наших девчат горячо приветствовали зрители бурными аплодисментами.

тами, когда выстрелило наше главное оружие, которое заключалось в неожиданном выходе на сцену самых маленьких наших артистов.

Это были три девятилетние девочки: моя дочь Анжела и мои двоюродные сестры Алеся и Алена, а с ними маленький мальчик лет восьми Женя Дубков. Их стремительный выход на сцену в красивейших платьях красного и черного цветов, а фасона — как в фильме про Есению ввел зрителей в восторг. Такие же платья были и на взрослых артистках, но эти малютки повергли зал своей необычайной красотой. Зал прихлопывал на протяжении всего номера. А когда номер закончился и эти малышки, приблизившись к краю сцены поближе к зрителям, подняв вверх руки, закончили свое, а вместе с тем и наше выступление, зал буквально взорвался от оваций и криков «браво». И каждый зритель был готов вскочить на сцену, взять этих малышек на руки и расцеловать. Глядя на лица людей и на их горящие глаза, смотрящие на этих детей с такой любовью, мы поняли, что мы победили. Как говорится, молодости все подвластно.

Закончился концерт, ушли зрители. К нам за кулисы поднялись артисты театра «Ромэн». И тут начался второй концерт — артистов театра и наших коллективов, нас и николаевских ребят. Я очень жалею, что у меня под рукой не оказалось тогда кинокамеры. Если бы тот концерт запечатлеть на пленку, это дорогого стоило бы. Все выступали раскованно и без стеснения, и это придавало танцу краски и мастерства.

После концерта мы стали собираться — затаскивать свои вещи и инструменты в автобус. Я, проходя мимо собравшейся группы, следуя к автобусу, не придал этой толпе значения. И вдруг толпа неожиданно раздвигается, и я увидел Николая Сличенко, который почему-то направил свой взгляд в мою сторону и все, кто его окружал, тоже стали глядеть в мою сторону. Я немного смутился и стал оглядываться, думая, что, может, это не на меня они смотрят.

Но за моей спиной никого не было. Я посмотрел снова на Сличенко, и он, показывая на меня пальцем, сказал почему-то: «А он сегодня хорошо выступил». И окружающие с ним согласились.

Я, конечно, поблагодарил Николая Алексеевича за похвалу, но думал: почему он меня выделил среди многих, ведь у меня не было сольных номеров. Тогда я подумал, что это школа мэтров сцены: похвалив молодого начинающего артиста, он таким образом дает аванс для роста в своем стремлении, веру в себя. Но я хотел бы сказать о том, что перед началом концерта к нам подошел Сличенко и, поприветствовав нас, провел с нами беседу минут 15-20. И я задал ему вопрос: «Николай Алексеевич, сколько вам было лет, когда вы снялись в фильме «Свадьба в Малиновке»? По моим подсчетам, вам было лет тридцать». И он, призадумавшись, видно, вспоминая, когда фильм снимали, ответил: «Да, где-то так или чуть побольше». Может, он меня запомнил с той беседы, и я, попавшись ему на глаза, и попал под его похвалу.

Я точно знаю, что никаких выдающихся номеров, которые могли бы запомниться, я не показал. Но все равно я был счастлив, что получил похвалу от замечательного артиста и человека, которого я обожал и любил его творчество. Я ему завидовал доброй завистью за его невероятный труд и стремление, благодаря которым он добился поставленной цели. И он многим цыганам доказал, что даже будучи цыганом, можно достичь больших высот. Много цыганских ребят, обладающих незаурядным талантом, загубили в себе этот талант, потому что не верили в свои силы и в то, что их кто-то выпустит на большую сцену, потому что они цыгане. И поэтому я всегда с уважением относился к людям, которые не сдались, а шли и дошли, достигнув своей цели.

Честно говоря, отец мой не одобрял нашу концертную деятельность, хотя он сам был очень одаренным, умел петь, танцевать, и, если бы он вышел на сцену, успех его высту-

пленения был бы гарантирован. Но он любил петь и танцевать только в цыганском кругу, на праздниках и свадьбах, и критиковал нас, когда мы давали концерты у себя в Калининне. Ну а когда мы приехали из Москвы и рассказали о нашем выступлении в «Ромэне», о нашей встрече со Сличенко, ему это пришлось по душе, и не только потому, что нас обещали показать по телевидению. Ему хотелось, чтобы руководство города, с кем ему довольно часто приходилось общаться, узнало о нас — как мы прославляем наш город, а не только как наши женщины гадают. И когда нас показали по телевидению, он был за нас горд — мы это видели по его лицу и блеску в его глазах. Нас увидел весь Советский Союз и все наши родственники и знакомые, жившие по всему Союзу. И даже те родственники, кто долго не давал о себе знать, узнав нас на экране телевизора, почувствовали гордость за нас, дергая соседа за рукав и указывая, кто из выступавших является его родственником.

СЕМЕЙСТВО ЛАЦИ, НО НЕ ФУТБОЛИСТЫ

Но и вне концертов жизнь продолжалась под руководством Ристы. Приезжали сваты отовсюду и сватали наших девочек, и мы отдавали их замуж. Но тут же, чтобы восстановить статус кво, то есть численность после выбывания из табэра, мы уже ездили по табэрам, чтобы женить сыновей. Довольно часто приезжали к нам гости, которым Риста всегда был искренне рад. Своим гостеприимством он очаровывал людей и завоевывал авторитет в глазах этих гостей.

Особенно Риста радовался, когда к нам приезжали наши родственники из рода сапоррони — сыновья Лаци и Мани. Это были Идо, Мода, Тима, Канфето, Бириш. Помимо того, что они были, да и сегодня есть, кроме Идо, который недав-

но умер, красивейшие ребята, они подкупали наши симпатии к себе еще и тем, что у них было очень добропорядочное отношение и уважение к людям. И нам это очень нравилось. Нравилась и еще одна черта в характере и поведении этих ребят: братское внимание и забота друг о друге. Когда мы, хозяйева, накрывали стол и приглашали их, каждый из них, прежде чем самому сесть, окликал другого по имени, отдавал стакан чая или кофе, предназначенный ему, своему брату. А по именам они окликали друг друга так, как это фиксировалось в паспортах, примерно так: Идо (Григорий), Мода (Милорд), Тима (Тимофей), Канфето (Лёва), Бириша — ласково Биба или Бимбай. Все мы глядели на них с нежным чувством и одобрением. А бабушка моя Дарья всегда высказывала их матери Мане, какая она молодец, что так правильно воспитала не одного и не двух, а шестерых сыновей. Шестой сын был Валё, но, к сожалению, он не выезжал из дома, так как с детства был слепой. У Мани также было четыре дочери: старшая дочь Калопия, затем Дарья, Ляля и Рима, которая тоже, к сожалению, была незрячей.

Что еще привлекало нас в этих парнях — умение располагать людей к себе. Они хоть и жили среди своих родственников — дядей, двоюродных братьев и сестер — но все же считались из другого племени, как этот фильм Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». Но люди очень хорошо относились к семейству Лаци, нашего Лаци, который покинул табэр сапоррони всего лишь на год — но вот уже восемьдесят с лишним лет прошло, поколения меняются, все глаза проглядели, а Лаци нет. Никогда у этого семейства не возникало драк ни с чужими, ни со своими людьми. Люди всегда относились к ним с большой симпатией и уважением.

Все в семействе Лаци были очень музыкально одаренными. У них были красивые голоса, от которых слушающие их люди просто млели. И танцевать они умели хорошо, и, глядя на них, даже не умеющие танцевать запрыгивать в круг и

пытались что-то изобразить. Даже младший сын Валё, который незрячий, умеет играть на всех инструментах — на баяне, клавишных, гитаре, и что самое удивительное — виртуозно играет на ударном инструменте. Риста мог бросить все свои дела, когда приезжали эти парни к нам в гости, чтобы оказать им в полной мере гостеприимство. И они принимали его с большой радостью и ответным гостеприимством.

БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЕТ

Кроме тех качеств, которые я перечислил, чувства юмора было у них не занимать. Вот один смешной рассказ о случае, произошедшем в их табэре. Однажды к ним в табэр заявила целая делегация русских граждан, которые держали за руки своих заплаканных детей. Они вызвали барона и изложили ему суть дела, по которому пришли. Барон выслушал возмущенных граждан, которые грозились обратиться в органы милиции. Он осознал серьезность ситуации и затрубил сбор от старого до малого.

В течение десяти минут собрался весь табэр от мала до велика. Барон начал излагать суть произошедшего на русском языке, чтобы жалующиеся могли понять ведение суда. «Значит, так», — начал барон. Он подошел к русским ребятишкам, взяв их за руки и собрав их вместе, подвел в центр круга, показывая на лица детей, на которых прослеживались синяки, ссадины, в общем, следы избиения. Он продолжил свою речь, набирая обороты и объясняя: «Вот ко мне пришли эти уважаемые люди с жалобой, что наши дети избили их детей и что они пойдут жаловаться в милицию. Кто это сделал, я как барон этого табэра выясню и вынесу свое решение вплоть до выселения». Отцы и матери побитых русских детей слушали речь барона внимательно

и одобрительно кивали головой. Некоторые матери гладили своих несчастных детей по голове и при этом вытирали прослезившиеся глаза.

Обстановка накалилась, и надо было принимать резкое решение. И вдруг из толпы выходит, можно сказать, молодой человек, чуть больше 30 лет. Звали его Червонцо сын Гафы — это имя я упоминал в рассказе про автокатастрофу, когда погибли его родственники, но это было позже. А пока он вышел в круг, и весь табэр замер в ожидании чего-то неординарного, зная характер этого парня и его тонкий юмор, который мог заставить смеяться любого человека при любых обстоятельствах. И поэтому все стали вслушиваться в слова Червонцо. Барон опустил голову, чувствуя, что этот парень что-то сейчас скажет. Барона звали Тома сын Парастивы и Ёно племени вошони. Он только сказал ему по-цыгански: «Сыратой (так звучала его кличка), не трожь людей». На это он ответил тоже по-цыгански: «Да что ты, дядь Том, я им просто объясню».

Сказав это, он повернулся лицом к пришедшей делегации: «Вот вы пришли жаловаться на наших детей, что они побили ваших детей. Мы их, конечно, накажем, чтобы они так больше не делали. А вот ваши дети бьют взрослых!» И он схватил за руку мужчину лет пятидесяти пяти, которого звали Луя сын Ёно из племени дынони, развернув его боком к этим людям так, чтобы им четко видно было его ухо. За ухом Луи была огромная шишка, которая была у него с давних пор. На медицинском языке она называется атерома, а в народе это явление называют жировик. Так как Луя боялся делать операцию и все откладывал, этот жировик рос и достиг размера среднего яблока. И те, кто не знал об истинной причине возникновения этой шишки, мог подумать, что кто-то бросил камнем в бедного старика. Именно так изложил дело этот заступник за оскорбленного его собрата: «Вот посмотрите, что сделали ваши дети — взяли камень и ударили старика прямо в ухо. Что вы на это скажете?»

Услышав это и увидев пострадавшего, люди пришли сначала в оцепенение. Но потом, когда Червонцо пристыдил их, что они не умеют воспитывать своих детей, люди спохватились и при всем народе стали шлепать своих и так уже побитых детей. Прямо как в той пословице — битый небитого везет. Народ табэра после последней реплики Червонцо бросился прочь — люди падали от смеха, щипали друг друга до синяков, чтобы не заржать перед прохожими, делая серьезные лица. А русские люди продолжали извиняться и, уверив барона, что они примут меры самые строжайшие по отношению к своим отпрыскам, покинули табэр. Сам Червонцо — его хоть режь: после его слов, которые привели табэр в истерику от смеха, лишь делал ухмылку на лице, тем самым увеличивая смешливость сказанного. Бабушка Дарья уже ничего не видела — слезы лились из ее глаз, и она уже задыхалась от смеха, вытирая глаза платком.

РОЗЫГРЫШ

Когда Риста ездил в гости к дочери Белке в пос. Пери Всеволожского района Ленинградской области, этой встрече чрезмерно радовался и его преданный друг и единомышленник Грофо сын Парастивы и Гого, доводившийся братом барону Томе и братом Мане, жене Лаци. Это был человек без комплексов. Он не делал границ между возрастами. Он уже был в годах, но не считал зазорным шутить с совсем еще молодыми ребятами. Однажды жертвой его розыгрышей стал и я, а было это так.

Однажды в нашем поселке или, вернее, табэре случилось неприятное событие — бракоразводное разбирательство. Непосредственных участников этого процесса я не буду называть, чтобы не ворошить прошлого. На этот процесс при-

ехали весьма солидные люди из Ленинграда и Москвы. Из Пери приехал барон табора Тома. Я прошу прощения у родственников этого почтенного человека, но в народе его все называли Тима, и поэтому табэр называли тимони. Так его звали самые близкие, чужим так его называть было строго запрещено, вот потому-то я и попросил извинения, но все же назвал его так, чтобы внести ясность. Ведь, как ни странно, у людей иногда теряются имена, а твердо остаются клички или дразнилки.

Но продолжу список приехавших тогда гостей. С Томой приехали его сестра Маня с сыновьями Мода и Идо, а также брат Тома и Мани Грофо, и Гриша ле Дриласко племени воржони. Из Москвы приехали Вошо или, как он любил, чтобы его называли, Василий Павлович, а также Савка, мой тесть. Но вот закончилось заседание, закончилось мирным путем, и настал момент, когда хозяева домов зазывают гостей на чашку чая. Учитывая дефицит времени у гостей, остаток времени решили провести чисто символически, то есть только обозначить приветствия хозяина дома к гостям, поэтому у каждого в доме был небольшой фуршет.

Я тоже накрыл стол всякими закусками, из спиртного на столе было две бутылки водки, учитывая скоротечность посиделки. И вот, закончив сервирование стола, я вышел на улицу, чтобы пригласить уважаемых гостей в дом. Первым, кого я встретил, был обожаемый мною дядя Грофо, и я, любезно выбирая слова, чтобы быть как можно более доброжелательным, сказал, чтобы он вошел в дом и сел за стол, пока я приглашу остальных. Он с благодарностью мне ответил: «Конечно, ты иди приглашай остальных, обо мне не беспокойся, я найду чем заняться за столом». Говоря это, он ехидно ухмылялся. Я не придавал этому значения и пошел за гостями. По дороге я встретил тестя Савку и Василь Павловича, также направив их к столу, вслед за ними направил отца и дядю Гришу.

Вот я захожу с последними гостями в дом и что я вижу:

хозяйка моя в панике обшаривает шкафы, а отец укоризненно смотрит, находясь в страшном смущении. Гости за столом на пустом пайке. Я спрашиваю жену, в чем дело. Она отвела меня в сторону и говорит: «Не найду водку, куда ты ее дел?» Я говорю: «Она же на столе была!». Она говорит: «Ее там нет». Я посмотрел — на столе водки не было. Я не мог ничего понять. Тесть подумал, что я впопыхах забыл купить водки и, видя мое растерянное состояние, решил подстраховать меня. Он сказал: «Да ничего страшного, необязательно водку пить, попьем чайку».

Услышав это, я готов был сквозь землю провалиться. И тут меня буквально что-то осенило, и я взглянул на него, на нашего злого гения. «Дядь Гроф, твоя работа?», — спросил я, глядя, как его глаза искрятся смешинкой. Его можно было, как говорится, хлебом не кормить, но он обожал розыгрыши, и, зная это, я поэтому и спросил его, испытывая при этом чувство стыда. Он начал отнекиваться и клясться своими братьями, особенно Гришей, именуемым в народе Бутовичем. Услышав, как он клянется братом, делая при этом серьезное лицо, я пришел в полное замешательство и взглянул на жену таким взглядом, будто готов ее убить, думая, что она оставила дом в мое отсутствие без присмотра и кто-то воспользовался этим и взял водку. К нам в дом часто, находясь в поисках спиртного, заходили и дачники, и другие любители выпить нецыганской национальности. Тут дядя Грофо, посмотрев на выражение моего лица, понял, что если он еще чуть-чуть затаяет свой розыгрыш, может случиться непоправимое, и он дал команду «стоп». «Я вспомнил, — сказал он, улыбаясь, — я положил водку сюда, в тенечек, и забыл». На диване у подлокотника лежала декоративная подушка, и он, подняв подушку, достал оттуда спрятанную водку. Увидев водку на столе, я посмотрел на него, а он довольной улыбкой улыбался и, подняв вверх руки, сказал: «Сдаюсь».

И так он постоянно всех разыгрывал, но на него никто

никогда не обижался, потому что он всем своим видом давал понять, в данном случае мне, что он разыграл меня как друга, не придавая значения большой разнице между нами — в 25 лет. И любому молодому человеку это льстило — дружить с таким авторитетом, как дядя Грофо, который был многим симпатичен.

Когда мой отец приезжал к ним в гости — это были неразлучные друзья. Они оба вставали раньше всех и, зная, что в табэре дефицит с водой, бежали к колодцу навстречу друг другу, играя на опережение. Встретившись у колодца, они подталкивали друг друга, при этом заразительно смеясь, — кто первый зачерпнет воды. Но потом Грофо все же отступал и на правах хозяина делал жест гостеприимства — уступал гостю право первым набрать ведро воды. На следующий день происходило то же самое. Грофо вставал раньше Ристы, но к колодцу не шел, наблюдая за домом, где остановился Риста, — у дочки Белки. Он с улыбкой на лице уже предвкушал встречу, видя, что Риста шел к колодцу, решившись оказать услугу дочке, чтобы не будить ее, и принести воды для самовара, зная наверняка, что там он встретит своего друга Грофо. Грофо мчался на всех парах, притворно крича: «Риста, я первый!» Но все повторялось в точности вчерашняя история, и, набрав воды, посидев немного у колодца, посмеявшись от души, пообщавшись, а главное, утвердив расписание дня — как, чего и сколько, — расходились.

Для того чтобы быстрее встретиться, у нас, у цыган, во всех табэрах есть место сходки. И каждый, выйдя из дома, бросает взгляд на эту точку — есть кворум или еще рано. Собравшись на этом пятачке, решают сначала проблемы табэра, если таковые имеются, а потом, как истинные борцы за справедливость и мирное сосуществование с окружающими их соседями, уже с чувством выполненного долга идут отмечать это событие.

МОЙ ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ

Также в этом табэре под Ленинградом проживала Крижма — тетя Ристы, сестра деда Григория, с мужем Григорием и сыновьями: старшим Валё и младшим, которого звали Няня. Здесь Ристе тоже были рады и гостеприимно потчевали дорогого племянника и двоюродного брата в одном лице. Гриша из племени воржони, глава семейства, был очень добродушным человеком, и родственников жены он так же приветствовал и уважал, как своих собственных, тем более что родственная сторона по линии жены не давала повода для смущения перед людьми этим родством. Наоборот, было даже чувство гордости от такого родства, так как имя деда Григория звучало в табэрах с чувством уважения, и имя его старшего сына Ристы украшало его семейный альбом.

С Григорием, зятем из рода воржони, было легко общаться, очень свободно и раскованно. Конечно, это не давало более молодым людям повода терять контроль в своих словах, и субординацию всегда соблюдали. Но от дяди Гриши всегда ждали шуток и каких-нибудь интересных рассказов о своей молодости. Надо сказать, что оженился он очень рано, можно сказать, был еще мальчиком. И вот он рассказывает, как, уже будучи зятем в семействе племени сапоррони, решил он как-то угодить своей теще Кокане. На просьбу тещи что-то сделать он взялся с воодушевленным рвением показать себя перед родней жены, какой он ловкий и проворный.

Но, как всегда бывает в таких случаях, от чрезмерного рвения получается конфуз. Вот и на этот раз Гриша рванулся с места, перепрыгивая какую-то преграду, оступился и плюхнулся в лужу в полный рост. За его спиной послышался смех молодых людей. Те, кто постарше, конечно, прикрикнули на ржущих и, подбежав к нему, приподняли его

и, отряхивая, пытались как-то его подбодрить. Конечно, он был ошарашен этим падением.

Потом он рассказывал, как он и его жена Крижма заболели тифом, и у обоих выпали волосы на голове. Его мать, когда утром подходила к их постели, долго смотрела на них спящих, думая, кого будить: она-то хотела разбудить молодую сноху, но часто путала их и поднимала сына, после чего долго смеялась.

Вот такие трагикомедии случались в жизни этого веселого человека. Незадолго до его смерти его сыновья нам рассказали, как они встречали новый год. За столом вся семья, Григорий во главе семейства. Пробили кремлевские куранты, все начали чокаться с фужерами шампанского. И вот Григорий дает команду своим детям, чтобы они открыли дверь. Дверь открыли, он встал напротив двери и громким голосом начал звать: «Заходи, заходи, новый год!» И вдруг в дверь входит совершенно посторонний черный кот. Все грохнулись от смеха, а он, почесав затылок, с ухмылкой сказал: «Вот это новый год...»

Ристе очень нравился веселый нрав этого табэра, и он всегда возвращался домой из Ленинграда с массой впечатлений. Ему надолго хватало веселых рассказов и воспоминаний — кто что сказал, кто что сделал, и, рассказывая нам об этом, он заразительно смеялся, вызывая тем самым и нас веселый смех.

ПЕРЕСТРОЙКА. ПЛЮС — ЭТО ВОПРОС

Так жизнь продолжалась год за годом с какими-то событиями, происшествиями — в общем, жизнь в полном объеме, как и должно быть. Не может жизнь все время проходить однообразно, плохо или хорошо. После хорошего,

бывает, что-то произойдет тревожное или наоборот. Шли годы, дети росли, и девочки, и мальчики. Выдавали замуж девочек, женили сыновей как Риста, так и его младшие братья.

Наступил 1985 год, год перестройки, принесший для всех цыган облегчение в том, что разрешили частный бизнес, а именно открытие кооперативов, что открывало дорогу во все государственные учреждения и организации. Это давало возможность при заключении договора не придумывать название той организации, которой не существовало, а после окончания работы не ходить по инстанциям — трест, главк, Министерство труда и прочие, — чтобы какой-нибудь дядя в очках и шляпе сжалился над неграмотными цыганами. Цыгане не понимали этих русских людей: какая им разница, как платить — перечислением или наличными. И если им оплачивали не 100%, а хотя бы 70% заработанных ими денег, это считалось нормальным.

Так вот, этому нашему мучению пришел конец. И ни одна нация, наверное, так не боготворила М.С. Горбачева, как мы, цыгане. Мы никогда не боялись работы, не вызывало сомнений качество нашего труда — насчет этого мы всегда были спокойны. Но я вспоминаю бессонные ночи перед сдачей работы и получением подписанного акта, что давало зеленый свет к заветному окошку бухгалтерии, где были написаны волшебные буквы «КАССА». Теперь всему этому был положен конец. Это, наверное, единственный плюс в процессе перестройки. Пошли дела у всех цыган в гору, пошли очень хорошие заработки — как в сказке Пушкина о золотой рыбе. Доходы росли, как на дрожжах. Появились «новые цыгане» — тоже в малиновых пиджаках и на иномарках. Прекратились междоусобицы, ссоры между людьми. Никто никому не завидовал, потому что все зарабатывали — кто меньше, кто больше, уже не имело значения, главное — что деньги в семьях цыган не переводились. И поэтому у всех в душе был праздник и стремление со всеми дружить, даже с

кровными врагами, которым совсем недавно ты готов был глотку перегрызть.

Почему же пошло такое резкое изменение? Объясняю: до перестройки люди были ограничены в передвижении и перебивались случайными заработками. На первом месте была ставка на то, чтобы ответить наглцу, если где-то когда-то его дедушка наступил на ногу твоему дедушке. Особенно любовь к дедушке у некоторых людей проявлялась в тот момент, когда финансовые дела не шли и под горячую руку попадался ему внук или правнук того деда, которого обидел его дед. А после перестройки деловая деятельность людей цыганской национальности намного возросла. Все поголовно открыли себе кооперативы, ездили по всему тогдашнему Советскому Союзу. В дорогах происходило много незапланированных встреч, при которых, если вспоминать конфликты хмельных дедов, то последствия могут быть непредсказуемыми. И многие «новые цыгане», пересмотрев давнишний инцидент, приходили к такому мнению: ничего страшного не произошло тогда, и ссору двух подвыпивших мужиков по прошествии стольких лет нам, современным бизнесменам, негоже вспоминать. И люди забывали вражду и дружили, и даже роднились друг с другом, отдавая свою дочь в ту семью или наоборот, брали невестку из этой семьи. И казалось, что этому не будет конца, потому что жизнь показалась людям прекрасной в эти годы. Достаток в семьях притупил озлобленность в людских сердцах. Когда человек обут, одет, сыт, и так же все члены его семьи, то на душе у него соловьи поют. Ему хочется делать добро: строить дома, сады сажать. И если вдруг ему попадается тот человек, то он уже не может перестроиться с создателя на разрушителя.

Но прошли те волшебные годы всеобщего изобилия. Достаток стал достоянием немногих, а это уже вызывает раздражение тех, у кого в холодильнике пусто. И опять, немного поразмышляя, человек вспоминает, что этот выскочка, который ходит с высоко поднятой головой и с набитым

животом, является внуком того несносного деда, который наступил на ногу его несчастному деду. И как знать, не наступил бы он на ногу несчастному старику, он бы, может, еще лет тридцать прожил. И вот тебе причина современного конфликта.

Это, конечно, я объяснил так образно нездоровую обстановку, создавшуюся в табэрах. Люди лишены работы, заработков, возникает вопрос: как быть, чем семью кормить. Во многих табэрах люди подключились к газоснабжению, но на сегодняшний день оплачивать этот газ не имеют возможности. Приезжают газовщики в сопровождении ОМО-На и отрезают подключение газа. Если до перестройки не было недостатка в семье, это не было трагедией: такая ситуация была почти у всех, и это не вызывало чувства стыда перед теми гостями, которые зашли к ним в дом, а хозяин не может предложить им ничего после совсем еще недавнего изобилия. А сейчас такая ситуация приводит людей в бешенство.

В последнее время в табэрах участились случаи смертей молодых людей от инсульта. Это результат выпитых 100 грамм водки и проявления нервного переживания и обиды на жизнь, несправедливую по отношению к нему. Раньше в цыганских семьях мало кто знал это слово — инсульт. А сейчас мы, неграмотные цыгане, знаем все симптомы всяческих болезней и ведем разговор с лечащими врачами, профессорами почти что на латинском языке с использованием диагнозов той или иной болезни на данном этапе, потому что все мы являемся заложниками нынешней жизни и не задумываемся о последствиях наших переживаний. Раньше считалось патологией, то есть болезнью или, проще говоря, считался ненормальным человеком тот, кто проявлял свои эмоции бурно на людях. Люди стеснялись этого, сдерживали свои чувства, и поэтому, наверное, и жили они до восьмидесяти лет — это была норма, а некоторые доживали и до девяноста. Сейчас же многие показывают свои нервы при-

людно, чтобы все видели, что он деловой и не успокаивается — просто не везет. Поэтому сейчас люди живут максимум до 65 лет.

ПИТЬ В МЕРУ

Была и другая причина для того, чтобы продлить свою жизнь. Дело в том, что люди умели упрощать свои проблемы, которые сейчас считаются трагедией. В те давние годы, когда мужики собирались выпить бутылку водки на десять человек, каждый тащил на стол из своего дома всяческую закуску — кто кусок сала, кто ложку томатной пасты, тарелку квашеной капусты или вчерашних щей. И никто при этом не чувствовал дискомфорт — ни хозяин дома, у которого собирались, ни гости. Так жили во все времена коммуной. Можно сказать, что в цыганской жизни коммуна появилась раньше, чем у коммунистов.

Хочу также отметить немаловажное обстоятельство: в те времена люди не пили столько, сколько пьют сейчас. За столом сидели люди почтенного возраста, уже успевшие женить сыновей и выдать замуж детей, молодежь стояла поодаль, наблюдая за стариками, и ждала лишь команду что-то принести или за кем-то сбегать и пригласить к столу. В те времена многие ребята не притрагивались к спиртному аж до тридцати лет и больше. Помните, в первой части книги я упомянул, что мой отец Риста впервые жизни попробовал спиртное, когда ему было тридцать лет, да и то это была необходимая мера для налаживания отношений с местной властью по приезду на новое место жительства. В те времена пьянство среди молодежи не приветствовалось, и даже если в дом, где шло гулянье, входил весьма уже зрелый человек далеко за 20 лет, на него никто и внимания не обращал, и ни

у кого даже в мыслях не было предложить ему сесть за стол или, протянув ему стакан с водкой, предложить ему выпить. И никто на это не обижался, принимая это как само собой разумеющееся.

Почему же это происходило — такое игнорирование молодого поколения? Во-первых, я уже упоминал, что в те времена были в табэрах древние старики семидесяти, а то и восьмидесяти лет. Поздние женитьбы — в возрасте 18-25 лет — тоже служили поводом для игнорирования молодых юнцов, которые только недавно женились, и их нельзя было посадить за стол с почтенным стариком. Каждый сверчок должен знать свой шесток, то есть соблюдать субординацию. Подчиненные не могли находиться с командным составом за одним столом, и это давало весьма ощутимый результат в плане дисциплины в табэрах.

Что же происходит в наши дни? Пацана женили в 13 лет, в 15 лет он уже зрелый мужчина, а если еще удачлив в делах — это уже аксакал. И вот он входит в дом, где собрались за столом мужчины намного его старше — конечно, древних стариков уже в табэрах не встретишь, но все же разница в возрасте между вошедшим юнцом и сидящими за столом — в несколько раз. И попробуй не поднести ему чарку и не подвинуться, предложив ему сесть за стол — это уже скандал, который спровоцируют его родители: как и кто посмел оскорбить их сына, который является добытчиком и хозяином в своем доме, пронесли мимо него чарку с вином!

Очень часто можно наблюдать такие нелюбезные сцены, когда собирается группа молодых пацанов, и они устраивают себе сабантуй, ни от кого не скрываясь и не прячась, считая, что они имеют полное право снять напряжение после трудовой недели и выпить с друзьями. Если раньше, собравшись за столом, компания в количестве 5-6 человек выпивала две, максимум три бутылки водки, то сейчас эта зеленая молодежь за один присест может при-

нять на грудь каждый от двух до трех бутылок водки, после чего они становятся материалом для месива.

В каждом табэре есть свои сравнения, как назвать состояние выпившего человека в момент его невменяемости: кто говорит «напился как свинья», кто говорит «до чертиков», кто еще как-то. Но мне лично нравится сравнение чебоксарских цыган племени ёнешти. Они говорят так, показывая на того человека, кто вчера напился: «Хоть на лопату его бери!». Вот и подумайте, с чем они его сравнили. И это правильно. Человек должен быть красивым во всем. Если человек выпил и охмелел, то он должен привести себя в должное состояние и взять обстановку под контроль. Но это мог сделать взрослый человек, который, как говорится, видел и Крым, и Рим и который своей солидной фигурой и внешностью украшает застолье. А глядя на этих юнцов, понимаешь, что им надо пить еще молочные продукты, а не спиртное.

БУНТ НА КОРАБЛЕ

Конечно, отсутствие явных стариков в табэрах дестабилизирует обстановку. Молодежь становится необузданной. Сейчас, в наши дни, особенно в больших табэрах наблюдается такая тенденция, как неуважение к более старшим братьям. А именно: в праздничные дни или даже на свадьбах молодежь проявляет неуважительное отношение к людям старшего поколения, чего раньше не могло быть и в помине. Пользуясь своим большинством, молодые захватывают стулья и пируют за столом, не обращая внимания на стоящих за их спиной из-за нехватки мест более старших людей.

Как видите, и до нас добралась перестройка. Раньше, если бы такое происходило, любой человек повзрослей этого юнца взял бы за ухо и вышвырнул из дома, посадив на

его место почтенного человека, и все бы это одобрили. А сейчас это может привести к непредсказуемым событиям, и поэтому все молчат, чтобы никто их не обвинил, не спровоцировал скандал и не испортил гулянье свадьбы. Я, опять же, подчеркиваю, что это происходит в больших табэрах и, конечно, не во всех, но, к сожалению, все же имеет место в нашем мире. Каждый хочет вкусно поесть, хорошенько выпить, а когда придет его очередь преподнести молодым подарок в виде денежной суммы, его можно и не обнаружить на месте, где он еще недавно громко говорил, привлекая к себе внимание в большой буквы.

Раньше люди жили бедно, но от «дарро» не отказывались. Так называется тот момент на свадьбах, когда молодая невеста с тарелкой в руках стоит у центрального стола, а выбранные тамады в количестве двух почетных человек мужского пола, обвязанные красными лентами через плечо, по именам называли людей, поднося им стакан с шампанским. И тот, кого называли, пожелав молодым всяческих наилучших пожеланий, вносил свой скромный вклад для молодой семьи. И никто никого не осуждал, если человек преподнес небольшую сумму. А была на свадьбах и такая форма преподношения или, можно сказать, платы молодым: в виде расписки, что я, такой-то — указывали свое имя — жертвую молодым 5 рублей, обязуюсь отдать в ближайшее время. И отдавали! Это было дело чести. Конечно, не буду идеализировать те времена — были люди всякие, и бывало, что на дне тарелки, что была в руках у невесты, набиралось несколько рублей, а расписка — метра три длиной, так как брали рулон обоев и вырезали из рулона ленту шириной сантиметров 15 и длиной несколько метров, которую пускали по кругу и указывали свои имена и суммы.

И вот опять хочу рассказать интересный случай, произошедший на свадьбе в прошлые годы. После того как было объявлено, что процедура сбора денег для молодой семьи закончена, надо подсчитать итог и объявить гостям сумму,

собранный щедрыми гостями, а после объявления суммы из этих денег, поблагодарив всех собравшихся за свадебным столом, надо взять небольшую часть и, купив на них спиртного, поставить на свадебный стол, поблагодарив всех гостей, щедро одаривших молодых. Так гласит цыганский закон, и так предполагалось и на этой свадьбе. Но каково же было удивление и разочарование хозяина свадьбы, когда он увидел на дне тарелки несколько рублей и метра три массовой расписки. Может быть, он и промолчал бы, но он не выдержал, когда гости стали требовать от хозяина свадьбы выполнения цыганского закона — чтобы он освежил им стол в виде поставки дополнительного спиртного из тех денег, которые собрали для молодых. И тут хозяин со злостью взял эту длинную расписку, разорвал ее напополам и отдал одному из пришедших гостей, сказав при этом: «На, возьми ящик водки, а сдачу принеси мне».

Гости поняли, что над ними насмеваются и хотели обидеться. Но когда им показали результат денежной массы для молодых и что в тарелке, кроме этой расписки и нескольких рублей больше ничего нет, они, почесав затылок, ухмыльнулись и сказали: «Ну ничего, поели, попили, пора и честь знать». И все вроде бы заканчивалось мирно.

Эти гости хотя бы оставили какую-то надежду в виде расписки после себя. А «новые цыгане» набивают свои животы на халяву и уходят по-английски, не попрощавшись, что не делает им чести. Как говорится, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Уходя от свадебного стола, не отдав свой «дарро», то есть обязательный взнос, ты, сэкономив несколько сот рублей, теряешь уважение перед своими товарищами. И ты попадаешь впросак, и имя твое будет упоминаться с насмешкой. Так гласит цыганский закон с давних пор. Никто не устанавливает твердую таксу, ты даешь столько, сколько ты считаешь нужным подарить молодым. Но уход от стола в самый ответственный момент не оправдывается. Некоторые несознательные граждане даже

в процессе свадьбы берут со стола и выпивку, и закуску, загружая пришедшего с ним сына и отправляя его домой. Но это до тех пор, пока идет шведский стол. А как пора расплачиваться, он вспоминает, что оставил в розетке включенный утюг.

ПЕРЕСМОТР ЦЫГАНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Но, опять же, такая нездоровая обстановка сложилась недавно, когда люди не находят работы и концы с концами еле сводят. И я думаю, что в скором времени на свадьбах опять могут появиться кредитные расписки или введут новое какое-то новшество. Недавно я слышал в одном табэре — не буду говорить, в каком, — разговор молодых ребят. А суть разговора такова: пора вводить изменения в цыганском законодательстве по защите интересов сватающего свата. В цыганских табэрах всегда шли в помощь мужской стороне и все считали своим долгом внести свой скромный вклад для соединения двух сердец. Но процесс был и пока что есть таков: в первую очередь надо сосватать эту девушку, а родители невесты все время против, даже если в душе они за. Помните фильм «Сватовство гусара», где Алексей Попов в роли ростовщика продавал картину, а когда Михаил Боярский в роли покупателя не согласился с ценой и захотел уйти, тот запричитал, испугавшись: «Уйдет!» Так и некоторые родители делали серьезные лица — мол, не согласны, а сами краем глаза смотрели на реакцию сватающего, чтобы не переиграть.

Для чего же этот спектакль? А для того, чтобы накрутить на счетчик, то есть раскрутить сватающих сватов на более обильный стол. И для того чтобы получить согласие родителей, сватающим приходится выкладывать очень прилич-

ную сумму. Во время сватанья за столом собирается большая часть жителей табэра и все гуляют без опасения, что у них нет денег на подарок молодым, а деньги тратятся немалые — иногда бывает, что затраты на сватовство превышают затраты на свадьбу. А на свадьбу те, кто гулял во время сватовства, не приходят, и контингент за свадебным столом резко сокращается, что сокращает возможность хоть как-то компенсировать организатору свадьбы собранной суммой какую-то часть денежной массы.

Так что же предлагали изменить эти ребята? Они предложили изменить правила в таком направлении, учитывая бедственное положение людей: сватовство как таковое отменить, а, переговорив с родителями невесты и получив их согласие, накрывать сразу свадебный стол. И уже от свадебного стола организовать небольшой фуршет и, накрыв этот столик небольшим количеством спиртного и закусками, прийти обеим сторонам к обоюдному согласию. После чего выполнить все формальности по соблюдению национального обряда и сразу приступить к проведению свадьбы и исключить таким образом от свадебного стола халявщиков.

Пока такие разговоры ведутся на кухне, но кто знает — глядишь, завтра у этих ребят найдутся единомышленники. Ведь жизнь доказывает, что многие законы пересматриваются предприимчивой молодежью, и вносятся новшества. Многие правила из закона в наше время не выполняются. Например, есть правило, что молодая пара не должна была притрагиваться к еде до того момента, как соберут «дарро» — подарки молодым. И только после этого — а это был поздний вечер и в глазах молодых уже рябило — им накрывали стол. Они должны были посыпать на колено соль (не на голое колено, конечно, а поверх одежды) и, взяв кусочек хлеба, макнуть его в соль и съесть, и только после этого они могли уже добротнo поесть. Этот обычай на сегодняшний день полностью исключен из свадебного законодательства. Что же означал этот обряд с солью и хлебом? Это как бы дача

клятвы друг другу в верности и преданности — делиться друг с другом хлебом и солью. У нас, когда произносят тост в честь молодых, самое лучшее пожелание верности такое: «Чтоб они жили неразлучно, как соль и хлеб!» То есть без сладкого можно прожить и без тортов, а вот без хлеба и соли уж не обойдешься.

Упрощается и еще одно правило. Назавтра после свадьбы невеста — уже с платком на голове — должна была вместе с женихом и подругами обойти все дома табэра и принести в каждый дом ведро воды. Что же делают современные невесты и женихи? Они обходят ближайшие несколько домов и делят ведро воды домов на пять. Если бы так делали в прошлые времена, это был бы гарантированный скандал. Но может, такой строгий контроль за молодой парой был потому, что оба молодых были в солидном возрасте, в общем, взрослые, и поблажек им потому и не делали. А что касается современных Ромео и Джульетты — то если умножить их возраст на два, то военный билет они бы все равно не получили. И поэтому, когда в дом с раннего утра входит эта пара, у которых еще глаза слипаются, и вносит ведро с четвертью набранной воды, никто на это не обращает внимания, а все с умилением на лице их благодарят и делают подарок молодой — какую-нибудь косынку или платочек.

Так что ничто не вечно на земле, и все поддается изменению. Правда, не всегда новшество оправдывает изменение старого. Люди других национальностей могут охнуть: как же можно женить таких молодых ребятшек. Но хочу сказать, что такие ранние браки разрешали и в Древней Руси. Во времена Рюриковичей брак регистрировали в возрасте десяти лет, и так продолжалось до времен Петра Первого. Только он издал закон о регистрации брака лиц, достигших возраста двадцати лет, а при Екатерине Второй возраст брачующихся снизили до 18 лет. Эту вырезку из газеты я долго хранил, доказывая всем лицам нецыганской национальности, что мы истинные потомки Древней Руси, которые чтят

ли и внедряли законы династии Рюриковичей. И, увидев эту вырезку из газеты, многие говорили: «Сдаюсь!»

Но это, конечно, все с юмором подносится, а если понять логику цыганского мышления о ранних браках, то она такая. Парнишка, женившись в раннем возрасте, становится раньше своих сверстников на жизненный путь. Женильба обязывает перед обществом, которое уже не сделает тебе скидку на возраст, а спросит по полной, сделав в крайнем случае небольшую поблажку. Если двое подростков подрались и один из них женат, а второй нет, то с женатого спросят, невзирая на то, прав он или виноват. Это не потому, что судьбы такие жестокие, а потому, что у человека должен быть тормоз и выдержка.

Следующий принцип раннего брака — в парне с раннего возраста надо воспитать чувство добытчика, обеспечивающего семью. При такой загруженности времени на глупости уже не хватает, а если ребенок не будет делать глупости с детства, то это войдет в привычку, и в дальнейшем, в более взрослом возрасте, он тем более не будет их делать. Мой отец Риста, конечно, не приветствовал ранние браки, и всех детей женил и выдавал замуж в возрасте от 17 лет. Мне, старшему, было 19. Да и в семье деда Григория дети женились и выходили замуж в таком же возрасте. Но опять же, это было до перестройки, как и у всех. А после перестройки все поменялось, и все это приняли как должное.

ПОСТАРЕЛИ МОИ СТАРИКИ

Поддался этому искушению и я, женив старшего сына Букуро, которого мы ласково называли Бумбараш, когда ему не было еще 14 лет. Но на это у меня была уважительная причина. В 1994 году мой отец Риста был тяжело болен,

*.Соединив в одну семью этих милых двух малышек,
я доставил старикам напоследок огромное наслаждение.
На фото мои дети: невеста Лина, жених Букуро
(Бумбараш). 3 сентября 1994 г.*

Фото, сделанное на свадьбе моего сына Букуро и снохи Лины 3 сентября 1994 года. Это семейство Вити ла Маняко. Не попавшие на этот снимок его братья и племянники тоже очень симпатичны.

Слева направо: малыш Руслан — самый младший ребенок в семье свата Вити; Паша сын Шуры; Витя — сват и отец молодой; мой сын и зять Вити Букуро (Бумбараи); невеста Лина дочь Вити; жена Вити Талья ле Донясти; Пабай, сестра Вити.

Фотография, сделанная на память во время свадьбы моей дочери Анжелы.

Слева направо: мальчик Лёша сын Вовы ле Коляско; его отец Вова; я, Муриша ле Ристаско и главный сват на этой свадьбе; четвертый по счету Лёня ле Коляско (ёнешти); Миша ле Савкаска (ёнешти); сват Витя ле Коляско.

Свадьба моей любимой и единственной дочери Анжелы. Если судить по одежде молодых людей, то современные цыганские свадьбы мало чем отличаются от свадеб людей других национальностей. Только наряд женщины с ребенком ярко подчеркивает ее национальную принадлежность.

перенес тяжелый инсульт. Также доживала свои последние дни моя бабушка Дарья. Моя мать Лена тоже была больна, хотя ее здоровье и не вызывало большой тревоги. И я, как любящий сын и внук, видя их плохое состояние, захотел сделать им приятное, одарив их еще одним заслуженным званием — чтобы мой отец и моя мать успели женить внука, а моя любимая бабушка Дарья женила правнука.

И мне это удалось на славу, свадьбу мы устроили пышную. Я заказал на ипподроме три кареты, запряженные лошадьми, кареты сопровождали четыре верховых наездника. От этого вида все пришли в восторг — проводилась настоящая цыганская свадьба. Я часто смотрю кассету, где запечатлена свадьба моего сына, — все дорогие моему сердцу люди: мой отец, моя мать, моя бабушка сидят за свадебным столом и празднуют женитьбу моего сына. Глядя на эту идиллию, я не могу оставаться равнодушным, и, утирая слезы с глаз, я понимаю и осознаю, что этот момент был пиком моего счастья. Я не имею в виду материальную базу — это всегда можно поправить, если есть проблемы. А вот моральное, где на весах человеческие жизни, уже ничего не поправишь.

В тот момент у меня был и отец, и мать, и даже бабушка. Я, конечно, доволен, что успел устроить это наше последнее пиршество в окружении моих дорогих людей. Это было 10 сентября 1994 года. А 31 января 1995 года умерла моя бабушка Дарья. Все эти четыре месяца я баловал и мою бабушку, и мою мать тем, что я покупал какие-то сладости и сувениры и отдавал их моей молодой снохе Лине, зная, что они к ней относились с большой нежностью и не переставали восхищаться ее красотой. Я ее учил, как поднести подарки, и она как будто от себя подносила их им. Они были на седьмом небе от счастья и благодарили ее, и желали ее родителям и родителям ее мужа всяческих наилучших пожеланий. Лина возвращалась от них с сияющим лицом. Когда бабушка умерла, даже не так долго знающая ее Лина очень переживала. После смерти бабушки прошло два года, и вдруг со-

всем неожиданно умирает моя мать. Она, конечно, болела, но не было повода для опасения за ее жизнь. Мы боялись за жизнь отца, а случилось то, чего никто не ожидал. Тогда я убедился в правоте своего решения женить сына. Не сделай я этого — я бы ругал себя так же, как ругал себя мой отец, не успев женить меня до смерти своего отца и не порадовав его этим событием.

После того, как прошел траур по моей матери Лене, я выдал замуж дочь Анжелу. Ей тогда было 19 лет. Отдали ее в тот самый вип-табэр дукони. Зятя моего зовут Гога, ему тоже было тогда 19 лет. Его отец — двоюродный брат моей жены Елзы, зовут его Витя сын Коли, в народе его называли Гага. Мать моего зятя Земфира племени ёнешти — тетя Елзы. Младшего сына Арсена я женил, когда ему было 16 лет, и уже сноху взял из этого вип-табэра дукони. Отца невесты зовут Вова по кличке Рыба, он тоже сын Коли и Земфиры. Мать невесты зовут Люда. Невесту же зовут Патрина, было ей тогда 18 лет. Как у нас нынче шутят, без НДС.

СЧАСТЛИВЫЕ СИГАРЕТ НЕ СЧИТАЮТ

Но я немного опередил события, а пока что шли 80-е годы двадцатого века. Риста, мой отец, руководил своим ограниченным контингентом, в состав которого входили только наши семьи. Это был он сам и его трое братьев и мы, двое сыновей моего отца. Приезжали люди с намерениями поселиться в наш табэр. Отец их принимал очень радушно и гостеприимно. Однажды летом приехали в наш табэр с такими же намерениями двое его друзей-приятелей. Одного звали Вояко, сын генерального барона табэров племени мизешти Стёпы Бахтало, и с ним приехал Бильби сын Гого ле Милошеско племени дынони, в сущности, одного

штата миэешти. Приехали они тогда из города Ерша Житомирского района Киевской области, но они не говорили, когда другие цыгане их спрашивали, что они из Ерши, или даже из Житомира — они говорили, что из Киева, хотя от Киева до них несколько сот километров. В самом деле, что для лиц племени миэешти сотня-другая километров. Они еще так говорили о себе: «Нас так много, что мы на каждом километре».

На эту тему я опять расскажу забавный случай. Чапай сын Костати (я уже писал о нем — помните цистерну с пивом, которая стала решающим фактором в решении Стёпы отдать свою дочь за сына Костати, этого самого Чапая?) жил в этом самом городишке Ерша. По рабочим делам он заехал в Киев, и вот на вокзале он сталкивается с группой цыган. Те явно искали кого-то из местных цыган, чтобы те указали им путь в свой табэр. Увидев Чапая, они безумно обрадовались, что у них нашелся проводник. Они поприветствовали Чапая — кто-то его знал, кто-то только что познакомился — и он, наверное, еще никогда, ни до, ни после, не имел такого повышенного интереса к своей персоне, как в данном моменте. Побеседовав немного, он поинтересовался, откуда, куда и зачем. Те признались ему, что направляются к ним в табэр в поисках молодой невесты: «Ты скажи нам, вы далеко находитесь от Киева?» На это Чапай им ответил: «Да нет, тут рядом, сигарету не успеешь докурить».

Услышав это, сваты одобрительно закивали головами. Вот они сели в электричку до Ерши и тронулись в путь. Вот час проходит, уже второй час заканчивается, сигарета за сигаретой, а при расспросе, далеко ли осталось, Чапай, кряхтя и прищуриваясь, с ухмылкой отвечал: «Да нет, немного еще осталось». Наконец один из сватов спросил Чапая: «Ты же сказал, что до вас недалеко, сигарету не успеешь выкурить». На это Чапай, сделав серьезное лицо, ответил: «Разве я сказал «сигарету»? Я сказал «пачку». — «Что?!» — воскликнули несчастные сваты, но потом дружно рассмеялись.

Почему же Чапай пошел на такую хитрость? Скажи он им правду — что они находятся далеко от города — гости могли изменить свой маршрут в поисках невесты и поближе. Ведь тогда в Житомире жили и цыгане племени минешти, сыновья Тонаса и Симы. Довольно приличный табэр, только сыновей Тонаса было пятеро — Миша, Рищё, Бадя, Бабач и Вова, плюс их дети. Чапай боялся конкуренции, и упустить такой случай — затащить в свой табэр веселый праздник дней на десять — он себе позволить не мог, зная, что его ждет от друзей, если он им в этом признается. А так он солгал во имя радости своего табэра.

ВОЯКО — ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, А ИМЯ

Так вот, приехавшие гости Вояко и Бильби изложили моему отцу просьбу приютить их в своем табэре. На это мой отец с радостью дал им согласие. И не потому только, что лишь бы кто-то приехал для общего веселья. На этот счет мой отец был очень осторожен и выборочен, прежде чем дать свое согласие. А согласился он потому, что этих людей он знал с лучшей стороны. Объяснять им ничего не надо было, это были единомышленники, воспринимающие жизнь так же, как и он сам: прежде всего — порядок и дисциплина.

Вояко был незаурядным человеком. К сожалению, он уже покинул наш мир, так же, как и Бильби. Вояко начал свою трудовую деятельность очень рано, можно сказать, юноша умел убеждать и заключать договора и сколачивать бригаду из весьма уже зрелых мужчин и вести их за собой. Он владел даром убеждать людей на самых высоких инстанциях. Его имя упоминали во всех табэрах с восхищением — что он такой молодой и такой проворный. В те времена в табэ-

ре миэшти лишь одного такого пробивного и удачливого бизнесмена так высоко ставили, что у него не было конкурентов, имя этого человека — Костати. И вот конкурент по авторитету среди огромной массы появился — это был Вояко, сын самого яркого барона племени миэшти всех времен — не побоюсь этого слова, Стёпы или, как его называли в народе, Бахтало — «счастливым».

Как говорится, гены родительские передаются его детям. Не могу ничего сказать об отце дяди Стёпы, потому что не знаю. Но с рождения Стёпы, а это уже около 90 лет, до сегодняшнего дня имена членов его семейства в каждом поколении звучат из уст людей с восхищением. Сначала Стёпа сам с ранней молодости прославил себя, и народ о нем заговорил в уважительном тоне. Потом пришла пора сыновей: сначала Вояко от первой жены, которую звали Шума. Так зазвучало его имя среди цыган всех табэров, что в одно время он своей славой даже опередил своего легендарного отца Стёпу. Но это само собой — ведь человек стареющий, какие у него могут быть великие дела — только руководить табэром, следить за порядком, что ему очень хорошо удавалось. А для Вояко пришло время удивлять народ своими делами в бизнесе.

Но время быстро бежит — глядишь, уже его обгоняет младший брат Каирано, который был братом Вояко по отцу Степану, а мать его Фира тоже не была чужой — она приходилась Вояко тетей. Когда умерла Шума, мать Вояко и еще двух дочерей — Рубинты и Розы, Степа женился на ее сестре, то есть своей свояченице Фире по прошествии положенного срока. Фира родила ему двух сыновей — Каирано и Вову, а также четырех дочерей — их зовут Пхабай, Фурцева (это ее имя), Кима и самая младшая Бася.

КРАСОТА — ЭТО БОЛЬШАЯ СИЛА

После пришлось прославляться в цыганском мире сыновьям Вояко. Самый яркий среди них — я имею в виду не по красоте, а в удаче — это второй сын Вояко Каирано, названный в честь дяди, но в табэрах больше его знают по кличке Фантомас. Этак кличка за ним закрепилась из-за необычной формы головы, что позволяло уже при его рождении определить, что родился выдающийся человек на земле, который не будет обделен счастьем и удачей. Голова Фантомаса была продолговатой, и потом жизнь показала, что не ошиблись те, кто предсказал большое будущее этому парню.

Как только этот парень встал на трудовой путь, ему всегда, как и его отцу и деду, сопутствовала удача и фантастическое везение. Друзья его наблюдали такую картину: заходит в кабинет директора завода один человек, предлагает поставку разного оборудования, но получает отказ. Сразу после него заходит Каирано и, предлагая то же самое оборудование, получает согласие и заключает договор. Имея такую голову, Фантомас не имеет в жизни никаких проблем. Единственная проблема, которая касается головы, — это когда он не может подобрать себе зимнюю шапку. Друзья в шутку предлагали ему правительственную каракулеву пилотку, но он только посмеялся вместе с ними, понимая юмор.

Очень удачливые бизнесмен и его старший брат Дюра, и младшие — в особенности Мадой, а также младший брат, чье имя говорит само за себя, — Бомбардир, и этим все сказано. Не упустил свою удачу и самый младший сын Стёпы Вова, и он засверкал, как бриллиант чистейшей воды, поражая людей своей неисчерпаемой энергией. Что самое важное — удача ему способствует не в те перестроечные годы, когда, как говорится, каждый дурак мог заработать, а именно в эти трудные для цыган годы, когда очень много людей обнищало. Он добивается выдающихся успехов в своей трудовой дея-

тельности, хотя он такой шебутной парень и на вид не производит впечатление серьезного человека — хохмит, шутит. Несмотря на то, что он не красавец, он всегда душа компании. Однажды он рассказал друзьям такую историю.

ОДИН ЖЕЛТЫЙ, ДРУГОЙ ЧЕРНЫЙ, ОЙ ТЫ, ВОВА-ОВОА

«Проснувшись ранним летним утром и спеша на запланированную деловую встречу, я побрился, надел шикарный костюм, белую рубашку, галстук, хорошие туфли. В общем, принял вид, соответствующий деловому коммерсанту, сел в свой мерседес и поехал по назначенному адресу. Приехав на место, поднялся в офис. В приемной сидит молодая секретарша. «Здравствуйте», — говорю я. Она мне говорит: «Здравствуйте», — и смеется. «На месте шеф?», — спрашиваю. «Да, да, он вас ждет», — и еще больше смеется. Я смотрю на нее и не понимаю, в чем дело. Ну, я грешным делом, подумал кое-что, поглядел в зеркало с припевом песни «первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки — а девушки потом» и, улыбнувшись ей своей голливудской улыбкой, зашел в кабинет директора. Решив свои дела с руководством, я выхожу в приемную и опять натыкаюсь на ухмылку этой несносной секретарши. Я с ней попрощался и пошел к своей машине, а спиной чувствую ее взгляд. И, как поется в песне, «я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я». И что вы думаете? Я вижу ее в окне — она раздвинула шторы и смотрит на меня, улыбаясь. Я, грешным делом, подумал, что все, готова, мули пескэ пала мандэ — так звучит это понятие по-цыгански.

«Ну а что тут удивительного, — подумал я, поглядевшись в зеркало и поправив прическу. — Парень я видный, как с

картинки, вот тебе и результат». Ничего не подозревая, поехал дальше. У Главпочтамта увидел своих ребят, зашел туда поболтать с ними. Они тоже ничего не заметили. И в пылу беседы, сидя на стуле, я закинул ногу на ногу, и — о ужас! — только сейчас увидел, что туфли у меня разного цвета: на левой ноге черная, а на правой желтая. Сразу меня обдало жаром и в лицо брызнула краска. Передо мною встало лицо той секретарши, которая так загадочно улыбалась. Я, грешным делом, подумал, что ослепил ее своей красотой, а все оказалось гораздо проще. Что же она обо мне подумала, интересно? При встрече надо будет спросить. Ребята тоже засмеялись, заметив разные туфли, и проводили меня до машины, а я поехал домой переобуваться».

Вот не напрасно молвит пословица: поспешишь — людей насмешишь. Или как в том анекдоте: идет Брежнев по Кремлю, навстречу ему Косыгин. «Леонид Ильич, у вас на ногах ботинки разного цвета. Вы бы пошли переобулись». А Брежнев и говорит: «Я там был, там точно такие же».

Чередую свои рассказы, я хочу, чтобы наш читатель понял наш образ жизни: что по образу жизни и по быту мы ничем не отличаемся от граждан другой национальности. В нашей жизни много юмора, шуток и розыгрышей. Но много также и потрясений, которые мы мужественно переносим.

После получения разрешения от моего отца на переезд Вояко и Бильби уехали. Что-то у них не срослось, и они так и не присоединились к нам.

У СТРАХА ГЛАЗА БОЛЬШИЕ. ЦЫГАНСКИЙ ПАТРУЛЬ

В скором времени по всем табэрам прошло шокирующее известие: в одном российском городе произошло убийство

целой цыганской семьи. Вроде бы эта банда разъезжает по табэрам и ждет момента напасть на очередную жертву. Все табэры на территории Советского Союза пришли в боевую готовность. Больше месяца люди ночами не спали, дежурив по ночам у костра. Пока караулили банду, о ней шла информация из всех городов Советского Союза: мол, мы их видели на такой-то машине. Из другого города тоже уверяли, что их видели. Увидев какую-то тень или машину, поднимали тревогу, открывали огонь из оружия в какие-то случайные машины. В общем, людей охватила паника и страх, и что они делали — они сами не понимали. Только по счастливой случайности обошлось без жертв.

Однажды такой же бессонной ночью, когда мы дежурили у костра, по счастливой случайности миновала нас беда. А было это так. После многих ночных дежурств, осенних холодных ночей, мы очень устали. Но информация шла сплошным потоком, точнее, дезинформация: люди уверяли все чаще и увереннее, что сами видели этих бандитов. Вроде бы осознавали, что это полнейший бред, но что-то в глубине души говорило: а вдруг не ложь? И приходилось дежурить. Но пошли холодные осенние дожди, у костра уже не усидишь. И я, вооружившись двуствольным ружьем и мигалкой от машины-поливалки желтого цвета за неимением нужного синего, закрепил его на крыше своей машины и, вооружившись громкоговорителем, создавал видимость милицейской машины, делая объезд территории табэра. Но, порядком подустав, я устроился удобно в кресле, включил печку и под утро, сомлев в теплой машине и обняв ружье, уснул.

Сколько я проспал — сам не знаю, но проснулся я от звука выстрела. Проснувшись, я не обнаружил своего ружья. Все в панике бегали вокруг машины. Я, ничего не понимая, крутился в машине, как белка в колесе. Наконец, я все же оценил обстановку и сориентировался, завел машину и поехал к дороге, откуда исходил шум. Я увидел такую картину:

мой отец и брат его Коля пытаются открыть ружье. Я, подехав к ним, взялся им помочь, но ружье заклинило. Я тогда спросил: «Сколько раз стреляли — один или два?» Они утвердительно сказали, что два. Я взял ружье и стал нажимать на него в том месте, где оно переламывается и заряжается. Отец в это время находился за моей спиной. И в это время, когда я в очередной раз нажал на ружье с большим усилием, произошел выстрел. Наше счастье было, что патрон был заряжен свинцом, а не дробью. Пуля прошла между отцом и машиной, не задев ни его, ни машину. А если бы это была дробь, то ясное дело — задело бы и отца, и машину. А случилась эта паника из-за того, что кто-то увидел случайных прохожих. Они попросили закурить из темноты, ну и рефлекс страха сыграл свою злую шутку.

Увидев этот кошмар, отец сказал нам несколько крепких слов и дал команду «по домам». Он сказал нам, что так дальше продолжаться не может — нам от усталости уже черти кажутся, и тут может случиться непоправимое: мы либо кого-нибудь из случайных прохожих убьем, либо друг друга перестреляем. «Все, идите домой спать, но бдительности не теряйте. Если кто-то постучит ночью в дверь, не открывайте, а выстрелите из окна в воздух — мы придем на помощь». Сказано — сделано, и все разошлись по домам.

ЗЕЛЕНый ОГОНЕК

В других табэрах происходили такие же недоразумения. Люди предупреждали своих родных, проживающих в других табэрах, что если они надумают приехать в гости, то пусть приезжают в дневное время. А то, во-первых, никто им не откроет, а во-вторых, в темноте могут их принять за бандитов и хорошенько накостылять. Так продолжалось до

заморозков, а потом потихоньку все улеглось и забылось. Жизнь перешла в спокойное русло, и уже про эти тревожные события вспоминали с улыбкой и юмором, осмеивая друг друга — как кто себя вел в тревожные моменты.

Одну из таких историй рассказал мне мой дядя — брат матери Гогай. Они проживали тогда в Белгороде и, уезжая в город по рабочим делам, довольно часто задерживались допоздна. А ездил он вместе со своим старшим братом Бакро и его женой Гулей на их машине «Волге». Несколько раз, приезжая поздно, они приводили табэр в боевую готовность. И Бакро поставил у своей машины опознавательный знак в виде зеленого огонька с правой стороны на лобовом стекле. После этого уже не путали его машину с чужой.

Бакро и Гуля по возрасту старше Гогай лет на 12, и, сами понимаете, по статусу все-таки старший брат и старшая невестка. Вольности в речах и высказываниях перед старшими людьми строго-настрого запрещены. Как-то поздним вечером они подъезжали к табэру, и люди, дежурившие у костра, сначала встрепнулись, а когда машина подъехала поближе и они увидели зеленый огонек, успокоились. Гогай решил похохмить и напугать людей, и сказал Бакро: «Смотри, что я сейчас сделаю». Бакро его предупредил: «Не делай ничего, сейчас ты панику наведешь». — «Не бойся», — сказал Гогай. Открыв окно машины, он высунулся из окна и начал ругать людей на русском языке.

Он так увлекся этим занятием, что забыл, что в машине его старший брат и жена брата, при которых он никогда не позволял себе ни одного плохого слова. А тут, видно, он так хотел навести на своих друзей и близких шорох, а назавтра посмеяться над ними вдоволь, что потерял контроль над обстановкой, в которой он находится. А слова были одно круче другого. Начал с того: «Эй вы, цыгане!» — чтобы обозначить, что те обознались, приняв Гогай и Бакро за своих, а это на самом деле машина той самой банды. После слов «Эй

На этой фотографии я (в центре) в окружении тех самых братьев: справа возмутитель порядка младший брат Гогай, а слева от меня — его старший брат Бакро, оба сыновья Филастры и Володи.

вы, цыгане!» посыпались слова из русского словаря, но не Даля, а тракториста какого-нибудь Васьки.

Да, шорох ему удалось навести. Люди, услышав русскую речь, да еще с такими пожеланиями — мир-дружба-самогон, но в переносном смысле — бросились к своим приготовленным кольям, громко крича при этом: «Бейте его, это не барон!» Гогай, высказавшись вдоволь, втянул голову в машину и, довольный собой, сказал: «Во как я их!» Бакро все время его пытался затащить в машину, но Гогай не обращал на него никакого внимания. А как Бакро услышал нецензурную речь из уст младшего брата, чего раньше не случилось, — он понял, что останавливать его сейчас бесполезно, и он не стал его больше дергать, а лишь прибавил газу, чтобы оторваться от разъяренной толпы и чтобы те не побили его машину.

Подъехав к своему дому и остановившись, на слова Гогай «Во как я их!» Бакро с ухмылкой сказал: «Да, ловко ты их, только то, что ты говорил, слушали мы!» Гогай резко обернулся и увидел удивленное лицо своей более старшей невестки, схватился за голову и убежал домой. После этого конфуза Гогай долгое время не мог взглянуть в глаза своим родственникам. А на завтра уже не он смеялся над теми, кого он хотел испугать, а те над ним, видя, как он переминается с ноги на ногу, прячась за спинами своих друзей, чтобы не попасться брату на глаза. Вот такие интересные моменты происходили в те дни. Но бог миловал, и все табэры закончили свои дежурства без жертв.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ ВОСХОДИТ РАДУГА

Этот год прошел хоть и тревожно, но, слава богу, благополучно. Наступил 1987 год, который чем-то ярким не

запомнился. Обыденные серые дни, за исключением нескольких свадеб, проведенных в этом году. Мой отец Риста в этом году выдал замуж одну из своих дочерей, которую зовут Кима. Сваты, приехавшие за невестой, не были нам незнакомы, более того, они доводились нам родственниками. Главного свата, отца жениха, звали Тарзан сын Ристы из племени доброжая, он доводился моему отцу двоюродным племянником, так как его отец Риста был сыном Наташи, а она доводилась моему отцу Ристе тетей. И жена Тарзана, которую звали Мамика, доводилась нам родственницей: она была дочерью Чёмпи, который доводился моему отцу двоюродным братом. Молодого жениха звали, да и сейчас зовут Бецо. С ними приехала большая делегация: родные братья Тарзана — Бецо, Ноно, двоюродные братья — Буржуй и Янко сыновья Хырцо сына Наталии, и их родственник по племени Матросо.

Все мы были очень рады гостям, и все были в ожидании известия, с чем приехали к нам эти люди. Многих мы видели впервые, за исключением Малины и Буржуя, которые в разные годы проживали вместе с нами. Конечно, наши старики знали всех. Быстро познакомившись, мы стали потчевать дорогих гостей, и уже к концу дня была ясна цель их приезда. На это мой отец Риста им дал полную свободу выбора, и женщины, пройдя дома, сделали свой выбор в адрес моей сестры Кимы. На следующий день организовали свадьбу и славно отгуляли, после чего все дружно проводили наших новых сватов.

ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, А БОГ РАСПОЛАГАЕТ

По прошествии небольшого отрезка времени отец решил восстановить численность проживающих членов семьи, и

выбор был сделан в направлении г. Александров Владимирской области. Там был выбор в двух табэрах. В Александрове проживало семейство сыновей Паши и Мани из племени ёнешти. Паши самого в живых уже не было к этому времени, но проживали его сыновья Мурша, Витя и младший Юра. У них самих, конечно, дети были маленькие, но были красавицы-сестры. Надо сказать, что все дети Мани — и парни, и девушки — люди необычайной красоты, и поэтому направление было именно к ним. И вот мы направились в Москву, а уже из Москвы на электричке поехали в Александров.

Перед городом Александров, не доезжая километров пятнадцать, находился населенный пункт под названием Струнино, где расположился табэр миэешти в большом количестве домов. В электричке мы встретили представителя этого табэра — это была Людмила дочь Крижмы и Григория из племени воржони, к тому же двоюродная сестра моего отца Ристы. Поговорив с ней, отец принял решение сойти в Струнино, так как Людмила, узнав о намерении отца женить сына, убедила его в том, что у них есть в табэре очень хороший выбор. «Лучше вам сойти сейчас и пойти к нам в табэр», — сказала Людмила. И отец послушался двоюродной сестры.

Хочу сказать, что перед этой поездкой в Александров к семейству Мани была сделана еще одна попытка породниться с этим семейством. Это было летом 1981 года, когда отец хотел женить среднего сына Букуро. Но и тогда что-то не получилось, и до Александрова не доехали, задержавшись в Москве и взяв в снохи невесту по имени Алёна из семейства Вовы сына Вошо и Лены. И то, что не удалось моему отцу и чему я все время огорчался, так как эта семья была мне очень симпатична, в конечном итоге сделал я, взяв невестку из этой семьи. Родителей ее зовут Витя и Таля, последняя является дочерью Дони и Лизы из племени ёнешти. Милано и Паша — это родные братья, а Витя и Доня — их дети, и Доня отдал свою дочь Талю за своего двоюродного брата,

СЕМЕЙСТВО СВАТА ВИТИ

Слева направо: мой отец Риста ле Гришаско; невеста Алена ле Вовасти; жених Букуро ле Ристаско; Вова ле Ванеско. Как вы видите, молодые соответствуют возрасту для бракосочетания. Возраст их подходил к 20 годам.

*Сын свата Вити ле
Пашаско — Дербиш, род
ёнешти.*

*Дочери свата Вити:
сидит моя сноха
Лина, стоит ее
младшая сестра
Дана.*

Семейство сестры свата Вити Лины.

Справа налево: Лина; ее невестка Алеся; муж Лины Боди ле Гогаско.

став ему еще и тестем. Невесту, которую я сосватал, зовут Лина, и она оправдала все мои надежды. Это красивейшая девчущка, ей тогда было 14 лет, и я не мог ею налюбоваться. Все эти годы я убеждаюсь, что сделал правильный выбор, учитывая, что с возрастом она становится лучше и краше.

Ну а пока что, сойдя с электрички, мы в сопровождении Людмилы идем пешком от железнодорожного вокзала в табэр миэешти. Нас встретили очень радушно и гостеприимно. Отец имел огромный авторитет во всех табэрах. Прошла процедура выбора невесты в виде приглашения молодых девчат, чтобы для новоприбывших гостей дать концерт. Ни один родитель не препятствовал этому. И вот во время танцев один из хозяев представлял танцующую девушку — кто она, чья дочь, сколько ей лет, свободна или уже забронирована — в смысле кто-то поставил знак, запрещающий все попытки.

А знак был довольно простой: достаточно одной бутылки водки или шампанского, но не как простая любезность, преподнесенная хозяину и его жене гостем, а как знак того, что в скором времени гость намерен приехать со своим семейством и сватами для того, чтобы сосватать его дочь, а при получении согласия взять его дочь замуж за своего сына. Если отец молодой невесты принимал это преподношение, то он автоматически закрывал дверь перед остальными сватами до выяснения окончательного решения — выдать свою дочь в ту семью или нет. Если родители невесты приняли этот дар, но не дождались этого свата и открыли дверь другому, то, по решению цыганского суда, родители должны выложить круглую сумму, назначенную судом. Но в нашем случае таких невест не оказалось, и был дан зеленый свет на выбор.

И вот день настал. Все гадали, к какому дому подъедет машина с продуктами и винами, предназначенными для стола. С нами рядом все время находился Мурша сын Гого племени воржони, и он все допытывался, к кому мы хотим

пойти. Отец мой пошел на хитрость и сказал ему адрес другого человека, к которому мы и не думали сватать. Мурша, кличка которого была Красавчик из-за того, что внешность его была соответствующей, в этот день сильно охрип, произнося только шипение. Может, поэтому мы и сделали выбор на его дочь: мы же по племени сапоррони, что в переводе означает «змеи». А змея какие звуки издает? Только шипение. Вот мы и подумали, глядя на шипящего Муршу, что это он нас так зовет к себе. Но это, конечно, шутка, сказанная ему мною потом.

А пока что мы направились к ложному дому, проходя мимо дома шипящего Мурши. И вот делегация идет с ящиками вина и пива, с мешками набитыми продуктами, таща их на себе, потому что из-за грязи машина не смогла проехать. Сопровождая эту делегацию с лентой на бутылке шампанского, все начали кричать «ура». Простывший Мурша тоже пытался поддержать крик «ура», так же бурно хлопая в ладоши. Но вдруг радость на его лице перешла в удивление, а хлопающие руки стали медленно опускаться вниз. А дело в том, что группа сватов со всеми этими яствами, вдруг резко завернула в его дом, и это было для него полной неожиданностью. Он смотрел по сторонам и как будто искал человека, который мог бы ему все объяснить.

А объяснения были просты. Кто его знает, как поведет себя отец невесты, узнав, что к нему направляется свадебная процессия? Обрадуется он или наоборот, забаррикадирует дверь? Как говорится в мудрой поговорке, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Так и у нас получилось: мы взяли дом будущего свата без особых усилий, благодаря хитрости отца и его сподвижников. Самым последним вошел в дом отец невесты. Он смотрел на всех вопросительным взглядом и, размахивая руками, пытался что-то сказать, но слов не было слышно — лишь шипение. На это ему собравшиеся за столом сказали: «Ладно, не мучайся, дело сделано, садись за стол». Что хорошо в цыганских табэрах —

человек, приезжая в чужой табэр за невестой, всегда находит себе группу поддержки. И каждый человек считает своим долгом помочь в достижении этой цели.

Однажды я сам наблюдал такую картину, будучи в гостях у бабушки Филастры. Было это в городе Винёве Каширского района в 1976 году. Жил в этом табэре миэешти Рищё, которого в народе еще называли Канхало, что значит «колючий». Эта кличка за ним закрепилась за весьма жесткий характер. Его мать звали Диаманта, а отца Лоля ле Томаско из племени митони. Он был женат на Пэпуше дочери Гого ла Каляко, который был источником нашего рода сапоррони. Был он человеком много знающим. По всем спорным вопросам сразу обращались к нему, и он давал исчерпывающую справку, прекращавшую все споры, потому что все знали: если дядя Канхало сказал, то значит, это так.

И вот он подумал пойти сватать там же, у себя в табэре, дочь Хырцо сына Вираны и Тома, с которым у него нельзя сказать, что были симпатии и тем более дружеские отношения. Он знал, что если Хырцо услышит о его намерениях по отношению к его дочери, то дверь перед ним закроется. И он, так же, как и мы в указанном выше случае, попросил помощи у общества, которое, можно сказать, возглавлял Вояко сын Стёпы. Хоть и Стёпа был у руля табэра, но все же Вояко был не в стороне, тем более когда требовались какие-то действия. Рищё выложил свою просьбу Вояко, и тот, как истинный полководец, разработал следующую тактику, подключив своих единомышленников. Он сказал своим друзьям: «Нам нужно выманить Хырцо из дома, а для этого нужно держать всю операцию в строжайшей тайне». Поэтому выбраны были самые проверенные. День был выбран — суббота, и под видом того, чтобы просто поехать в город и попить пивка, Вояко с группой товарищей предложил Хырцо присоединиться. Хырцо дал согласие: даже если ему не хотелось, авторитет Вояко был весомый, и отказать приглашению уважаемого человека было бы нетактично.

Рищё был очень хитрым человеком и знал, кого просить, чтобы Хырцо не смог отказаться с первого раза. Ведь если начинаешь настаивать, это уже становится подозрительным, а тут все само собой: все происходит в выходной день, между мужиками такого ранга, которые из-за длительных командировок долго не виделись, и вот есть возможность посидеть, поговорить друг с другом, узнать много нового.

И вот Вояко выманил Хырцо из дома, а Рищё приступил к осаде дома отсутствующего хозяина, затаскивая в дом вина и продукты, накрывая столы и не обращая внимания на крики Пэпуши, жены Хырцо. А в городе у пивного павильона, куда Вояко пригласил Хырцо попить пивка, происходило следующее. Выпив по паре кружек и посмотрев на часы, Вояко подсчитал прошедшее время и оценил, что времени, чтобы накрыть столы, Рищё хватило. Он вдруг собирался домой, подгоняя и остальных. Хырцо смотрел на Вояко, не понимая, что происходит и почему такая спешка. Ведь они только что пришли, и выпили всего по паре кружек, тогда как в другое время иногда выпивали аж до 20 и даже до 25 кружек каждый. На вопрос Хырцо Вояко с ухмылкой ответил ему: «Ишь ты какой хитрый! Хочешь, чтобы мы на свои деньги набили себе животы пивом? А у тебя в доме столы ломаются от вин и пива, колбас и сыров. Нет уж, поедем к тебе домой и там уже вдоволь попьем». Хырцо не понимал слов Вояко: какие столы, какие вина, Пасха ведь давно прошла и от нее ничего не осталось. На это Вояко ему сказал: «У тебя в доме сваты столы накрыли и нас с тобой ждут». — «Кто?!» — громко закричал Хырцо. «Кто-кто? Наш уважаемый Рищё», — сказал Вояко. Хырцо схватился за голову: «Так вот почему ты меня завлек в город — чтобы убрать препятствия!» Потом он, поднявшись со своего места, сказал: «Ну что ж, пошли гулять».

Придя домой, он обнаружил там накрытые столы, бочки с пивом и почтенную публику, которую Рищё пригласил в свою поддержку. Хырцо, конечно, накричал на Рищё, ска-

Гриша сын Ристы и Лены сапоррони, Алена дочь Муриши и Брумы воржони. 1987 год.

Муриша шипел от потери голоса, а мы подумали, что он хочет заманить к себе зятя родом сапоррони (змеи).

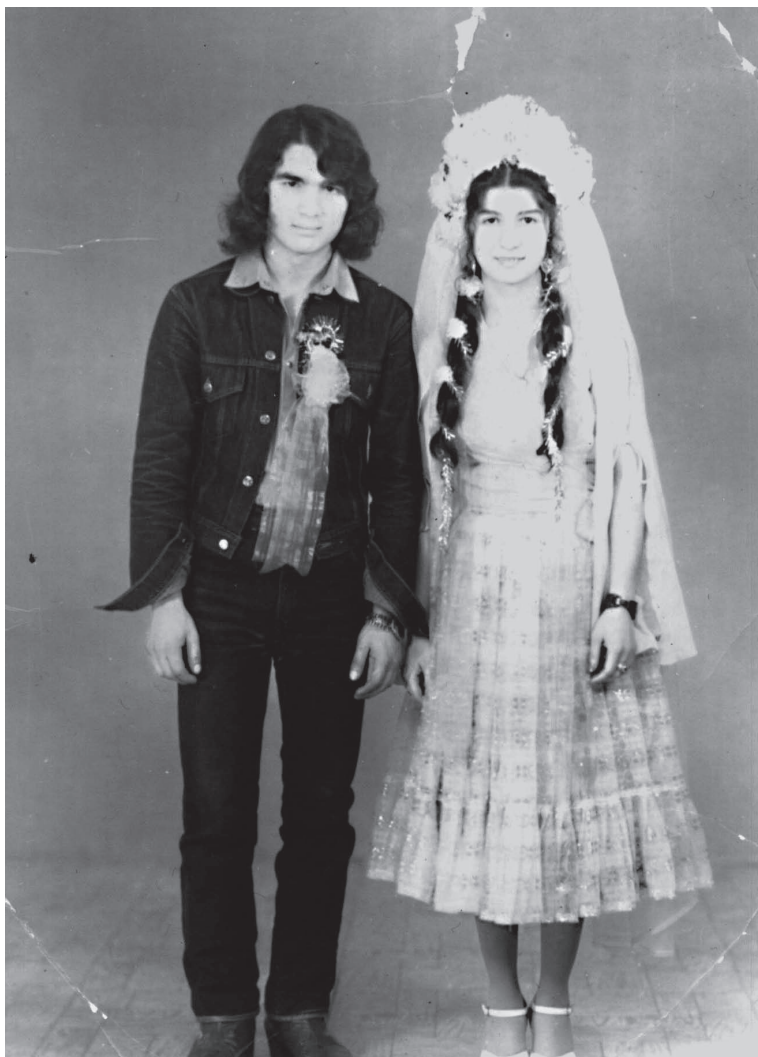
*Муриа Красавчик ле Гогоско из рода
воржони. Этот человек обладал
большим чувством юмора.*

*Чуть ранее я уже сказал, что перед женитьбой брата
Гриши отец, выдал замуж дочь Киму за зятя Бецо ле
Тарзаноско.*

*Первый ряд слева направо: моя сестра. Кима; невеста
Алена; жених Гришиа; моя младшая сестра Белка.*

*Второй ряд слева направо: Бецо, зять; моя сестра Ляля; мой
брат Букуро.*

*Третья дочь Ристы Марина и зять Гриша сын Дахири и Гуты. Калинин, 1983.
Восьмидесятые годы для Ристы были свадебные. То женил сыновей, то замуж отдавал дочерей.*

зал, что ничего он не получит и расчета никакого из-за вероломного врывания в его дом. Но это было только в первые минуты, а потом, успокоившись и под напором почтенной публики, ему пришлось капитулировать и дать свое родительское благословение. Вот такие случаи происходят в наших цыганских табэрах. И никто ни на кого не перекладывает ответственность, если, не дай бог, в семье потом неблагоприятно — жизнь есть жизнь.

Но вернемся к нашему случаю, когда мы тоже ввели в заблуждение нашего свата Муршу сына Гого из племени воржони, которого постигла та же участь, что и Хырцо. Ему под нажимом общества пришлось уступить и дать свое согласие на выданье своей дочери за моего брата Гришу. Отыграв свадьбу, мы приехали домой с молодой невестой. Это была осень 1987 года.

УВИДЕТЬ ТВЕРЬ И УМЕРЕТЬ

Прошла осень, наступила зима, и мы на хорошей ноте с удовлетворительным балансом, проводили старый год и встретили новый, 1988-й. В этом же году в мае месяце приехали к нам наши родственники с целью на подселение. Это был Боря сын Володи и внук Дёрди, доводившийся моему отцу Ристе двоюродным братом, так как Борина мать Соня доводилась его матери Дарье родной сестрой. Одновременно Боря доводился моему отцу и двоюродным племянником, так как его отец Володя был моему отцу двоюродным братом. А Володя и его дядя Гриша (мой дед) доводились друг другу свояками. Жена Бори Доча была дочерью Ёшки, доводившейся бабушке Дарье двоюродной сестрой. У Дочи и Бори была многодетная семья: четверо сыновей — старший Раджи, Пуча (хотя его настоящее имя Мурша, но он не

оспаривает имя Пуча и откликается на него), младшие Дри-ла и Володя, которых Боря назвал в честь отца и любимого дяди. Было у них также шесть дочерей. Приехали они из города Ставрополя, где проживали значительное время.

Приехал с ними и брат Дочи Мурша сын Ёшки и Лулуди, но мы по-дружески звали его Негра, оттого что был он очень смуглым, но это его не портило, а придавало ему яркую окраску, потому что парень был очень красивый. В то же время он был серьезно болен — проблема была у него с сердцем с самого детства.

Это случилось в городе Донецке. Ребяшня допоздна засиживалась у костра, и, естественно, они играли, шумели, создавая неудобства соседям, которые долго не могли заснуть. Люди жаловались, чтобы прекратили эти посиделки, но это продолжалось каждый вечер. И вот одна из соседок, которая больше всех была недовольна этими посиделками, решила проучить наших ребят. Она накинула на себя белую простыню, укрывшись с головой, и пошла из темноты на ребят, издавая при этом звуки воя. Увидев это привидение, все убежали, а Мурша так на месте и остался — от страха он не смог убежать. После этого ночного кошмара у него появились проблемы с сердцем.

Приехал он тогда с семьей: жена Земфира дочь Коли — брата моего деда Григория, были у них дети, двое сыновей и две дочери. Учитывая состояние здоровья Мурши, Боря как его зять и как сочувствующий человек взял его под свое крыло, обеспечивая его семью всем необходимым, так как сам Мурша не имел возможности это делать из-за своего здоровья. Мурша очень любил наш город — тогда еще Калинин, и, когда они отсюда уехали, то, где бы он ни жил, все время бредил этим городом. А жил он во многих городах: и в Ульяновске, и в Борисове Минской области, и в Ставрополе. И вот его мечта сбылась: он приехал в город своей мечты.

Когда в Ставрополе он сильно заболел, он часто говорил своим близким, что хочет переехать в Калинин и умереть

здесь. По злему року судьбы, это его пожелание в точности сбылось. Приехав в Калинин в мае 1988 года, успев женить старшего сына Рустама, в ноябре этого года он попал в больницу для проведения планового осмотра. Его состояние не вызывало опасения за его жизнь.

И вот 1 декабря 1988 года его навестила жена Земфира. Она увидела его в хорошем состоянии, и настроение у него было нельзя сказать, что подавленное. Жена его покормила, напоила, и, немного посидев, они решили поиграть в шашки. Во время игры подошла к ним медсестра и сказала, чтобы прекратили игру и приготовились к принятию капельницы. Ему ввели капельницу и сказали жене, чтобы она понаблюдала, как капельница протекает, и если что-то пойдет не так, пусть сообщит медперсоналу. Сколько времени прошло — сейчас трудно сказать, но ему вдруг резко стало хуже. Жена, увидев это, побежала звать этот пресловутый медперсонал. Она сказала, что мужу стало намного хуже и чтобы они убрали капельницу. На это ей ответили, что ничего, мол, страшного, это бывает. В конечном итоге ему стало так плохо, что уже врачи этой больницы, испугавшись, что они его теряют, решили перевести его в областную больницу. Они положили его на каталку, чтобы довезти до скорой, но не успели: в коридоре больницы он прямо на каталке и умер.

В табэре эта весть прозвучала, как выстрел, и никто в это не верил, но факт остается фактом. У всех на глазах были искренние слезы сожаления: ведь этому парню было только 35 лет. Но, видно, такой путь был отведен ему господом богом. Или теми святыми, которые в момент рождения ребенка определяют его жизненный путь на этой земле — Урсытора, как их называют у нас, цыган.

Но это я немного ушел вперед, а пока что все обрадованы приездом новых людей, которые придадут своим прибытием оживленный образ жизни. Погуляв несколько дней, выразив с нашей стороны приезжим наше «добро

пожаловать на историческую родину», мы приняли знак уважения в наш адрес от новоприбывших в виде пышных застолий.

Жизнь перешла в обычное русло. Новенькие начали благоустраиваться, строить дома и одновременно заниматься заработком денег. Тогда еще колхозы и совхозы процветали, и проблем с находкой работы не было, тем более что у нас уже были свои кооперативы. И мы выполняли такие заказы: изготовление металлических ограждений, емкости для ГСМ, а также кормушки, поилки и прочие изделия из металла. Так прошло лето и осень. Начало зимы принесло нам в табэр ту беду, о которой я уже писал, а именно смерть Мурши. Но все же новый 1989-й год мы постарались встретить весело, потому что это был первый год в расширенном составе. Из новоприбывших гуляли только молодые сыновья Бори, а сам Боря и его жена Доча из-за умершего шурина и брата были в трауре, не говоря уже о семействе Мурши. Гулянье прошло веселее, чем в прошлом году, но все же не так, как ожидалось. Все же придерживаясь моральной этики, мы не давали воли чувствам и пели вполголоса, чтобы не было слышно в домах соблюдающих траур.

ПОЖАЛУЙСТА, ОТ ШЕФ-ПОВАРА

Весну 1989 года табэр встретил с радостными чувствами. Все шло нормально: работы было хоть отбавляй, и деньги в домах были у всех. Ну а когда есть работа и деньги, жизнь кажется краше и веселей. Риста и Боря нашли общее понимание в своих отношениях, так же, как и мы, их дети. Риста, сидя за столом с Борей, глядя на него, частенько вспоминал его отца Володю, своего двоюродного брата, который был старше всех среди них, двоюродных и

родных братьев. Они в прежние годы часто ездили в совместные командировки, где довольно часто происходили комические ситуации.

Вот одна из них. Работали они на мясокомбинате, лудили крючки для подвешивания мясных туш. А лучше Володи никто не готовил, и он совмещал помимо своей основной работы еще и обязанности повара. И вот вся бригада в обеденный перерыв собралась за столом в голодном ожидании. На обед Володя приготовил жареное мясо, вбив туда пару десятков яиц. На стол была уже поставлена и бутылочка — все ждали повара. Готовил Володя свое фирменное блюдо в сковородке без ушек, и, для того чтобы снять ее с огня и донести до стола жаждущих еды и не обжечься, Володя взял пару небольших кусков проволоки потолще и, как на шампурах, понес эту сковородку к столу. Улыбаясь на все тридцать два зуба, он увидел, как у всей бригады загорелись глаза, когда они смотрели на приближающегося шеф-повара. Обедали они на открытом воздухе в тени под деревом. И вот, когда до стола оставалось несколько шагов и Володя, предвкушая похвалу в свой адрес со стороны бригады, успел сказать «Пожалуйста!», в это время ушло равновесие из-под сковородки, и она, сделав кульбит, упала на землю на глазах обескураженной бригады маслом вниз.

Сначала пронесся громкий вздох ожидавшей бригады, а затем, глядя на растерявшегося Володю, все громко засмеялись. Володя смущенно и растерянно пытался улыбнуться, но на его лице появилась лишь гримаса и прерывистый смех. Ведь он оставил бригаду без обеда. Но ребята, видя смущенное состояние старшего брата, пришли ему на помощь. Они тихонько, чтобы не разбросать из-под сковородки приготовленный обед, подняли сковородку и легкими движениями набрали в тарелки большую часть этого блюда, оставив лишь тонкий слой, не касаясь земли. Володя от обиды даже не хотел садиться за стол, но братья все

же его убедили, и он поддался уговорам. Но кличка «Пожалуйста» закрепилась за ним надолго.

Володя был личностью неординарной. Иногда он принимал скоропалительные решения, в зависимости от расположения духа, в котором он был. Володя был 1924 года рождения и довольно рано встал на трудовой жизненный путь. Был он человеком трудолюбивым и удачливым. Будучи зеленым юнцом, он сколотил приличный капитал по тем временам — не каждый взрослый мужик имел то, что имел Володя. И он даже не был женат — так сказать, завидный жених. Многие родители хотели отдать за него свою дочь. Вот одну из таких желающих и сосватали за Володю, и она находилась в ожидании дня свадьбы.

Однажды эта молодая девушка поехала с подругами на рынок. Походив по рынку, она отбилась от своих подруг. Был жаркий летний день, и ей захотелось пить. На рынке продавалось разливное вино. Она купила небольшой стаканчик красного вина и выпила его, чтобы утолить жажду. Прошло несколько минут, и она почувствовала, как земля из-под ног уходит, а вокруг все кружится. Она, испугавшись, что сейчас упадет, и не дай бог, кто-нибудь из табэра ее увидит и ославит, стала искать точку опоры. Увидев столб, она обхватила его двумя руками и прислонила голову к столбу.

Ее опасения были не напрасны насчет того, что кто-нибудь не увидел ее в таком состоянии — ее увидели, и не кто-нибудь, а сам жених Вова. По злему року судьбы, он проходил мимо нее с группой солидных людей. Будь он один, он как-нибудь замял бы этот инцидент, а так уже от людей не скроешь, и эта весть будет достоянием всего табэра. Володя, увидев ухмылки на лицах своих товарищей, пришел в бешенство и, подойдя к ней, сказал: «Ты сама выбрала себе мужа. Этот столб и будет твоим мужем!» И все на этом закончилось, так как он был однословным.

Вот таким бравым морским капитаном и бригадиром был Риста, чья жизнь ничем не отличалась от морской — по морям, по волнам. В годы молодости Ристы офицерские кокарды были в моде.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ

Риста часто рассказывал Боре эти истории о его отце Володе, вызывая у Бори смех. « Однажды, — так начал Риста свой очередной рассказ о совместной командировке с Володей, — мы изготавливали сатураторные установки под газированную воду. Работа шла к концу, и нам нужно было расположить к себе главного инженера, а для этого нужно было с ним выпить. А я тогда еще не пил, — говорит Риста, — и возложил эту обязанность целиком на Володю. Вот начали пить, я сразу объяснил инженеру, что не пью, познакомил его с Володей и сказал, что буду за ними ухаживать.

Вот подняли по первой, и не по половинке, а целый стакан. Володя выпил, поставил стакан и не закусывает. Я подвигаю к нему закуску, а он говорит: «После первой не закусываю». Я сначала не понял, в чем дело, но после второго такого заявления я забеспокоился и начал его расспрашивать: «Володя, почему ты не закусываешь?» На это он сказал: «Я Соколов». Оказалось, что накануне он смотрел фильм «Судьба человека», где Сергей Бондарчук пил водку стаканами, не закусывая. Но кто смотрел этот фильм, тот помнит, что Соколов рухнул, войдя в барак. Вот также рухнул и наш Володя с лестницы ресторана, когда мы выходили» — смеясь, закончил рассказ Риста. Но в его голосе звучала и грусть: ведь его двоюродных братьев становилось все меньше и меньше.

Увидев грусть в глазах Ристы, Боря тоже решил рассказать интересную историю о своем отце Володе, чтобы развеселить немного Ристу. В этой командировке вместе с Володей и Борей был и брат Володи Витя. Они выполняли работы с применением кислоты — лужение деж, и поэтому после работы все торопились, опережая друг друга, в душ, а кабина была только одна. В один из таких рабочих вечеров Володя решил опередить всех и забежал в душевую кабину.

Раздевшись, он встал под душ и пустил горячую воду. В это время его ноги соскользнули со стеллажика, и он упал на четвереньки, а на него полился кипяток, ошпарив его всего. Отведя его в медпункт, где ему приложили примочки, Боря спросил: «Как же ты так умудрился?» — «А вот так, зато первый помылся», — с юмором сказал Володя.

Пересказывая смешные истории об этом человеке, можно подумать, что Володя был несерьезным человеком. Но нет, друзья мои, Володя был очень серьезным человеком, и к любому вопросу он подходил очень ответственно и серьезно. Но жизнь такая штука, что превращает ее в трагикомедию.

ДЯДЯ ВАНЯ

Ристе больно было осознавать, что его родные люди уходят из этой прекрасной жизни. А жизнь их разбросала по разным углам Советского Союза так, что не всегда представлялось возможным поехать в тот край и отдать последнюю дань уважения усопшему родственнику, проводив его в последний путь. Иногда Риста узнавал о том, что кто-то из его двоюродных братьев умер, по прошествии длительного времени. Сотовых телефонов в то время не было, и наладить связь не всегда представлялось возможным. А иногда и осознанно не сообщала родственникам сторона усопшего — не от того, что были какие-то счеты, а из чувства жалости к близким людям, чтобы не ставить людей в трудное положение и не заставлять их добираться сотни, а иногда тысячи километров.

Однажды хваленая цыганская почта сыграла злую шутку с одним семейством, которая отняла человеческие жизни. Ранее упоминавшийся мною Ваня сын Милано из пле-

мени сербских цыган жил с нами в Калинин. А дочь его брата Жюжэ, которую звали Ирина, жила в Перми. Она была замужем, у нее было двое детей — мальчик и девочка. Младшая была еще грудная. И вот в один из черных дней ее жизни дошла до нее по цыганской почте весть, что ее любимый дядя Ваня умер. Кто донес до нее эту информацию, так и осталось тайной. Есть такие люди, которые слышали звон, да не знают, где он, и любую непроверенную информацию выдают за 100% лично проверенную — лишь бы привлечь внимание общественное к своей персоне. Так и было в данном случае.

И вот эта племянница засобиравшись поехать, а точнее, полететь самолетом на похороны любимого дяди в Калинин. Видя, как убивается любимая невестка в связи с утратой дяди, родители ее мужа не пустили ее в дорогу одну и отправили с ней свою родственницу для поддержки. И вот две молодые женщины и грудной ребенок летят на борту самолета, чтобы похоронить старого дядю. Самолет разбивается, и молодые женщины и ребенок гибнут, а старый дядя прожил после этого еще около 15 лет. Отцам этих женщин, прибывших на место гибели самолета, дали по маленькой урне с прахом погибших, и все.

Услышав эту душераздирающую историю, люди цыганской национальности часто принимали решение, когда их родственники умирали, не вызывать на похороны своих близких, живущих далеко от них, говоря при этом так: «Мертвого уже не поднимешь, а живых надо беречь». Ведь, как говорится в пословице, беда одна не ходит, она парой приходит. А уже после похорон обзванивали тех родственников, которых не вызвали, и ставили их в известность, чтобы те смогли отдать дань уважения усопшему и соблюсти траур по нему.

Вот и Ристе довольно часто звонили после похорон того или иного родственника. И он, взрослый мужик, не стыдился своих слез, оплакивая близких людей. По разными

причинам судьба и жизнь развела их по разным уголкам огромной страны, со многими из них он не виделся больше никогда. И поэтому боль была невыносимой. Конечно, в жизни этих парней было много разногласий и споров, из-за которых многие довольно часто делали скоропалительные выводы, собирали свои вещи и, погрузив их в контейнер, уезжали. Но это было в горячах, а потом они под любым предлогом возвращались обратно, потому что не представляли себя не в своем табэре.

Однако жизнь многих двоюродных братьев Ристы заканчивалась на чужбине. Умер Гриша сын Армянки, за ним следом и Володя сын Дёрди, Рупа сын Брэтьяно, а также Чёмпи сын Брэтьяно. Умерли и многие двоюродные братья, которые были моложе самого Ристы. Со смертью родных теряются все споры и распри, которые были между ними, и остается лишь одно сожаление — сожаление о том, что разумные существа люди, а не понимают того, что жизнь ужасно коротка. И на том свете ничего не будет, но даже если что-то там и есть, то мы уже друг друга не узнаем, как родственники, жившие на этой земле. Так почему же мы не можем этого понять сейчас, когда наши близкие и родные живы-здоровы? Не умеем радоваться этому, уступать в горячих спорах, дать старшему или даже младшему успокоиться, а потом на холодную голову объяснить не со скрипом в зубах, а с умиленной улыбкой на лице. И я думаю, что ты не только ему облегчишь жизнь и отношение к тебе, но ты и сам будешь более спокоен в том случае, когда кого-то из родни ты потеряешь. Тебя не будут мучить угрызения совести в том, что ты где-то нагрубил, не уступил и так далее. Вот такие мысли одолевали Ристу при каждом известии о потере близких.

*На этой свадебной фотографии Риста запечатлен рядом со своим двоюродным братом. Гэля ле Брэтияноско — один из немногих двоюродных братьев Ристы, оставшихся в живых. Теряя их, Риста очень печалился.
Слева направо: Гогай сын Володи ла Брияко, Гриша ле Ристаско, Риста, Пуча ле Боряско, Гэля ле Брэтияноско, невеста Соня ле Букурости.*

МЫ С МАХОРОЙ ПЕЛИ ХОРОМ

Но жизнь однообразной не бывает, и грустные мысли сменялись радостными. И причина смены настроения была такой, что в табэр часто приезжали гости по разным делам и просто погостить у дочек и зятьев, которые проживали в нашем табэре. Но самые радостные моменты были тогда, когда приезжали сваты за молодыми невестами. Вот и летом 1989 года в наш табэр приехали сваты из племени дукони. Главный сват был Витя сын Японцо и Тежи, который собрался женить своего сына Эдика. С ними также приехала жена Вити Хана и его отец Японцо, также Липа сын Пико и Бины из племени рувони (в переводе это означает «волки»). Липа был для меня дорогим гостем, так как он доводился братом моей теще Соне. Лишь его я знал из этой большой делегации, и еще одного молодого парня, с которым я успел подружиться еще в Москве. Его имя Илья, но по-дружески мы все зовем его Илюха, он сын Ристы и Нины из племени дукони.

С ними приехало много молодых. Одного из них звали Махора — очень колоритный парень, высокий, косая сажень в плечах, смуглый, но это придавало ему больше окраски. Потом выяснилось, что он еще и очень артистичен, с хорошими голосовыми данными. Они со сватьей Ханой всех нас очаровали, исполняя дуэтом песни из репертуара известных певцов. Но я не мог называть его Махорой, осознавая, что это кличка, которой называли его только друзья. А я был принимавшей стороной, так как они остановились у меня как у наиболее знакомого из всех, и поэтому я считал, что это может его обидеть и я окажусь в роли негостеприимного хозяина. Когда я спросил, как его зовут по-настоящему, он стал отмахиваться — мол, зови меня так же. Но я настоял, и он представился, что зовут его Жора сын Рищё и Дарьи, также из племени дукони. Потом мы с ним так подружи-

*Свадьба моей младшей сестры Белки и зятя Эдика сына
Вити ле Ипонцоско дукони.
Тверь (тогда еще Калинин), 1989 г.*

На этой фотографии я запечатлен с красавцем парнем Махорой, с которым мы за небольшой срок подружились. Я седьмой слева считая детей, слева от меня Махора ле Рищеско, следующая Соня ле Ипонцости; за столбом Бакалика сын Вовы и Лёли, слева от него сестры Вити и дочери Ипонцо и Тежи: Пэнуша и Тамара. Передо мной две женщины: моя жена Елза ле Савкасти, справа от нее Хана ле Миаести ай ла Замбилати. На переднем плане сидит главный сват со стороны жениха — это его отец Витя ле Ипонцоско и Тежи.

лись, что я и забыл, что зовут его Жора, и по-дружески называл его Махорой.

Устроив грандиозный концерт и торжественную встречу дорогих гостей, накрыв стол и потчuya гостей, мы узнали о цели их приезда. После обхода домов приезжие сваты в сопровождении местных ханум сделали свой выбор. А выбор был сделан в дом моего отца Ристы. Они заметили мою младшую сестру Белку. Это самая младшенькая из всех детей моего отца.

Из всех своих братьев и сестер я не упомянул лишь Марину, которая выдана замуж за Григория сына Дахири и Гуты. Гута доводилась моему отцу двоюродной сестрой, она дочь Армянки — тети Ристы. Отец Армянки — Букуро. А отец Дахири — Гриша сын Лизы из племени миеэшти. Марину мы выдали замуж в 1983 году. Киму мы выдали замуж в 1987 году, и вот настала очередь идти на службу самой младшей. У нас, у цыган, женщин называют «солдат сверхсрочной службы».

Отдав замуж самую младшую дочь и женив всех сыновей, Риста выполнил свою задачу. Теперь он ждал, когда подрастут внуки и внучки, чтобы уже их выдавать замуж и женить. Но, к сожалению, не позволила внезапная болезнь, которая его настигла, но, правда, по прошествии четырех лет после свадьбы Белки, младшей. Как мы, сыновья Ристы, хотели и мечтали о том, чтобы на свадьбах наших детей главным сватом был он, а сватьей была моя мать Лена для тех сватов, которые соединились семьями с нами!

Риста был человеком строгих правил, любил, чтобы все шло по законам цыганского быта. Особых фамильярностей со снохами он не разводил, но относился к ним очень бережно и, не подавая виду, очень трепетно. Если кто-то из нас, его сыновей, иногда ссорился с женой, он в недовольном тоне отчитывал нас, выговаривая нам, что если жена допустила какую-то ошибку, ты как глава семьи укажи ей на эту ошибку сдержанно и спокойно, а не с криками и угро-

зами. Риста не был тем человеком, который мог злоупотребить своим положением и мог оправдывать своих сыновей, если они правы или виноваты в том или ином случае. Тем самым он нам, сыновьям, не давал понятие, что нам все сойдет либо отец нас не осудит. Нет, нам приходилось все же контролировать свои действия в семье. Ну а снохам Риста, если он находил, что они виноваты в создавшемся конфликте, высказывал свое недовольство тогда, когда кто-то из нас, кто в данный момент скандалил, отсутствовал. Это для того, чтобы мы не слышали, что он нас оправдывает и тем самым дает нам силу в своей правоте.

Вот таким образом Риста вел воспитание своей семьи. Он отдавал себе отчет перед той ответственностью, которую он взял на себя перед теми родителями, чью дочь он взял в свою семью. Риста был бесстрашным человеком, и испугать его чем-то было невозможно. Это если речь шла бы о нем. Но тут было на кону благополучие семей его детей, и он искал компромисса в том вопросе, который иногда был тупиковый. Он не хотел менять свой характер и идти на попятную, но в то же время не хотел идти на принцип, и он находил тот вариант, который, не задевая ни одну из сторон, устраивал всех.

Человек должен со временем менять черту своего характера. Когда он в молодости делает ошибки, то это списывается на молодость и не передается широкой огласке. Если сын ссорится со своей женой, это его дело. Но Риста много прощал своим снохам, чтобы не провоцировать скандал в семьях своих сыновей. Единственное, за что он иногда выговаривал своим снохам и невесткам — женам братьев, — за то, что, когда бывали пышные застолья, женщины стояли у стены и не шли танцевать, хотя музыка звучала вовсю. Тогда он выходил и танцевал до изнеможения и, садясь за стол, с ухмылкой благодарил этих нерадивых снох за то, что они умеют так хорошо танцевать и петь, веселя всех людей. Но он это делал с юмором, так что никто на его высказывания

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ РИСТЫ.

Родители большой семьи. Примерно в таком сидячем положении Риста, сидя на полу, часами рассказывал сказки детям и взрослым. Это мои родители — отец Риста (10.10.1934-19.02.2004) и мать Лена ла Филастрати (15.05.1937-26.02.1997). С ними внук Эдиком и внучка Даша.

*Старшая дочь
Белка — первый
ребенок в семье
Ристы и Лены.
04.12.1956 г.*

*Второй ребенок
в семье Ристы и
Лены, но старший
из сыновей Мурша.
03.04.1959 г.
На руках дочь
Анжела.*

*Третий ребенок
в семье Ристы и
Лены.
Это дочь Ляля.
20.12.1960 г.*

*Четвертый ребенок
в семье, второй сын
Букуро. 23.01.1963 г.*

*Пятый ребенок
в семье Ристы и
Лены. Марина.
20.11.1965 г.*

*Шестой ребенок в
семье, сестра Кима.
05.09.1966 г.*

*Гриша, третий сын и седьмой
ребенок в семье Ристы и Лены.
03.05.1968 г.*

*Последний ребенок
в семье Ристы и
Лены — это моя
сестра Белка.
21.08.1970.*

не обижался. А те, между собой переглянувшись, бросались дружно в круг и танцевали, с улыбкой глядя на него. Вот и весь его гнев, который Риста мог высказать в адрес снох и невесток, в то время, когда многие свекры и девери могли применить всяческие действия вплоть до физических по отношению к снохам и невесткам.

Однажды я услышал о такой ситуации. Глава семейства из племени сэулони, которого звали Думитрашко, было у него несколько сыновей, которые были женаты, были у них дети. Дело было зимой. Передвигаясь в кибитках на лошадях, они остановились у замерзшей реки. Встал вопрос, насколько прочен лед — ведь только недавно ударили морозы. А вдруг доедешь до середины, и лед провалится под тяжестью телег и лошадей с людьми. Думитрашко задумался и оглядел всех своих, потом оживился, приняв соломоново решение. Начал он свое предложение так, обращаясь к своим сыновьям: «Сынки, на одну из телег сажаем ваших жен, и пусть они проедут по реке первыми. Если они пройдут, то и мы по их следам проедем». Обескураженные сыновья спросили его: «Что ты говоришь, отец, а если лед провалится — ведь они же утонут и погибнут». На это он совершенно спокойно ответил: «Если они погибнут, то это полбеды — я приеду в любой табэр и там женю вас, и у меня снова будут снохи. А вот если потонете вы, то сыновей у меня уже не будет». И он с хитрым прищуром оглядел всех, чтобы увидеть реакцию членов своей семьи. Но, конечно, никто не согласился с этим, и они поехали искать более верную переправу.

САМ ПОГИБАЙ, А ДРУГА ВЫРУЧАЙ

Люди цыганской национальности не могли жить долго на одном месте и поэтому кочевали по просторам всего Со-

ветского Союза. Много испытаний приходилось им в дороге. Погибали люди при разных обстоятельствах. Но даже смерть ближнего не могла остановить кочевую жизнь цыган. Об одном таком трагическом случае, услышанном мною от моих родителей, я хотел бы вам рассказать.

Транспорт передвижения цыгане выбрали пароход. И они плыли, в каком направлении — сейчас уже трудно сказать. Отец в своем рассказе с восхищением выделил из всех цыган, которые находились на этом судне, одного совсем молодого парня. Звали его Дуя, он был очень красив, с великолепной мускулистой фигурой, длинными волосами и лентой на лбу, перетягивающей волосы. Все это время, сколько они плыли, этот парень, которому было лет 18, был душой компании: веселил всех, песни пел. И все глядели на него с умиленным взглядом. Но вот судно, на котором они плыли, сделало остановку, спустив трап на пристань. Пристань от парохода была в приличном отрезке. Люди спустились по трапу, чтобы пополнить свои запасы продуктами. Дуя оставался на борту парохода и так же вел себя с окружающими шутя. Прошло какое-то время, и люди стали возвращаться обратно с покупками и кулями. Оставшиеся на борту уже видели своих приближавшихся родственников с провизией в руках и радостно реагировали, предвкушая сытную трапезу. Люди стали подниматься по трапу, трап был односторонним, и трудно было, идя навстречу, разойтись.

И тут произошла непредвиденная ситуация. Кто-то что-то где-то забыл и пошел обратно навстречу поднимающимся. Произошла возня, кто-то оступился, и в воду полетели люди. Нужно сказать, что было очень сильное течение. Люди стали звать на помощь, так как их стало уносить течением. Дуя, услышав крик о помощи, бросился в воду. Тем, кто был невдалеке от парохода, успели бросить спасательные круги. Дуя, увидев человека вдалеке от парохода, которого уносило течением, бросился его спасать. Подплыв к нему, он схватил его за волосы, но тот, увидев Дую рядом, обрадовался

своему спасению, обхватил его руками и ногами, тем самым сковав своего спасателя. И люди увидели, как они обнялись и прекратили бороться, и их уносило течением. Они только успели крикнуть: «Ащен девлеса, щявале!», что в переводе значит «оставайтесь с богом, товарищи!» И все, больше их никто никогда не видел. Люди были в шоке, женщины кричали, плакали, а мужчины, глядя на погибающих своих братьев, осознавая свое бессилие, что не могут им помочь, крестились, обращаясь к богу о помощи утопающим. Но, видно, бог занят был и не услышал их крика.

Вот такие рассказы, услышанные мною от родителей мельком еще в детстве, запомнились в моей памяти. Конечно, много упущенного из этой истории, в основном, конкретные лица, которые были очевидцами этой драмы. Тем самым утратилась изюминка этого рассказа, потому что в живых очевидцев того события уже не осталось, и спросить уже некого.

Современная молодежь, да как и наше поколение, не проявляли интерес к рассказам наших стариков, а были заинтересованы другими занятиями: часами просматривать телевизор, слушать музыку — рок, джаз, «Битлз» и прочее. Это, конечно, все нужно, но самое главное мы теряем — нашу историю и жизнь наших предков. Наши традиции и законы меняют в наши дни все кому не лень, выдавая это как завет наших старцев. И никто не может обвинить самозванца во лжи, потому что сам не знает, как это на самом деле. Опять же скажу про род сэулони: в этом плане — знания древних законов — они более знающие, и проводят эти законы в жизнь. Но и они не эталон знатока тех законов, потому что их молодежь тоже перешла на рельсы современной жизни, где очень много соблазнов: компьютеры с интернетами, сотовые телефоны с различными музыками и играми. То есть то, что отбивает охоту у молодежи сидеть часами и слушать дряхлого старика о той скучной жизни, которую прожил он.

Все цыгане были темными людьми, не знавшими даже,

что такое холодильник: приходя в контору, они долго его осматривали, а когда он неожиданно включался, то они отскакивали от него, сильно испугавшись. Так сейчас думает современная цыганская молодежь, посмеиваясь над стариками. Но они не думают о том, что молодость — это всего лишь миг, и не успеешь опомниться, как тебя уже называют «дядя», еще миг — и уже дедушка. Так давайте же думать о будущем и не забывать наше прошлое. Конечно, жизнь шагает семимильными шагами вперед, но мы должны шагать по ней с багажом нашего прошлого. Я не имею в виду старого барахла, я имею в виду наши древние законы, обычаи, традиции. Нынешняя молодежь, я обращаюсь к вам: этих законов и традиций ты можешь и не придерживаться, если они тебе не по душе. Но знать их и передавать своим детям и внукам ты обязан, отдавая дань уважения тем нашим безграмотным предкам, которые создавали — не побоюсь этого слова — мудрые законы. А мудрость эта была в том что у людей был тормоз от вседозволенности.

Цыгане в современном космическом мире, когда стало возможным слетать в космос так просто, как проехать на метро одну остановку, остались, наверное, единственной нацией в мире, где люди женятся не по любви, а по воле родителей, соблюдая таким образом древнерусский обычай не соединяться без родительского благословения. Весь остальной мир женится и выходит замуж как им вздумается и когда они захотят. Как сходятся, так и расходятся без разрешения или запрета своих родителей. Из 100% брака людей остального мира я не ошибусь, если скажу, что сохраняют семью процентов 15. А в цыганском мире молодые люди женятся, не зная друг друга даже по имени, но с благословения родителей, и семьи сохраняет 95%. Вот и вся логика наша. Бог поощряет тех, кто живет по законам божьим, а не так, как ему хочется. Ведь когда родители благословляют своих детей, они прибегают к имени бога и молятся у иконы, тем

самым изгоняя нечистую силу и сатану, чтобы он не ввергал молодежь в искушение.

В наши дни я очень жалею, что не начал писать эту книгу лет на двадцать раньше, когда были живы и мои родители, и моя бабушка, которые могли бы поведать много интересного о прошлой жизни цыган. В наши дни много стало непонятного и сложного. Иногда стоишь, разговариваешь с человеком и не понимаешь его языка, или он тебя не понимает и несколько раз переспрашивает тебя: «Что ты сказал?» Мой дед Гриша был очень мудрым и умел заглядывать в будущее лет на тридцать, а то и на пятьдесят, и я сейчас все больше убеждаюсь в этом. Еще в далеких шестидесятых годах он говорил бабушке Дарье, что наступит такое время, когда люди превратятся в пчел. И моя бабушка, размахивая руками, ему говорила: «Да что ты, Гриша, как это люди могут превратиться в пчел?» — «А вот так, Дарья: оставаясь в человеческом облике и разговаривая между собой, они не будут понимать друг друга, а будет исходить один звук: зу-зу-зу». Слушая людей в наше время, особенно молодых, осознаешь тот прогноз, данный моим дедом сорок лет тому назад.

Еще он говорил моей бабушке, что наступит такое время, когда живые будут завидовать мертвым. И опять бабушка с ним не соглашалась, говоря ему: «Ну, Гриша, ты уж тут лишнего хватил. Как такое может быть, чтобы живой завидовал мертвому?» И дед Гриша объяснял ей спокойно и улыбаясь: «Вот послушай. Ты наблюдаешь за ситуацией, которая происходит в мире — все не так, как нужно. Сейчас, в наше время, люди живут, умирают, их хоронят — обмывают, одевают, провожают в последний путь так, как требует ритуальный закон. А люди будущего могут лишиться всех этих принадлежностей, так как могут случиться всякие катаклизмы — или конец света, или что-то с неба упадет». А что мы наблюдаем сегодня? Это и глобальное потепление, и угроза от инопланетян, и угроза падения из космоса на землю огромного астероида, который может сбить землю

с орбиты. И мы уже смотрим с жалостью на своих детей и внуков, думая о том, что их ждет, какое их будущее. И вольно или невольно на ум приходят предсказания моего деда Григория.

БУБОЙ — ЭТО СТРАШНО

Время, конечно, берет свое, и много изменений сейчас в наши дни терпят наши законы. Теряются традиции, которые передавались веками из поколения в поколение, и не придумывается ничего нового взамен отмены старого. В общем, как в той песне: все разрушим до основанья, а затем... Только «затем» ничего не последует, потому что в наши дни за тебя все придумает телевизор, несущий информацию, которая развращает и портит молодежь. Песни поют под караоке с уже готовым аккомпанементом. Может, если бы у моего отца Ристы было бы такое караоке, он бы и не обижался на снох и невесток за то, что те ему не поют, а пел бы себе песни в любом ассортименте. Это, конечно, шутка, но в каждой шутке есть доля правды.

Правда в том, что современные наши люди очень разленились и не желают себя утруждать даже тем, чтобы своему ребенку рассказать сказку. А ведь в прошлые годы, когда так сильно не доминировала над человеком современная техника, пожилые люди развлекали людей всех возрастов от мала до велика сказанием сказок. Этого периода ждали все целый год, а именно периода с 26 ноября по 7 января. Этот период времени у цыган называют «зэпосто», а по-русски это предрождественский пост. В это время и начинались сеансы сказочников, уже снискавших в народе славу. Сказочник должен был обладать талантом рассказчика, и не просто сухо по тексту рассказать выученную им сказку, а уметь

добавить от себя с юмором, чтобы развеселить народ. Также сказки рассказывались в стиле оперетты: отдельные моменты произносились в музыкальном сопровождении. У цыган этот номер называют «Колинда», то есть текст с музыкой.

И людей завораживали рассказы старого сказочника. Особенно это удавалось моему деду Григорию, которого слушали все от мала до велика не то что не перебивая, а даже сдерживая дыхание, и это на протяжении нескольких часов. Дом деда, а впоследствии отца, наполнялся народом. Все висели на спинах друг у друга, сидя на полу, поскольку стульями в то время цыгане не пользовались. И вот, сидя в таких неудобных позах, когда все тело затекало, люди не смели шевельнуться, чтобы не создать шорох и не сбить с фразы уважаемого сказочника. Почему же для сказок у цыган был определенный период времени, а именно время поста? Потому что в другой день человек, рассказав сказку, рисковал тем, что у него мог выскочить «бубой», то есть чирей. И все этому верили, и даже дети не просили взрослых рассказать им сказку в обычные дни, чтобы не подвергнуть своих близких людей неприятной болячке.

МИР СКАЗОК

Но только наступал тот долгожданный день, который можно было назвать смело «Мир сказок», то от детей и даже весьма почтенных взрослых не было отбоя. С наступлением первого вечера сеанса сказок в дом сказочника уже стягивалась вереница гостей. Никто не думал, что своим приходом в дом того человека он наведет на себя гнев хозяина дома. Люди были очень просты в своих рассуждениях: ну что он дома один сидит со своими мыслями? А тут мы друг друга развеселим. И это происходило на самом деле.

Бывало, что мой дед, будучи больным, целый день лежал на подушке при большом давлении с перевязанной головой. К вечеру он уже готовился к сеансу, ожидая приток слушателей. И начиная слегка свой очередной рассказ, он с нарастающим темпом входил в кураж и уже пел «колинду», и вставал, показывая движения того или иного героя своей сказки. По окончании своего рассказа он чувствовал себя намного лучше, чем в начале рассказа. Риста многое из этой черты и техники рассказа сказок перенял у своего отца Григория. Нужно сказать, что он единственный из сыновей Григория сумел перенять это умение привлекать внимание людей к своим рассказам, что бы это ни было — сказка или интересная жизненная ситуация, увиденная или услышанная им.

Много сказок мне пришлось услышать от своего отца и деда. К сожалению, нынче мы не устраиваем таких сеансов сказок даже своим внукам, видно, боясь той страшной болезни под названием «бубой», то есть чирей. Мы уже сбились с календаря и не знаем, когда наступает сезон сказок. Но мне было бы жаль, если бы эти сказки наших стариков ушли с нами и наши дети их не узнали и не передали, в свою очередь, своим детям. И вот я расскажу несколько сказок на цыганскую тематику. В этих сказках много юмора, а в наши дни люди с юмором пользуются спросом: в наши дни людей больше притягивают смешные рассказы, чем заумные наставления. И вот первая моя сказка.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ПЕРСТНЕ

В давние времена жил цыган, была у него большая семья, много детей и несносная жена. И вот однажды эта несносная женщина довела его до безумия. И вот, страшно разру-

гавшись с ней, он ушел из семьи куда глаза глядят, обиженный несправедливостью отношения его жены к нему. Ему пришла в голову мысль покончить жизнь самоубийством. И вот с понурой головой он бродил по улице, раздумывая, каким способом принять смерть. Проходя мимо забора, он заметил дворцовое объявление, в котором был издан королевский указ. А именно в нем излагалось, что король того королевства, в котором проживал бедный цыган, потерял свой перстень, который принадлежал предкам этого короля и который передавался из поколения в поколение. И тому, кто найдет этот перстень, король отдаст полкоролевства и свою дочь за него замуж.

Цыган, прочитав это объявление, подумал, что он ничем не рискует. Он так и так выбрал смерть, так пусть хоть перед смертью несколько дней проживу по-человечески, а там пусть вешают. И вот он направился во дворец и попросил аудиенции короля, изложив охране суть его прихода и то, что он является великим ясновидящим и что он в течение трех дней обнаружит перстень короля. Охрана быстро доложила королю эту новость. Услышав это, король бросился бегом в свою приемную, чтобы лично побеседовать с великим ясновидящим, который придал ему новую надежду найти ту великую потерю, которая уже длительное время не давала покоя королю.

Вбежав в свою приемную для гостей, король резко остановился, увидев перед собой оборванца цыганской национальности. Немного растерявшись, но все же взяв себя в руки, он обратился к этому ясновидящему: «Значит, ты, цыган, берешься в течение трех дней найти мой фамильный перстень?» — «Да, ваше величество», — ответил уверенно цыган. — «Ну а если ты не выполнишь свое обещание, что же мне с тобой сделать?» На что цыган ответил: «Тогда отрубишь мне голову или повесишь, это уже на твое усмотрение».

Ну, сказано — сделано. Цыган подписал крестом бумагу в виде договора о вышесказанном. Но, подписав бумагу,

он выдвинул свои условия, чтобы ему выделили отдельный дом, чтобы выполняли все его желания и не мешали ему. Король отдал команду, чтобы выполняли все, что цыган ни попросит в течение трех дней. И тут же на всех заборах было вывешено дворцовое объявление, что объявился великий ясновидящий цыганского происхождения, который дает гарантию, что в течение трех дней найдет королевский перстень.

И вот это объявление попадает на глаза похитителей этого перстня. Их было трое. Прочитав объявление, один с тревогой в голосе сказал: «Все, мы пропали. Ведь король объявил смертную казнь тем, кто украл его фамильный перстень». Но главарь этой банды успокоил своих друзей, сказав: «Нечего поднимать тревогу раньше времени. Нужно узнать место его проживания и пройти одному из нас мимо окна того дома, где живет цыган. Если он на самом деле ясновидящий, то он сразу узнает в нас вора и скажет об этом. А если не скажет, значит, это никакой не знахарь, а просто шарлатан».

И вот, узнав местонахождение цыгана, один из членов этой банды начал прохаживаться возле дома, который король выделил цыгану-ясновидящему. И вот, после того, как цыган вкусно и плотно пообедал, он подошел к окну и, открыв его и глубоко вдохнув глоток воздуха, протяжно произнес: «О господи, вот уже один проходит, осталось еще два». В этот момент один из воришек, увидев, что цыган открыл окно, прошел мимо окна. И каково было его удивление, когда он услышал слова цыгана «один уже проходит», то есть он, «осталось еще два», то есть те, кто дома.

И он примчался к своим подельникам со словами, что все, мы пропали. «Как он меня увидел, так сразу и сказал, что вот уже один проходит, осталось еще два». Главарь сказал: «Да ладно, тебе, может быть, показалось. Завтра в то же время пойдете во дворец. Если он еще раз вас узнает, то будем думать, как нам выйти из этой ситуации». А цыган и

не думал никого узнавать, он просто считал дни, которые были ему отведены на находку перстня. Он сказал вслух: «О господи, вот уже один проходит», то есть день, «осталось еще два» опять же дня. А тот подумал, что он их считает, так как их было трое.

Ну и вот наавтра так же после обеда уже двое приходят, и опять цыган говорит: «О боже, боже, уже двое проходят, остался еще один». Те как услышали — схватились за руки и побежали бегом. Прибежав к третьему, запыхавшись, чуть отдохнув, выложили обстановку своему боссу, что все, мол, мы пропали, только он нас увидел, так сразу и сказал: «Вот уже двое проходят, остался еще один». — «Что же нам делать?» — уже призадумался и главарь шайки. Но, подумав, сказал: «Значит, так. Завтра в это же время пойдем все втроем. Может, вам показалось. Но если он нас всех троих узнает, то признаемся ему, вернем перстень и дадим ему еще золота, чтобы он нас не выдал королю».

Наавтра после хорошего обеда, который был последний в жизни цыгана, как он считал, потому что проходил последний, третий день и его ждала казнь за невыполненную работу. И вот он, открыв окно и вдохнув глоток воздуха, протяжно во всеуслышание сказал: «О боже, боже, вот уже и все три проходят». Услышав это, грабители подошли к окну и взмолились о пощаде от цыгана: «Цыган, мы поняли, что ты на самом деле великий ясновидящий. Мы возвращаем тебе перстень короля и впридачу даем тебе золото. Только ты нас не выдавай королю, потому что он нас сразу повесит».

Услышав эти признания, цыган тут же оживился: «А, мошенники, сами пришли, это ваше счастье, я бы вас все равно нашел, потому что я великий ясновидящий. Но ладно, так как вы сами пришли, так уж и быть, не выдам вас. Давайте сюда перстень и золото». Те с радостью отдали и перстень, и золото и поспешили покинуть это королевство.

Но цыгану надо было придумывать, как и где он нашел

перстень. И тут на глаза ему попались королевские павлины, которых было 12 штук. И он, сделав шарик из пшенной каши и закатав в нем перстень, бросил этим павлинам. Те моментально проглотили это лакомство.

И вот король в окружении своей свиты пришел в хижину цыгана и обратился к нему с вопросом: «Ну что, цыган, ты нашел мой перстень? Вот уже три дня, отведенных тебе на поиски, прошли. Пора и ответ держать». На что цыган гордо с высоко поднятой головой ответил: «Так точно, государь-батюшка, я обнаружил твой перстень». Король, услышав это, сразу оживился, спросив: «Где он?» И цыган ответил, показывая на одного из прохаживавшихся павлинов: «Вот в желудке этого индюка». Король, посмотрев, сказал: «Во-первых, это не индюк, а павлин. А во-вторых, ты уверен в своих предположениях?» На что цыган ответил с важным видом знатока своего дела: «Мое дело было обнаружить местонахождение твоего перстня. А доставать его оттуда или нет — это уже твое дело».

И вот король отдает приказ, чтобы зарезать этого павлина и, распотрошив его, достать драгоценный его перстень. Распотрошив несчастную птицу, к великому удивлению короля и его свиты, перстень не обнаружили. На что цыган совершенно спокойно ответил, что, мол, то, что перстень находится в желудке одного из этих индюков, это точно. «А в каком именно — я затрудняюсь сказать, они все на одно лицо». На что король раздраженно сказал: «Я уже тебе сказал, что это не индюки, а павлины, которые являются украшением всего моего парка. Но если ты ошибешься, цыган, и я не обнаружу перстня ни в одной из этих птиц, то я предам тебя к мучительной смерти». На что цыган совершенно спокойно ответил: «Режьте спокойно, ваше величество, перстень там».

И вот уже режут десятого, потом одиннадцатого павлина, а результат тот же. И вот только в последнем, двенадцатом павлине, к великой радости короля и его придворных,

был обнаружен королевский перстень. И тут король сказал цыгану, что, мол, он не отказывается от своих обещаний отдать цыгану в жены свою дочь и полкоролевства. На что цыган ему с благодарностью ответил, что ему, бедному цыгану, ничего этого не надо. Пусть дадут ему тройку лошадей, запряженную в кибитку, погрузят в эту кибитку этих 12 индюков или, как вы их называете, павлинов. «И поеду я в свой табэр». Король с радостью выполнил просьбу цыгана и, обнявшись, они простились навсегда. А у цыгана за эти три дня царской жизни злость отошла и он, соскучившись по своей семье, вернулся домой.

Вот так прозвучала моя первая сказка о цыгане, которого даже дворцовая жизнь не прельстила, и он выбрал кочевую, но вольную жизнь.

ЛОЖЬ ВО ИМЯ БЛАГА

Я хочу рассказать следующую сказку или легенду, услышанную мной от отца. Она звучит так. Когда злые люди решили распять Христа, то они обратились за помощью к кузнецу, который по национальности был цыган. И они попросили его, чтобы он им отковал пять гвоздей, которые предназначались два для ног, два для рук, и пятый вбить в сердце Христа. Цыган сделал свою работу и стал наблюдать, как те изверги начали свое черное дело — распятие Христа. Пригвоздив ноги Христа к деревянному кресту, эти злодеи начали прибивать гвозди в кисти рук Христа.

Цыгану, видевшему страшные мучения Христа, стало его очень жалко, и он решил спасти Христа от смерти. И он взял да и спрятал пятый гвоздь, который должен был быть вогнан в сердце Христа, а значит, должен был убить его. И когда палачи Христа хотели взять пятый гвоздь, чтобы за-

кончить свое черное дело, то они его не обнаружили. И тогда они обратились к цыгану, спросив его: «Ты взял гвоздь?» И цыган запричитал: «Что вы, что вы, я не брал!» Поискав еще некоторое время и не найдя гвоздя, те поняли, что без мошенничества цыгана здесь не обошлось. Они начали его пытаться, но результатов это не дало никаких. Цыган божился, что он не брал, мол, зачем он мне нужен. И тогда те злодеи прибегли к самому последнему испытанию цыгана: это клятва перед иконой в том, что он не брал гвоздя. Надо было перекреститься перед иконой, поклясться самым святым и поцеловать икону.

Христос все происходящее видел, и как цыган спрятал гвоздь, тоже видел. И он думал: примет цыган клятву, крестясь перед иконой и говоря неправду, что являлось в те времена большим грехом, или не станет и отдаст им гвоздь. Но цыган, не раздумывая, перекрестился перед иконой, поклялся в том, что он не брал гвоздя и поцеловал икону. Те переглянулись и, так как времени у них было мало — они уже слышали шаги приближающейся толпы христиан, — бросились бежать.

Когда же подошли христиане и освободили Христа от распятия, то Христос обратился с речью к цыгану: «Ты совершил грех тем, что, украв, ты поклялся перед иконой, что не делал этого. Это большой грех, но ты это сделал во имя не своего блага, а во имя моего спасения. И поэтому данную мне властью я повелеваю, что я освобождаю всех цыган от кары небесной, если они, совершив грех, клянутся, что не делали этого. Этой наградой я награждаю тебя и весь твой народ за оказанную тобой мне помощь».

Вот с тех пор цыгане могли клясться в своей правоте при любых обстоятельствах, не боясь кары небесной. Так гласит эта древняя легенда. Насколько она правдоподобна — судите сами. Но цыгане — это такая нация, что, наверное, имеет право на какие-то льготы.

Самый любимый транспорт передвижения для цыган. Вот так же верхом прискакал и тот юный цыган, у которого увели лошадь. На снимке Бумбарашка, мой сын — сын Муриши ле Ристаско.

ЕХАЛ ЦЫГАН НА КОНЕ ВЕРХОМ

И последняя сказка, которую я хотел вам рассказать, о незадачливом цыгане. Прискакал молодой цыган на своем коне в деревню за покупками в магазин. И каково же было его удивление, когда он вышел из магазина и не обнаружил своего скакуна. Кто-то его увел. Цыган заплакал, начал рвать на себе волосы. Но, как известно, слезами горю не можешь. И цыган принял решение дать объявление угрожающего характера.

Что же писал цыган в своем объявлении? А вот что: «Если немедленно не вернут моего коня, то я сделаю то, что в своей молодости сделал мой отец». И он повесил это объявление на заборе. А похитители его лошади все это время наблюдали за действиями цыгана. И когда он повесил свое объявление, их это заинтересовало. Они подумали, что цыган дает какое-то вознаграждение за возврат его лошади. И вот они подошли к забору, на котором висело это объявление, и прочли его. Каково же было их удивление, когда они прочли предложение цыгана. Они призадумались, это их очень заинтриговало. А цыган никуда не уходил, сев на землю неподалеку от своего объявления.

Наконец, не выдержав, похитители, взяв коня под уздцы, повели его к цыгану и сказали: «Цыган, ты нас заинтриговал своим объявлением. Вот, получай своего коня, но ты расскажи, что сделал твой отец в своей молодости». Цыган, увидев свою лошадь, безумно обрадовался и тут же вскочил на нее. И уже сидя верхом на коне, он им поведал историю из молодости своего отца: «Когда мой отец был таким же молодым, как я, и он прискакал так же в деревню в магазин, и привязал своего коня, и зашел в магазин. Но когда он вышел из магазина, он, так же, как и я, не обнаружил своего коня».

Те похитители его коня внимательно слушали и ждали

с нетерпением главную развязку рассказа цыгана, ожидая, что цыган расскажет о кровавых разборках, устроенных его отцом. «Ну и что же он сделал?» — спросил один из похитителей. — «Что сделал, что сделал? — с ухмылкой ответил цыган. — «Семь километров прошел пешком, чтобы добраться домой». Сказал и ускакал, оставив своих слушателей в обескураженном состоянии.

Вот такие сказки, легенды звучали во время сказаний сказочников. Но это было во время, отведенное для сказок. А в жизни цыган происходит много смешных сцен и юмора, к сожалению, не поддающихся переводу на русский язык. А если перевести дословно, то теряется изюминка этого юмора. А так многие ведущие юмористы могли бы много интересного материала обрести для своих выступлений со сцены, и я уверен в том, что эти рассказы имели бы большой восторг зрителей.

ШУТИ, НО ЗНАЙ МЕРУ

Цыгане — очень смешливый и юморной народ. Мы любим юмор, любим от души посмеяться, и все очень приветствуют людей, обладающих тонким юмором, даже если чувствуешь в их рассказе много фальши. Но если рассказано это было с большим мастерством знатного рассказчика, то это никем не осуждается, а наоборот, приветствуется. Конечно, это зависит от степени ответственности беседы и окружения в котором находится данный рассказчик. Если повестка данного вопроса очень серьезна и этот рассказчик начинает рассказывать сказки почтенной публике, то, конечно, его призовут к ответу и к правдивости своих слов. Но если это простая посиделка с бутылочкой и хорошей за-

куской, да еще со своими сверстниками, то это проходит на ура, и он становится душой общества.

Таким юмористом в цыганском мире является Чапай сын Костати из племени мизешти, по которого я уже писал. Главное — он смешит людей, а сам остается очень серьезным и не улыбнется, что придает его рассказу большей окраски. Чапай — человек фигурой худой комплектности. И вот он рассказывает о своей поездке в город на электричке. «Еду я, — говорит он, — сижу на сиденье электрички на правой стороне. И вдруг на повороте левая сторона приподнялась от рельс, вагон оторвался вверх. И тут я слышу голос машиниста в микрофон, обращающегося ко мне, так как в вагоне больше никого не было. И тут машинист говорит мне: «Гражданин в синем плаще, перейдите, пожалуйста, на левую сторону вагона». И я только перешел на другую сторону — и вагон сразу опустился на рельсы, и все благополучно закончилось».

Вот такие рассказы во время посиделок за столом нравятся очень многим людям. Ведь раньше люди были очень серьезными и, честно говоря, скандальными. При встречах с представителями из других табэров начинались расспросы по анкете: кто ты, откуда, какого племени, и после того, как человек выкладывал свои анкетные данные, начиналась проверка из архивных данных. А проверяли, не имеется ли за этим товарищем должок в виде нанесения оскорбления его племенем племени проверяющих. И довольно часто находили такие должки и возвращали лицу его племени, а он и не знал и не ведал о каких-то счетах его племени с другим племенем, потому что это было задолго до его рождения. И тем, кто возобновлял эти счета, не нужны были эти ответные действия — просто он попался им под горячую руку и в плохом настроении.

Нынешние деловые люди перестали рубить сплеча и пытаются вникнуть в суть спора, если таковой возникал. Просто люди поняли, что в наши трудные дни только юмор по-

могает выжить. А если и юмор исключить из нашей жизни, то жизнь покажется очень мрачной и серой. Так что, как поется в той песне, протри глаза и пой. А песня для цыгана как бальзам на душу.

В наши дни в современной жизни перевелись котлярские цыганские поэты и композиторы. Люди цыганской национальности, будучи совершенно безграмотными, сочиняли стихи, а к этим стихам придумывали и музыку, и получалась песня. А песня — не так просто, три куплета с припевом тра-ла-ла, а это песня с бесконечным текстом минут на тридцать, а то и больше. Текст стихов этой песни не всегда сходился в рифме, и это было не главное. Главное — был смысл этой песни, в которой иногда произносились и нецензурные слова. К ним тоже относились с пониманием к исполнителю — мол, довели человека.

Откуда же черпали материал для своих стихов цыганские поэты? А ответ довольно простой: они распевали жизненную ситуацию, свидетелями которой они были. В этом и кроется ответ на вопрос, как это неграмотные люди, не умевшие ни читать, ни писать, запоминали такой большой текст своих стихов, да еще при такой непоседливой жизни, переносясь из одного края в другой. Ответ такой: им нужно было только вспомнить тот момент, о котором поется в песне, и, вспоминая на ходу происходящие действия, они в исполнении песни шли в правильном направлении.

Но в наши дни все реже и реже встречаются такие самородки, одаренные талантом поэта и композитора. Многие боятся показаться смешными, занимаясь самодеятельностью. Другим лень напрягать свой мозг, придумывая текст стихов, а если получится — потом мучайся, придумывай музыку к этим стихам. Ведь так много уже хороших современных песен — только изучи текст и пой, радуя слух людей. Вот, например, песня: «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже». Но это то же самое, как поется в цыганской песне: «Лема, Яне Ерговане, лема, лема пала туте!»

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ НЫНЧЕ НЕ В МОДЕ

К жизни современных котлярских цыган можно относиться двояко. Есть какие-то плюсы, но все же больше минусов. Плюсы в том, чтоб люди стали более покладистые, более открытые, не такие озлобленные. Минусы в том, что цыганские люди — котляры — перестали жить общественной жизнью табэра. Они все чаще становятся единоличниками по закону «спасайся, кто может», чего в цыганских табэрах никогда не было. Это явление появилось после перестройки. Также появилась в цыганской среде такая вредная черта, как безразличие к беде своего собрата. В то же время ушла очень значимая черта цыганского быта — взаимовыручка.

Так что, братья мои цыгане, куда мы катимся? Давайте все же не терять свои законы и традиции. Ведь, как говорит пословица, друг познается в беде. Протяни руку кому-то сегодня — и тебе протянут руку завтра. Ведь жизнь человека сегодня непредсказуема: сегодня ты можешь есть икру ложками, а завтра и черствого хлеба может не оказаться на твоей кухне. И нужно помнить, что не хлебом единым жив человек. Мы теряем духовное богатство, все меньше моральное удовлетворение, потому что больше внимания уделяется материальной базе. И зачастую, увлекшись этим занятием, немногим удается оставаться хорошим другом, соседом или сострадающим человеком к своим собратьям по табэру.

Жизнь табэрных цыган не подвергалась столь значительным изменениям в течение — наверное, не ошибусь — последних двух тысячелетий, как она изменилась резко за последние двадцать лет, то есть после перестройки. Из 100% населения богатых цыган, или проще судить зажиточных, было процентов 10. Но это было не случайное богатство, а приумножение того, что осталось от предков, того, что передавалось из поколения в поколение. Остальные 90% были бедными людьми, которые радовались удачным случайным

заработкам, и поэтому они знали свое место и не зазнавались — хвастаться было нечем. Но все изменила перестройка: тот, кто перебивался с хлеба на воду, вдруг почувствовал вкус икры, шампанского и прочих удовольствий жизни. Тот, кому он вчера поклонялся, восхищался его состоянием, стал ему неинтересен. Как говорил Аркадий Райкин, «директор магазина проходит — мы на него плюём».

И, почувствовав за эти, по самым грубым подсчетам, десять лет легкую и обеспеченную жизнь, цыганский котлярский народ потерял самое важное достояние своей нации. Это коллективизация, которая задолго до введения Сталиным была в жизни цыган. Чтобы сварить кастрюлю щей и накормить семью, нужно было пройтись по домам и спросить у кого пару картофелин, у кого ложку томатной пасты, кусочек мяса или сала, полкочанчика капусты. И никто не испытывал при этом чувства неловкости — это было обычным делом между соседями. А те соседи, в свою очередь, никогда не могли упрекнуть просящую в том, что она занимается попрошайничеством, потому что завтра они тоже обратятся за помощью. Вот эту взаимовыручку и потеряли современные цыгане. Конечно, я не имею в виду того, чтобы ходить по домам и просить ложку томатной пасты или полкочана капусты. Есть вещи и поважнее.

Сейчас очень трудное материальное положение. В некоторых табэрах люди не стали отмечать большие праздники из-за плачевного материального положения. И даже в больших табэрах при общем обходе домов уже в дом того несчастного человека не заходят, потому что он стол не накрыл. И колонна празднующих поступает таким образом: они останавливаются у крыльца того дома, который на очереди по ходу, и, не заходя в дом того человека, который от стыда прячет глаза и опускает голову, они все желают ему всяческих успехов, счастья и здоровья его детям, которые смотрят на них с завистью и с чувством стыда за свое неблагополучие.

То, что раздаются хорошие пожелания для этой семьи — это хорошо. Но раньше, в те времена до перестройки, люди поступили бы так: собрались бы те, кто покруче, как говорится в современном лексиконе, и, сбросившись небольшой суммой денег, дали бы возможность и детям того несчастного человека почувствовать вкус праздничного пирога. И люди будут произносить твое имя с восторгом и благодарностью больше, чем если ты накроешь и засервируешь стол икрой, коньяком «Хеннеси» и прочим избытком. То есть нынешние олигархи потеряли древнерусский дар меценатства, которым обладал, например, великий русский промышленник Савва Морозов. В цыганских табэрах были такие люди, которые обладали большим благосостоянием, но не теряли простого человеческого чувства сострадания к ближнему.

Хотя хочу немного оправдать и остоятельных людей, которые потеряли веру в благодарность тех людей, кому они помогли. Даже я на своем личном примере, на своей шкуре почувствовал злую неблагодарность тех людей, кому я вчера оказал и моральную, и материальную помощь. Наоборот, некоторые из тех, кому я, не побоюсь этого слова, жизнь спас, записали меня в список своих недругов.

В табэре мигэшти в городе Чудово проживают великолепные ребята. Про одного я уже писал — Каирано, или, как мы его дружески зовем, Фантомас. И другой его, а также наш друг, не менее благородный и состоятельный человек по имени Шикаладо сын Гриши ла Лизако. Они не летают в облаках от перелива звона монет в своих карманах, а осознают, что они земные люди, а рядом много собратьев, у которых много проблем. И они откликаются на эти проблемы, отводя беду от своего табэра. Конечно, многие произносят эти имена — Фантомас и Шикаладо — боготворя их, но есть и такие, кто забыл, кто вчера им протянул руку помощи, и это не делает им чести. Пусть те люди не произносят слов благодарности вслух тем, кто им помог вчера, но пусть так-

же не говорят в их адрес вслух гадости, которых, видит бог, они не заслужили. Поэтому многие ребята, познав чувство неблагодарности, разуввериваются в нужности того шага в оказании помощи неимущим.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Меняется жизнь — меняются характеры и понимание людей. Традиции и обычаи становятся неудобной ношей для нынешней молодежи цыган, чтобы тащить эту ношу по всей своей жизни и передавать по наследству уже своим детям. У нас, у цыган, на каждый период жизни есть свои обычаи. С момента рождения человека и до его смерти есть свои ритуалы.

Например, когда раньше рождались дети, то в честь рождения этого ребенка делали следующее. Наполняли ведро водой и отламывали ветки деревьев, сделав из них подобие веника (если это летом) или метелки (если зимой). И, собравшись целой делегацией, состоящей из женщин и детей, ходили по домам. Входя в дом криком «ура» и хорошими пожеланиями хозяину, хозяйке и его детям, оповещали их, что у такого-то (называли имя) родился ребенок того или иного пола. В ответ хозяева, благодарные за оказанную им честь в оповещении о столь значимом событии, произошедшем в табэре, и за пожелания всяческих благ их семье со стороны оповещателей бросали в ведро с водой, с которым пришли эти люди, серебро. Это мероприятие называлось на цыганском языке «Молифта».

Почему же я сказал «называлось»? Оно и сейчас так называется, но уже не во всех табэрах это проводится. Многие считают, что это пережиток прошлого, и посмеиваются над этими традициями. И если кто-то отважится соблюсти тра-

диции наших предков и опрыснуть из ведра дом, куда он вошел, то взволнованные хозяева им с порога кричат: «На пол, на пол брызгайте, мы только что закончили евроремонт!» Вот и весь сказ. Раньше люди, наоборот радовались тому, что их хижину освежат чистой водичкой, сбив таким образом пыль со стен и потолка. А сейчас это уже называется нанесением ущерба.

Следующий пункт из жизни ребенка — это крестины. Испокон веков, как у всех православных людей, можно было брать в крестные отцы и в крестную мать по одному человеку, потому что одним словом это подчеркивалось: мать и отец, хоть и крестные, должны быть одни. Но в современном мире появились целые футбольные команды, состоящие из крестных отцов и матерей. Это новшество первыми ввели наши братья из табэра тимони, что на станции Пери в Ленинградской области. Сначала над ними посмеивались, говоря: «Как же вы в Рождество или Пасху колача (то есть подарки крестным) будете разносить? Вам их надо в один дом всех собрать!» Но потом это новшество переняли многие табэры, объясняя это так: всегда много желающих и родни как со стороны жены, так и со стороны мужа, которые хотели бы попасть в крестные. Выбрав одну крестную и одного крестного, нет-нет да кого-нибудь и обидишь. И поэтому, чтобы никого не обидеть, набирали целую сборную крестных матерей и отцов.

Следующий пункт на пути человека — это свадьба. Я уже много об этом писал и повторяться не буду. Не буду перечислять и незначительные дни в жизни человека, например, дни рождения, которые раньше никто из цыган не отмечал. Считалось бескультурьем напоминать окружающей почтенной публике тот день, когда жена родила ему ребенка. Я уже писал, что отец новорожденного ребенка в этот день старался не попадаться на глаза людям старшего возраста. Ну а сейчас, в наши дни, это само собой разумеющееся.

Замужняя женщина ведро с водой от колодца до своего дома несла на голове. Костюм замужней женщины состоит из юбки и фартука. И женщина несла ведро на голове, чтобы, не дай бог, ее юбка со стороны спины не коснулась ведра. За это женщина могла получить хороший нагоняй, а ведро выбрасывалось, так как считалось оскверненным.

На фото справа моя мать Лена дочь Филастры, слева Пэнуша дочь Ёшки и Модоки.

ШАПКА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ГОЛОВНОЙ УБОР, НО...

Что же в жизни цыган является значимым событием номер четыре? Это, конечно, жениться сына или выданье замуж дочери. На этих торжествах были свои традиции, не совпадающие с нынешними. В наши дни люди очень разбалованы. Если человек на этих торжествах в главных ролях, то он ни с кем делиться не хочет и берет бразды правления этим торжеством в свои руки. А в прошлом виновники торжества, то есть отцы молодых, выдвигали для этой роли своих более старших и уважаемых родственников. Это могли быть, в первую очередь, отцы сватов, а если их уже не было в живых, то сваты приглашали дядю или старшего брата, которые вели всю свадебную процессию. Они договаривались, убеждали, давали всяческие гарантии и обещания в том, что для их дочери жизнь будет очень благополучной (это, конечно, говорили родственники жениха).

Что касается стороны невесты, то, конечно, главное решение было за отцом девушки. Сказать «да» или «нет» один отец не решался. И не потому, что он не знал, что делать — ведь все равно именно он принимал решение о судьбе своей дочери. Но нельзя было демонстрировать безразличие и неуважение к мнению своих близких — этим можно было навести на себя гнев и долгую обиду своих родственников. А так вроде все по правилам: ты можешь и не согласиться с мнением своих близких и принять свое, противоположное мнение. В этом случае скажут: это уже его отцовское право. Зато все остальные действия уже в процессе свадьбы переходили в руки приближенных сватов, то есть главными тамадами выдвигались как с одной стороны, так и с другой наиболее красноречивые и опытные в ведении свадеб. И уже они обговаривали все детали свадебной программы, а отцы молодых со стороны наблюдали за всем происходящим.

Я хотел бы сказать о том, что до сегодняшнего дня мы недосчитались одного очень красочного и красноречивого элемента цыганских свадеб. Когда отец невесты давал свое согласие на выданье своей дочери, то для того, чтобы закрепить это отцовское слово, как гербовой печатью, отцы молодых обменивались головными уборами, которые заменяли таким образом гербовую печать. В наши дни так уже никто не делает, ни одно котлярское племя. Да и кто сейчас носит шапки, тем более шляпы? Многие молодые люди стригут голову под короткую прическу и целый год ходят без головного убора, а некоторые надевают пресловутые лыжные шапочки, и если немного перестараться и натянуть их до подбородка, то своим видом такой сват может напугать гостей за свадебным столом. Таких сватов можно принять за налетчиков, которые натянули на лицо черные чулки, не перед стариками это будет сказано. Это, конечно, легкий юмор, но с большой долей правды.

Раньше мужчины зрелого возраста, у которых уже были дети на выданье, уделяли этому свадебному элементу большое внимание, и если им на глаза попадался шикарный головной убор, в особенности каракулевая папаха, они не упускали эту возможность и приобретали этот предмет, и аккуратно упаковав его, припрятавали до того дня, когда нужно было обмениваться им со сватом, жена сына или выдавая замуж дочь. Конечно, нужно было соответствовать этому знатному статусу свата и короновать свата не задрипанной шапочкой, а шикарным головным убором, чтобы сват не испытывал брезгливости, надевая его, а наоборот, испытывал возвышенность в обществе. Вот таким мелочам, по сегодняшним меркам, люди того поколения уделяли большое внимание.

Что же значимое в жизни цыган стоит под номером 5, не считая обыденных мероприятий? Конечно, это рождение первого внука или внучки, после чего этот человек приобретает статус аксакала.

Вслед за этим событием очень значимо отделение сына из своей семьи, когда человек тем самым расширяет свое государство. Какие же обряды проводятся в этот день для этого торжества? Точнее сказать, проводились раньше, потому что в наши дни все упрощено: построил дом, и сын из отцовского дома переезжает в свой собственный, не почувствовав прелесть переселения из холодной и сырой палатки в теплый и уютный дом. А наше поколение еще успело застать эти национальные обычаи.

Первое — зарезать барана (можно и петуха, если какие-то трудности с приобретением барана), и кровью барана или петуха обмазать полы палатки, поставленной для новоселов и украшенной по краям флажками из красной материи. Второй пункт этого обряда: родители новоселов суют в рот этой живности золотой кулон, желая таким образом своим детям достатка в их новой хижине. Но, конечно, этим не ограничиваются и дарят еще и еще всяческие подарки и золотые украшения. В то время как столы ломятся от всяческих блюд, главным испытанием для молодых новоселов является то, что они не имеют права притронуться ни к одному из блюд, предназначенных для этого торжества. Они могут купить себе еды отдельно от этих кушаний и отдельно от всех утолять чувство голода.

И самое последнее: перед тем, как переселиться из дома отца в свой дом, который уже полностью готов и обставлен мебелью, эти молодые люди должны одну ночь переночевать в палатке и только утром перейти в дом, таким образом перенеся все испытания по цыганскому обычаю. Хочу сказать, что когда мой отец отделял меня и я должен был переночевать одну ночь в палатке, я испытывал какое-то неприятное чувство: я почти никогда до этого не спал в палатке, не считая детства, когда мы переехали из Славного в эти места, когда это могло бы кончиться для меня плачевно.

Муська против трех богатырей. Муська — это моя детская кличка. Таким я был тогда в битве с богатырями. 1967 г.

МУСЬКА ПРОТИВ ИЛЬИ МУРОМЦА

Я тогда заболел и лежал с температурой, долго не мог заснуть. На одной из стен палатки на каркасе была повешена картина «Три богатыря», где на лошадях верхом сидят Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович. Я не спал и взглядом уставился в эту картину, и почему-то мой взгляд был направлен на фигуру мощного Ильи Муромца. Сколько я так смотрел, я уже и не знаю, но все кроме меня уже спали крепким сном.

В палатке горела лампочка, и поэтому картина четко мне виднелась. Я смотрел на вооружение этих богатырей, и вдруг они пошли на меня, неожиданно оживившись. На их пути, чтобы меня защитить, по очереди вставали сначала Чёмпи, брат отца, затем мой дед Григорий, за ними мой отец, но их убивали, как клопов и упорно пробирались ко мне. И вот огромная ладонь Ильи Муромца потянулась в мою сторону. Я укрыл голову в перине, сильно закричав, и тут началась борьба между мной и Ильей Муромцем. Я почувствовал, как он с огромной силой тянет на себя перину, под которой я попытался укрыться. Я из последних сил пытался удержать свое убежище, но тут я почувствовал более резкий рывок этого Илюшки. Я орал не своим голосом, зовя на помощь, и попытался еще раз потянуть на себя перину. И тут резкий рывок вырвал из моих рук перину, которая давала мне надежду на спасение. Я закричал голосом человека, падающего со скалы, и потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел растерянное лицо моего отца Ристы и плачущую, не знающую что делать, мою мать Лену. Отец, видя, что я пришел в сознание, спросил, чего я испугался. И я, не говоря ничего, показал пальцем на страшную для меня в тот момент картину с богатырями. Отец встал, снял картину и спрятал ее уже навсегда, осознав, какое горе могла принести ему эта картина. Так как же могли оживить-

ся эти богатыри, не призраки ли были они? Нет, отгадка довольно простая: я, мучаясь бессонницей, долго смотрел на них и не заметил, как уснул, и надо же было, чтобы мне приснился сон именно об этих богатырях. Когда ладонь Ильи Муромца потянулась ко мне и я закричал, мой отец услышал мой голос и бросился ко мне. Но я в этот момент укрылся с головой в перину, пытаюсь спастись и думая, что это Илья Муромец тянет с меня перину, а на самом деле я соревновался в перетягивании перины с моим отцом. И когда счет был не в мою пользу, я машинально попрощался с этим миром и потерял сознание.

Утром, узнав об этом ночном происшествии от моего отца, многие взрослые ужаснулись, осознав всю серьезность этого момента. Ведь детское сердечко могло и не вынести такого испытания, что могло привести к весьма плачевному концу. А мои сверстники, узнав о моем ночном неравном сражении один против троих богатырей, дали мне кличку на долгие годы — Илья Муромец.

Так вот, по прошествии двенадцати лет (на дворе был 1979 год, а то происшествие было в 1967 году), мне нужно было вновь пройти это испытание и переночевать в палатке, чего мне не очень-то хотелось. Признаться честно к моему стыду, чувство страха присутствовало. Перед живыми я никогда не испытывал страха, а вот насчет призраков — признаюсь, что да, страх есть. И вот я пошел на хитрость, незаметно обходя наши национальные обычаи. Я купил еще дополнительное горячее в виде вина, пива и водки и в придачу хорошей закуски, и под видом того что я был отстранен от торжественной части мероприятия, я предложил своим друзьям не расходиться по домам, а погулять всю ночь напролет до рассвета. Сделав жест широкой воли и не выдавая своего страха, чтобы потом не испытывать насмешек в свой адрес со стороны сверстников, как 12 лет тому назад, я продержал их до рассвета в ранце и в исполнении песен всех стран. И только утром, когда уже было светло, обесси-

ленные и сонные мои гости потащились домой на боковую. А я, посидев в палатке на стульчике с полчаса и выполнив таким образом обряд отделения, забежал в свой теплый и уютный дом и, прыгнув на диван, заснул без всяких снов. Я прочувствовал прелесть и разницу между палаткой и домом. А нынешняя молодежь не хочет прочувствовать эту разницу. Да и отцы и матери современных переселенцев не хотят подвергать своих детей таким испытаниям и поэтому переселяют их из одного теплого гнездышка в другое не менее теплое.

ХИТРОСТЬ НЕ ПОМОГЛА

Следующее значимое событие — когда дед женит своего внука или гуляет на свадьбе внучки, а после (если повезет) правнуков. Ну а потом, как говорится, приходит время, когда человек покидает этот мир. И вот какие ритуальные мероприятия проводят люди по умершему. В первую очередь (не считая тех элементарных процедур, касающихся покойника) две ночи жгут костер, который на цыганском языке называют «преведяла». Делают это для того, чтобы на том свете человеку было светло и тепло. Потом, как я уже писал, проводятся поминки по умершему: после похорон трехдневка, потом девять дней, но только по истечении семи дней. Следующая поминка — сорок два дня или, как у цыган называют, шесть недель, которую отмечают опять же недель раньше.

Далее поминки справляют в полгода и в год, но только не точно в тот день, а на две и за три недели раньше. Вы уже поняли, что у цыган на одни поминки больше, чем у остальных православных людей — это поминки в полгода. Это

не единственное расхождение с православными законами, хотя это уже второе после костра «преведялы».

Есть еще одно действие, которое проделывают котлярские цыгане в процессе поминок. Связано оно с тем, что ни одна нация на свете не верит так искренне в загробную жизнь, как верят в нее котлярские цыгане. И поэтому люди цыганской котлярской национальности даже после смерти своих родных хотят обеспечить им комфорт на том свете и относятся к ним так, как будто они были бы живы. Когда проводят поминки, то заранее — недели за три — они находят человека и договариваются с ним, чтобы он принял их предложение в принятии одежды, которую они освятят ладаном вместе с поминальным столом и попросят господ бога, чтобы эта одежда попала к их умершему родственнику на том свете, чтобы ему не было стыдно перед окружающими его людьми. Что же входит в этот гарнитур? Костюм, рубашка, ботинки и все нижнее белье, галстук не предназначается, так как в день траура роскошь является кощунством. Люди в последние годы неохотно идут на то, чтобы приодеться за счет поминок, хотя ему нужно проносить это одеяние всего недели две, а потом нужно, собрав всю эту одежду до последней детали в пакет, отнести ее в лес и оставить на чистом месте. И все же многие отказываются от такого мужественного поступка.

На эту тему мне рассказали такую историю. В одном табэре умер мужчина весьма бедного сословия. И вот наступил день поминки шесть недель. Родственники умершего кому только ни предлагали принять от них одежду в честь умершего — всюду получали отказ. Ведь люди все же учитывают статус умершего. И иногда родственники покойного испытывают трудности и не могут найти такого добровольца с более значительным материальным багажом — люди изворачиваются, но все же из уважения к умершему и в память о нем идут на это. А тут люди открыто и без смущения отказывались. Родные этого покойника пришли в полное

замешательство. Проводить поминки без вручения костюма нельзя. И тут как будто бог услышал их и послал им случайного гостя, который был не котлярского происхождения, а был по национальности русский цыган или, как их называют котляры, «лэец».

Устроители поминок оживились и, перемигнувшись, стали уговаривать гостя, чтобы он оказал им честь и заночевал у них. Тот охотно согласился, так как ночевать ему было негде. Всю ночь хозяева потчевали своего дорогого гостя, подливая ему все больше и признаваясь ему в том, как он им всем понравился, какие дружеские чувства они к нему питают, и говоря, что им было бы очень жаль, если он утром уедет и не останется еще на один день погостить. Они уверяли его в том, что хотели бы для него организовать шикарный банкет и пригласить весь табэр, а потом преподнести ему прилюдно подарок: костюм и все остальные принадлежности, включая нижнее белье. Так, мол, гласит цыганский котлярский обычай для дорогого гостя. В общем, дурачили его так, как дурачил Фрунзик Мкртчян Шурика в фильме «Кавказская пленница», когда объяснял ему кавказские законы о похищении невесты. Гость ни о чем не догадывался и, глядя на лица своих новых друзей с маслянистыми взглядами, он дал свое согласие и так же признался им в любви и дружеской верности.

Утром они поехали в город все вместе с дорогим гостем. Весь день они не могли нарадоваться на своего нового друга, сдувая с него даже пушинки. Этот лэец никогда в жизни, наверное, не испытывал такого трепетного отношения к своей персоне — ни до, ни после. Он не мог понять, чем он им так понравился, что люди ради него делают такие большие затраты. Но раз делают — значит, надо принимать этот дар с благодарностью. Закупив все, что нужно, они приехали домой. Обычно, когда люди приезжают с таким багажом для мрачных мероприятий, лица у них скорбные. Но в данный момент, глянув на их лица, можно было подумать, что

эти продукты предназначены для свадьбы. Они улыбались, чтобы не спугнуть своего гостя, который был королем на этих именинах. Он все время пытался запеть звонкую цыганскую песню «Ой, загулял, загулял, загулял», но его все время останавливали от сольного концерта под видом того, что их интересует его личная жизнь, затем общественная, затем вне семьи.

Но вот наступила торжественная часть мероприятия. Несколько человек отвлекли гостя, пока родственники покойного провели весь ритуал, освятив дымом ладана стол, костюм и кастрюлю. Проделав все это, они предложили гостю надеть на себя их подарок — костюм, ботинки и нижнее белье, чтобы порадовать своим видом всех собравшихся у стола. Тот, ничего не подозревая, переделся во все новое и вышел к праздничному столу, приуроченному в его честь. Но есть одна деталь, которая необходима для такого события — это свеча, горящая на столе, и плюс фотография умершего рядом со свечой, которая является главным атрибутом на поминках у многих народов. Садясь за стол с сияющей улыбкой на лице, смущаясь от комплиментов людей, которых он покорила своей красотой и элегантностью, гость вдруг замер, а потом побледнел, увидев на столе огонек в виде свечки, а за огоньком фото несимпатичного мужчины. Он все понял и, поднявшись со стула почетного гостя, резко сказал, показывая пальцем на фото на столе: «Вы хотите меня одеть вместо него? Ну нет!» И прямо за столом разделся до трусов, схватил свою старую одежду и ушел, оставив их ни с чем. Пришлось на ходу искать замену и что-то придумать, чтобы провести до конца этот ритуал.

СОН В РУКУ

Дело в том, что людям снятся их умершие родственники и просят, чтобы им купили одежду, потому что им холодно или стыдно выходить в люди в разодранной одежде. А в сны мы, цыгане, очень верим, потому что часто сны бывают вещими. Однажды моей сестре Ляле приснилась наша мать. Она была чем-то встревожена и спросила сестру: «Как у вас с деньгами в доме, есть или нет?» Ляля ей ответила: «Есть, а что случилось?» А мать ей говорит: «Надо вам мне новое пальто купить, а то мое порвалось».

Утром сестра мне пересказала своей сон, а буквально через час в моем доме раздался телефонный звонок. Звонили мои друзья из нашего табэра Пуча сын Бори и его дядя Жора сын Дрилы. Они находились на кладбище, где похоронены наши родственники. Могила его отца Бори расположена рядом с могилой моей матери, бабушки и деда Григория. Он сообщил мне, что какие-то подонки повалили памятники моей матери и бабушки. Приехав на место, я увидел, что памятник, падая, ударился о бордюр и сломался пополам. Я, плача на могиле моей матушки, сквозь слезы проговорил: «Вот почему ты была такая грустная — эти подонки разрушили твою красоту. А порванное пальто — это сломанный твой памятник. И ты спросила, есть ли у нас деньги на новый. Есть, мамочка любимая, есть», — сказал я, и через два месяца мы с братьями восстановили ее памятник. Вот и не верь в сны после таких событий.

РАБОЧЕЕ РАСПИСАНИЕ

Но вернемся в 1989 год, из которого мы отступили после свадьбы младшей сестры Белки. Шло время, дни, недели, месяцы. Риста руководил своим табэром, получая хорошие отзывы из других табэров о правильном и разумном руководстве. Табэр со временем окреп, стабилизировался. Работы было хоть отбавляй, молодые ребята жаловались, что сильно устают от большого объема выполненных работ и просили сделать небольшой перерыв, недели на две. На это отец, ехидно улыбаясь, отвечал: «Пока есть работа — работайте и не просите отпуска. Завтра ситуация может поменяться, и отпуск может оказаться бессрочным. Так что куйте железо, пока горячо». И его слова оказались пророческими: сегодня мы испытываем трудности с работой за неимением таковой.

Риста часто ездил в дольные командировки и не питал к дорогам отвращения — наоборот, они его приободряли. А ведь шел ему уже шестой десяток. Риста был по своей натуре от мозга до костей работягой, он, если выразиться современным слэнгом, кайфовал от работы. Нынешние бизнесмены работают в таком режиме: утром встал, помылся, побрился, позавтракал, сел в машину. До места работы доехал в теплой машине с включенным магнитофоном. Если проголодался — в любой момент заехал в кафе, которые разбросаны по трассе хоть пруд пруди. На место приехал, не справившись во времени. Гостиница — номер-люкс. Вечером — игровые автоматы, казино или бильярд, бар. Это наше сегодняшнее рабочее расписание.

А вот сравните — расписание поколения моего отца, да что там говорить — и наше, людей помоложе, их сыновей, которые тоже успели познать вкус рабочего черного хлеба, а не легких пирожных нынешнего бизнесмена по имени «купи-продай». Как же начинался рабочий день моего отца Ри-

сты? Подъем в шесть утра, не имеет значения — летом или зимой. Без завтрака, без чая, потому что для этого надо печку затопить, а это грохот, шум — значит, поднять всех своих домашних на ноги. И он, жалея свою семью, то есть нас, жертвовал собой и уходил, не позавтракав. Бегом на трассу, ловить попутку до города, потому что автобус ходил с интервалами в полчаса. Не буду перечислять, как он добирался до конечного пункта, скажу только, что на нескольких попутных машинах. Добравшись до намеченного колхоза, он предлагал там свои услуги и заключал договор, потом таким же образом добирался обратно до города, а к концу дня — домой. Иногда ему удавалось в течение дня перекусить, а иногда он ужинал только поздно вечером, дома — не потому, что он жалел денег, просто не было тогда на трассах кафе, быстро и прочих закусовых и искать их специально — время терять. Когда он приходил домой — промокший, озябший, с обветренным лицом — при взгляде на него сердце обливалось кровью.

Когда он работал в колхозе и изготавливал какой-то заказ, ему не всегда удавалось забронировать место в гостинице или определиться на постой в какой-нибудь дом. И ему приходилось спать и в степи под открытым небом, в стогу сена, который стал ему прибежищем. Он не любил стоять на месте, ждать автобус или попутку. Для него 15 или 20 километров пешком были не расстояние. И довольно часто он осмеивал нас, молодых, когда мы часами простаивали в дороге в ожидании транспорта, чтобы доехать до города, который расположен в пяти километрах от нас.

ЧЕТЫРЕ МУШКЕТЕРА И МАТЬ-ХОХОТУШКА

Часто Риста ездил в Москву в разные министерства и учреждения по разным вопросам и, закончив свои дела, навещался в гости к своему другу и моему тестю Савке, с которым за годы сватовства он так сильно подружился, что, когда их пути пересекались, им был никто не нужен. С таким же большим уважением и почтением относилась к Ристе и хозяйка Савки, Соня, которая, как вы помните, до того как стать Ристе сватьей, доводилась ему тетей. Встречаясь, эти ребята отрывались по полной. Гулянье лилось рекой, звучали песни всех народов. Савка бросался в бой, то есть танец.

Если вы помните день моего сватовства, то я уже указывал, что брат Савки Милош хорошо играл на аккордеоне. Но звуки этого немецкого аккордеона вдруг переходили в звуки церковного органа — такое было ощущение, когда под аккордеон звучал голос старшего сына Милоша, которого зовут Иштван. Когда я впервые услышал в далеком 1978 году на моей свадьбе этого тогда еще мальчика, от первых звуков его голоса по спине побежала дрожь. Я смотрел на него и не верил, что без всякого обучения и специальной подготовки люди могут так петь. Риста, приезжая в Москву, не упускал возможности послушать в его исполнении хорошую песню, которая вообще-то могла быть и не очень хорошей, но голос этого парня любую песню мог превратить в классику. Еще в семье Савки вырос чуть позже великолепный артист и певец — его внук Антоша, сын его дочери Майи.

Майя тоже имела хороший голос, ей хорошо удавались песни болгарских певиц Лили Ивановой, Ерданки Христовой. Майя всегда была душой общества, умела веселить всех и всегда. Она вышла замуж и родила четверых сыновей. Она однажды решила развеселить больного отца, лежащего в постели. Рядом с ним сидела его жена Соня. Майя подошла

сзади и, обхватив мать за шею, поцеловала ее в щеку. Савка взглянул на Майю, и глаза его уже смеялись — он был в ожидании того, что Майя сейчас что-нибудь да выкинет. И вот она начала свое вступление: «Мам, а мам!» Соня подняла глаза на Майю и спросила: «Ну что, Маюшка?» — «Мам, у меня четыре сына, надо было мне их назвать Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян». Тогда Соня сделал вид, что обижена судьбой и всуе сказала: «А чем же я бога обидела, что мне пришлось назвать дочерей Алтынай, Гюльчатой, Зубийда и прочее?» Услышав этот диалог матери и дочери, Савка стал истерически смеяться, держась за больное место, и сказал им: «Уходите обе, а то мне больно смеяться».

Почему же я сказал, что Майя «была» смешливой? Не подумайте, ничего плохого с ней, слава богу, не случилось. У нее хорошая семья, как я уже сказал, четверо сыновей, все женаты. Шестеро внуков — четыре мальчика и две девочки. Просто современная тяжелая жизнь немного поубавила ее прыть, и она стала менее юморной и более серьезной.

Риста любил приезжать в дом Савки и мог себе позволить задержаться в доме дорогого друга несколько дней. Он знал, что Савке тоже очень приятен приезд дорогого друга. Приятно было наблюдать со стороны за этими ребятами, как они подшучивали друг над другом, поглядывая на нас с милой улыбкой и подмигивая нам, мол, сейчас я его раскручу на откровенное признание сердечных дел. Хочу сказать, что в эту семью меня, зятя, тоже приняли с радостью. И в похвалу себе хочу сказать, что до последнего дня жизни моего тестя Савки я не дал ему повода для негативного отношения к себе. Наоборот, он любил меня и гордился мной, как своим единственным сыном Мишей. Савка обожал мой юмор, мои шутки, находчивость, которую я проявлял в, казалось бы, безвыходных ситуациях, в которые меня загоняли мои друзья — родственники Савки, когда я приезжал в гости. Ведя веселые беседы, шутки, они, зная бойкость моего характера, группировались в одну команду и атаковали

меня по всем фронтам моих знаний. И я умудрялся в такт отвечать на все интересующие их вопросы.

Однажды мы поехали на природу в Пирогово Московской области. Тот день почему-то запомнился мне необычной атмосферой. В разгар пира настал час юмора. Я опять отбивался от назойливой команды, в которую входили Лоти и Янош сын Люки и Володи, Фрицо сын Сони и Жоры из племени дукони. Мой тесть Савка и шурин Миша наблюдали за моими действиями, получая удовольствие от четких ответов на вопросы, заданные моими оппонентами. Нейтрально держались Милош и его сын Иштван. И вот Лоти задает мне провокационный вопрос (учитывая, что я уже был под градусом): «Почему вы, змеи, зимой спите?» Он имел в виду наше племя сапоррони, то есть змеи. Савка с интересом смотрел на меня в ожидании ответа. И я дал исчерпывающий ответ: «Неужели тебе не ясно, что умный человек переждет дурную погоду?» Все рассмеялись и сказали мне: «Ну ты змей!»

Лоти тоже был не подарок, и шутки его были на высоком уровне. Однажды он ехал на машине Милоша без доверенности. На одном из постов ГАИ его останавливает инспектор и просит предъявить документы. Лоти достает и отдает документы хозяина машины. Инспектор раскрывает корочку водительского удостоверения и видит фото лысого мужика, а у Лоти пышная шевелюра на голове. Инспектор с ухмылкой говорит ему: «Что же это вы на фотографии лысый, а в жизни с пышной шевелюрой?» На это Лоти не задумываясь ответил: «Так там же я был молодой!» То есть у него со временем не выпадают волосы, а растут. Инспектор оценил юмор водителя и, оштрафовав его по минималке, отпустил, смеясь ему вслед.

Вспоминая светлые дни нашей молодости, невольно осознаешь невозполнимую потерю той атмосферы.

РОДНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Шли годы. Наступили 90-е. Боря сын Володи зажил в табэре полноценной жизнью — открыл кооператив, создал себе бригаду, включил туда своих сыновей и Васю, брата отца. Работа шла, он справлял свадьбы, выдавая замуж дочерей и жена сыновей. К сожалению, Боря очень рано заболел гипертонией, которая приводила его к микроинсультам. Но в середине 90-х случился инсульт и посерьезней, который парализовал правую ногу, и она не поправилась до конца его дней. А умер Боря 17 августа 2002 года в возрасте 52-х лет.

Но это было потом, а в 1992 году к нам приехали сыновья Чёмпи с просьбой приютить их. Было их пятеро, по старшинству: Пацаной, Боря, Бокала, Руслано и Жора. Отец дал им разрешение, и они переселились — пять семей, пять домов. Это придавало табэру уже статус маленькой республики под названием Сапоррони. До 1995 года так и продолжалось — приезжали люди, чтобы поселиться в нашем табэре. Приехали и мои дядья — братья моей матери Лены, а именно брат Бакро, брат Гогай и брат Боча с семьями. То есть за последние двадцать три года число домов в табэре достигло числа 1971 года, когда жили с нами и сэулони, и брынзони. Все жили той жизнью, которая должна протекать согласно уставу и законам табэра.

Главное условие перед поселенцами ставил Риста: не ставить свои личные интересы выше интересов табэра. Как гласит пословица, любите себя в театре, а любите театр в себе. Все работали, выполняя работу, которая имела спрос на тот момент. Остались в прошлом сатураторные установки для газированной воды, отошли в прошлое бачки, которые мы, правда, никогда и не делали. А вот Бакро и Гогай занимались плотно этой деятельностью. Правда, после той страшной аварии, в которой погибли Бадя и брат Комбири,

они долго этого не делали. Но, переселившись в Бахмач Черниговской области в табэр своих родственников из племени дэмони, которым руководил Гогай сын Ристы ле Францеско (брат Филастры, матери Бакро и Гогая), они делали бачки, потому что дэмони занимались именно этой работой. Бакро пытался найти какую-то другую работу, но тщетно. И хочешь не хочешь, а пришлось взяться за эту неприятную работу, из-за которой лишился жизни их старший брат. Жизнь есть жизнь, и семьи нужно кормить. Изготавливали бачки, нанимали машину, обговаривали маршрут и цену за проведенное в пути время.

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ

Когда они продавали бачки или обменивали их на продукты питания, часто можно было наблюдать такую картину. Кто был посмелее или, проще говоря, нахальнее, просил у хозяек самогон, варенье, сало, огурцы и прочие продукты. Их часто кормили сердобольные хозяйки, а те и не брезговали и с удовольствием уплетали за обе щеки, только за ушами треск. А Бакро все время осуждал их: как можно есть в доме, в котором ты в первый раз находишься и не знаешь ничего о хозяевах, может, они заражены какой-нибудь болезнью, а вы едите из их посуды. Но те ему говорили, посмеиваясь над его брезгливостью: «Ты посмотри, какие вкусные блюда для нас на столах ставят, да еще деревенский самогон!» — «Да ну вас, — говорил Бакро, — нарветесь на какого-нибудь ненормального, накормят вас из его тарелки». А те ему: «Ну и что, самогон все собьет».

И вот однажды, будучи навеселе, Бакро зашел во двор одного очень ухоженного дома с красивым забором, калиткой — ну что говорить, украинская красивая хижина. Ба-

кро окликнул хозяйку. Дверь отворилась и вышла пожилая, но очень приятной внешности женщина. Она была очень опрятна, на ней был подвязан фартук, а на голове аккуратно подвязан платочек. Руки женщины были в тесте — она явно к нему вышла прямо от кухни. Бакро начал демонстрировать все прелести бачка — можно в нем и солить, и мочить, и все что хочешь. Женщина сказала: «Заходите, пожалуйста, я сейчас закончу свою стряпню и займусь с вами».

Бакро зашел на веранду, где была плита, а женщина варила вареники. На столе стояла огромная миска, наполненная пышными большими варениками. Видя аккуратно прибранный дом и аккуратную во всех отношениях женщину, Бакро впервые в жизни позволил себе вольности: взял из миски один вареник и начал есть, одновременно беседуя с хозяйкой. Вареники были очень вкусные — с творогом, и Бакро взял еще один. Женщина, видя, что гостю вареники пришлись по вкусу, добродушно сказала ему, подвигая поближе миску: «Ешьте, ешьте пожалуйста». И вдруг на веранде стало темно из-за того, что что-то огромное загородило окошко, через которую на веранду пробивался свет. Бакро резко обернулся и увидел перед собой огромное продолговатое лицо ненормального человека с выпученными навыкат глазами, со слюной у рта, и ростом под два метра. Он что-то искал на столе и, увидев большую миску, из которой ел Бакро, громко заголосил: «А кто ел из моей миски?» Он взял ее, с горкой наполненную варениками, и удалился.

Увидев это Бакро бросился на улицу, и фонтан рвоты брызнул у него изо рта. Как раз мимо шли его ребята за новой партией бачков, так как те они уже продали. Они были очень довольны — бачки идут нарасхват. И тут они натякаются на блюющего Бакро. Они бросились к нему с расспросами: «Что случилось, кто тебя ударил?» Они думали, что кто-нибудь из хозяев этого дома ударил его, что довольно часто случалось в практике этих ребят. Но Бакро сказал им, что надо срываться с этого места, потому что хозяева это-

го дома вызвали милицию. Погрузившись, они резко снялись с этого хорошего места, а Бакро по дороге отпаивали самогоном. Только удалившись на приличное расстояние от деревни, он им признался, в чем было дело. «Ну а зачем же было с места срываться? — спросили его ребята. — «А мне хотелось быстрее забыть об этой деревне».

БАБКА, БАЧОК НУЖЕН?

Вот такие смешные истории случались с нашими ребятами при продаже бачков. Но бывало, что случались и весьма плачевные ситуации, как случилось с моим другом Артуром сыном Истрати ле Володяско и Папины ле Гогости племени миеэшти. Артур жил в городе Струпино Владимирской области и тоже занимался изготовлением бачков — их называют на цыганском языке «виварки». И вот однажды, захав в одну из деревень, он начал с края деревни от первого дома свой обход с десятком бачков, который на цыганском языке называют «тянко». Они изготавливаются по такому принципу: сначала самая широкая виварка, потом поуже, и так далее, а потом они складываются, как матрешки, одна в одну. Для чего это делается? А для того: взял свой тянко — и вперед, не возвращаясь к машинам за следующей, пока не продашь все десять.

Вот и наш Артур, взяв свой тянко, начал распродажу бачков. Продав несколько штук удачно, он, воодушевленный успехом, вошел в очередной двор, который был у него на пути. Он позвал хозяев, но никто не откликнулся на его голос. Он вошел в калитку и, подойдя к крыльцу, снова позвал хозяев, но опять никто не ответил. Он подумал, что, мол, живет в этом доме какая-нибудь глухая старушка и не слышит его крика — такое бывало довольно часто. И тогда

приходилось заходить самому в дом, и только увидев его, такие старушки отзывались. И на этот раз Артур вошел в дом без всяких опасений: ведь ничто ни предвещало беды. Входная дверь была открыта, что тоже его не насторожило: в деревнях во многих домах двери не запирают, потому что хозяйки всегда дома. Не услышав голоса хозяйки, он вошел внутрь и, открыв очередную дверь, замер на месте. В этом доме действительно проживала глухая старушка, но глухая она была оттого, что была убита. Она лежала в постели с проломленным черепом. Но видно было, что это убийство было хорошо организовано, потому что, когда Артур был на улице и довольно долго входил в дом, он никого не увидел. Никого рядом и в помине не было.

Увидев страшную картину, он хотел быстро развернуться и покинуть этот дом, потому что кто же ему поверит, что не он убил несчастную старушку, на богатство которой, видать, кто-то позарился. Но только он успел об этом подумать, как в дом ворвалась группа людей, которые сразу повязали ошарашенного Артура. Больше двух лет отсидел Артур, пока органы выяснили, что он ни при чем и отпустили его. Сколько порогов пришлось пообивать Истрати, отцу Артура, и его группе поддержки! Но слава богу, что все кончилось благополучно.

ВЫХОДНЫЕ - ДЛЯ ОТДЫХА

Вот такая пестрая жизнь цыган, которая меняется, как осенняя погода: то солнце светит, то неожиданно дождь ливанет. Нужно сказать, что жизнь цыган всегда подвержена опасности. Если десять человек стоят вместе на автобусной остановке и один из них вдруг обнаружит пропажу, то ментально подозрение падает на цыгана, даже если он не ви-

новат, и поэтому мы, цыгане, находясь в общественных местах, всегда начеку. Если в приемных разных предприятий люди оставляют свои вещи, сумки на стульях, мы стараемся держаться подальше от этих вещей. Мало ли, кто что оставил дома, забыл — подумает, что стащили, особенно увидев нашего брата. Мы придерживаемся пословицы: береженого бог бережет. Потому что трудно нам, цыганам, доказать свою невиновность в не совершенных нами нарушениях.

Однажды, было это в 1972 году, мы находились в командировке в Вышневолоцком районе Калининской области, в деревне Есеновичи. Мы заключили договор с райпотребсоюзом на лужение дёж, а с лыжной фабрикой, которая находилась в соседней деревне (сейчас не вспомню название), договор на сатураторные установки и баллоны для газированной воды. Было нас четверо: мой отец и наш бригадир Риста, я и двое его братьев — Коля и Мурша. Сначала мы взялись за пекарню и всю неделю, то есть от понедельника до пятницы, проработали там. Но наступили выходные дни — суббота и воскресенье, когда пекарня не работает. Мы жили в местной гостинице, и два дня бездействовать отцу не хотелось. Он договорился с главным инженером, чтобы мы в эти выходные могли приступить к изготовлению сатураторных установок, тем более что нам не нужно было находиться внутри цехов фабрики, а работа наша должна была производиться на улице.

Отец сообщил нам о своей договоренности с главным инженером и сказал, что мы в эти выходные не будем отдыхать и терять время, а будем работать. Услышав это, мы стали отговаривать Ристу от столь рискованного и необдуманного шага: быть на территории фабрики в выходные, когда все рабочие отдыхают. Случись что-нибудь на фабрике — в первую очередь обвинят нас. Риста стал нас переубеждать: «Ну что может случиться? Не бойтесь, ничего не случится». Просто Риста не представлял себе, что он будет делать два дня без работы в глухой деревне. А в работе эти выходные

пролетят незаметно. И мы отправились на работу на базе этой лыжной фабрики. Приступив к работе на берегу реки, мы увидели, что по территории фабрики ходит главный инженер. Нас это немного подбодрило, потому что, будучи одни на территории фабрики, мы чувствовали какой-то дискомфорт, и после наших опасения оправдались.

И вот часам к одиннадцати из корпусов фабрики повалил черный дым, а за ним показалось пламя. Увидев это, мы попрощались в мыслях с жизнью, потому что эта фабрика кормила больше половины жителей деревни, которые работали на этой фабрике. Увидев пожар, Риста бросился искать главного инженера. Тот быстро вызвал по телефону пожарные машины, но деревенские жители, увидев черный дым над фабрикой, бросились все тушить пожар.

Пожарники приехали быстро и приступили к тушению. Люди бегали с ведрами с водой и на ходу, охая и ахая, говорили: «Это, наверное, цыгане подожгли». Так оправдались наши опасения. Мы подумали: вот сейчас бросятся на нас деревенские мужики и забьют кольями до смерти, без суда и следствия. Спас нас от самосуда тот самый главный инженер, сказав людям, что мы все время были под его наблюдением и работали поодаль от фабрики. Спасло нас от страшной участи и то, что фабрика уже горела несколько раз и до нас, и люди поэтому не стали делать скоропалительных выводов.

Пришел участковый милиционер, начал нас вызывать по очереди в комнату, находящуюся в мастерских при этой фабрике, и допрашивать. Вызвали и меня, расспросили по всем пунктам: как я увидел пожар, когда, что я делал до пожара и где находился. Мне было тогда всего 13 лет, но я не стеснялся и ответил четко и хладнокровно все как было. Глядя на Ристу, мы видели, что он немного растерян. Он был в догадках: поверят нам или нет. Если нет, то нас сопроводят в отделение милиции, но для нас в данный момент это был лучший вариант против того, что жители деревни могут нас

забить. Но закончилось все нормально: быстро было установлено при помощи главного инженера, который видел, откуда бьет огонь, что пожар произошел от электропроводки. Народ услышал вердикт пожарников, и люди смягчили колючие взгляды, которыми буравили нас насквозь.

Риста не стал испытывать судьбу, и, когда участковый сказал, что мы свободны, дал нам команду собрать весь инструмент в укромное место. Переодевшись, мы пошли в свою гостиницу отдохнуть. Глядя на Ристу, мы его подкалывали: «Ну что, бригадир, много мы сегодня наработали?» Он, немного улыбаясь, признался, что был неправ, но тут же сказал: «Но вы бы подумали, что такое может случиться?» — «Что именно такое — нет, — говорили мы, — но ведь мы с самого начала тебя предупредили, что случись что-нибудь — во всем обвинят нас». Но Риста не был человеком, который не боролся до конца. И на этот раз он не согласился и, усмехнувшись, сказал нам: «А, так это вы накаркали!» Мы все рассмеялись и прекратили бессмысленную беседу, понимая, что Риста хотел как лучше и ему сейчас и так тяжело осознавать то, что с нами могло случиться. Но хорошо то, что хорошо заканчивается.

Уже после этого мы все время напоминали Ристе тот случай, когда он нас не послушал. Если создавался в работе спор и он нас не слушал, мы, чувствуя свою правоту, ехидно ему говорили: «Опять? Ты забыл лыжную фабрику?» На это он нам отвечал: «Вы мне так и будете все время напоминать? Не ошибается тот, кто ничего не делает». Сказав это, Риста от своего не отступал, и нам приходилось подчиняться.

Вот такие рабочие моменты бывали в нашей трудовой деятельности. И то, что тогда меня раздражало, сегодня я вспоминаю с таким трепетным чувством, думая: какое счастливое время было тогда, в те далекие и счастливые годы! Мой отец Риста был полон сил и энергии. Но если подумать и подсчитать, он тогда был моложе меня сегодняшнего: если мне сейчас 48 лет, ему тогда было на 10 лет мень-

ше — 38 лет. И была в нем заложена такая энергия, которая двигала им, не сбавляя хода, до того трагического дня, 16 октября 1993 года, когда он слег от инсульта. А ведь ему уже было 59 лет, и накануне этого страшного дня он ездил допоздна по рабочим делам. Когда с ним случилась беда, никто в это не верил, зная его как очень здорового человека. И все, даже русские люди, услышав, что у Ристы инсульт, говорили: «Всегда так получается — богатыри валяются прямо с ног». Риста тоже свалился с ног, но у этой болезни была почва для дальнейшего роста. Никогда не жаловался Риста на головные боли, на повышенное давление. Самое страшное, что с ним случалось, — это насморк. С начала рокового 1993 года, с января и до августа, он был очень здоров, и ничто не предвещало беды.

Тем летом он сам изъявил желание поехать с моей мамой Леной к ее братьям в Белгород, и они поехали в разгар рабочего сезона, чего он никогда не мог себе позволить. Даже когда он ездил в другие табэры, чтобы женить нас, своих сыновей, и то переживал о затраченных днях и думал, как бы все ускорить и вернуться домой, чтобы приступить к любимому занятию. А тут он сам предложил поехать погостить к родственникам и друзьям молодости, которые проживали в табэре мизешти под руководством брата матери Бакро. Те были приятно удивлены и не верили, что он приехал к ним просто погостить, не имея в их городе никаких дел. Погостив там около недели, он вернулся домой и тоже организовал застолья, приглашая всех к своему столу.

ПРЕДЧУВСТВИЯ МЕНЯ НЕ ОБМАНУЛИ

Но, видно, какое-то предчувствие было у него на душе. И не случись двух потрясений в его семье, может, и пронесло

бы. А случилось вот что. Был выходной воскресный день. Боря сын Володи организовал посиделку с хорошей закуской, пригласив Ристу к себе, как и остальных мужчин. Это были сыновья Чёмпи — Пацаной, Боря, Руслано, и многие другие. Я в этот день был на своей стройке, так как я строил дом. И вот Ристе с размаху сообщает прибежавший мальчик, что его младший сын Гриша разбился на своей машине, — без всяких подробностей и прочих деталей.

Все, кто был за столом, одновременно охнули в один голос, что придало этому известию двоякий смысл. Все рванулись с места, и машины срывались с места одна за одной, набитые пассажирами. А я, не ведая ни о чем, шагал навстречу моей матери. Увидев ее встревоженное лицо, я спросил так, как героиня фильма «Высота» Инна Макарова, когда Николая Рыбникова увезли на скорой: «Что за шум, а драки нет?» Мама мне со слезами сообщила о случившейся беде с моим младшим братом. Я запрыгнул в свою машину, открыл дверь маме и сорвался с места — поехал выручать брата. Примчавшись на место ДТП, я увидел всю картину, от которой мне стало дурно. Слава богу, ничего такого страшного не было, но нога Гриши была сломана открытым переломом, и кость торчала, где голеностоп. Мы отвезли его в одну из больниц, в ЦРБ нашу районную, но там нам посоветовали отвезти его в областную. После тщательного осмотра там вынесли свое заключение: внутреннее кровотечение, требуется операция, что врачи и сделали — слава богу, успешно.

Вот тогда был нанесен первый удар здоровью Ристы. Прошло где-то полтора месяца, и в конце сентября пришло новое испытание на прочность здоровью моего отца: на этот раз на операционный стол попал уже мой младший сын и внук Ристы Арсен. Мы госпитализировали его в Московскую детскую урологическую больницу, и там нашли дефект, который требовалось удалить только оперативным путем. Отец ходил к заведующему отделением, который был и главным хирургом, Фуату Кемаловичу, и чего только

не обещал — всяческих вознаграждений, лишь бы только его внук не оказался на операционном столе. Болезнь можно было вылечить другим путем, но врачи были непоколебимы и твердили одно: проблему можно решить только при помощи операции, и чем быстрее мы ее сделаем, тем лучше будет для ребенка, которому было тогда девять лет. То же самое говорил и мой друг, хирург нашей Тверской областной детской больницы Сергей Павлович Сергеичев. Этот замечательный человек и помог мне в трудной ситуации, вывел меня на московскую больницу, в которой он раньше работал. Из уважения к нему, ко мне как к его другу — так он меня представил — отнесли на высшем уровне, за что я ему и замечательным хирургам до конца моей жизни благодарен. Они прекрасно провели сложнейшую операцию, которая длилась около четырех часов.

Это был второй удар по здоровью Ристы, более сильный, чем первый. И не потому, что там он меньше переживал, просто Гриша уже взрослый человек, и операция была проста — соединить лопнувший от удара сосуд, который создал внутреннее кровотечение, и шла операция около часа. А тут ребенок, и операция очень сложная. Ристе как деду было очень больно осознавать, что его внук на столе под ножом хирурга, ведь все знают, что деда и бабки к внукам относятся более трепетно, чем к собственным детям.

Но вот операция закончилась благополучно, и моего сына Арсена провезли мимо нас в реанимационную палату. Увидев, что внук качает головой — значит, приходит в себя после операции, — Риста поднял голову и, перекрестившись, поблагодарил господ бога за то, что все хорошо закончилось. За все время операции Риста не проронил ни слова, и можете себе представить, чего это ему стоило. Взглянув на отца после операции, я впервые заметил его нездоровый вид. Я спросил его: «Что с тобой?» Он ответил: «Да ничего особенного, голова сильно болит». Я и моя теща Соня попросили медсестру померить ему давление. Он, размахивая

руками, запричитал: «Не надо, я никогда этого не делал». Но все же мы его уговорили. Померив ему давление, медсестра широко раскрыла глаза и сказала: «Да вы что, ребята, очень высокое давление!» Я точно не помню, какое, где-то 230 на 120. Она сказала, что ему лучше лечь и принять несколько уколов. Но моя теща Соня дала ему пару сильнодействующих таблеток из своих запасов, и ему попростову небольшого времени стало лучше. На этом, как говорится, инцидент закончился. А ведь это был первый тревожный звонок, который спустя меньше месяца ударил в большой колокол, звон которого услышали все табэры цыган Советского Союза.

БОЛЕЗНЬ НЕ КРАСИТ

Утром 16 октября 1993 года раздался тревожный стук в мое окно. Это была жена младшего брата Гриши Алёна. Они жили в семье отца, и она сказала: «Мурша, приди к нам срочно, отцу плохо». Я, как солдат по тревоге, оделся, и не за 45 секунд, а, наверное, секунд за 30, потому что сердце мое предчувствовало беду. Прибежав в дом отца и увидев его, я понял, что с отцом случилась большая беда. Но гадать я не стал, а направил братьев к нашему фельдшеру Лидии Петровне. Приехав и осмотрев отца, Лидия Петровна подтвердила мои догадки и поставила страшный диагноз: инсульт. Мы вызвали скорую и повезли его в лучшую тверскую больницу — областную. Позади скорой ехало большое количество наших машин. Все были очень встревожены и просили господ бога, чтобы оградил от большой беды всеми любимого человека и барона табэра сапоррони. Но господь бог не услышал мольбу табэра сапоррони. Диагноз врачей был самый страшный — ишемический инсульт. Мы

все просили, умоляли врачей, чтобы они сделали все возможное и спасли нашего дорогого человека, но они сказали: все, что нужно было, мы сделали, введя самые лучшие препараты (мы привезли их по списку). Теперь нужно ждать: если после трех дней он выживет, следующая контрольная дата — десять дней. Если он пройдет и этот рубеж, то уже будем ждать следующего.

Конечно, после каждого такого контрольного дня назначалось новое и новое лечение. Мы искали самые лучшие препараты, спрашивали докторов их названия и эффективность. Из Москвы по моей просьбе мой шурин Миша и теща Соня привезли пиявок, так как в Твери их было не найти поздней осенью. Увидев Ристу в таком положении и с таким болезненным видом лица, Соня, утирая слезы по племяннику и свату, призывала его быть мужественным и стойким, потому что только обладая этими качествами, можно победить этот страшный недуг. Соня, видя Ристу на больничной койке, не верила своим глазам. На протяжении пятнадцати лет их знакомства она привыкла видеть его цветущим и жизнерадостным. Сколько песен прозвучало в исполнении этого замечательного квартета сватов! С одной стороны это Риста и Лена, то есть мои родители, с другой — Савка и Соня, родители моей жены Елзы. Для Сони приезд Ристы в Москву всегда был праздником, всегда устраивались долгие посиделки за столом двух настоящих друзей, которые не кривя душой и не создавая только видимость дружбы, относились друг к другу с большим уважением и мужской любовью.

И Соня, глядя на Ристу, находящегося при смерти, боялась за него, и впервые она была против встречи Ристы с Савкой. А была она против этой встречи потому, что год тому назад она похоронила Савку. Было ему тогда, в 1992 году, всего 57 лет. Савка долго болел, ему удалили почку. Но он был такой жизнелюб, что вселял надежду в наши сердца, что ближайшие двадцать лет, по самым скромным подсчетам, смерть ему не грозит. Правда, выписывая его из боль-

ницы в последний раз, его лечащий врач сказал сыну Савки Мише и другим родственникам, что состояние Савки очень плохое, и максимальное время, которое он может прожить, не более восьми месяцев.

Услышав из уст врача страшный приговор, вынесенный отцу, Миша пришел в отчаяние. Привезя отца домой, он начал искать знатных врачей, профессоров, но их ответ тоже был неутешительным. Тогда Миша прибег к помощи народных целителей, и ему посоветовали одну женщину, которая жила в Житомире, где жила его сестра Мая и зять Лойзи.

И вот Миша и его мать Соня с большим трудом посадили Савку в поезд и все вместе поехали к этой женщине. Пройдя курс лечения и вернувшись с большим трудом домой, Миша разуверился в чудесном выздоровлении отца. Но каково же было удивление всего семейства Савки, когда он день ото дня начал чувствовать себя все лучше и лучше. Все глядели на цветущий вид Савки и были счастливы, и, честно говоря, уже с иронией относились к тому профессору, который прогнозировал смерть Савки через восемь месяцев. Это было в начале 1992 года. Вот уже проходит восьмой месяц из отведенных этим профессором, а Савка с каждым днем выглядит все лучше и лучше.

И ЖУРАВЛИ КОГО-ТО ОКЛИКАЮТ

Но вот наступило 10 сентября 1992 года. Миша, видя, что отец чувствует себя хорошо и ничто не вызывает опасения, поехал с женой и двумя дочками в Витебск к родителям жены Ружи. Отец Ружи Коля сын Меми племени бузони был тоже болен и изъявил желание перед смертью повидать дочь, зятя и внучек. Несколькими днями раньше моя жена Елза, ни с того ни с сего обидевшись на меня и ничего

не сказав, уехала к родителям, ошарашив их таким неожиданным решением — такого раньше никогда не бывало, но позже все само собой объяснилось. Савка тогда жил не в табэре, а в многоэтажном доме, в квартире, которую он вместе с Соней выхлопотал в администрации Мытищ. И вот 10 сентября, пятница. Савка, Соня, и был с ними в тот день их внук, сын дочери Дони Рустам. Целый день самочувствие Савки было хорошее. К вечеру они все вместе посмотрели передачу «Поле чудес», Савка бурно реагировал на то, что женщина позарилась на какую-то жалкую сумму, упустив машину в качестве приза. Выключив телевизор, он лег спать, а Соня, Рустам и Елза еще сидели и разговаривали.

И вот стрелки часов перешагнули рубежи 10 сентября, то есть наступило 11 сентября. Этот день в семье Савки с 1971 года считали несчастливым. Вопрос, почему. А ответ такой: в этот день 11 сентября 1971 года умерла мать Савки, которую звали Павлена. И вот спустя ровно 21 год, день в день, Савка позвал Соню. Он сказал, что ему плохо, он задыхается. Трое растерявшихся человек — его жена, дочь и внук — бегали обезумевшие по квартире, осознавая, что они его теряют, а помочь нет никакой возможности. И вот пробили последние минуты этого замечательного человека, и его не стало.

Я хочу вернуться к тому моменту, когда Елза, ни с того ни с сего обидевшись на меня ни за что, уехала к родителям. Многие, небось, подумали: вот мужик дает — ни с того ни с сего. Не хочет, мол, признаваться, а сам, наверное, поколотил жену. Нет, друзья мои, за нас решил, наверное, все-таки господь бог, пожалев мою бедную тещу Соню. Вы представьте себе эту страшную картину: что бы было с женщиной, окажись она одна со своим горем в пустой квартире. А тут ей бог послал неожиданно, скорей всего, для поддержки, дочь Елзу и внука Рустама, который жил тогда в Туле.

На похороны Савки приехали мы с моим отцом. Риста был человеком очень стойким, и слезу из него было трудно

выбить. Но, глядя на него, смотрящего на бездыханное тело своего друга Савки, можно было понять, что он очень переживает эту невосполнимую потерю. Когда Савку опустили в могилу, неожиданно в небе раздалось курлыканье журавлей. Все подняли головы, и мы увидели клин журавлей, пролетающий именно над нами. Вдруг клин рассыпался на отдельные группы, и в небе появились буквы из птиц. Все попытались прочесть текст, но, конечно, у всех получалось по-разному. Интересно, что, пролетев над нами подальше, клин снова соединился, и, как будто ничего не было, журавли полетели дальше. Соня и Миша посчитали, что это был знак, поданный Савкой, и они выбили потом на памятнике Савки журавлиный клин.

Для меня смерть Савки была тяжелым ударом. Он был для меня не только тестем, несмотря на большую разницу между нами — 24 года — мы с ним были друзьями. И переживал я эту утрату не меньше, чем его дети. Поэтому я хотел бы посвятить ему четверостишие — о том моменте, когда в небе появились журавли, а его опускали в могилу.

Клин журавлей над нами пролетает,
Курлыканьем своим они зовут.
И не тебя ли клин тот ожидает?
Разлетевшись, буквами плывут...

Когда я приехал домой после похорон Савки, передо мной всегда почему-то вставал образ шурина Миши. Я впервые осознал так близко потерю очень дорогого человека, глядя на Мишу и видя, как он тяжело переносит потерю отца. Он оплакивал отца не молча, а как будто беседовал с ним, принося ему свои извинения за то, что оставил его и не спас. Я смотрел на Мишу, слышал его рыдания, и при взгляде на моего отца сердце мое почему-то похолодело, хотя тогда мой отец был очень здоров и повода для таких мыслей не было.

Приехав домой, я рассказал своим друзьям — сыновьям

Бори Пуче и Раджи, а также Руслано, сыну Чёмпи — о похоронах Савки и о том, как люди его оплакивали. Особенно я выделил Мишу и то, как он сильно растревожил мое сердце тем, как он оплакивал своего отца. Я ни с того ни с сего вдруг объявил свое обещание перед своими друзьями: что мой отец мне ни скажет, я даю слово, что в ответ не проношу ни слова, хотя до этого мы с ним все время спорили или не соглашались друг с другом. Просто я всегда думал, что смерть отца спрятана далеко в сундуке, и поэтому относился к нему, не придавая значения сказанным словам. Но теперь, глядя на плачущего Мишу, я как будто почувствовал, что — кто его знает — может такое случиться и с моим отцом. Так почему же не оставить свою гордыню в стороне и за оставшиеся годы отдать всю дань уважения и сыновью любовь своим старикам? И целый год я ни разу не сказал отцу ни слова поперек. Как будто бы мне кто-то подсказал это тогда, на Савкиных похоронах. Я иногда думаю: не Савка ли мне дал тогда последний совет? Ведь он всегда давал мне полезные советы, и может быть, когда я нес на плече гроб Савки с его телом, душа его, отлетая, шепнула мне последний совет на ухо? Иначе я не могу объяснить свой поступок. Ведь я дал слово о полном послушании своему отцу всего за год до его болезни. После того, как заболел отец, мне на ум все время приходит пословица: что имеем, не храним, а что теряем — плачем. Жалко, что мы не осознаем это вовремя.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДНОСИЛА НЕОЖИДАННОСТИ

Но вернемся в палату областной больницы, где в тяжелом состоянии лежал Риста. Стали приезжать родственники отовсюду. Около месяца мы провели в больничных стенах, не покидая отца. Отлучались только по работе, сменяя

друг друга. Ведь горе горем, а деньги зарабатывать надо, тем более сейчас. И бог в этом плане нам очень помогал — перебоев с деньгами не было. Под новый год мы привезли отца домой, и встретили этот 1994 год так, как я не пожелаю и врагу. Это как в песне: этот праздник со слезами на глазах. И не только у нас, его детей, — все жители табэра не представляли себе, как они впервые будут справлять праздники без того, кто всегда был душой компании. Боря сын Володи не мог спокойно, без слез смотреть на больного брата. Так же переживали сыновья Чёмпи — Пацаной, Боря и Руслано. Они очень беспокоились за жизнь своего дяди.

Но как жизнь непредсказуема! Риста прожил с начала болезни и до смерти одиннадцать лет, пережив всех выше перечисленных родственников. В 1995 году умерла его мать Дарья, и это было понятно и ясно: ей было ровно 80 лет. Она бы прожила еще лет пять, но болезнь сына Ристы подорвала ее здоровье. В 1997 году, два года спустя, умерла жена Ристы и моя мать Лена, которой было ровно 60 лет, и это уже было воспринято как нездоровая тенденция. Ведь мать была не настолько больна, чтобы мы оценили ее смерть как само собой разумеющееся. На похоронах и своей матери Дарьи, и жены Лены Риста изъявил желание проводить их в последний путь. И мы, взяв с собой для подстраховки нашего фельдшера Лидию Петровну, взяли Ристу и поехали на кладбище, исполнив его просьбу и в одном, и в другом случае.

В этом же 1997 году Ристу ждало еще одно сильное потрясение: 10 апреля скорпостижно скончался Боря сын Чёмпи. Ему было 39 лет, и эта трагедия уже вызвала панику в нашем табэре — ведь он был здоровым мужчиной. Но, к сожалению, это была не последняя потеря для этой семьи. Прошло три года, и вслед за своим братом Борей, умирает Пацаной или, как по-настоящему звучало его имя, Янко, которому было 45 лет. Правда, нельзя сказать, что смерть Янко была такой же неожиданной, как смерть его младшего

брата Бори: у Янко было больное сердце и много раз ставился вопрос об операции, но ее все время откладывали, а потом вроде бы надобность отпала. Но, как оказалось, это было обманчивое впечатление. Несчастье произошло 11 августа 2000 года. Прошло два года с небольшим хвостиком, и 17 августа 2002 года умирает Боря сын Володи. Ему было 52 года, он умер тоже от сердечного приступа. Каждый раз после того, как кто-то умирал, мы с опаской, не спеша, но все же сообщали об этом Ристе. Он, конечно, принимал это очень болезненно, но на похороны мы его уже с собой не брали.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДУЛАЯ

Жизнь есть жизнь, она дана нам от звонка до звонка, и какие бы потрясения ни были нам уготованы, их надо преодолевать и жить до того последнего дня, который указал господь бог, по законам наших предков и передавая их из поколения в поколение. Я уже ознакомил вас, дорогие мои читатели, со многими законами цыганского законодательства. И вот хочу рассказать еще об одном таком законе, который является не обязательным, а рекомендательным. Он касается случая, если в семье рождаются близнецы или двойняшки-мальчики.

Дело в том, что жизнь показала, что они не должны жить и расти в одной семье. Такие дети довольно часто умирали, еще будучи грудными, и еще в давние времена люди вроде бы нашли выход из положения. Они приняли решение: из двух зол выбираем наименьшее. И, поэкспериментировав в таком направлении, родившихся малышей требовалось разлучить, отдав одного из них в другую семью. Можно было отдать бабушке, но если дети рождались в доме бабушки, то

их нужно было отдать в другую семью. Это касалось только близнецов или двойняшек-мальчиков. Если рождалась смешанная двойня (мальчик и девочка), то их оставляли вместе.

Вот про такую пару мальчиков близнецов я хотел бы вам рассказать. Они родились в семье одной молодой женщины. Дав малышам немного окрепнуть — месяца два, решением домашнего суда их требовалось разлучить. Предложили родственникам, но никто из них не пожелал приютить одного из малышей. И вот нашелся доброволец, который хотел бы взять в свою семью одного их малышей, он был из другого табэра. Он хотел взять этого мальчика для своего сына, так как в его семье были одни дочки.

Мальчик был отдан в надежные руки и в хорошую семью. Его приняли как родного, и жизнь малыша проходила в очень хорошей обстановке: все его баловали, ласкали. Но это было до того момента, пока в семье сына этого деда не родился мальчик. Тогда усыновленному малышу, которого называли Захар, было уже четыре года. Всегда происходит так: когда в семье рождается очередной ребенок, то все внимание переносится на этого малыша, а более старшему уделяется меньше внимания. С того момента, когда дед впервые взял Захара и прижал его к своей груди, он буквально прикипел к нему сердцем, и все эти годы не упускал его из виду и из рук: по ночам вставал, подогревал ему молоко и кормил из соски, пеленал его, переодевал — в общем, выполнял все гигиенические процедуры. И поэтому этот ребенок был для него дороже всех остальных, даже родных его внучек. Даже родившемуся родному внуку он не радовался так, как приемному Захару. И когда у его сына и снохи пропал интерес к приемному сыну и они стали больше внимания уделять родному малышу, дед взял Захара к себе на свое попечительство и воспитание. По рассказам очевидцев, из-за чрезмерного обожания приемыша Захара этому деду доставалось от жены: мол, что это ты так печешься о приемном внуке, обделяя вниманием родного. Но дед не пред-

ставлял своего существования без этого выросшего на его руках ребенка. Ему шел уже восьмой год, и все эти годы дед не оставлял мальчика ни на минуту, ведя его за руку везде, где бы он сам ни находился.

Жили они тогда в одном городе с другими родственниками, в том числе с родственниками матери мальчика. Как-то к этой матери приехал отец, и нашел ее с проплаканными глазами. Он поинтересовался, что случилось, почему она плачет. Та ему рассказала, что ее так расстроило: до нее дошли слухи, что ее усыновленного сына очень обижают и не уделяют ему внимания. И неизвестно, как он там живет, и материнскому ее сердцу больно осознавать, что ее кровиночку держат там в нечеловеческих условиях. Отец попытался успокоить дочь — может, это не так. Но его успокоение привело дочь в плач и крик: «Я не смогу жить без моего малыша, и я пойду на все, лишь бы вернуть свое чадо в семью».

Видя, что утешать дочь бесполезно, отец сказал: «Ну что же, поехали за сыном». Приехав на место и собрав цыганский суд (по-цыгански «крис»), мать поведала суду и его присяжным о мотиве сбора этого суда. Она рассказала, что ее материнское сердце уже столько лет не может успокоиться, тоскуя по родному сыну, и что она готова компенсировать любую сумму человеку, который все эти годы содержал и растил этого ребенка, то есть деду. Дед, услышав требование матери Захара, призвал всех людей к здравомыслию и пониманию: «Люди, чего же вы просите? Чтобы я отдал вам свое сердце, глаза, жизнь? Это для меня было бы легче, чем отдать моего Захара. Я его взял маленьким комочком, когда ему было несколько месяцев. Сегодня ему уже восемь лет. Все эти годы я не оставил его ни на минуту, брал его везде, где я ходил. Ночами я просыпался на его плач и грел молоко, чтобы накормить его. Если молоко оставалось, я наливал его в бутылочку и прятал за пазухой, чтобы оно не остывало. Я ссорился со своей семьей, если кто-то его обижал. Я не уде-

лял внимания моим родным внукам, так как роднее моего Захара для меня никого нет и не будет. Люди, обращайтесь к матери и отцу Захара, не отнимайте у меня жизнь! Ведь если вы отнимете моего Захара, я долго не проживу». Но в ответ мать ребенка изливала ему и судьям боль своей души и тоже возможную свою смерть из-за страдания по сыну.

Суд, выслушав обе стороны, все же принял сторону матери и вынес решение в защиту ее интересов. Но учли и интересы опекуна, выплатив ему стороной истца определенную сумму. Кто видел эту трагедию, не мог остаться равнодушным, и люди плакали крокодильими слезами, наблюдая диалог деда и внука. Внук обнял деда за шею и умолял не отдавать его незнакомым людям, говоря: «Дедушка, милый, если ты меня им отдашь, я умру без тебя. Я не смогу жить без тебя, прошу тебя, пожалей меня!» Дед обнял внука, целовал его щеки, и он уже не плакал — он уже выл, прося о пощаде. Люди убегали прочь со слезами на глазах, потому что не было сил смотреть на это индийское кино, которое многих берет за душу.

Но долго так продолжаться не могло, и судьи решили действовать более решительно и отделить внука от деда. Подошел самый смелый и, сделав суровое лицо, хоть и со слезами на глазах, обхватил мальчика и потянул его к себе. Мальчик, в свою очередь, обхватил деда за шею и умолял взрослых дядь сжалиться над ним и не разлучать его с любимым с дедом. Но суд вынес свое решение, и надо было принимать жесткие меры. Мужчина прибавил усилия и потащил мальчика вместе с дедом к себе. Пройдя несколько метров по инерции, дед разжал руки, и их с внуком разделили. Дед, видя удаляющегося от него любимого внука, завыл, как волк на луну и, стоя в полный рост, рухнул лицом на землю. Люди подбежали, подняли его, а он лишь повторял имя своего внука: «Захарушка!» Мальчик тоже был в истерике оттого, что его разлучили с самым дорогим для него человеком на всей земле.

И вот по дороге в аэропорт Захар, держась за руку своего нового дяди, идет с понурой головой. Проходя мимо ларька, он вдруг оживился и попросил: «Дяденька, дайте мне, пожалуйста, 35 копеек». Дядя нагнулся к нему поближе и спросил: «А зачем тебе, маленький, именно 35 копеек? Может, тебе дать больше?» На это мальчик ответил: «Столько стоят сигареты «Ту-134», я хочу купить дедушке, я тебе их отдам, а ты ему передашь». Услышав эти слова, взрослый мужик залился слезами и, сдерживая свои эмоции, дал мальчику рубль. Малыш попросил его купить сигареты, а потом передать дедушке.

Дед после того, как его разлучили с внуком, потерял покой и не находил себе места. Проходя мимо собравшихся детей, он со слезами на глазах спрашивал их: «Мальчики, а моего Захарушку не видели?» Получая отрицательный ответ, он уходил с понурой головой. Глядя ему в спину и видя вздрагивающие плечи, можно было понять, что с ним сейчас происходит. Но вот ему вручили послание Захара — пачку сигарет «Ту-134». Он взял ее, целовал и повторял имя внука. Он так и не раскрыл эту пачку, положив ее во внутренний карман, и время от времени распахивал пиджак и смотрел на нее с такой нежностью и любовью, как будто перед ним был сам Захар. По словам тех же очевидцев, после этой разлучи недолго прожил этот человек, так больше и не увидевший своего Захара. Имена участников этой истории я осознанно не указал из этических соображений.

После такого рассказа мало кто останется равнодушным и не прослезится, жалея бедного старца и осуждая тех, кто разлучил его с любимым питомцем. Но можно понять и материнское сердце, которое стосковалось по сыночку. Может быть, она и не пошла бы на столь решительные действия, если бы не дошли до нее слухи о жестоком обращении с ее кровиночкой. Как бы то ни было, но я вам рассказал все как было.

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК РИСТЫ

Но вернемся в табэр Ристы, которому жизнь преподносила все новые и новые испытания. После смерти Бори, которая была неожиданной несмотря на его болезнь, по прошествии года жизнь вошла в знакомое русло. Играли свадьбы, крестили детей. Приезжали гости, и чьи бы гости ни были, они приходили в дом Ристы, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и выразить дань уважения, чему он был очень рад и отвечал кивком головы. К нашему большому сожалению, речь к отцу после случившегося инсульта так и не вернулась, и он лишь кивал головой в ответ на приветствие.

Незадолго до смерти отца к нам в табэр сватать невестку приехали моя старшая сестра Белка и зять Рищё. Присмотрели они себе невестку в семье Ристы сына Камбири, доводившегося мне двоюродным братом. Жену его звали Милява, она была дочерью Тома ла Бинако. Это их родственники погибли тогда в ДТП в начале моего рассказа — Камбири, отец Ристы, и Бадя, брат Милявы. Общее горе их потом соединило. После развода с первым мужем Миляву выдали замуж за Ристу, и кто знает — случайность это или воля божья.

Сосватав невестку, Белка и Рищё получили родительское согласие, но сроки свадьбы были определены после пасхи, в апреле. А было только начало сентября 2003 года. Родители невестки были непоколебимы и не поддавались на наши уговоры провести свадьбу не потом, а сейчас. Но ничего не поделаешь, родительское слово — закон. Рищё поехал на вокзал и купил билеты, чтобы отправиться с семейством домой и ждать назначенную дату свадьбы сына. Я посмотрел, как они собирались, и что-то мне подсказало: не надо откладывать свадьбу, а надо постараться уговорить родителей невестки сыграть свадьбу сейчас. И я сказал, обращаясь к Рищё: «Вот что, зятек, не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня». Он, улыбнувшись, сказал: «Что ты имеешь в

виду?» — «А вот что: поезжай на вокзал и сдай свои билеты обратно, а пока ты едешь, я попробую уговорить родителей молодой невестки поменять свое решение». Рищё сказал: «Навряд ли тебе это удастся». На это я ответил: «Есть у меня один весьма весомый довод, против которого вряд ли у них найдется отрицательный ответ». Рищё сказал: «Ну что ж, шу-рин, если ты это сделаешь, я буду тебе очень благодарен».

И вот прошло около часа, пока Рищё ездил на вокзал и обратно, и по приезде я ему сообщил, что завтра он уже может начинать подготовку свадьбы на выходные. Рищё опешил: «Как так быстро у тебя получилось их уговорить? Что ты им сказал?» А ничего особенного, просто я их призвал к пониманию того обстоятельства, что состояние здоровья моего отца Ристы очень плохое. И может получиться так, что через полгода на свадьбе нашего племянника мы как главные действующие лица можем и не присутствовать, так как неизвестно, сколько суждено прожить нашему отцу. И родители молодой, признав этот довод убедительным, дали свое согласие. Рищё и Белка были на седьмом небе от счастья. Мы все соединились, сыграли замечательную свадьбу, на которой погулял и мой отец Риста. Он преподнес молодым подарок от себя.

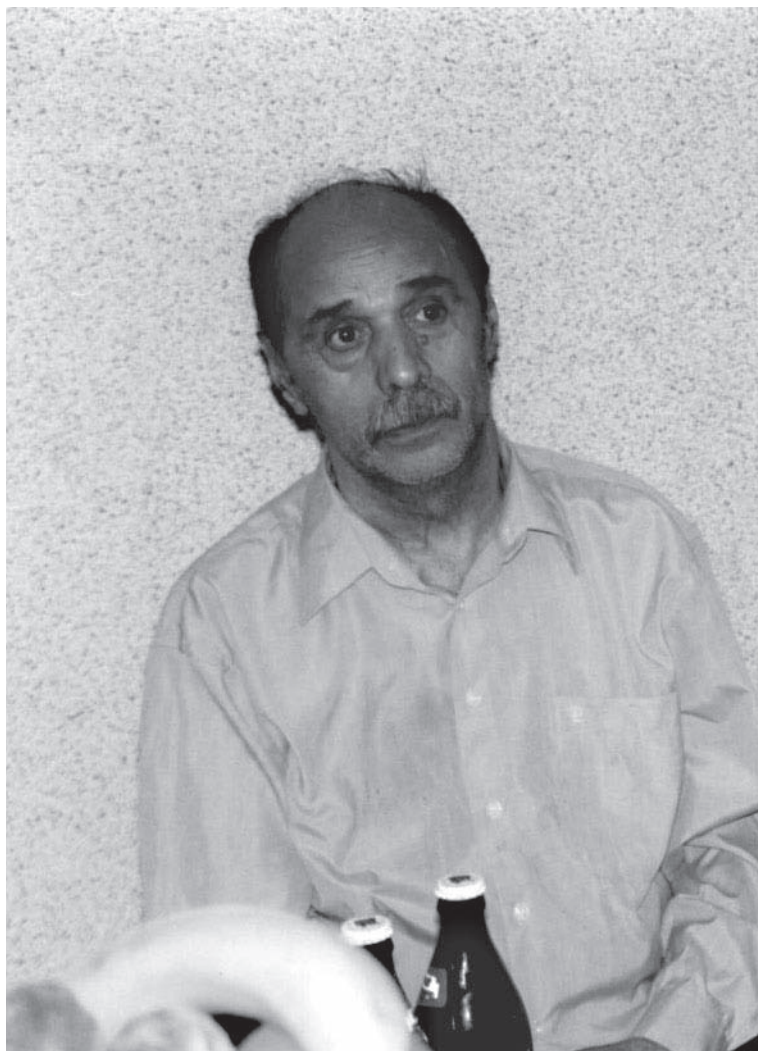
УХОД РИСТЫ

Проводив сестру Белку и зятя Рищё с семейством, мы догуливали еще несколько дней, но на душе у меня было тревожно непонятно от чего. Я подумал: может, оттого, что я изменил своим принципам? Я всегда был противником ранних браков, а тут я сам настоял на этой свадьбе. Но прошло меньше месяца, и я понял, что был прав, что настоял, а также понял, отчего у меня на душе было тревожное чувство.

А случилось вот что: 1 октября 2003 года неожиданно умирает Милява, мать нашей молодой. Я был в шоке: неужели на самом деле есть какая-то потусторонняя сила, которая вселяет мысли на расстоянии? Уговаривая Миляву не откладывать свадьбу дочери, я боялся того, что отец может умереть в любой момент. А оказалось, что ее смерть случилась раньше на несколько месяцев. Вот такие предвидения случались в моей жизни иногда. В последние дни января 2004 года моему отцу стало резко хуже, он находился в предсмертном состоянии. Все ждали, что вот-вот он умрет. Но я почему-то сказал всем, что он умрет в двадцатых числах февраля. Почему я это сказал? Потому, наверное, что моя мать Лена умерла 26 февраля, и, наивно рассуждая, я думал, что они должны были умереть в один день, хотя бы и в разные годы.

Но я ошибся всего на одну неделю. 19 февраля 2004 года Ристы сына Гриши ла Коканак не стало. Уход отца вызвал во мне двойное чувство. С одной стороны, это ужасная потеря и полное сиротство. Отец хоть и был болен последние 11 лет, но я знал, что у меня есть отец, к которому я могу прийти и чем-то с ним поделиться, поговорить с ним, рассказать ему, что происходит в других табэрах. Мы с ним довольно часто пели песни, и, как ни странно, пел он, очень четко выговаривая слова. Что касается второй стороны вопроса о его смерти, то мне как человеку и христианину, наверное, можно было бы смириться с тем, что болезнь была неизлечима и что он отмучился. На его похороны приехали все ближайшие родственники, и я невольно сам себе сказал: «Наверное, у него были такие же чувства на сердце, когда он хоронил своего отца 28 лет тому назад, как сейчас у меня».

Так закончилась жизнь на этой земле замечательного человека, который был в жизни настоящим полководцем, который знал, чего он в этой жизни хочет и как он должен себя вести в той или иной ситуации. Он умел находить общий язык с людьми любого ранга и сословия. Он мог дать отпор

Это одна из последних фотографий моего отца Ристы. Будучи серьезно больным и в возрасте около семидесяти лет, как вы видите, он хорошо выглядел.

тем, кто терял контроль над собой и разговаривал с ним в ультимативной форме. Его принцип был такой: мне чужого не надо, но и своего не отдам. Или, проще говоря: кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. Человек должен, конечно, пропагандировать в жизни доброту, но и постоять за себя и за своих близких тоже обязан уметь. Я искал возможность решить ту задачу, которой была болезнь. Но признаюсь в своем бессилии — не смог этого сделать. Болезнь была сильнее моих человеческих сил даже в руках знатных профессоров. И на эту большую тему я написал небольшой стих:

Отец родной, меня прости,
Что не сумел тебя спасти.
Виню себя в той неудаче,
Что не решил твою задачу.

Не человеческой рукою
Дана задача нам с тобою.
Лишь тот, кто главный на весь свет,
Знал на задачу ту ответ.

В своей книге я посетовал на проблему, что перевелись среди котлярских цыган поэты и композиторы. Я попытался заполнить этот пробел, насколько это у меня получилось — вам судить. Я также попытался сделать перевод своих стихов с цыганского языка на русский. Я столкнулся с трудностями: очень сложно перевести то же самое слово с цыганского на русский, да еще и в рифму попасть. И, возможно, на русском у меня получилось через пень-колоду. Но я хотел бы довести до вас, чем озабочены люди старшего поколения, а именно поведением современной молодежи, и больше всего поведением молодых снох, которые пренебрегают этикой поведения замужней женщины и, выражаясь военной терминологией, соблюдением субординации перед командным составом в лице братьев, сестер и родителей своего мужа.

1

Со кэрдилэ э лумя най со тэ ппенес
 Чи ашунел о щав ла да ай ле дадес
 О прал ката прал чи лажял
 Ай бори ката кумнато чи дарал

Люди изменились — нечего сказать:
 Сын не хочет нынче слушать ни отца, ни мать,
 Младший брат пред старшим нет, не промолчит,
 А невестка брату мужа может наругить.

2

Э рромни па рром пхенел, со камел,
 Леска дакэ англа лесте вой дума дел
 Во дикляс ригате канчи чи пхендяс
 Вескэ коркорро англа латэ песка дакэ дума дяс.

А жена о муже может все сказать,
 Мать его пред ним обидеть, он ей промолчать,
 Он лишь оглянулся — нечего сказать,
 Сам недавно пред женою он обидел мать.

3

Ле пхурэ пхененас ворба харани
 На де дума па те нямю ту англай рромни
 Вой тут милуилту те нямос прасал
 Дулярэл ту вой кадя тут брэ ката те прал

Старики твердили умные слова:
 Ты родню перед женою не ругай в сердцах.
 Она тебя жалеет и ругает их,
 Так она тебя отдаляет от родных твоих.

4

Май англал э лумя анкелас анде бар
Армал пе кодо толас кон чи авел те хал
Сас э лумя просто пас вои барвале
Акана барвайли э лумя кэрдиле гаже

Раньше выходили с криками во двор
И обедать приглашали, всех зовя на сбор,
Были люди бедны и душой просты,
Стали люди — олигархи и душой черствы.

5

Ашунен щявале лумя барвали
Со пхенав туменгэ ворба харани
Траин ла годяса на дик по бужё
Сан ту холе молдовияко ай чи сан гажё

Слушайте, цыгане, те, кто олигарх,
Смысл слов моих поймите в двух словах.
Лады ты с головою, бедность не изьян,
Ты ж цыган кровей молдавских, а не бусурман.

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

В этих своих стихах я хотел передать чувства новогодней ночи и наступления нового года. Каждый новый год под знаком того или иного животного мы желаем то, что я написал в этих стихах.

Год собаки. 2006 год.

Вот и наступает год собаки.
Что нам в год собаки пожелать?

Чтобы он прошел без ссор и драки,
Только дел финансовых нам знать.

Ведь собака — друг для человека,
Преданнее нету существа.
И такой останется вовеки,
И тебе останется верна.

Человек не может похвалиться
Преданностью, верностью такой.
Если вдруг пред ним зазеленится
Доллар, фунт иль рублик золотой,

Человек колеблется, что выбрать:
Дружбу или благо для себя.
А собаке косточку лишь выбрось –
И она жизнь кончит за тебя.

1.02.2006

Год свиньи. 2007 год.

Год свиньи — название плохое.
Что же может хуже быть свиньи?
Грязное, вонючее такое,
Извалявшись, хрюкает в грязи.

Это лишь снаружи наблюдаенье.
А когда заглянем мы внутри —
Мясо, сало, печень — объеденье!
Это же богатство, посмотри!

Так что твердо верим мы в год хрюши,
Что он в год свой нас озолотит.
Встанем все и свой бокал осушим!
Елка в год свиньи горит.

19.02.2007

ПЛЕМЕНА КОТЛЯРСКИХ ЦЫГАН

В конце этой книги я бы хотел указать всех, кто причастен к роду сапоррони по линии отца или по линии матери. Род сапоррони начался, как вы помните, от Гого ла Каляко — это было примерно 120 лет тому назад. У Гого было два старших брата, Букуро и Гирица. До рождения Гого наше племя называлось цинэрони, в состав которых входили такие племена, как поррони и рувони. Как мне поведал Липа ле Пикоско, эти племена образовались из одного большого племени цинэрони. Как образовалось наше племя, я уже написал.

Теперь надо бы вас ознакомить, как были переименованы наши собратья по племени поррони. Наши братья, нынешние поррони, были переименованы после кровопролитной драки. Одного из них сильно порезали во время драки, удар ножом был нанесен в живот. Через образовавшуюся рану вылезли кишки бедного человека. Увидев это, люди крикнули: «Его порра вылезли наружу!» Порра — это по-русски «кишки». Все пришли в оцепенение, потому что большинство людей увидели такое жуткое зрелище впервые. Трудно сейчас сказать, что стало с этим человеком — жив остался или нет. Но по прошествии небольшого времени после того случая их, выделяя из большого племени цинэрони, стали называть поррони, то есть кишки. Так появилось это племя, и на сегодняшний день их молодежь и не знает, наверное, что они раньше назывались цинэрони.

Что касается другой республики этого штата, то это наши сородичи рувони, то есть «волки», Их переименовали после такого случая: будучи еще штатом цинэрони, их семьи переезжали с одного места на другое. Остановку сделали на опушке леса, чтобы переночевать, а наутро снова тронуться в путь. Но поздним вечером они недосчитались одного из своих маленьких детей, мальчика лет восьми. На крики ро-

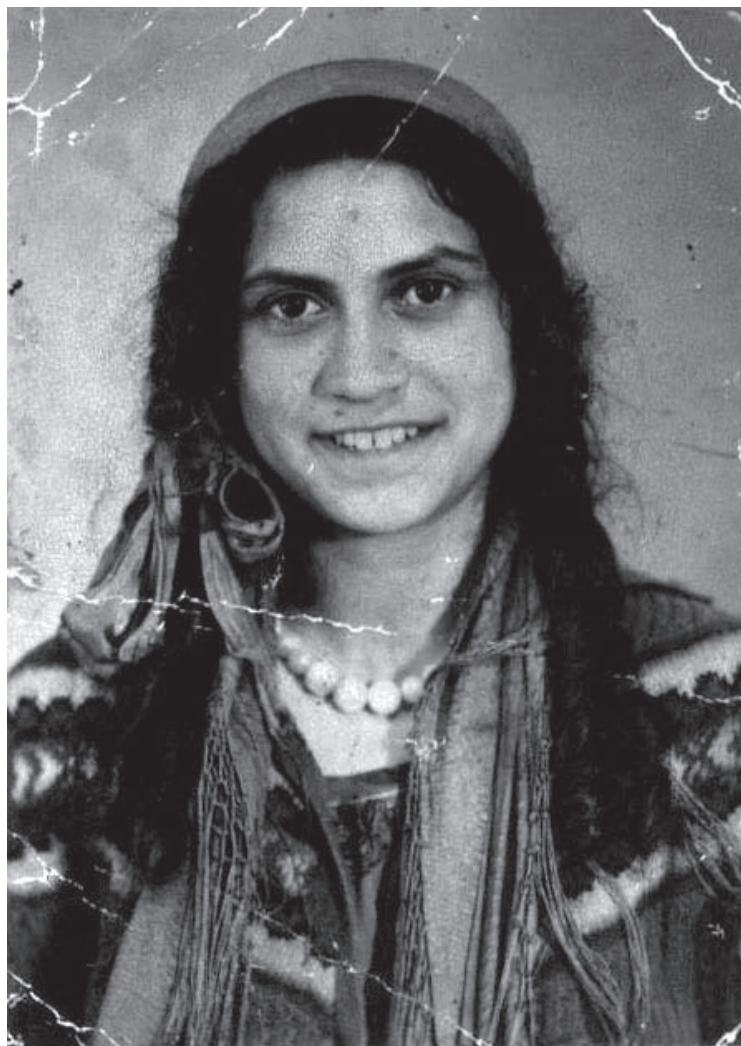
дителей подошли остальные родственники, и все бросились его искать. Но поиски, которые проходили на протяжении всей ночи, не дали никаких результатов.

Наутро отъезд надо было откладывать, потому что мальчик мог выйти из леса именно на это место. И так поиски затянулись, но никаких следов этого мальчика не обнаруживалось. К этому моменту к поискам подключились и другие люди из других племен, подъехавшие для поиска пропавшего. Волбно или невольно, но стали слышны такие пессимистические высказывания, что, мол, всё, в живых мы его не найдем, его съели волки. Но по прошествии пары дней этот мальчик вышел из леса к месту стоянки табэра так же неожиданно, как исчез. Обессиленные люди взяли тайм-аут, чтобы, передохнув, снова броситься на поиски, а он вдруг сам на них вышел. Все сразу бросились к нему и, окружив его, стали рассматривать, нет ли травм или укусов зверей. Не обнаружив никаких телесных повреждений, все облегченно вздохнули и принялись его кормить и поить. Окружив плотным кольцом этого Маугли, все смотрели на него с умилением — как он аппетитно уплетает еду. Момент напряжения прошел, все приходило в нормальную обстановку. И кто-то из подошедших, увидев в центре круга мальчугана с большим котелком каши, сказал: «Это, что ли, тот, которого волки съели?» И крикнул ему: «Эй, руворро!», то есть «волчонок». Так одним выкриком создалось новое племя рувони, основателем которого был тот мальчик. Вот так развалилось из-за кличек случайных хохмачей целое племя цинэрони на маленькие племена сапоррони, поррони и рувони. Так мне объяснил наш уважаемый старец Липа ле Пикоско из племени рувони. И поэтому я призываю своих соплеменников нации цинэрони жить дружно. И помнить, что мы одной крови — ты и я.

Мы, цыгане, являемся одной нацией для всего остального мира, но между нами есть разделение по племенам. И я сейчас перечислю все племена которые знаю сам. Есть очень

много современных названий, возникающих как клички, их я не буду называть. Перечислю я по алфавиту нации только молдавские и приближенные к молдавским. Так как мы, сапоррони, являемся главными героями этой книги, нас я не включаю в список и начну с других.

Б	Ё	П
бедони	ёвони	паракони
бобокони	ёникони	пелинони
болосони	ёнешти	петрешти
ботони		поррони
брынзони	Ж	
бузони	жоицони	Р
булбарэ		рувони
бурикони	К	С
бэлэрони	карабетони	сербия
бэнэца	карфолони	стойкони
	колони	сзулони
В	комбоёни	Т
василёни	котрымбони	тошони
вовони	крестевецони	
воржони	Л	Ч
вошони	лолоррони	чайкони
Г		чёкыртони
грэннони	М	чичёни
	менешти	чукурони
Д	митони	
дешудуй	миэешти	Х
доброжя	молокони	Хунанайцы
дукони	мошони	хымбулони
дэмони		
дэнони	Н	
	немцони	

Это Доча ле Ёшкаси и Лулуди. Такой она была в молодости.

Завершаю свои рассказы о дорогих моему сердцу людях, кем являлись для меня мой дед Григорий и мой отец Риста сын Григория ла Коканако, также я упомянул о моей бабушке Дарье и матери Лене. Много я рассказал о других людях из других табэров, встречавшихся на пути моих родных. Я хочу поблагодарить людей, которые помогли мне собрать нужные материалы для книги. Это, в первую очередь, Доча дочь Лулуди и Ёшки. Она обладает феноменальной памятью. Испытывая сомнения в достоверности того или иного материала, я часто обращался к ней за помощью и получал исчерпывающей ответ на мои сомнения. Доча с семьей и мужем Борей очень много кочевала, объездив весь Северный Кавказ и другие города, узнав много людей из разных племен, и этими знаниями она мне сослужила добрую службу. Очень мне помог Валё сын Гриши ле Ёноско из табэра тимони — он оказал мне услугу, дав справки по интересующим меня вопросам.

ОБРАЩЕНИЕ К СОПЛЕМЕННОКАМ

Последние строки своей книги я хотел бы написать как обращение или пожелание к своим собратьям. Те, кто прочитал книгу, заметили, что я написал, в основном, о хороших людях. Я это сделал осознанно, оставив все плохое за страницами этой книги. Надо пропагандировать добро, а не зло. В нашей жизни так много зла, которое исходит от телевизора и всякой литературы. Ведь молодежь много подражает тому, что ей преподносит массовая информация. Вспомните прошлые годы: нам показывали фильмы с положительными героями. После просмотра фильма «Тимур и его команда» собирались отряды ребят и шли по деревням помогать старым людям по хозяйству. В наши дни моло-

дые ребята посмотрят фильм «Бандитский Петербург» или «Бригада», и уже собираются иные отряды штурмовиков, от которых, как от лука, одни слезы.

Так вот я призываю: не надо стесняться своей доброты и человечности. Не гневите бога в совершении греха. В Библии написано: не убий, не укради. Я не призываю к следующей цитате из Библии: бьют по щеке — подставь другую, но к другой цитате все же призову: быть терпимей, не пороть горячку. Молодежь цыганской национальности, призываю вас не терять наше национальное достояние — это уважение к старшему поколению. Нельзя не заметить, как мало людей доживает до преклонного возраста. Поэтому, молодые, будьте внимательны к ветеранам табэра. Когда сидишь за столом, вкусно ешь, сладко пьешь — оглянись, кто за твоей спиной. Если это старый человек — уступи ему место. В твоей жизни таких застолий будет очень много, а его жизнь уже идет к закату. И когда он увидит, что ты встал и уступил ему место, тем самым обозначив его статус уважаемого человека, его это вдохновит — значит, в этой жизни он чего-то достиг.

К моему большому сожалению, моих собратьев по роду сапоррони разбросало по многим городам Советского Союза. Со многими мне так и не довелось познакомиться, некоторые уже покинули этот мир, так и не соединившись со своей исторической родиной. О сыновьях Гирицы я уже писал в начале этой книги — как они потеряли своего отца. Лаци с женой Маней покинул табэр сапоррони вроде бы на год и уехал к родственникам жены в табэр вошони, но этот год оказался навсегда. И его дети и внуки проживают на сегодняшний день под Ленинградом в табэре, уже переименованном из вошони в тимони. Сыновей Лаци, как вы помните, зовут Идо, Мода, Тима, Конфето, Бирши и Валё. У всех есть дети и внуки, их семей там больше тридцати, что уже соответствует статусу независимого табэра.

Сыновья Букуро и Павлены — это Гогай, Золотой, Гри-

ша, Моркой и Бакрорро, дочери — Билия, Чернявка, Зухра. Дочерей выдали замуж, старшего Гогая уже нет в живых, а остальные, по сведениям цыганской почты, проживают со своими сыновьями в Кургане. Там же, в Кургане, проживает и сын Ёргуло — Вася со своими детьми.

Вы, наверное, заметили, что о месте жительства своих собратьев я узнал по цыганской почте. Да, действительно, сейчас мы не имеем между собой связи и информации. Вот так получается в нашей жизни в 21-м веке: вроде бы и техники современной много, сотовые телефоны есть — набери номер и звони во все концы земного шара. Но, несмотря на прогресс в техническом плане, теряется духовный прогресс и пропадают родственные связи вроде бы одной семьи. А наши отцы и деды дорожили родственными отношениями, и если их волновали и беспокоили судьбы соплеменников, то они и без сотовых телефонов налаживали связь и давали о себе знать родственникам. В наши же дни появилось такое высказывание: «Какие родственники? Мои родственники — у меня в доме». Так вот, братья мои, я вас всех призываю, и себя в том числе, — давайте не суживать границы нашего родства, а наоборот их расширять. Вот я попытался сделать это, найдя наших братьев по роду цинэрони. Это роды поррони и рувони. Если я и ошибся, то это не беда — мы от этого ничего не потеряли, а только приобрели, так как все люди братья.

Продолжить свой список потерянных родственников я хотел бы перечислением семей детей Брэтьяно. У Брэтьяно было пятеро сыновей: Чёмпи, Жора, Хулупи, Рупа и Гэля. К сожалению, сейчас в живых остался только самый младший — Гэля. Он живет с детьми и племянниками в республике Казахстан, в Алма-Ате, и тоже, к сожалению, не поддерживает с нами связи.

Дети Дрилы ле Дёрдеско проживают на Украине, в Киеве. Это Павела, Банго, Додо, Мащё, Бецо и Рищё. Сын Дрилы Жора недавно умер — в 2003 году. Больно осознавать, что

наши отцы допустили просчет, разъехавшись по разным углам великой страны. Сейчас по численности конкуренцию табэру сапоррони могли бы составить, наверное, разве что род миеэшти и дэмони. По моим подсчетам, только по мужской линии число наших семей превышает двести, включая семьи нашего генерального барона Гого ла Каляко, его сына Сульмана и его детей и внуков, а также сыновей и внуков Вити и Коли ле Дёрдеско.

Я призываю также к родственным отношениям и тех, кто имеет родственную нить с табэром сапоррони по материнской линии. Это прежде всего внуки и правнуки Гого ла Каляко, чьи дочери были Армянка, Крижма и Пэпуша. Это и люди из племени дукони и рувони, которые доводятся нам родственниками по бабушке Лизе или, как ее называли, Мачеха. Она сестра Гого, Букуро и Гирицы ле Русалиноске и ла Калякэ, была замужем за Гого ле Ристаско племени рувони, а после гибели Гого от военизированной охраны почты она вышла замуж за Ристу ле Дукаско из племени дукони.

Я призываю людей табэра сапоррони более старшего поколения: не оставляйте свой род в таком положении, знакомьте детей своих и внуков с братьями по крови. Пусть они знают своих родственников. Пусть наши дети будут стремиться друг к другу и не будут стесняться этой тяги. Даже живя в разлуке по разным городам, мы не должны терять отношения. Такие же призывы хочу обратить и к другим племенам всех родов. Да, сегодня жизнь очень тяжелая, не такая радостная и веселая, как была в прошлые годы XX века. И именно поэтому мы должны сплотиться так, как делали это наши деды. Не будем делиться по родам и племенам между собой, а прислушаемся к братскому русскому народу, для которого мы все — единая нация, именуемая «цыгане». А когда мы будем едины, нам будет намного легче жить — не материально, а морально. А моральная часть нашей жизни гораздо выше материальной. Эта книга — первая в моей жизни, и может быть, мои слова кому-то покажутся

банальными и смешными. Но прежде чем ставить оценку за мое сочинение, прокрутите свою жизнь в обратном направлении и проанализируйте: все ли так гладко и безошибочно прошло до сегодняшнего дня. Думаю, что нет — человеку свойственно ошибаться. Другое дело, что не каждый захочет найти ошибки в своих действиях.

Напоследок хочу пожелать вам, всем моим читателям всех национальностей и родов, быть человечными, соблюдать хладнокровие, не пороть горячку, уважать старших, не поддаваться на провокации жизни, жить не так, как можно, а как нужно по совести. Так что, те авен бахтале, са э лумя пе кадя пхув. На русском это звучит так: оставайтесь с богом, будьте счастливы, все люди на земле!

*Я, автор книги, внук Григория и сын Ристы, со своей семьей.
Справа налево: моя дочь Анжела; я, глава семьи Муриша; моя
жена Елза; моя сноха Лина.
Второй ряд слева направо: старший сын Букуро
(Бумбараи); младший сын Арсен.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. ДЕД ГРИГОРИЙ...	5
Рождение человека...	6
Разлука с матерью...	7
Напутствие дяди Гого...	9
Истоки рода сапоррони...	10
Женитьба Григория...	10
Рождение сына...	13
Донос...	14
Весть о смерти сына. Устами ребенка...	18
Освобождение переносится...	20
Неравный бой. Вета...	21
Прощай, Машка!...	23
Погребенные заживо...	24
Их жизнь в яйце...	25
Известие хуже войны...	27
Сашок...	29
Брат убил брата...	32
Встать, суд идет!...	33
Диагноз — тиф...	35
Вещий сон...	36
Позабыт, позаброшен...	37
Плата за глупость...	38
Долгожданное освобождение...	39
Преступление и наказание...	42
За державу обидно...	43
Возвращение Григория...	45
Из двух зол......	46
Пэпуша...	47
Призвание к руководству...	49
Любви все возрасты покорны...	52
Сватовство...	55
Драка у павильона...	61

Роковая случайность•••	63
Футбол со смертельным исходом•••	64
Восставшие из мертвых•••	66
Смерть Коканы•••	69
Риста•••	70
Разборка из-за телевизора•••	72
Христос воскрес!•••	73
Тяга к земледелию•••	75
Брат не брат, а родину не продам!•••	77
Дружба, дружбой, а табачок врозь•••	79
Костюмчик надо обмыть•••	80
Яблоко от яблони недалеко падает•••	82
Смерть Брэтьюно•••	82
Петров день•••	84
Старики-разбойники•••	84
Неравный бой•••	87
Незванный гость хуже татарина•••	88
Чертенюк Гэля•••	89
Дружеское предсказание•••	90
Мечтать не вредно•••	91
Не в лоб, так по лбу•••	92
После грозы выходит радуга•••	93
Путевка в жизнь•••	94
Вид из окна директора завода•••	97
Караул, невесту украли!•••	98
Бить или не бить, вот в чем вопрос?•••	99
Суд пришел к консенсусу•••	100
Полный штиль•••	101
Поиск лучшей жизни•••	103
Освоение новой земли•••	104
Ночные концерты•••	105
Первая получка•••	108
Ночные призраки•••	110
Мой дом — пекарня•••	111
В день выборов под мотоцикл•••	112

Признаю свою ошибку! Лежачего не бьют•••	114
Казнить нельзя, помиловать•••	115
Бес попутал•••	117
Забор с препятствиями•••	119
Не на год, не на два, а навсегда•••	119
Сватовство•••	120
Казьма мне друг, но истина дороже•••	122
Отказ•••	123
Смерть Ёшки•••	124
Нашествие родни•••	126
Плата за добро•••	126
Утрата свата•••	128
По разные стороны баррикад•••	128
Пришельцы•••	129
Гром среди ясного неба•••	131
Решение принято•••	132
Свадьба дочери•••	134
Последний отъезд Володи•••	136
А до смерти четыре шага•••	136
Жить по совести•••	138
Смешные рассказы Лены•••	139
Последняя осень 1975 года•••	140
Свадьба внучки Белочки•••	141
Розыгрыш•••	142
Не успел, а мог бы•••	146
Воскресенье•••	146
Гром среди ясного неба•••	147
Что имеем, не храним, потерявши плачем•••	149
Семь раз отмерь, один раз отрежь•••	150
Братья и сестры Григория•••	153
Часть 2. РИСТА•••	157
Смерть отца•••	159
Смех сквозь слезы•••	160
Сразу после сорока дней•••	163

Пять минус два•••	166
Дорога дала, дорога и отняла•••	169
Беда парой приходит•••	178
Рассказы Греко•••	180
Неиспытанное чувство•••	185
Семейство Савки•••	189
Рождение сына•••	193
Кто в доме хозяин•••	197
Из провинции в столицу•••	199
ЦРУ. Цыганское разведывательное управление•••	201
Бочка пива, и делу конец•••	205
Отпускной банкет•••	208
Без объявления войны•••	217
Умираю, но не сдаюсь•••	220
Встречают все же по одежке•••	221
Чем проще, тем лучше•••	225
Бизнесмены 21 века: котляры, но не дукони•••	228
Брызги шампанского•••	231
Пирком-ладком, да за свадебку•••	235
Встреча с кумирами•••	236
Морозко — это не сказка, а быль•••	240
Солгав во имя блага•••	243
Рождение первенца•••	246
Мудрость неграмотного цыгана•••	247
Нашего полку прибыло•••	248
Автомобильная лихорадка•••	250
Радости жизни•••	251
Мой друг в поход собрался•••	252
Играй отходную•••	256
Толмач-немчин цыганского рода•••	260
Пьянству бой, мир веселью•••	262
Взлет с Л.П. Коклюшкиной•••	265
Полет на Луну•••	266
Не во сне, а наяву•••	267
Секретное оружие ансамбля «Бахтори»•••	269

Семейство Лаци, но не футболисты•••	277
Битый небитого везет•••	279
Розыгрыш•••	281
Мой дядя самых честных правил •••	285
Перестройка. Плюс — это вопрос•••	286
Пить в меру•••	290
Бунт на корабле•••	292
Пересмотр цыганской конституции•••	295
Постарели мои старики•••	298
Счастливые сигарет не считают•••	304
Вояко — это не профессия, а имя•••	306
Красота — это большая сила•••	308
Один желтый, другой черный, ой ты, Вова-Вова•••	309
У страха глаза большие. Цыганский патруль•••	310
Зеленый огонек•••	312
После грозы восходит радуга•••	315
Человек предполагает, а бог располагает•••	316
Семейство свата Вити•••	318
Увидеть Тверь и умереть•••	328
Пожалуйста, от шеф-повара•••	331
С легким паром•••	335
Дядя Ваня•••	336
Мы с Махорой пели хором•••	340
Большая семья Ристы•••	345
Сам погибай, а друга выручай•••	350
Бубой — это страшно•••	355
Мир сказок•••	356
Сказка о потерянном перстне•••	357
Ложь во имя блага•••	362
Ехал цыган на коне верхом•••	365
Шути, но знай меру •••	366
Человечность нынче не в моде•••	369
Жизненный путь•••	372
Шапка — это не только головной убор, но...•••	375
Муська против Ильи Муромца•••	379

Хитрость не помогла ●●●	381
Сон в руку●●●	385
Рабочее расписание●●●	386
Четыре мушкетера и мать-хохотушка●●●	388
Родные переселенцы●●●	391
Чему быть, того не миновать●●●	392
Бабка, бачок нужен?●●●	394
Выходные — для отдыха●●●	395
Предчувствия меня не обманули●●●	399
Болезнь не красит●●●	402
И журавли кого-то окликают●●●	404
Жизнь преподносила неожиданности●●●	407
Возвращение Будулая●●●	409
Последний праздник Ристы●●●	414
Уход Ристы●●●	415
Новогодние стихи●●●	420
Племена котлярских цыган●●●	422
Обращение к соплеменникам●●●	426

